

История католической церкви от эпохи Возрождения до Французской революции — Том 1

Джеймс Маккэффри

History of the Catholic Church from the
Renaissance to the French Revolution —
Volume 1

James MacCaffrey

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории католической церкви от эпохи Возрождения до Французской революции — Том 1

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История католической церкви от эпохи Возрождения до Французской революции — Том 1

Автор: Джеймс Маккэффри

Дата выхода: 1 ноября 2000 г. [Электронная книга № 2396]
Последнее обновление: 3 апреля 2015 г.

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ОТ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ДО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ" — ТОМ 1 ***

ИСТОРИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

ОТ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ДО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ТОМ I

Преподобным Джеймсом Маккаффри,
Lic. Theol. (Мэйнут), доктор философии (Фрайбургский университет)
Профессор церковной истории, Колледж Святого Патрика, Мэйнут

Nihil Obstat:

Томас О'Доннелл, К.М.Н.

Подвергать Теол цензуре. Заместитель.

Imprimi Potest:

Guilielmus,

Archiep. Dublinen.,

Hiberniae Primas.

Dublini, 16 Decembris, 1914.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятнадцатый век можно рассматривать как переходный период от идеалов средневековья к идеалам нового времени. Мир быстро становился все более светским в своих тенденциях, и, как необходимый результат, теории и принципы, которые до тех пор пользовались почти всеобщим признанием в литературе, искусстве, образовании и в правительстве, многими оспаривались как несостоятельные.

Схоластика, которая со времен св. Ансельма и Абеляра монополизировала внимание обеих школ и ученых, была призвана защищать свои претензии от сторонников классической культуры; теократическо-имперская концепция христианского общества, изложенная канонистами и юристами более раннего периода, была отодвинута на задний план появлением национализма и индивидуализма, которые к этому времени стали факторами, с которыми приходилось считаться церковным и гражданским правителям; феодальная система, получившая смертельный удар из-за смешения классов. и массам в эпоху крестовых походов угрожало сверху движение к централизации и абсолютизму, а снизу растущее недовольство крестьянства и ремесленников, которые начали осознавать, но пока лишь смутно, свою собственную силу. В каждом департаменте шла битва за превосходство между старым и новым, и печатный станок был под рукой, чтобы покровители того и другого могли формировать мысли и мнения христианского мира.

Следовательно, это была эпоха волнений и большой интеллектуальной активности, и во все такие времена претензии Церкви как хранительницы и толковательницы Божественного Откровения, несомненно, подвергались сомнению. Не потому, что Церкви нужно бояться расследования или что требования веры и разума несовместимы, а потому, что всегда следует считаться с некоторыми смелыми духами, которые, ошибочно принимая гипотезы за факты, преуспевают в убеждении себя и своих последователей, что те, кто стоит у власти, не прогрессируют и как таковые заслуживают презрения.

Это было особенно верно в отношении некоторых гуманистов. На первый взгляд, действительно, трудно понять, почему возрождение классического образования должно привести к опасности отказа от христианского Откровения, учитывая высокую оценку великих литературных произведений Греции и Рима и то, что даже в дни Возрождения папы и епископы считались одними из самых щедрых покровителей классического движения. Однако жестокость крайних приверженцев с обеих сторон сделала конфликт почти неизбежным.

С одной стороны, многие энтузиасты классической литературы, не довольствуясь завоеванием для своих любимых занятий важнее места в школьных программах, были полны решимости навязать христианскому телу идеалы, культуру и мировоззрение, которые нашли свое лучшее выражение в шедеврах языческой литературы; в то время как, с другой стороны, немало поборников схоластической философии, казалось, убедили себя в том, что схоластика и христианство отождествляются настолько тесно, что неприятие или критика первого должна подразумевать нелояльность ко второму. Гуманисты насмехались над схоластами и называли их мракобесами из-за их варварской латиноамериканскости, их некритичных методов и бессмысленных пререканий; схоласты в ответ называли своих оппонентов язычниками или, по крайней мере, еретиками. Таким образом, на арену были выдвинуты требования религии, и, поскольку ни крайние схоласты, ни крайние гуманисты не научились проводить различие между догмами и системами, между тем, что существенно, и тем, что носит предварительный

характер, возникла серьезная опасность того, что религия пострадает в глазах образованных людей из-за грубых методов тех, кто утверждал, что является ее авторитетными представителями.

Несомненно, в такой беспокойный период Церковь вряд ли могла рассчитывать избежать нападения. Никогда с тех пор, как ей пришлось защищать свою позицию от объединенных сил языческого мира, она не сталкивалась с таким серьезным кризисом, и редко, если вообще когда-либо, она была так плохо подготовлена к противостоянию натиску своих врагов. Резиденция в Авиньоне, Великий Западный раскол и соборные теории, которые породил Раскол, ослабили власть папства в то самое время, когда узы религиозного единства были натянуты почти до предела из-за роста национальной ревности. Отчасти из-за общей тенденции эпохи к упадку, но главным образом из-за вмешательства светских властей в церковные назначения, серьезные злоупотребления проявились почти во всех сферах церковной жизни, и крик о реформе непрощенно сорвался с уст тысяч людей, которые и не помышляли о революции. Но различие между божественным и человеческим началом в Церкви не всеми было оценено по достоинству, в результате чего большая часть христиан, испытывающих отвращение к недостойности некоторых из своих пасторов, были вполне готовы подняться на восстание всякий раз, когда появлялся лидер, чтобы протрубить боевой клич.

Им также не пришлось долго ждать, пока в Германии не появится человек, который соберет силы недовольства и поведет их против Римской церкви. Хотя в своем личном поведении Лютер был далек от того, что люди могли бы разумно ожидать от самопровозглашенного реформатора, все же во многих отношениях он обладал исключительными качествами для той роли, которую был призван сыграть. Наделенный огромной физической силой, одаренный изумительной памятью и совершенным владением немецким языком, столь же вдохновляющий за кафедрой или на помосте, как и своим пером, невзирая на приятные ограничения или даже на правду, когда он хотел сразить противника или вызвать энтузиазм толпы, одинаково чувствующий себя как дома с принцами в гостиной, так и с крестьянами в таверне, - Лютер был идеальным демагогом для того, чтобы возглавить полурелигиозное, полусоциальное восстание. Он остро понимал тенденции эпохи и мысли, которые проносились в умах людей, и обладал достаточными организаторскими способностями, чтобы знать, как направить различные действующие силы в одно русло. Хотя по сути поднятый им вопрос был религиозным, все же примечательно, какую малую роль религия сыграла в решении исхода борьбы. Всемирная зависть к Дому Габсбургов, опасность турецкого вторжения, затяжная борьба между Францией и Империей за господство в Европе и за провинции на левом берегу Рейна и эгоистичная политика немецких князей способствовали его успеху гораздо больше, чем вопрос оправдания или принцип частного суждения. Без сомнения, в Германии, Швейцарии, Англии, Нидерландах и скандинавских странах Реформация была скорее политическим, чем религиозным движением.

Фундаментальным принципом новой религии был принцип частного суждения, и все же такому принципу не нашлось места в вопросах, поднятых Лютером в самом начале. Только когда он столкнулся с постановлениями предыдущих соборов, с традицией Церкви, содержащейся в трудах Отцов Церкви, и с авторитетными заявлениями Святого Престола, все из которых находились в прямом противоречии с его теориями, он почувствовал себя обязанным, хотя и неохотно, отказаться от принципа авторитета в пользу принципа частного суждения. По правде говоря, это был единственный возможный способ, которым он мог надеяться защитить свои

новшества, и, кроме того, это имело дополнительное преимущество в том, что соответствовало растущему духу индивидуализма, который был так характерен для того времени.

Его вторым великим нововведением в том, что касалось божественного устройства Церкви, и тем, которое в конечном итоге обеспечило успех его революции, была теория королевского превосходства, или признания временного правителя источником духовной юрисдикции. Но даже это было более или менее запоздалой мыслью. Лютер был увлеченным исследователем современной политики, и он заметил, что действуют два великих влияния: одно - под покровительством монархов в пользу абсолютного правления, другое - при поддержке масс в пользу неограниченной свободы. Он с самого начала понял, что только объединив свою религиозную программу с тем или иным из этих двух движений, он мог иметь хоть какую-то надежду на успех. Сначала, впечатленный силой народной партии, проявившейся в сети тайных обществ, распространившихся тогда по всей Германии, и революционным настроением безземельных дворян, которые были готовы повести за собой крестьян, он решил поднять крик о гражданской и религиозной свободе и поднять массы против принцев и королей, а также против их епископов и папы Римского. Но вскоре успех немецких князей в крестьянской войне дал ему понять, что союз религиозной и социальной революции чреват опасными последствиями; и он сразу же впал в другую крайность.

Постепенное ослабление феодальной системы, которая служила сдерживающим фактором для авторитета правителей, и пробуждение национального самосознания подготовили почву для политики централизации. Франция, которая раньше состояла из множества почти независимых провинций, была объединена в единое королевство; аналогичное изменение произошло в Испании после объединения Кастилии и Арагона и падения мавританской державы в Гранаде. В Англии исчезновение знати во время войн Алой и Белой розы привело к установлению господства Тюдоров. В результате этой централизации короли Франции, Испании и Англии, а также суверенные князья Германии получили значительное усиление власти и решили стать абсолютными хозяевами в своих собственных владениях.

Бросив несчастных крестьян, которых его писания привели на бойню, Лютер решил дать понять, что его религиозная политика находится в полной гармонии с политическим абсолютизмом, к которому стремились светские правители. С этой целью он выдвинул принцип королевского верховенства, согласно которому король или принц должен был быть признан главой церкви на своих собственных территориях и источником всей духовной юрисдикции. Поступая таким образом, он добился двух очень важных результатов. В аппарате гражданского правительства у него под рукой было ядро новой церковной организации, формирование которой было его самой большой заботой; и, кроме того, он завоевал для своего нового движения симпатию и активную поддержку гражданских правителей, которым мысль о том, чтобы стать полными хозяевами церковного покровительства и богатства Церкви, открывала самые радужные перспективы. В Германии, Англии и в северных странах Европы именно принцип королевского верховенства в конечном итоге склонил чашу весов в пользу новой религии, и в то же время это привело к установлению абсолютизма как в теории, так и на практике. Из признания суверена верховным хозяином как в Церкви, так и в государстве необходимым следствием явилась теория божественных прав королей в том виде, в каком она понимается в наше время. Больше не было никакой возможности предлагать ограничения или поощрять бунт. Король на своей собственной территории унаследовал все права и привилегии, которые, согласно божественному уставу Церкви, принадлежали папе.

Такое развитие событий в протестантских странах не могло не оказать своего воздействия даже на католических правителей, которые оставались верными Церкви. Они начали стремиться сочетать, насколько это было возможно, протестантскую теорию церковного управления с послушанием Папе, взяв в свои руки управление церковными делами, сделав епископов и духовенство государственными чиновниками и оставив папе только главенство чести. Эта политика, известная под разными названиями галликанизма во Франции и февронианства и иосифизма в Империи, неизбежно привела к конфликтам между Римом и католическими монархами Европы, конфликтам, в которых, к сожалению, многие епископы, находясь под влиянием ошибочных представлений о лояльности и патриотизме, встали на сторону своих собственных монархов. В результате по всей Европе было установлено абсолютное правление; права народа на любой голос в правительстве были попорчены, и правила стали более деспотичными, чем были старые римские императоры даже в их двойном качестве гражданского правителя и верховного жреца.

Между тем принцип частного суждения произвел свои логические эффекты. Многие последователи Лютера еще при его жизни были вынуждены отвергнуть доктрины, принятые их учителем, но после его смерти, когда влияние Традиции и авторитета ослабло, лютеранство превратилось в догматический хаос. Применяя принцип частного суждения, некоторые лидеры начали подвергать сомнению не только отдельные доктрины, но даже сами основы христианства, и за короткое время атеизм и натурализм были признаны отличительными чертами образования и хорошего воспитания.

Гражданские правители даже в католических странах не предпринимали особо активных шагов по пресечению деятельности антихристианских писателей и философов, отчасти потому, что они сами были подвержены влиянию духа безбожия, а отчасти также потому, что им не было жаль видеть, как народное негодование отвлекается от их собственных эксцессов, будучи направленным против Церкви. Но через короткое время они поняли, когда было уже слишком поздно, что свержение религиозной власти влечет за собой, как правило, и свержение гражданской власти, и что попытка объединить два принципа частного суждения и королевского верховенства неизбежно должна привести к революции.

* * * * *

Я хочу выразить свою искреннюю благодарность многим друзьям, которые помогали мне, и особенно преподобному Томасу О'Доннеллу, к.м.н., президенту Колледжа Всех Святых. Я также выражаю особую благодарность преподобному Патрику О'Нилу (Лимерик), который избавил меня от многих забот, взяв на себя трудную задачу составления Указателя.

Джеймс Маккэффри.

Колледж Святого Патрика, Мэйнут,
Праздник Непорочного Зачатия.

ИСТОРИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

От эпохи Возрождения до
Французской революции

ГЛАВА I

ПРИЧИНЫ РЕФОРМАЦИИ

а) эпоха Возрождения.

Бодрийяр, /Католическая церковь, возрождение и протестантизм (Tr.) /, 1908 (главы i.-iii.). Гирап, /Взгляд и истоки Возрождения /, 1902. Burckhardt, /Die Cultur der Renaissance in Italien/, 11 auf., 1913 (Eng. Перевод. Мидлмором, 1878). A Baumgartner, S.J., /Geschichte der Weltliteratur/, vol. iv., 1900. /Кембриджская современная история /, том i. (/ Возрождение/, 1902). Стоун, /Реформация и Возрождение /, 1904. Janssen, /Geschichte des deutschen Volkes/, 1887 (Eng. Пер. by Mitchell and Christie, London, 1896 sqq.). Pastor, /Geschichte der Papste im Zeitalter der Renaissance/, Freiburg, 1886 sqq. (Англ. Пер. by Antrobus, London, 1891 sqq.). Muntz, /La Renaissance en Italie et en France a l'epoque de Charles VIII./, 1885. Гаске, /Канун Реформации/. Mourret, /La Renaissance et la Reforme/, 1912.

Великое интеллектуальное возрождение, последовавшее за успешным завершением борьбы за свободу, которую вели Григорий VII. и его преемники, достигли зенита своей славы в тринадцатом веке. Схоластика, изложенная такими людьми, как Александр Хейлзский, Альберт Великий, Роджер Бэкон, святой Бонавентура и святой Фома, и проиллюстрированная богатым материалом, почерпнутым в равной степени из Священного Писания, трудов Отцов Церкви, мудрости языческих философов и выводов естествознания, единственная была признана заслуживающей серьезного внимания. Классическими исследованиями либо полностью пренебрегали даже в учебных центрах, либо следовали им просто ради помощи, которую они могли оказать в решении философских и теологических проблем, занимавших умы людей в эпоху, когда безраздельно господствовала христианская вера.

Католическая церковь, действительно, никогда не была враждебна к классическим исследованиям и не забывала об их ценности как средства развития способностей человеческого разума и обеспечения широты взглядов и красоты выражения. Некоторые учителя, встревоженные опасностью развращения христианской молодежи путем приобщения ее к языческим идеалам, подняли свой голос протеста, но большинство первых Отцов Церкви проигнорировали эти предупреждения как вредные и ненужные. Ориген, святой Климент Александрийский, святой Григорий Назианзинский, святой Василий и святой Иероним, не игнорируя опасности подобных занятий, горячо рекомендовали их своим ученикам, и в духе этих великих лидеров католическая церковь всегда стремилась сочетать классическую культуру и христианское образование.

С падением империи, последовавшим за ее вторжением варварских орд, классические исследования были в некоторой степени изгнаны на Западные острова, Ирландию и Британию, откуда они были перенесены на Континент главным образом во время возрождения династии Карловингов.[1] В кафедральных, коллегиальных и монашеских школах по-прежнему культивировалась классика, хотя, без сомнения, сборники использовались чаще, чем

оригинальные произведения; и даже в самые мрачные дни средневековья можно было найти некоторых выдающихся священнослужителей, хорошо разбиравшихся, по крайней мере, в языке и литературе Рима. Какое-то время казалось, что интеллектуальное возрождение двенадцатого века должно было обратиться к классике; но примеру таких людей, как Джон Солсберийский, в целом не последовали, и движение быстро развивалось в направлении философии. Как следствие, изучением латыни пренебрегли или отодвинули на второй план в школах, в то время как изучение греческого языка практически исчезло из Западной Европы. Схоласты, больше озабоченные логической последовательностью своих аргументов, чем красотой литературного выражения, изобрели для себя новый диалект, который, каким бы убедительным он ни был сам по себе, должен был показаться варварским любому, кто знаком с произведениями золотого века римской литературы или даже с трудами первых Отцов Латинской Церкви. И дело было не только в языке, которым пренебрегали. Памятники и мемориалы более ранней цивилизации были оставлены без внимания, и даже в самом Риме, Городе пап, вандализм невежд вызвал ужасный хаос.

Столь полный отказ от сил, сыгравших такую роль в развитии мировой цивилизации, несомненно, вызвал бы реакцию. Схоластика не могла вечно удерживать эту область, исключая другие отрасли науки, особенно потому, что в менее компетентных руках ее более поздних толкователей она выродилась в пустой формализм. Преемники святого Фомы и святого Бонавентуры не отличались оригинальностью, почти универсальными знаниями и способностью к изложению, и в результате ученики устали от бесконечных школьных пререканий и обратили свое внимание на другие интеллектуальные занятия.

Кроме того, представления людей о политике, общественном строе и религии быстро менялись, и, одним словом, все мировоззрение претерпевало стремительную трансформацию. В средние века религия занимала доминирующее положение и была руководящим принципом в морали, образовании, литературе и искусстве; но по мере того, как вера многих начала остывать и по мере того, как стали различаться права Церкви и государства, секуляристские тенденции вскоре дали о себе знать. Философия и теология больше не должны были занимать все интеллектуальное поле, и должны были быть найдены другие предметы для исследования. В этих обстоятельствах что было более естественным, чем то, что некоторые выступали за возвращение к классике и всему, что она воплощала? Опять же, пример, поданный тиранами, захватившими бразды правления в итальянских государствах, такими людьми, как Аньелло из Пизы, Висконти и Франческо Сфорца из Милана, Ферранте из Неаполя и де Медичи из Флоренции, был рассчитан на то, чтобы понизить моральный уровень того периода и способствовать отказу от христианских принципов истины, справедливости и чистоты жизни. Повсюду люди становились все более зависимыми от погони за чувственными удовольствиями, тщеславной славой и материальным комфортом; и плохо переносили господствующие идеи Средневековья о сверхъестественном предназначении человека, самоотречении, смирении, терпении и презрении к вещам, которые служат лишь временному счастью человека. С такими взглядами, витавшими в воздухе, было нетрудно убедить их обратиться к великим литературным шедеврам языческого Рима, где они, вероятно, нашли бы принципы и идеалы, более соответствующие их вкусам, чем те, которые установила перед ними католическая церковь.

Таким образом, тринадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый века знаменуют собой переходный период от средневековья к современности. Они видели острую борьбу между двумя идеалами в политике, образовании, литературе, религии и морали. В этом великом перевороте, который

характеризовался требованием неограниченной свободы исследования, возвращением к изучению природы и естественных наук, подъемом и развитием национальных литератур и появлением новой школы искусства, гуманистическое движение или возрождение изучения классики, / *literae humaniores*/, сыграло фундаментальную роль. Во многих смыслах эту эпоху можно назвать Эпохой Возрождения.

Не случайно и то, что это возрождение интереса к классическим исследованиям впервые дало о себе знать в Италии, где падение Империи и последующее развитие мелких государств, по-видимому, оказали магическое влияние на интеллектуальное развитие народа. Итальянцы были прямыми наследниками славы древнего Рима. Даже в дни их упадка, когда столица, покинутая папами, быстро приходила в упадок, и когда иностранцы и местные тираны боролись за обладание своими прекраснейшими территориями, память об императорской власти в их стране и разрушающиеся памятники, свидетельствующие об этом, все еще стоящие среди них, помогали обратить их патриотический пыл к великим литературным сокровищам, завещанным им языческим Римом. Греческая литература тоже не была забыта, хотя в XIII веке лишь немногие западные ученые были знакомы с этим языком. Однако многие причины, объединившись, подготовили почву для возрождения греческого языка. Торговые города Италии поддерживали тесные контакты с Восточной империей, особенно со времен Крестовых походов; послы, отправленные императорами просить помощи у папы Римского и западных правителей в борьбе против турок, переходили от двора ко двору; переговоры о воссоединении Церквей, которые велись со времен первого Лионского собора, сделали знание греческого языка и трудов греческих отцов Церкви необходимым для некоторых ведущих священнослужителей Запада; в то время как, наконец, падение Константинополя в 1453 году вынудило многих греческих ученых искать помощи у Папы Римского и западных правителей в борьбе против турок. убежище в Италии или Франции и предоставило агентам, посланным папами и итальянскими правителями, великолепную возможность заполучить бесценные сокровища для западных библиотек.

Хотя Данте (1265-1321) иногда считают самым ранним представителем гуманистической школы [2] из-за его откровенного восхищения некоторыми языческими мастерами и смешения в его "Божественной комедии" красот римской литературы с учением Отцов Церкви и схоластов, тем не менее, дух, который вдохновлял его, был духом христианства, а его взгляд на жизнь, откровенно говоря, был взглядом средневековья. Петрарке (1304-74) скорее принадлежит честь быть самым выдающимся, если не самым первым писателем, на чьи произведения в значительной степени повлияли гуманистические идеалы. Родившийся в Ареццо в 1304 году, он сопровождал своего отца в Авиньон, когда последний был изгнан из Флоренции. Его друзья хотели, чтобы он изучал юриспруденцию; но, поскольку его поэтические наклонности оказались слишком сильны для него, он оставил свои профессиональные занятия, чтобы посвятить свою энергию литературе. Покровительство и помощь, охотно оказанные ему авиньонскими папами [3] и другими священнослужителями, предоставили ему средства для продолжения его любимых занятий и значительно помогли ему в поисках рукописей классиков. Хотя он был всего лишь священнослужителем второстепенных орденов, он был назначен каноником Ломбеца (1335), папским послом в Неаполе (1343), апостольским протонотарием (1346) и архидиаконом Пармы (1348). Эти должности обеспечивали ему приличный доход и, в то же время, сблизили его с библиотеками и влиятельными людьми.

Разорение Италии и Рима, вызванное в значительной степени отсутствием пап во время их пребывания в Авиньоне, пробудило все патриотические инстинкты Петрарки и побудило его из

всех сил бороться за восстановление древней славы своей страны. Поэтому в своей политике он был убежденным националистом, и поэтому же он перенес всю тяжесть своего влияния на сторону Кола ди Риенци, когда в 1347 году последний провозгласил с трибуны Капитолия установление Римской республики. Он также не колебался нападать на пап, которым был так глубоко обязан, за их пренебрежение Римом и Папской областью, а также за то зло, которое, по его мнению, обрушилось на Италию из-за ухода пап в Авиньон. Сам он стремился пробудить в умах своих соотечественников воспоминания о прошлом, создавая коллекции древнеримских монет, восстанавливая или защищая, где это было возможно, языческие памятники, а также разыскивая и копируя рукописи классических авторов. В поэзии Вергилий был его любимым наставником. Как правило, он писал на итальянском, но его произведения были пропитаны духом ранних языческих авторов; в то время как в своем стремлении к славе и любви к естественной, чувственной красоте он проявлял тенденции, прямо противоположные самоограничению, символизму и чистоте средневековья. Его самое длинное стихотворение - "Африка", посвященное воссозданию славы древнего Рима и дышащее духом патриотизма и рвения к давно утраченной культуре, но больше всего его помнят скорее за его песни о любви "канцони".

Петрарка, хотя и был гуманистом, [4] не был врагом христианской религии и ни на минуту не предполагал, что изучение языческой классики может оказаться хоть в малейшей степени опасным для богооткровенной религии. Верно, что его личная жизнь не всегда соответствовала христианским принципам морали, и столь же верно, что временами его патриотизм заставлял его резко отзываться о правлении пап в Италии и Риме; но он никогда не колебался в своих религиозных убеждениях и никогда не признавал, что языческую литературу и идеалы следует оценивать по иным стандартам, чем нынешние христианские.

Однако некоторые из более поздних гуманистов не последовали примеру Петрарки. Его друг и ученик Боккаччо (1313-1375) подражал своему учителю в его любви к классике и в его рвении к классической культуре и превзошел его, приобретя то, чего совершенно не смог достичь Петрарка, - хорошее знание греческого языка. Как и Петрарке, ему в значительной степени помогали папы, и он поступил на службу при папском дворе. Но его взгляды на жизнь и мораль были окрашены язычеством, а не христианством. Многие из его второстепенных стихотворений пропитаны непристойностью и безнравственностью и слишком ясно отражают склонность к предательству и лжи, столь характерную для итальянских правителей его времени; в то время как "Декамерон", его величайшее произведение, больше похоже на произведение языческого писателя, чем на человека, знакомого с христианской этикой и идеалами. Ему доставляло удовольствие высмеивать духовенство, особенно монахов, обвиняя их в невежестве, безнравственности и лицемерии. Такая линия поведения вряд ли могла рекомендовать апостолов нового учения поклонникам схоластики или создать и укреплять дружеский союз между двумя лагерями. Тем не менее, лично Боккаччо не был врагом христианства и никогда не стремился, как это делали некоторые из более поздних гуманистов, возродить язычество под видом пропаганды литературы. Он был непоколебим в своем принятии христианского откровения, и с годами начал осознавать порочность своих поступков и опасный характер своих писаний. Как ни странно, именно группе монахов, на которых он с удовольствием нападал, он завещал ценную библиотеку, собранную им с таким трудом.

Если бы гуманисты ограничились пропагандой простого возврата к классическим исследованиям, а схоласты признали, что философия - не единственный путь к культуре,

возможно, удалось бы избежать конфликта. Но, к несчастью для религии, экстремисты были с обеих сторон. С одной стороны, некоторые из более поздних гуманистов, в значительной степени находившиеся под влиянием низкого морального уровня той эпохи, стремились ни к чему иному, как к возрождению язычества в чистом виде; в то время как, с другой стороны, немало схоластов решительно настаивали на том, что языческой литературе, какой бы совершенной она ни была, не должно быть места в христианском образовании. Между этими двумя конфликтующими сторонами стояла большая группа образованных людей, как мирян, так и священнослужителей, которые не видели непримиримой оппозиции между христианством и изучением классики и которые стремились установить гармонию, отводя классике то место в образовании, которое многие Отцы Церкви охотно отводили ей.

Но влияние этого последнего органа не могло привести к примирению. Значительная часть гуманистов открыто отстаивала для себя свободу от интеллектуальных и моральных ограничений, налагаемых христианством. Лаврентий Валла [5] (1405-57) в своем труде "О сладострастии" отстаивал свободное потворство всем видам чувственных удовольствий, критиковал девственность как преступление против рода человеческого и высмеивал идею воздержания и самоотречения, в то время как в своей собственной жизни он показал себя верным последователем эпикурейства, которое он выдвигал в своих трудах. Его обличения пап как тиранов-узурпаторов Рима в его работе о пожертвовании Константину, вероятно, также нанесли серьезный ущерб главе Церкви как в духовном, так и в мирском качестве. Но какими бы плохими ни были сочинения Валлы, они были безвредны по сравнению с книгами и брошюрами панормита Беккаделли, который посвятил себя почти исключительно тому, что было неприличным и отталкивающим. Поджо Браччиолини в его работах "Facetiae" и "Filelfo", хотя и не одинаково плохи, принадлежат к одной категории. В руках этих людей Возрождение в значительной степени превратилось в прославление языческой безнравственности. Их книги были осуждены многими религиозными орденами, но безрезультатно. Их читали и наслаждались ими тысячи людей, у которых повальная коррупция, царящая во Флоренции, Сиене и Венеции, притупила всякое чувство морали.

Многие представители школы позднего Возрождения были христианами только номинально. Если бы о большинстве из них судили по языческим образам и фразеологии, которыми изобилуют их произведения, их вряд ли можно было бы оправдать за языческие тенденции; но в случае многих из них эти излишества следует отнести скорее к педантизму, чем к отступничеству от веры. Однако в случае с другими, хотя они были осторожны в выражениях, опасаясь потерять свое положение, христианское учение, похоже, утратило свою власть над их умами и сердцами. Карло Марсуппини, канцлер Флоренции, Гемистос Плетон, известный представитель платоновской философии, Марсилио Фичино, Ринальдо дельи Альбицци и члены Римской академии (1460) под руководством Помпония Летуса были откровенными язычниками в своей жизни и трудах. Если бы люди, стоящие у власти в Италии, были менее развращены, такое учение и пример были бы жестко подавлены; или если бы подавляющее большинство людей были менее тверды в своей приверженности христианству, неоязычество с триумфом поднялось бы из религиозного хаоса.[6]

Но не все гуманисты принадлежали к школе Валлы, Беккаделли, Поджо и Марсуппини. Камальдольский монах Амброджо Траверсари, его ученик Джанноццо Манетти (1431-59), мирянин, полностью преданный Церкви, и первый из гуманистов, обративший свое внимание на восточные языки, Лионардо Бруни, столь долгий апостольский секретарь при папском

дворе, а затем канцлер Флоренции, Маффео Вегио (1407-58), римский археолог, который в своей работе по образованию пытался объединить классическую культуру с христианским откровением, Витторино да Фельтре, образец в своей жизни и методах для христианских учителей, Пико делла Мирандола, Садолето и Бида были выдающимися деятелями классического возрождения, но в то же время полностью преданы Церкви. Они были умеренными людьми между языческими гуманистами и крайними схоластами. Их целью было способствовать обучению и образованности, а также расширить область знаний путем ознакомления с древними литературными шедеврами, но не за счет отказа от христианства, а под эгидой и в поддержку Католической церкви. Следуя по стопам Оригена, святого Григория, святого Василия и святого Августина, они умели восхищаться красотами языческой литературы, не принимая ее духа или идеалов, и поэтому их называли христианскими гуманистами.

Возрождение греческого языка в Италии, где греческая литература была практически неизвестна, во многом связано с прибытием греческих ученых, которых побудили приехать обещания жалованья и должности, или которые приехали туда с политическими или церковными миссиями. Из них главными были Мануэль Крузолорас, работавший во Флоренции с 1396 года, кардинал Бессарион (1403? -72), который приехал на запад по делам Флорентийского собора и закончил свои дни в Венеции, которой он завещал свою библиотеку, Гемистос Плетон (1355-1450), главный участник создания платоновской академии во Флоренции, Георгий Трапезундский, Теодор Газа, Ласкарис, Андроник Каллист и другие, бежавшие из Греции, спасаясь от турецкого владычества. С помощью этих людей и их учеников знания греческого языка и греческой литературы распространились по Италии, а за короткое время и по всему Континенту. Повсюду начали формироваться коллекции греческих рукописей; агенты направлялись на Восток, чтобы покупать их везде, где их можно было обнаружить, а переписчики и переводчики были заняты работой во всех ведущих центрах Италии. Падение Константинополя в 1453 году, как правило, способствовало греческому возрождению на Западе, поскольку ученые и рукописи были рассеяны по Италии, Франции и Германии.

Гуманизм обязан своим быстрым развитием в Италии на самом деле не университетам, поскольку университеты, полностью приверженные схоластическим принципам образования, в целом были настроены враждебно, а скорее усилиям странствующих учителей и щедрой поддержке могущественных покровителей. В Риме именно папы выделяли средства на поддержку ученых-гуманистов, на сбор и копирование рукописей, а также на строительство библиотек, где великие литературные сокровища Греции и Рима могли быть доступны широкой публике; во Флоренции это были Медичи, особенно Космо (1429-64) и Лоренцо Великолепный (1449-92), усилиями которых Флоренция стала крупнейшим центром литературной деятельности в Европе; в Милане это были Висконти и Сфорца; в Урбино герцог Федерико и его друзья; а в Ферраре и Мантуя - семьи д'Эсте и Гонзага. Академии заняли место университетов. Из них Флорентийская академия, поддерживаемая Медичи и пользующаяся покровительством ведущих греческих и итальянских ученых, была, безусловно, самой влиятельной и широко известной. Римская академия, основанная (1460) Помпонием Лаэтом, была откровенно языческой по своему тону и как таковая была подавлена Павлом II. Однако он был возрожден и пользовался покровительством Сикста IV, Юлия II и Льва X. Аналогичные учреждения можно было найти в большинстве итальянских государств, особенно в Венеции и Неаполе. Почти во всех этих городах собирались ценные библиотеки рукописей, которые щедро предоставлялись в распоряжение ученых.

Еще одним важным подспорьем к популяризации произведений греческих и латинских писателей стало изобретение книгопечатания и его внедрение в Италии. Первый печатный станок в Италии был установлен в бенедиктинском монастыре Субиако, откуда его перевезли в Рим. Из этого издательства были выпущены издания латинской классики, такие как труды Лактанция, Цезаря, Ливия, Авла Геллия, Вергилия, Лукана, Цицерона и Овидия. Альдо Мануцио, сам увлеченный изучением греческой литературы, поселился в Венеции в 1490 году и основал типографию с намерением выпускать издания основных греческих авторов. Его дом был большим центром для греческих ученых со всех концов Италии, а издательство Aldine Press выпускало недорогие и точные издания греческой классики. Позже, когда Флоренция и Милан были потревожены вторжением Карла VIII во Францию (1483-98), а Неаполь был захвачен испанцами, гуманистическое движение нашло щедрого покровителя в лице Льва X, отпрыска семьи Медичи. Издательство, основанное Львом X., выпускало множество классических текстов до тех пор, пока разграбление города императорскими войсками в 1527 году не нанесло смертельный удар возрождению в Италии.

О том, что не было никакой оппозиции между изучением классики и учением христианства, свидетельствует дружественное отношение папства к гуманистическому движению. Авиньонские папы, Бенедикт XII (1334-42) и Климент VI (1342-52), осыпали Петрарку почестями и вознаграждением и предоставили ему средства для приобретения рукописей и встреч с учеными, которые могли бы ему помочь. Аналогичного отношения к движению придерживался Урбан V. (1362-70). Ведущие ученые-классики, такие как Колуччо, Салютати, Франческо Бруни, Лионардо д'Аретино и др., работали при папском дворе, а апостольская коллегия секретарей стала одним из величайших центров пропаганды гуманизма. Проблемы, обрушившиеся на Церковь во время Великого Западного раскола, отвлекли внимание соперничающих пап от литературных занятий; но как только мир был восстановлен Констанцским собором Мартина V. (1417-31), он собрал вокруг себя в Риме многих из самых способных ученых-классиков и соперничал со своими кардиналами в защите гуманистического движения. Евгений IV (1431-47) был, во всяком случае, более благосклонен, но все же его симпатии не закрывали от него опасных тенденций возрождения, проявленных в книгах таких людей, как Беккаделли.[7]

С избранием Николая V. (1447-55)[8] триумф гуманизма в Риме казался обеспеченным. Новый папа сам был членом этой партии. Будучи преподавателем во Флоренции, он познакомился с великими литераторами того времени и стал страстным изучателем классики, и его энтузиазм ничуть не утратил своего накала, когда он взошел на папский престол. Его целью было сделать Рим интеллектуальной, а также религиозной столицей мира, и с этой целью он пригласил к своему двору самых выдающихся ученых того времени и даровал многим из них, таким как Альбергати, Капраника и Чезарини, сан кардинала. То, что он полностью осознавал преимущества, которые религия могла бы извлечь из возрождения литературы, и что он намеревался воспользоваться услугами гуманистов для защиты христианства, очевидно из работ, на которые он привлек внимание ученых. Тексты Священного Писания, переводы греческих отцов Церкви и подготовка критических исследований о Жизнеописаниях Святых были среди работ, рекомендованных его друзьям-литераторам. В то же время он не объявлял войну менее ортодоксальным представителям гуманистической школы. К таким людям, как Валла, Поджо, Филельфо и Марсуппини, относились дружелюбно и даже благосклонно. Трудно сказать, была ли такая линия поведения продиктована благоразумием и надеждой склонить этих ученых к лучшему пониманию, или же его тревога за успех его собственных литературных замыслов ослепила его в отношении серьезных эксцессов таких лидеров; но, во всяком случае,

это служит доказательством большой свободы, которой пользовались литераторы в этот период даже в самом городе пап.

Чтобы обеспечить Риму самое видное место в возрождении, агенты были отправлены в Грецию, Турцию, Германию, Францию и даже в Швецию и Норвегию для поиска рукописей. Не жалели средств на то, чтобы обеспечить сохранность всего, что можно было приобрести, или на изготовление копий там, где покупка была невозможна. Чтобы сохранить эти сокровища и сделать их доступными для ученых, по приказу Папы была создана библиотека Ватикана. Хотя задолго до этого библиотека пап имела значительное значение, все же из-за огромного количества томов, выпущенных Николаем V. его обычно считают основателем Ватиканской библиотеки. Количество томов, которые она содержала на момент его смерти, по разным оценкам, составляет от одной до девяти тысяч. Были хорошо представлены труды Отцов Церкви, схоластов и канонистов.[9]

После смерти Николая V. языческая сторона гуманистического движения становилась все более и более очевидной. Пий II (1458-64), который, как Эней Сильвий, был хорошо известен как умный писатель гуманистической школы, похоже, как папа с явным подозрением относился к своим бывшим друзьям. Его собственная личная библиотека была заполнена христианскими авторами, и он заботился о том, чтобы оказывать благосклонность только тем ученым-классикам, чьи труды были безупречны. Однако заботы, связанные с его должностью, и продвижение крестового похода, на который он положил свое сердце, помешали ему предпринять необходимые шаги для очищения своего двора, и, в результате, многим членам Коллегии аббревиатуров было позволено остаться на своих должностях, хотя в душе они действительно были язычниками. Павел II. не мог мириться с таким положением дел. Он быстро упразднил Коллегию аббревиатуров, ликвидировал Римскую академию и арестовал двух ее выдающихся лидеров, Помпония Летуса и Платину.

Если Павел II. допустил ошибку в сторону строгости, то некоторые из его преемников впали в другую крайность - в распущенность. Период политических пап, начиная с Сикста IV. до Юлия II (1471-1513), был отмечен серьезным упадком религиозного духа, и нельзя сказать, что политика пап была рассчитана на то, чтобы сдерживать тенденцию к снижению. Их внимание было слишком занято политикой мелких итальянских государств, чтобы позволить им выполнять обязанности, связанные с их высоким положением; и, как следствие, интересами религии пренебрегали. Сикст IV перенял дружеское отношение Николая V. к эпохе Возрождения. Был восстановлен Колледж аббревиатур, Римская академия была признана, а Платина была назначена библиотекарем. Количество рукописей в библиотеке Ватикана увеличилось, было предоставлено более просторное помещение, и ученым были предоставлены все возможности для ознакомления с папской коллекцией. Следовательно, Сикст IV. обычно считается вторым основателем Ватиканской библиотеки.

Революции и войны, вызванные вторжением в Италию французов и испанцев в последние годы пятнадцатого века и в начале шестнадцатого, нанесли серьезный удар по гуманизму во Флоренции, Милане, Венеции и других центрах Италии. Но несчастья этих городов послужили укреплению движения в Риме. Юлий II (1503-13) проявил себя щедрым покровителем литературы и особого вида искусства. Таких людей, как Джулиано да Санджелло, Сансовино, Браманте, Микеланджело и Рафаэль, пригласили в Рим и побудили посвятить свой гений служению религии и славе папства. После смерти Юлия II в 1513 году полный триумф

гуманистического движения в Риме был обеспечен избранием Джованни Медичи, принявшего имя Лео X. (1513-21).[10] Как сын Лоренцо Великолепного, которому Флоренция обязана своей литературной известностью, и как ученик знаменитых гуманистов Полициано и Марсилио Фичино, он был почти по необходимости предан гуманистическому движению. Ученые и художники стекались в Рим со всех сторон, чтобы поприветствовать нового папу и заверить себя в его благосклонности и защите. При новом режиме литературные заслуги были главным требованием к кандидатам, претендующим на высшие церковные почести. Римский университет был реорганизован; поиски рукописей возобновились с новой силой; был основан новый колледж для продвижения греческих исследований в Риме, и были привлечены услуги Ласкариса и Мусуро; и такие художники, как Рафаэль и Браманте, получили всяческое поощрение. Гуманизм, наконец, восторжествовал в Риме, но, к сожалению, его триумф был обеспечен за счет религии. Гуманизму также не суждено было наслаждаться плодами победы в течение длительного периода. Начало Реформации и захват Рима солдатами Карла V. обратили внимание пап на более насущные проблемы.

Движение Возрождения в Германии во многом обусловлено влиянием итальянских ученых и учением Братьев общей жизни в их школе в Девентере.[11] Тесные политические отношения, существующие между германскими государствами и городами Северной Италии, миссия Петрарки при дворе Карла IV., общение немецких и итальянских ученых на соборах в Констанце, Флоренции и Базеле, а также усилия Энея Сильвиуса, впоследствии Пия II., во время его пребывания в должности канцлера Фридриха III., в значительной степени помогли продвинуть изучение классики в Германии, особенно когда изобретение и развитие книгопечатания решило проблему приобретения рукописей. Как и в Италии, гуманизм во многом обязан своим успехом щедрости могущественных покровителей, таких как император Максимилиан I, Фридрих курфюрст Саксонский и его родственник герцог Георг, Иоахим I Бранденбургский и Филипп Пфальцский, епископ Иоанн фон Дальберг Вормсский и архиепископ Альбрехт Майнцский; и как в Италии академии были самым мощным средством распространения классической культуры, так и в Германии ученые общества, такие как "Ренана", основанная епископом Дальбергом, и "Дунабиана" в Вене, были наиболее успешными в области культуры. содействие литературной пропаганде.

Но, в отличие от итальянского, немецкому возрождению в значительной степени способствовали университеты. Базель, Эрфурт, Гейдельбург и Лейпциг безошибочно продемонстрировали свою симпатию к движению, и за короткое время программы университетского обучения почти во всех ведущих центрах были изменены в соответствии с новыми идеями образования. Схоластика была вынуждена уступить место классике и естествознанию. Кельн, единственный в Германии, отказался отказаться от своей старой системы и, хотя и не испытывал недружелюбия к классике, о чем свидетельствует присутствие Ортвина Грациуса в списке профессоров, все же проявил крайнее недоверие к тенденциям некоторых лидеров гуманистов. И все же немецкий гуманизм имел мало общего, если вообще что-либо имел, с вопиющим безбожием и безнравственностью итальянской школы. За одним или двумя исключениями немецкие гуманисты никогда не нападали на богооткровенную религию как таковую, но вместо этого нападали на господствующую систему образования, которую они считали ответственной за широко распространенное невежество и общий упадок религиозного духа. Многие ведущие немецкие ученые были образцовыми в своем моральном облике и своей преданности Церкви, и лишь немногие, даже из тех, кого считали враждебно

настроенными, проявили какую-либо симпатию к Лютеру, когда поняли, что он стремился к восстанию, а не к реформе.

Некоторые из величайших немецких гуманистов отличались от своих итальянских современников еще и тем, что они направили интеллектуальное возрождение в научное русло и подчинили изучение классики математическим и астрономическим исследованиям. Кардинал Николай Кузанский (1400-64), Георг Пурбах из Вены (ум. в 1461), Джон Мюллер из Кенигсберга (1436-76), более известный под своим латинским именем Региомонтанус, и великий церковник и астроном Коперник (1473-1543) принадлежали к этой секции, которая подготовила путь для современных научных разработок. У этих людей религия и наука шли рука об руку.

С чисто литературной стороны самыми известными из немецких гуманистов были Конрад Целтес (1459-1508), самый активный сторонник классического возрождения за Альпами и один из первых немецких поэтов; Пиркеймер (1470-1528), который поначалу надеялся на великие свершения от лютеранского движения, но, осознав его истинную природу, остался верен Церкви; Мутианус Руфус (1471-1526), готский каноник и в то же время известный вольнодумец; Гротус Рубеан (1480-1504), который поначалу благоволил Лютеру; Якоб Вимфелинг (1450-1528) и Йоханнес Тритемиус (1462-1516), ученый историк и аббат Спонхайма; Ульрих фон Хаттен (1488-1523) и Иоганн Рейхлин (1455-1522).

Из них наиболее важными с точки зрения церковной истории являются фон Хаттен[12] и Рейхлин. Первый родился в 1488 году и был отправлен для получения образования в монастырь Фульда, из которого он бежал с очень небольшим умственным запасом, за исключением стойкой ненависти и недоверия ко всем монахам и священнослужителям. Будучи странствующим студентом, он посетил ведущие учебные центры Германии и Северной Италии, где особенно выделялся своей распутной жизнью, неуправляемым нравом и едким сарказмом. Воспользовавшись растущим духом недружелюбия между тевтонцами и латинскими странами, он выдавал себя за патриота, горящего любовью к Германии и немцам и презиравшего французов, итальянцев и, в частности, папу Римского. Против монахов и богословов он направлял свои самые горькие сатиры, к удовольствию многих, кто не предвидел опасности подобных нападок в то время, когда немецкая нация в целом становилась все менее дружелюбной к папству.

Спор, разгоревшийся по поводу уничтожения или подавления еврейских книг, предоставил ему прекрасную возможность выместить свою злобу на Церкви. Обращенный еврей из Кельна по имени Пфефферкорн выступал за запрещение всех еврейских религиозных книг, за исключением Ветхого Завета, как лучшего средства обращения своих бывших единоверцев. Император Максимилиан не отказался прислушаться к такому совету, поддержанному университетами Кельна, Майнца и Эрфута. Рейхлин, профессор Гейдельберга и сам известный ученый-ивритолог, выступил против такой политики как плохой самой по себе и наносящей ущерб правильному пониманию Ветхого Завета. После этого последовала жаркая полемика. Доминиканцы Кельна поддержали дело Пфефферкорна, в то время как гуманисты, почуяв в нападении на еврейскую литературу натиск, направленный против всего литературного возрождения, поддержали утверждения Рейхлина. Это была война между двумя противоборствующими школами — теологами и гуманистами; и, к несчастью для теологов, они неудачно выбрали почву и были плохо подготовлены к битве, победу в которой должно было решить общественное мнение.

Рейхлин был вызван к инквизитору, чтобы ответить за взгляды, изложенные в его книге "Аугеншпайгель" (1511), и был осужден. Он подал апелляцию в Рим, и епископу Шпейера было приказано расследовать это дело. Результатом стал оправдательный приговор Рейхлину (1514), но его противники, возразив против способа судебного разбирательства, снова передали дело в римские суды. Тем временем в Германии полемика велась с большим ожесточением. Рейхлин опубликовал сборник сочувственных писем[13], полученных им от ведущих ученых Германии, а Эразм выпустил новое издание (1515 г.) своей книги "Похвала глупости" (*Encomium Moriae*), в котором он особенно высмеивал монахов и богословов.

Но книга, которая нанесла наибольший ущерб противникам гуманизма, вне всякого сомнения, была / *Epistolae virorum obscurorum*/. Это был труд, состоящий из двух томов, первый из которых был выпущен Гротусом Рубеаном в 1514 году, а второй в основном вышел из-под пера Уриха фон Гуттена (1517). Как и работа Рейхлина, она представляла собой сборник писем, адресованных теологами Ортвину Грациусу, защитнику Кельнского университета и, по сути, всей схоластической партии. Она была полна горечи и вульгарности, но, будучи юмористической карикатурой на теологов, их аргументы и способы выражения, была рассчитана на то, чтобы сделать их смешными, особенно в глазах студентов университета. Против нападков такого рода серьезные аргументы были бессильны, и, к сожалению, не нашлось ни одного апологета теологии, способного дать ответ, сформулированный в духе, подобном "Эпистолам". Сам Граций взялся за эту задачу в своей книге "*Lamentationes obscurorum virorum*", но безуспешно, инесомненно, в глазах широкой публики победа осталась за гуманистами. Вся эта полемика была крайне неудачной, потому что она помогла многим закрыть глаза на реальные проблемы, стоявшие на кону, когда зародилось лютеранское движение. Этим богословы и гуманисты были разделены на два враждебных лагеря, в результате чего последние были склонны поддерживать Лютера против своих бывших противников и в защиту либеральной политики, которую они отстаивали; в то время как богословы, будучи дискредитированными как узколобые мракобесы в глазах большого числа университетских мужчин, серьезно пострадали в борьбе с Лютером, хотя их борьба была за фундаментальные религиозные принципы.[14]

Самым замечательным из людей, которые, хотя и не были немцами, тесно отождествляли себя с немецкими гуманистами, был Дезидерий Эразм (1466-1535).[15] Он родился в Роттердаме, был отправлен в школу вместе с Братьями общей жизни в Девентере, поступил в монастырь каноников, привлеченный скорее его библиотекой, чем его правилами, и покинул его через два года, чтобы стать секретарем епископа Камбре. Он изучал классику в Парижском университете, а после рукоположения епископом Утрехта в сан священника стал наставником английского дворянина. Позже он посетил Англию, где получил теплый прием от таких ученых, как Фишер, епископ Рочестерский, Колет, декан собора Святого Павла, и сэр Томас Мор, и где он был удостоен чести быть назначенным профессором греческого языка в Оксфорде. Но лихорадка путешествий овладела им. Он вернулся в Париж, ненадолго остановился в Лувене и отправился посещать ведущие литературные центры Италии, в частности Болонью, Венецию и Рим, в последнем из которых он был хорошо принят Юлием II.

После восшествия на престол Генриха VIII. он вернулся в Англию и некоторое время читал лекции в Кембридже. Позже он переехал в Базель и занялся подготовкой изданий Нового Завета и Отцов Церкви. Триумф партии Реформации в Базеле заставил его на некоторое время искать убежища во Фрайбурге, но он вернулся, чтобы умереть в Базеле в 1536 году.

В своих странствиях Эразм познакомился с ведущими учеными Франции, Англии, Германии и Италии и был досконально знаком со светом и тенями движения Возрождения. В знании греческого его превзошли немногие из его современников, а по чистоте и непринужденности своего латинского стиля у него не было серьезных соперников. Как и многим другим представителям гуманистической школы, ему нравилось нападать на невежество монахов и схоластов и обличать злоупотребления эпохи, хотя, как и в случае с большинством литературных реформаторов того времени, его собственная жизнь священнослужителя была далека от образцовой.

Однако сам Эразм никогда не был врагом христианства и не желал свержения церковной власти. Он действительно выступал за реформу, и в своей пропаганде реформ он, возможно, порой заходил слишком далеко, но в глубине души Эразм мало сочувствовал доктринальным изменениям. Невежество, по его мнению, лежало в основе упадка религии, и поэтому он приветствовал бы полное изменение системы образования Церкви. Вместо схоластики он выступал за изучение Священного Писания и ранних Отцов Церкви, и чтобы подготовить почву для такой политики, он посвятил себя в Базеле задаче подготовки издания Нового Завета и греческих Отцов Церкви. Он был в самых тесных отношениях с ведущими гуманистами Германии и разделял все их презрение к теологам-схоластам и значительную часть их недоверия к папе Римскому и Римской курии. Следовательно, в первые дни его восстания и до того, как была правильно понята истинная цель движения, Эразм не испытывал недостатка в сочувствии и поддержке со стороны Лютера; но как только Эразмосознал, что союз с Лютером означает отделение от Церкви, он стал более сдержанным в своем одобрении и, в конце концов, выступил против него. В своей работе "De Libero Arbitrio" он выступил против учения Лютера о свободе воли, а перед смертью получил пособие от Павла III. которое он принял, и предложение кардинальской шапки, которое он отклонил. Его жизнь священнослужителя, безусловно, не была поучительной, и его ненависть к невежеству, устаревшим методам образования и злоупотреблениям, возможно, приводила его к крайностям, но его теология все еще была теологией средневековья, а не немецких реформаторов.

Во Франции первыми гуманистами были Николай Клеманжский и Жерсон, оба ректоры Парижского университета и оба известные богословы. Они были особенно активны в том, чтобы положить конец Великому Западному расколу, но при этом они заложили определенные принципы, которые почти неизбежно привели к галликанству. Влияние этих двух людей, однако, не изменило политику Парижского университета. В течение многих лет Франция отставала в классическом движении, и только в начале шестнадцатого века французский гуманизм дал о себе знать.

Движение получило распространение благодаря усилиям отдельных лиц и литературных обществ, результатам деятельности печатного станка и защите влиятельных покровителей при дворе Франциска I. (1515-47). Парижский университет стал более дружелюбно относиться к классике, и такие выдающиеся ученые, как Ласкарис и Алеандро, были приглашены читать лекции по греческому языку. Колледж Святой Барбы стал великим классическим оплотом университета, и движение начало развиваться так быстро, что вызвало зависть и подозрения богословов. Это прискорбное разделение стало еще более острым после основания Коллеж де Франс в 1529 году. Он был полностью передан Гуманистической партии, несмотря на противодействие более консервативной школы, и служил центром всевозможных литературных, филологических и антикварных исследований.

Самыми выдающимися из французских гуманистов были Будей (1467-1540), считавшийся в свое время лишь немногим ниже Эразма, Герман Бриксиус (Жермен де Бри), каноник Собора Парижской Богоматери и переводчик части творений святого Иоанна Златоуста, Стефан Понше, епископ Парижский и защитник гуманистической партии при дворе Франциска I. Доминиканец Вильям Пети, Робер (1503-59) и Анри (1528-98) Эстьен (Стефанус), которым мы обязаны за два монументальных труда, / *Thesaurus Linguae Latinae*/ и /*Linguae Graecae*/, принадлежат Скалигеру (1540-1609), известному авторитету в области хронологии и эпиграфики, и филологу и классицисту Исааку Кейсобону (1559-1614).

Во Франции с самого начала существовало острое соперничество между схоластами и гуманистами. Университет разделился на отдельные лагеря. Колледжу Сен-Барб противостоял колледж Монтегю, ректор которого был лидером схоластической партии. Гуманисты считали theologов устаревшими, в то время как теологи смотрели на своих оппонентов как на сторонников реформационного движения. У некоторых из них, как, например, у Лефевра д'Этапля, [16] Жерара Русселя и других, эти подозрения были полностью оправданы; но у многих других их вера была твердой, и, как бы сильно они ни колебались при жизни, они предпочли умереть в мире с Церковью. К этому последнему разделу принадлежит Маргарита Валуа, [17] сестра Франциска I. Она была покровительницей гуманистов и реформаторов в Париже и, несомненно, выступала против многих католических обычаев; но не так ясно, что она желала религиозной революции, и, во всяком случае, несомненно, что она умерла католичкой. Это соперничество между богословами и гуманистами и недоразумения, к которым оно привело, в значительной степени ответственны за быстрое развитие кальвинизма среди определенных классов французского общества.

Классическое движение в Англии во многом обусловлено итальянским влиянием, хотя визит греческого императора Мануила в 1400 году и последующие визиты греческих посланников и ученых, должно быть, немало способствовали пробуждению интереса среди английских студентов к изучению греческого языка. Отдельные англичане начали обращаться к великим центрам итальянского гуманизма и возвращаться в свою страну, проникнутые чем-то вроде литературного рвения своих итальянских учителей. Из них двумя, которые больше других внесли свой вклад в укрепление позиций греческого и латыни в школах страны, были Уильям Селлинг и Уильям Хэдли, оба монахи-бенедиктинцы из Кентерберии. Они учились в Болонье, Падуе и Риме и познакомились с Политиком и другими выдающимися гуманистами. Селлинг был признан опытным греческим ученым, и по возвращении он решил изменить курс обучения в Кентерберии таким образом, чтобы обеспечить классике надлежащее место. Влияние Кентерберии и Предшествующей Распродажи очень помогло распространению классического возрождения в Англии.

Самым замечательным учеником Селлинга был Томас Линакр (1460-1524), который поступил в Оксфорд после завершения своего начального образования в Кентерберии и был выбран членом колледжа Олл Соулз. Позже он сопровождал своего старого учителя в Италию, где у него была возможность постичь тонкости латинского стиля у Политиана, наставника детей Лоренцо Медичи, и греческого языка у Деметриуса Халкондиласа. Он обратил свое внимание на медицину и получил ученую степень как в Падуе, так и в Оксфорде. Его положение при дворе Генриха VII. а Генрих VIII дал ему возможность заручиться симпатиями ведущих церковных и светских ученых своего времени в пользу литературного возрождения. В последние годы жизни он был рукоположен в сан священника и занимал несколько важных церковных должностей.

Другими выдающимися учеными и покровителями возрождения в Англии были Гроцин, товарищ Линакра в Оксфорде и в Италии, а затем преподаватель греческого языка в Эксетер-колледже в Оксфорде; Джон Колет (1467-1519), декан собора Святого Павла, друг Будеуса, Эразма, Линакра и Гроцина и основатель школы Святого Павла; Уильям Лилли, назначенный дином Колетом первым мастером в этой школе; Фишер (1459-1535), епископ Рочестерский; и сэр Томас Мор (1480-1535).

Гуманистическое движение в Англии, в отличие от соответствующего движения в Италии, ни в коем случае не было враждебным религии или католической церкви. Многие из его лидеров желали реформ, но ни один из выдающихся ученых того периода не проявил никакого сочувствия к восстанию Лютера. Сами основатели возрождения в Англии, Селлинг, Хэдли, Линакр и Гросин, были священнослужителями, чья вера была вне подозрений; Колет умер так же, как жил, полностью преданный Церкви; в то время как Фишер и сэр Томас Мор скрепили свою верность древней вере своей кровью.[18]

Возрождение в Испании во многом обязано покровительству королевы Изабеллы и усилиям кардинала Хименеса (1436-1517). Ведущие университеты Севильи, Алькалы и Саламанки не были настроены враждебно, и вся система образования была перестроена в пользу классики. Кардинал Хименес посвятил себя подготовке многоязычного издания Библии, новозаветная часть которого была напечатана еще в 1514 году, а все произведение было опубликовано в 1522 году. Ведущими учеными-гуманистами были Лебриха, или, как его называют по-латыни Лебриссенсис, Нуньес и Людовико Вивес (1492-1540), последний из которых, по мнению современников, заслуживал сравнения с Эразмом и Будеем.

Гуманистическое движение и общее возрождение литературных, научных, филологических и исторических исследований, которые оно породило, сами по себе не были антирелигиозными и не находили в католической церкви решительного противника. Напротив, такие исследования могли бы внести большой вклад в развитие более просвещенного понимания богословия, и особенно Священного Писания, - факта, который был досконально понят самыми способными церковниками того времени. В Италии, Германии, Франции и Англии епископы и аббаты соперничали со светскими князьями в покровительстве ученым, в то время как влияние пап, особенно Николая V, Сикста IV, Юлия II и Льва X. было полностью в пользу гуманистической партии.

И все же, хотя все это верно, гуманистическое движение, несомненно, многое сделало для подготовки человеческих умов к великому религиозному восстанию шестнадцатого века. Возникнув в то время, когда вера Средневековья была на исходе и когда многие образованные люди устали от холодного формализма и устаревших методов схоластов, она имела тенденцию развивать дух беспокойного исследования, который плохо переносил любые ограничения. Возврат к классике вызвал воспоминания о более ранней цивилизации и культурах, во многих деталях противоположных гению христианства, а возвращение природы имело тенденцию отодвигать на задний план сверхъестественную идею, на которой основана христианская религия. Но пробуждение сделало больше. Изучение классики выдвинуло на первый план серьезные проблемы, касающиеся подлинности, возраста и ценности определенных произведений и манускриптов, и тем самым породило дух критики и сомнения, к которым теологи того времени были крайне плохо подготовлены. Одним словом, это был переходный период и интеллектуальное волнение, когда новые идеалы в образовании пытались вытеснить

старые, и когда ни старые, ни новые друзья не проводили четкого различия между тем, что было существенным в христианстве, и тем, что было чисто случайным.

В такое время следовало ожидать, что пылкие гуманисты, преисполненные новорожденного рвения к классическим исследованиям, продвинулись слишком быстро и, смешивая религию с грубыми методами некоторых ее защитников, придут к поспешному выводу, что примирение между возрождением и религией невозможно. Не должно вызывать удивления и то, что теологи, уверенные в прочности своей собственной позиции и, естественно, с подозрением относящиеся к интеллектуальным новшествам, не были склонны благосклонно относиться к движению, которое своим вдохновением было в значительной степени обязано языческим источникам. Напротив, умеренные люди, будь то гуманисты или схоласты, стремились к полному примирению. Они поняли, что великое литературное и научное возрождение может многое сделать для защиты религии и что языческая классика должна оцениваться в соответствии с христианскими стандартами.

Но эта работа по примирению была очень затруднена из-за позиции экстремистов с обеих сторон. Многие итальянские гуманисты, как было показано, были христианами только номинально. В своих трудах и своей жизни они ясно показали, что были насквозь пропитаны духом язычества. Такие люди заслуживали сурового осуждения, и следует сожалеть, что папы, особенно Сикст IV. и Лев X. не занял более твердого отношения к этой части итальянской школы. Но прежде чем слишком строго судить о дружеских отношениях, которые поддерживал Сикст IV. что касается итальянских гуманистов, то хорошо бы помнить, что эпоха, в которую они жили, была известна своей общей распушенностью и упадком надлежащего религиозного духа, что языческий тон и языческие формы выражения, используемые этими писателями, рассматривались скорее как проявления безобидного педантизма, чем как явные доказательства оппозиции христианству, что большинство этих писателей всегда были готовы опровергнуть все, что могло показаться нежелательным в их произведениях, и что, наконец, мягкость в данных обстоятельствах, возможно, считалась лучшей политикой. Позиция пап, во всяком случае, предотвратила открытый конфликт между представителями двух школ в Италии до тех пор, пока вспышка Реформации и вторжение в Рим не положили конец опасности, уничтожив гуманистическое движение.

В Германии и Франции было мало следов антихристианских тенденций среди сторонников нового учения. Но в обеих странах, особенно в первой, сторонники нового учения сурово критиковали невежество монахов и теологов и не прилагали особых усилий, чтобы скрыть свое презрение к схоластическим методам образования. Они обвиняли пап в пренебрежении истинными интересами Церкви и считали их в значительной степени ответственными за общий упадок религии. Согласно им, изучение теологии должно быть реформировано таким образом, чтобы уделить более заметное место Священному Писанию и трудам первых Отцов Церкви; следовало поощрять развитие внутреннего духа религии, отличного от простого внешнего формализма, и многие из существующих практик могли быть отброшены как суеверные. Такие взгляды, естественно, вызвали противодействие теологов и расшатывали религиозные убеждения образованных людей, которые с безразличием наблюдали за борьбой.

Таким образом, была подготовлена почва для полноценного религиозного восстания. Движение Лютера рассматривалось многими просто как логическая последовательность гуманизма, но то, что сами гуманисты не были готовы принять эту точку зрения, ясно из того факта, что, как только

были устранены ранние недоразумения и стали очевидны реальные проблемы, большинство гуманистов в Германии и Франции остались верны Церкви. Вместо того чтобы относиться к Лютеру как к другу, они смотрели на него как на злейшего врага своего дела, а на Реформацию - как на похоронный звон Возрождения.

[1] Сэндис, / История классической науки/, 2-е издание, 1906. Rogers, /L'Enseignement des lettres classiques d'Ausone a Alcuin/, 1905. Gougaud, /Les Chretientes Celtiques/, 1911, chap. viii. (Превосходная библиография.) Эспозито, /Греческий язык в Ирландии в средние века / (/ Исследования/, i., 4, 665-683).

[2] Monnier, /La Renaissance de Dante a Luther/, 1884.

[3] Guirard, /L'Eglise et la Renaissance/, chap. iii.

[4] Nollhac, /Petrarque et l'Humanisme/, 1892.

[5] Mancini, /Vita di Lorenzo Valla/, 1891.

[6] Пастор, /История пап/, i., стр. 12-33.

[7] Пастор, указ. соч., стр. 24.

[8] Muntz, /Les arts a la cour des Papes pendant le XVe. et le XVIe. сикле/, 1878-9.

[9] Muntz-Fabre, /La Bibliotheque du Vatican au XVe. siecle/, 1887.

[10] Пастор, соч. цит. по, том vii. Conforti, /Leone X. ed il suo secolo/, 1896. Роско, / Жизнь и понтификат Льва X./, 1883.

[11] Delprat, /Die Bruderschaft des gemeinsamen Lebens/, 1840.

[12] Strauss, /Ulrich von Hutten/, 2 auf., 1871 (Eng. Пер., 1874).

[13] /Clarorum virorum Epistolae latinae graecae et hebraicae/, 1514.

[14] Янссен, /История немецкого народа/, iii., стр. 44-79.

[15] Кейпи, /Эразмус/, 1901.

[16] /Lefevre d'Etaples son influence sur les origines de la reforme Franc./, 1900.

[17] Lalanne, /Memoires de Me. de Valois/, etc., 1858.

[18] О гуманистическом движении в Англии см. Гаске, / Накануне Реформации/, 1900, глава ii. Сибом, / Оксфордские реформаторы / (Колет, Эразм, Подробнее), 1867. Эйнштейн, /Итальянское возрождение в Англии/, 1902.

б) Политическое и социальное положение Европы.

Смотрите работы Пастора, Янссена и Гаске, приведенные в разделе (а).
/ Кембриджская современная история /, том i (дает отличную библиографию). Hergenrother-Kirsch, /Handbuch der Allgemeinen

Kirchengeschichte/, Bd. 2 (pp. 996-1002). Ranke, /Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation/, 1844 (Eng. Пер. Остина, 1845-7). Idem., /Geschichte der Romanischen und Germanischen Völker/ (1419-1514). Kaser, /Deutsche Geschichte zur Zeit Maximilians I./ (1486-1519), 1912. Cherrier, /Histoire de Карл VIII./, 1868. Прескотт, /Фердинанд и Изабелла/, 1887. Буш-Тодд, /Англия при Тюдорах/, 1892-5. Хант-Пул, /The Политическая история Англии /, том v., 1910 (глава v.).

Борьба между папством и Империей, закончившаяся падением Дома Гогенштауфенов, положила конец старой концепции вселенской монархии, возглавляемой императором и папой. Новая тенденция начала давать о себе знать в европейской политике. До сих пор феодальная система, на которой основывалось общество, служила барьером на пути развития королевской власти или образования Соединенных Штатов. При этой системе король иногда был менее могущественен, чем некоторые из его номинальных подданных, и полностью зависел от доброй воли баронов в успехе любых действий, которые он мог предпринять за пределами своих собственных наследственных владений. В этом заключалась реальная слабость системы, и пока она сохранялась, рост национализма был невозможен.

Однако постепенно, усилиями могущественных монархов, власть баронов была сломлена, более мелкие государства были поглощены более крупными, и был подготовлен путь для возвышения наций Современной Европы. Во Франции политика централизации, начатая в XIII веке, была успешно доведена до конца во времена Людовика XI (1461-83). Английские провинции Аквитания, Бургундия и Бретань были объединены в одно государство, знавшее только одного верховного правителя. В Испании старые разделения почти полностью исчезли с объединением Кастилии и Арагона при Фердинанде (1479-1516) и Изабелле Католической (1474-1504), а также с полным уничтожением мавританской державы в результате завоевания Гранады (1492). В Англии резня знати в войнах Алой и Белой розы подготовила почву для установления владычества Тюдоров. В рамках того же движения к объединению Генрих VIII. был объявлен королем Ирландии, а не феодалом, и предпринимались серьезные попытки включить Шотландию в состав своих владений. Внутри империи действовали аналогичные тенденции, но с совершенно противоположными результатами. Междоусобица в империи и череда слабых правителей позволили территориальным князьям свободно подражать правителям Европы, укрепляя свою собственную власть за счет низшей знати, городов и крестьянства; но, обезопасив себя, они использовали свою возросшую силу, чтобы остановить прогресс централизации и предотвратить развитие сильной имперской власти.

Как прямой результат этой тенденции к централизации и связанного с ней усиления королевской власти, правители Европы начали кампанию против всех конституционных ограничений на осуществление своей власти. Феодальная система со всеми ее недостатками была в некотором смысле удивительно демократичной. Суверен зависел от решений различных представительных собраний; и хотя низшие классы имели мало права голоса, за исключением чисто местных дел, все же права и привилегии всех классов были так надежно защищены письменными хартиями или извечными обычаями, что любое их нарушение могло повлечь за

собой серьезные последствия. В Англии парламент, в Испании кортесы, во Франции Генеральные штаты и в Германии Сейм должны были стать сильным барьером на пути к абсолютному правлению. Но авторитет таких собраний вскоре был ослаблен или уничтожен. При Тюдорах английский парламент превратился в простую машину для регистрации желаний суверена; в Испании и Франции редко консультировались с кортесами и Генеральными штатами; и, хотя сейм сохранил свое положение в империи, его использовали скорее для усиления влияния князей, чем для предоставления каких-либо гарантий свободы подданным.

В осуществлении такой полной революции правителям во многом помогло введение Римского кодекса Юстиниана.[1] Согласно принципам Римского кодекса, власть суверена была неограниченной, и вопреки его желанию никакие традиционные обычаи или привилегии не могли возобладать. Такая система вызвала особое отвращение у немцев, которые с большим упорством придерживались своих национальных законов и обычаев; но князья, поддерживаемые университетами, провели реформу, на которую они положили свое сердце. Им удалось укрепить свою собственную власть и поправить права, гарантированные их подданным Древнегерманским кодексом, в то же время они неустанно сопротивлялись имперским реформам и не желали ничего делать для увеличения власти императора.

В результате развития произвола у низших классов было много оснований жаловаться на увеличение налогов и на трудности получения правосудия в обычных судах. Они были готовы прислушаться к советам заинтересованных лидеров, которые призывали их объединиться для защиты своих прав против узурпации земельных собственников и королей. В результате почти каждая страна Европы оказалась втянутой в великую борьбу. Крестьянская война в Венгрии (1514), восстание против Карла V. в Испании (1520), сопротивление фламандских коммун во главе с Гентом постановлениям герцогов Бургундских, недовольство низших классов Франции чрезмерными налогами, взимаемыми Людовиком XI, и тайные объединения, подготовившие почву для великого восстания низших классов в Германии (1524), были четкими признаками того, что угнетение и недовольство не ограничивались какой-либо конкретной страной в Европе.

Со всеми этими политическими событиями были тесно связаны интересы религии и Церкви. Хотя следует признать, что между национализмом и католицизмом нет реальной оппозиции сами по себе, все же в обстоятельствах того времени, когда национальное соперничество было острым, зависимость Святого Престола от какой-либо конкретной нации, несомненно, вызывала серьезную зависть. С этого времени народы стали рассматривать Папу как союзника или врага в зависимости от того, какую сторону он предпочитал, вместо того, чтобы смотреть на него как на общего отца, и, следовательно, опасность конфликта между национальным патриотизмом и лояльностью Главе Церкви стала менее невероятной. Это чувство усилилось из-за резиденции пап в Авиньоне, когда Святой Престол был так всецело связан с интересами Франции, и из-за политики, проводимой Сикстом IV. и его преемников в отношении итальянских государств. Однако нигде эта оппозиция папству не проявлялась так явно, как в Германии. Отчасти это было связано с растущим чувством антипатии между тевтонской и латинской расами, отчасти с традицией великой борьбы XIII века, в которой императоры потерпели поражение от пап, а отчасти также с недовольством, возбужденным среди всех классов немецкого народа, мирян и священнослужителей, налогами курии. Позиция трех церковных выборщиков в 1455 году, жалобы духовенства в 1479 году и список / Гравамина/, представленный Максимилиану в 1510 году, были предвестниками грядущей революции.

Кроме того, рост абсолютизма в Европе, вероятно, оказался опасным для свобод Церкви. Правители, стремившиеся обеспечить себе неограниченную власть, не закрывали глаза на важность возможности контролировать церковную организацию, и для достижения этого результата их юридические советники цитировали им принципы Древнеримского кодекса, согласно которым король был источником всей духовной, а также светской власти. Их предшественники уже узурпировали сильный голос при назначении бенефиций, но теперь гражданские правители заявляли как о праве то, что те, кто ушел раньше, были рады принять как привилегию. Поэтому они потребовали, чтобы Святой Престол передал им назначение епископов, чтобы он изменил старые законы, касающиеся освобождения церковной собственности от налогообложения, судебного разбирательства над священнослужителями и права на убежище, и чтобы он представил свои заявления королевскому / Экзекутору /, прежде чем они обретут силу закона в каком-либо конкретном штате. Прагматическая санкция Буржа (1438) и Конкордат, вырванный у Льва X Франциском I французским в 1516 году, Конкордат князей в 1447 году и новые требования, сформулированные Сеймом Империи, Статуты / Провизоров / и / Премуниверситета / в Англии (1453) и уступки, на которых настаивали Фердинанд и Изабелла в Испании (1482), были ясными доказательствами того, что абсолютизму суждено было стать фатальным для свободы Церкви и авторитета Святого Престола.

Наконец, всеобщее недовольство масс и великие социальные революции первой четверти XVI века, вероятно, оказались опасными для церковной власти. Во всех революциях самые крайние люди обязательно берут власть в свои руки, по крайней мере, на ранних стадиях движения, и их самые дикие нападки на Церковь и государство обязательно вызывают аплодисменты толпы. Но существовала особая опасность того, что эти народные волнения могли быть обращены в антирелигиозное русло в то время, когда так много епископов были светскими князьями и когда Церковь, казалось, так тесно отождествлялась с теми самыми интересами, против которых крестьяне брались за оружие. В этих обстоятельствах для конструкторов не составляло труда продвигать свои планы религиозной реформы под видом кампании за свободу и равенство.[2]

[1] /Кембриджская современная история /, ii., стр. 176. Янссен, указ. соч., англ. Пер., ii., глава ii.

[2] Janssen, op. cit. Английский. Пер., тома i.-iii. Пастор, указ. соч., Англ. Пер., тома i.-iii.

в) религиозное состояние Европы.

Пастор, соч. цит. по. Janssen, op. cit. Крейтон, / История папства от Великого Западного раскола до разграбления Рима /, 2-е издание, 1897. Ranke, /Die Romische Papste im 16 und 17 jahrhunderten/ (xxxvii-xxxix), 1900 (Eng. Пер., в 3 т., 1866). Haller, /Papsttum und Kirchenreform/, 1904. Mansi, /Sacrorum Conciliorum Collectio/, 1900. Hefele, /Conciliengeschichte/ 2 auf. 1873-90 (Eng. Пер. частично, французский пер.). Imbart de la Tour, /Les origines de la Reforme/, ii., 1909. Thomas, /Le Concordat de 1516/, 1910. Ullman, /Reformatoren vor der Reformation/, 1866 (Eng. Перевод. Мензиса, 1855).

Уход пап из столицы христианского мира и злополучный раскол, главную ответственность за который несет их резиденция в Авиньоне, оказались катастрофическими для авторитета Святого Престола. Авиньонские папы сами были французами. Их кардиналы и официальные лица принадлежали по большей части к той же привилегированной нации. Они зависели от защиты короля Франции, а взамен их доходы время от времени предоставлялись в его распоряжение, чтобы обеспечить победу французским знаменам. Такое положение дел, несомненно, оттолкнуло бы правителей и народы других стран, особенно Германии и Англии, и подготовило бы почву для возможного конфликта в грядущие дни.

Великий западный раскол, последовавший за резиденцией в Авиньоне, разделил христианскую Европу на враждебные лагеря и разорвал узы единства, которые и без того были до предела натянуты политическим и национальным соперничеством. Искренние верующие были шокированы зрелищем двух или трех соперничающих пап, каждый из которых называл себя преемником святого Петра и обрушивал на своих противников и их сторонников самые суровые порицания Церкви. В то время как различные претенденты на папство боролись за верховную власть в Церкви, они были вынуждены идти на уступку за уступкой правителям, которые их поддерживали, и позволять им вмешиваться в религиозные дела, так что даже когда был восстановлен мир и когда Мартин V. был повсеместно признан законным папой, он оказался лишенным многих прав и прерогатив, за которые боролись его предшественники, начиная с Григория VII.. посвящается Бонифацию VIII. он так храбро боролся.

И это было не все. В своих попытках добиться воссоединения и отчаявшись достичь этого счастливого результата путем соглашения между противоборствующими папами, многие честные богословы выдвигали принципы, которые, какими бы подходящими к обстоятельствам раскола, были совершенно подрывными для монархического устройства Церкви. Они утверждали, что в случае появления сомнительных пап кардиналы имели право созвать Генеральный собор для решения этого вопроса и что все христиане были обязаны подчиняться его постановлениям. В соответствии с этими принципами был созван Констанцкий собор, и, воодушевленные успехом этого эксперимента, многие из наиболее пылких духом людей, казалось, были полны решимости заменить или, по крайней мере, ограничить власть пап властью Генеральных соборов, созываемых через регулярные промежутки времени. Папа больше не должен был быть верховным духовным правителем. Его положение в Церкви должно было быть скорее положением конституционного суверена в государстве, а Генеральный совет был для папы тем же, чем современные парламенты являются для короля.

К счастью для пап, такая теория была полностью дискредитирована эксцессами ее сторонников на Базельском соборе, но она послужила ослаблению авторитета Святого Престола и дала в руки его противников оружие, которым они не замедлили воспользоваться всякий раз, когда были затронуты их личные интересы. С тех пор обращения папы к Генеральному собору, хотя и были запрещены, отнюдь не были редкостью.

И все же, несмотря на все эти неудачи, если бы Церковь была благословлена чередой достойных пап, горящих религиозным рвением, свободных посвятить себя основательной реформе и способных понять изменившиеся политические и социальные условия мира, папство могло бы вернуться к своему прежнему положению. Но, к сожалению, папы римские от Николая V до Льва X были не теми людьми, которые могли бы исправить нанесенный ущерб или предотвратить надвигающуюся опасность. Бедствия, угрожавшие Европе из-за наступления

турок, и необходимость пробудить в ее правителях чувство своей ответственности занимали значительную часть их внимания; в то время как беспокойство, которое они проявляли при жалких распрях итальянских королевств, иногда из бескорыстного отношения к временному положению Церкви, как в случае с Юлием II, чаще из желания предоставить территории своим недостойным родственникам, оставляло им мало времени для обеспечения общего благополучия Церкви. И в случае некоторых из них, если судить по их действиям, прогресс гуманизма, казалось, был им ближе, чем прогресс религии.

В своей личной жизни Николай V (1447-1455) не был недостойн своего высокого положения, но необходимость исправить ущерб, нанесенный неуправляемым собранием в Базеле, присвоившим себе авторитет независимого Генерального совета, устранение последнего препятствия турецкому вторжению в Европу после падения Константинополя и важность обеспечения Риму выдающегося положения в великом возрождении классицизма направили всю его энергию на исключение необходимых реформ. Каликст III (1455-58) был слишком стар, чтобы многое делать, но, несмотря на свои преклонные годы и безразличие европейских правителей, он бросился в борьбу против турок, помогая и поощряя Венгрию и Албанию в их сопротивлении, и победоносное наступление Магомета II во многом произошло благодаря его усилиям. Он был остановлен разгромом его войск под Белградом (1456). Пий II.[1] (1458-64), хотя в молодости и не был самым образцовым представителем гуманистической школы, с серьезностью и рвением посвятил себя обязанностям своего священного сана. Он опубликовал Буллу, опровергающую все нападки, которые он предпринимал против папства в качестве секретаря / *Concilabulum*/ в Базеле. Он посвятил себя изучению Священного Писания и ранних Отцов Церкви вместо языческой классики и выразил свое одобрение христианским гуманистам. Но он не смог взяться за реформаторскую работу. Ввиду опасности, которая все еще угрожала Европе, он созвал собрание князей в Мантуе, чтобы организовать крестовый поход против турок, но они остались глухи к его призывам, и, наконец, устав от их отказов и безразличия, он решил встать во главе христианских сил для защиты Европы и христианства. Он добрался до Анконы сломленный духом и физическим здоровьем и умер прежде, чем удалось предпринять что-либо эффективное. Павел II (1464-71), пришедший к власти, предпринял некоторые усилия по очищению римского двора. Он быстро распустил Коллегию аббревиатуров, которые были известны своей жадностью к золоту и рвением к язычеству, и закрыл Римскую академию. Из-за его суровости в обращении с наполовину христианскими гуманистами Курии Платина, один из уволенных чиновников, с дикой горечью атаковал его в своей книге "Жизнеописания пап"[2], но никто, вероятно, не будет обманут непристойной клеветой, мотивы которой слишком очевидны. Худшее, что можно сказать о Павле II, заключается в том, что он слишком любил назначать своих родственников на высокие посты в Церкви; но, чтобы смягчить это, хорошо помнить, что его реформы возвели против него так много врагов в Риме, а недовольство было настолько распространено даже среди высших чиновников его двора, что он, возможно, считал благоразумным иметь рядом с собой родственников, на которых он мог положиться.

Сикст IV (1471-84) был первым из политических пап, Лев X был последним. Они названы так из-за чрезмерного интереса, который они проявляли к итальянской политике того периода, из-за пренебрежения высшими интересами, которые им были доверены. Большинство из них, за исключением Александра VI, не были определенно недостойными людьми, но они были слишком озабочены светскими занятиями, чтобы предпринять реформу грубых злоупотреблений, которые процветали у самых ворот их дворца. Папский двор был не хуже и

немногим лучше дворов современных правителей, а жадность к деньгам, которая была преобладающей слабостью чиновников куриальной церкви, вызывала симпатии всех иностранцев, как мирян, так и священнослужителей.

Юлий II (1503-13) действительно взял на себя трудную задачу восстановления Церковных государств, которые были разделены на мелкие королевства его предшественниками, но его политика вскоре привела его к конфликту с Людовиком XII Французским. Людовик потребовал созвать Генеральный собор не столько из рвения к реформам, сколько из желания поставить папу в неловкое положение, и когда Юлий II отказался выполнить его просьбу, король побудил некоторых мятежных кардиналов разослать приглашения на собор в Пизе (сентябрь 1511 г.). Большинство епископов, собравшихся в Пизе в назначенное время, были из Франции. Император Максимилиан держался в стороне, а жители Пизы относились к собранию без дружеских чувств. Сеансы были перенесены из Пизы в Милан и, наконец, в Лион. В качестве отправной точки для этого Юлий II созвал в Риме пятый Латеранский собор (май 1512 г.) с тройственной целью исцеления французского раскола, запрещения определенных доктринальных ошибок и проведения реформаторской работы. Предыдущие заседания были почти полностью посвящены расколу, и до того, как была начата работа по реформированию, Юлий II скончался.

Ему наследовал молодой и образованный Иоанн Медичи, сын Лоренцо Великолепного Флорентийского, принявший имя Лев X. (1513-21). Как и его отец, новый папа был щедрым покровителем искусства и литературы и даровал своим друзьям-литераторам, некоторые из которых были крайне недостойны, высшие почести в Церкви. Гуманизм торжествовал при Папском дворе, но, к сожалению, религией пренебрегали. Хотя в своей личной жизни Льва X нельзя было охарактеризовать как глубоко религиозного человека, все же он помнил о своих обетах безбрачия, был внимателен к чтению богослужений, исполнял служебные обязанности, был воздержан и соблюдал церковные посты. Как светский правитель он стоял бы несравненно выше любого из современных государей Европы, но как глава крупной религиозной организации он был совершенно неуместен. Мирянство и безразличие к опасностям, угрожавшим Церкви, являются самыми серьезными обвинениями, которые могут быть выдвинуты против него, но особенно в обстоятельствах того времени, когда Святой Престол должен был взять на себя борьбу с порочными тенденциями общества, эти недостатки были достаточно серьезными.

Поражение французских войск при Новаре (1513) и лояльность других правителей Европы Святому Престолу побудили Людовика XII Французского заключить мир с новым папой и признать Латеранский собор. Но после восшествия на престол Франциска I. (1515-47) была предпринята новая экспедиция в Италию; швейцарские войска были разбиты при Мариньяно (1515), и Лев X был вынужден заключить конкордат [3] с французским королем. По условиям этого соглашения Франция согласилась отказаться от Прагматической санкции Буржа, в то время как папа даровал Франциску I и его преемникам право представления епископств и аббатств в своих владениях. Работа по реформированию, которая должна была потребовать особого внимания на Латеранском соборе, никогда не предпринималась всерьез. Были приняты некоторые декреты, запрещающие множественность бенефиций, запрещающие должностным лицам курии требовать больше установленных сборов, рекомендуемые проповедовать и обучать детей религии, регулирующие назначение на бенефиции и т.д., Но эти декреты, помимо того факта, что они не затронули корень зла, так и не были приведены в

исполнение. Закрытие Латеранского собора совпадает с началом кампании Лютера в Германии, успех которой в значительной степени обусловлен неспособностью Совета отреагировать на неоднократные требования о реформе.

В любом плане реформирования злоупотреблений, от которых страдала Церковь, реформация самого Папского двора должна была занимать первостепенное место. Во все времена значительная часть кардиналов и высших должностных лиц были людьми безупречной жизни, но, к сожалению, многие другие были совершенно недостойны своего положения, и их поведение наносило серьезный ущерб религии и положению Святого Престола. Большая часть скандальных сплетен, переданных Платиной в его "Жизнеописаниях пап", а также Буркармом [4] и Инфессурой [5] в их "Дневниках", может быть объяснена личным разочарованием и больным воображением, но даже при должной оценке хрупкости человеческих свидетельств остается достаточно доказательств того, что папский двор в четырнадцатом и пятнадцатом веках не был рассчитан на то, чтобы внушать незнакомцам в Риме доверие или уважение. Такие коррумпированные и жадные чиновники дискредитировали Святой Престол и давали некоторое оправдание выдвинутым против них обвинениям в использовании религии просто как средства сбора денег.

Различные налоги, [6] прямые и косвенные, взимавшиеся папами в четырнадцатом и пятнадцатом веках, помогли придать окраску этим обвинениям. Однако следует помнить, что папы не могли осуществлять управление Церковью и содержать большую группу должностных лиц, услуги которых были абсолютно необходимы, не нуждаясь в помощи своих подданных во всех частях света. Во время пребывания пап в Авиньоне были понесены дополнительные расходы из-за необходимости обеспечения резиденций для них самих и их двора, и, в то же время, восстания и беспорядки в Папской области положили конец любой надежде на получение каких-либо доходов от их собственных светских владений. По возвращении в Рим потребовались деньги на ремонт дворцов, пришедших в упадок, и на то, чтобы позволить папам сохранить свое положение покровителей искусства и литературы и лидеров Европы в ее борьбе с силами ислама.

Для этой последней цели, а именно для организации христианских сил против турок, папы заявили о праве взимать фиксированный налог со всей церковной собственности. Сумма этой выплаты варьировалась от одной тридцатой до одной десятой годового дохода, и, как правило, она взималась только на какой-то определенный период лет. Даже в те дни, когда лихорадка крестоносцев была повсеместной, такой налог вызывал большое сопротивление; но когда Европа устала от борьбы и когда папы мало что могли сделать из-за неспособности светских правителей реагировать на их призывы, эта форма налогообложения вызвала резкое возмущение, и право пап таким образом повышать налоги с церковной собственности было поставлено под сомнение пострадавшими церковниками так же, как и светскими правителями. Англия и Франция приняли меры, чтобы защитить себя; но в Германии отсутствие какой-либо сильной центральной власти и отсутствие единства среди князей затрудняли сколько-нибудь эффективное сопротивление этим требованиям. В 1354, 1372, 1459, 1487 и в 1500 годах немецкие епископы решительно протестовали против попыток папы взимать налоги с церковной собственности.

Но в дополнение к этим чрезвычайным сборам существовало множество постоянных источников дохода для поддержки Папского двора. В первую очередь со времен Бонифация IX.

аннаты, которые составляли определенную долю дохода за первый год, должны были выплачиваться всеми священнослужителями, которым Святейший Престол оказывал незначительные льготы. В случае крупных бенефиций, епископств и аббатств, */servitia communia / и / servitia minuta /* заняли место annats. Сервиция причастия/ представляла собой фиксированную сумму, размер которой зависел от годового дохода престола или аббатства и делился между папой и кардиналами курии. */servitia minuta/*, составляющая около 3 1/2%. от */servitia communia/*, была передана нижестоящим должностным лицам, которые подготовили письма о назначении. Святой Престол также претендовал на доходы от вакантных кафедр и имущество умерших епископов. Из Англии папа ежегодно получал петровский пенс, а из всех стран, признавших его феодальную юрисдикцию, он имел право на определенную ежегодную дань.

Кроме того, резервирование[7] льгот было еще одним плодотворным источником дохода. Политику предоставления бенефиций Святому Престолу можно было бы защитить на том основании, что это часто было необходимо для того, чтобы уравновесить вмешательство светских правителей в вопросы церковных назначений, и что это предоставляло Папе удобное средство вознаграждения должностных лиц, услуги которых требовались для управления Церковью. Но правом папы сохранять бенефиции злоупотребляли в четырнадцатом и пятнадцатом веках, что приводило к постоянным трениям с гражданскими и церковными властями в разных странах Европы. Оговорки, вместо того чтобы быть исключением, стали очень распространенными, и, как следствие, взоры всех амбициозных священнослужителей были обращены к Риму, от которого они надеялись получить продвижение по службе, независимо от того, считали ли их непосредственные начальники достойными или недостойными. Такое положение дел открыло путь к самым серьезным злоупотреблениям и нередко к непримиримым спорам между соперничающими кандидатами, все из которых утверждали, что получили свои назначения от римских чиновников.

С оговорками папы были тесно связаны ожидания или обещания, данные определенным лицам, что они будут назначены на определенные должности, как только появится вакансия. Подобные обещания назначения были неизвестны в Церкви до XII века, но позже они стали очень распространенными и привели к самым серьезным злоупотреблениям во время пребывания пап в Авиньоне и во время беспорядков, вызванных Великим западным расколом. Ожидания были приняты как средство сбора денег или обеспечения поддержки. Предпринимались различные попытки положить конец такой пагубной практике, как, например, на Констанцском и Базельском соборах, но осуществить эту столь необходимую реформу было предоставлено Тридентскому собору.

Опять же, обычай раздавать пособия */ in commendam /*, то есть предоставлять какому-либо лицу право получать доходы от вакантного пособия в течение определенного определенного времени, был в высшей степени наносящим ущерб наилучшим интересам религии. Такая практика, какой бы оправданной она ни была в случае благотворительных организаций, к которым не была привязана забота о душах, была совершенно неоправдана, когда применялась в отношении епископства, аббатств и мелких благотворительных организаций, где так много зависело от личной активности и примера. Лицо, получавшее пособие */ in commendam /*, не делало ничего, кроме получения доходов, связанных с его офисом, в то время как вся работа была возложена на низкооплачиваемого викария или представителя, который часто был вынужден прибегать ко всевозможным ухищрениям, чтобы обеспечить себе

достаточные средства к существованию. Опять же, хотя множественность бенефиций была запрещена несколькими указами, все же в четырнадцатом и пятнадцатом веках не было ничего более распространенного, чем найти одного человека, владеющего, в силу папского разрешения, двумя, тремя, шестью, десятью, а возможно, и больше бенефициями, к большинству из которых была привязана забота о душах. Такое положение дел рассматривалось как невыносимый скандал благонамеренными христианами, будь то миряне или священнослужители, и осуждалось декретами пап и соборов; но поскольку делались исключения в пользу кардиналов или князей и поскольку даже за пределами этих случаев часто выдавались разрешения, зло множественности не ослабевало.

Опять же, частые просьбы римских конгрегаций о предоставлении разрешений на канонические нарушения и уступки им, вероятно, производили плохое впечатление и вызывали подозрение, что от полезных правил отказывались ради платы за разрешение, выплачиваемой должностным лицам. Точно так же были поданы жалобы на разрешения, данные в "препятствиях к браку", и на злоупотребления, о которых говорилось в отношении проповедников, на которых возлагалась обязанность проповедовать индульгенции. Более того, обычай принимать апелляции в римских судах, даже когда спорные вопросы были самого тривиального характера, наносил ущерб местным властям, в то время как неоправданное затягивание таких судебных процессов ставило римских юристов под угрозу обвинения в получении гонораров, а не в правосудии, которое было мотивом их усилий.

Беспорядки, вызванные расколом, и вмешательство государства в епископские выборы помогли добиться назначения многих недостойных епископов. Даже в худшие дни пятнадцатого и шестнадцатого веков значительная часть епископов в разных странах Европы были прекрасными людьми, но также большой процент, особенно в Германии, были насквозь мирскими. Они больше беспокоились о своем положении светских князей или собственников, чем о выполнении своих священных обязанностей. Очень часто они происходили из знати и назначались благодаря влиянию своей семьи без какого-либо учета их квалификации, и, как правило, обязанностями посещения, проведения синодов и даже проживания в своих епархиях пренебрегали. Кроме того, даже когда они стремились сделать все, что в их силах, требования покровителей-мирян и оговорка папы о бенефициях затрудняли им осуществление надлежащего дисциплинарного контроля над своим духовенством. Кроме того, во многих случаях капитулы собора были совершенно деморализованы, главным образом из-за внешнего влияния на назначение каноников. Духовенство в целом было далеко не таким плохим, каким его изображали фанатичные реформаторы или последователи Лютера. Дошедшие до нас сборники проповедей, молитвенники для наставления верующих, катехизисы, компиляции из Священного Писания, гимны, богословские труды и особенно сборники, подготовленные для использования теми, кто занимается слушанием исповедей, опровергают обвинение в повальном пренебрежении [8]; но, в то же время, отсутствие достаточного контроля, вмешательство мирян-покровителей в назначение бенефиций, отсутствие семинарий и неспособность университетов обеспечить надлежащую церковную подготовку, привели к их естественному исчезновению. влияние на большую часть духовенства. Серьезные обвинения в невежестве, безразличии, сожительстве и симонии не были полностью беспочвенными, о чем достаточно свидетельствуют постановления различных соборов.

Многие причины способствовали ослаблению дисциплины во многих религиозных орденах. Неканоническое назначение настоятелей, объединение различных аббатств в руках одного

человека, обычай занимать аббатства / *in commendam* / и повсеместное освобождение от епископальной власти, за которое боролись многие религиозные ордена, являются достаточными причинами этого общего послабления. Состояние различных домов и провинций, даже принадлежащих к одному и тому же ордену, в значительной степени зависело от характера вышестоящих, и, следовательно, несправедливо судить об одной стране, одной провинции или даже одном доме по тому, что происходило в других странах, провинциях или домах. Отсюда возникает трудность прийти к какому-либо общему выводу о религиозных домах. Однако можно с уверенностью сказать, что, за исключением картезианцев, все старые ордена нуждались в реформе. С начала пятнадцатого века предпринимались попытки восстановить старую дисциплину в бенедиктинских общинах, и со значительным успехом. Кармелиты были разделены на две основные ветви, кальцинированные и дискальцинированные; францисканцы были разделены на три основные группы: монашествующих, обсервантов и капуцинов; доминиканцы прилагали различные усилия для восстановления древней дисциплины, особенно примерно с начала пятнадцатого века; в то время как многие августинцы, которые были полны решимости реформировать, основали новые конгрегации, как, например, дискальцинированные августинские отшельники, которые распространились по Франции, Испании и Португалии. Кроме того, для удовлетворения потребностей эпохи были созданы различные новые конгрегации, среди которых Oblates, основанные в 1433 году святой Франциской Романной, и The Hermit Brothers в 1435 году святым Франциском из Паулы.[9]

К сожалению, бесконечные споры между религиозным и светским духовенством[10] в этот период имели тенденцию отвлекать внимание обоих от их духовной работы и порождать значительные беспорядки и недовольство. С одной стороны, такие люди, как парижский профессор Джон Пуайи и Ричард Фитцральф, архиепископ Армы, были слишком крайними и, казалось, были склонны не оставлять религиозным орденам места в служении Церкви, в то время как с другой, некоторые религиозные деятели, такие как францисканец Джон фон Горрел, хотели утвердить для себя полную независимость от епископального контроля. Различные попытки урегулировать эти споры предпринимались Бонифацием VIII, Бенедиктом XI, Александром V., Иоанном XXII, Каликстом III, Сикстом IV, а также Констанцским и Базельским соборами, но без особого постоянного результата. Только на одиннадцатой сессии Пятого Латеранского собора (1516) Лев X обнародовал указы, которые по существу действуют и в настоящее время, устанавливая отношения между епископами и обычным духовенством.[11]

Многие из фанатичных проповедников, стремившихся к реформам, были виновны в несомненном преувеличении в картинах церковной жизни того времени, которые они рисовали, равно как и немало гуманистов, стремившихся высмеять своих противников. Но даже если принять во внимание все эти преувеличения в таких работах, как "Onus Ecclesiae"[12] епископа Бертольда, рифмованные проповеди одного из великих францисканских противников Лютера, Томаса Мурнера (1475-1537), которые стали популярными в Германии под названиями "Narrenbeschwörung" и "Schelmenzunft", "Tractatus de Ruinae Ecclesiae Planctu" Фабера, "Encomium Moriae" из Эразм, Диалоги святого Германа в Англии, Повествование Себастьяна Бранта и петиции испанских кортесов - всего этого достаточно, чтобы убедить любого разумного человека в настоятельной необходимости реформы духовенства.

В течение многих лет призыв к реформе Церкви в лице ее главы и членов был слышен почти в каждой стране Европы. Справедливость такого требования была признана всеми, но трудности на этом пути были настолько велики, что ни один папа не захотел рисковать великодушным

планом реформы. Большинство злоупотреблений пятнадцатого и шестнадцатого веков можно проследить до упадка папской власти во время Авиньонского изгнания и Великого Западного раскола. Когда в Церкви был восстановлен мир и когда папы могли бы что-то сделать для возрождения церковной дисциплины, сторонники соборной теории преградили путь своими экстравагантными нападками на папство и своими попытками разрушить верховенство Святого Престола под видом реформирования Римской курии. Кроме того, было невозможно осуществить какие-либо эффективные меры по устранению злоупотреблений, не нанося ущерба тому, что считалось корыстными интересами, а носители этих интересов были полны решимости не сдаваться без борьбы. Кардиналы хотели ограничить права папы; епископы хотели реформировать кардиналов и Папский двор; парижские врачи хотели реформировать епископов и обычное духовенство; в то время как обычное духовенство объясняло все зло в Церкви безразличием и пренебрежением светских священников. К сожалению, не было человека, наделенного дальновидностью и мужеством Григория VII. указать пальцем на истинную причину падения, а именно на рабство Церкви, и возглавить кампанию за независимость духовной власти, особенно за восстановление свободных канонических выборов.

На Констанцском соборе все признали необходимость реформы, но зависть различных наций, противоположность заинтересованных интересов и страх спровоцировать новый раскол сделали невозможным сделать больше, чем принять временные меры, которые, как надеялись, могли бы принести некоторое облегчение. Декреты, касающиеся освобождения от епископальной власти, союза бенефиций, симонии, десятины и обязанностей государственного духовенства, были обнародованы на четырнадцатой сессии, а другие вопросы, по которым различные нации не могли прийти к согласию, должны были регулироваться Конкордатами со Святым Престолом. Конкордат с германской нацией касался канонических выборов, апелляций к Риму, аннат, индульгенций, диспенсаций и ограничения срока отлучения от церкви; английский конкордат настаивал на праве Англии быть представленной в коллегии кардиналов и содержал положения, касающиеся индульгенций и диспенсаций; конкордант с Кастилией касался количества кардиналов, резервирования и сопоставления бенефиций, аннат, / *commendams* /, апелляций и индульгенций; конкордатом с Францией было решено, что из-за войн, в которых Франция участвовала, Англия была представлена в коллегии кардиналов. было объявлено, что аннаты и другие налоги, подлежащие уплате Святому Престолу, должны быть значительно сокращены. Подобные меры были бы совершенно неадекватными, даже если бы они соблюдались в точности, но на самом деле часто поступали жалобы, особенно в Германии, на то, что ими пренебрегали.

Собор, собравшийся в Сиене (1524), был совершенно непредставительным и был распущен, так ничего и не добившись. Но были выражены большие надежды на то, что Совет Базеля сформулирует и осуществит тщательный план реформ. Однако, к сожалению, эти надежды были обречены на разочарование. Крайняя часть, враждебная папству и полная решимости ослабить его позиции, доминировала на Соборе и делала невозможным выполнение работы, для которой было созвано собрание. Хотя совет провел свою первую сессию в 1431 году, прошло почти четыре года, прежде чем были изданы какие-либо указы о реформе. Они касались наложничества, отлучения от церкви, злоупотребления интердиктами и отмены аннатов и других налогов, подлежащих уплате Святому Престолу. Жестокость, с которой Собор обрушился на Евгения IV, и страх перед новым расколом оттолкнули многих, кто стремился к реформам, но не желал посягать на основные прерогативы папы. Духовенство Франции

собралось в Бурже в 1432 году, и с их согласия Прагматическая санкция Буржа была опубликована королем в 1438 году. Согласно этому указу аннаты были сохранены, но сокращены до одной пятой от ранее выплаченной суммы, и большинство реформаторских декретов Базеля были приняты для использования во Франции. Германия стремилась к реформам, но в то же время не желала порывать со Святым Престолом, и, следовательно, немецкая нация сохраняла нейтралитет в спорах между Евгением IV. и Советом. Наконец Германия вернулась к своей верности, и в 1448 году был подписан Венский конкордат, согласно которому регулировалось право папы назначать бенефиции в Империи и размер сборов, подлежащих уплате курии. Это соглашение не было благосклонно воспринято в некоторых частях Германии, и князья часто жаловались на то, что римские официальные лица не соблюдали условия соглашения. Англия также предприняла шаги для защиты себя Статутами / Provisors/ и / Praemunire/ (1453). Эти статуты аннулировали все сопоставления, оговорки или положения о льготах, сделанные Святым Престолом в Англии, и запрещали любые апелляции в римский трибунал по вопросам, которые могли быть разрешены в английских судах.

Во время понтификата Николая V, Каликста III и Пия II для проведения реформ было сделано очень мало. Страх, что, если будет созван еще один Генеральный собор, позорные сцены Базеля могут повториться, и опасности, которые угрожали Европе в результате турецкого вторжения, по-видимому, парализовали пап и помешали им принять эффективные меры для устранения очевидных злоупотреблений. Павел II действительно предпринял действия против языческих гуманистов, которые едва скрывали свою антипатию к христианству даже в городе пап, но он не предпринял никаких шагов, чтобы устранить влияние, которое сделало возможным такое положение дел. Как правило, на каждом последующем конклаве кардиналы-выборщики клялись, что, кто бы из них ни был избран, он предпримет определенные меры, некоторые из которых могли бы принести пользу вселенской Церкви, другие - просто в пользу самой священной коллегии; но эти избирательные соглашения всегда отменялись, и злу позволялось бесконтрольно возрастать. Начиная с избрания Сикста IV. тенденция неуклонно снижалась, пока во времена Александра VI. Папство не достигло своей низшей точки. В то время, когда даже люди, равнодушные к религии, были шокированы положением дел при Римском дворе, неудивительно, что такой ревностный и святой священнослужитель, как великий доминиканец Савонарола[13], недвусмысленно осудил эти злоупотребления и предупредил Александра VI. о страшном суде, уготованном Церкви, если не будут предприняты какие-то шаги, чтобы предотвратить негодование оскорбленного Всемогущего. Угрозы и предупреждения Савонаролы, однако, были высмеяны как необузданные вспышки разочарованного фанатика, а призыв к реформе был отброшен в сторону как недостойный внимания.

Юлий II (1503-13) лично был безупречен, но обстоятельства его времени предоставляли ему очень мало возможностей для реализации щедрого плана реформ. Восстановление Папских владений, которые были растрочены его предшественниками на предоставление территорий для своих семейных связей, войны в Италии и интриги Людовика XII. вынудил папу играть роль солдата, а не священнослужителя, и отложил созыв Генерального собора, на котором благонамеренные христиане надеялись на некоторое облегчение. Людовик XII, воспользовавшись этим общим желанием, опередил папу, убедив некоторых кардиналов созвать Генеральный собор в Пизе (сентябрь 1511 г.). Ассамблея собралась в Пизе и перенесла заседание в Лион, но чувство преданности папе было слишком сильно для Людовика XII, и ассамблея в Лионе могла рассчитывать на очень незначительную поддержку за пределами

Франции. Юлий II решил созвать Генеральный собор в Риме для проведения реформы Церкви. Этот, Пятый Латеранский собор, как его называли, открылся в мае 1512 года, но предыдущие заседания были почти полностью посвящены осуждению французского раскола, декретам / *Conciliabulum*/ в Лионе и Прагматическим санкциям. До того, как работа по реформе могла быть взята в свои руки Юлием II, умер (1513), и молодой кардинал-дьякон Иоанн Медичи взойшел на папский престол под титулом Льва X.

От нового папы, если судить о нем по его прошлому, можно было бы ожидать скорее развития классического образования и искусства, чем обновления религии. Лично Лев X. не был злым человеком. Напротив, в своей личной жизни он был внимателен к своим религиозным обязанностям, но был безразличен и склонен позволять событиям идти своим чередом. Латеранский собор действительно предпринял восстановление церковной дисциплины. Он осудил злоупотребления в связи с раздачей бенефиций, постановил реформировать курию, особенно в отношении налогов, определил позицию постоянных членов по отношению к епископам епархий, в которых находились их дома, приказал епископам усилить цензуру в отношении книг, изданных в пределах их юрисдикции, и одобрил Конкордат, который был заключен между Львом и Франциском I. (1516).

Подобные реформы были настолько неадекватными, что они не смогли удовлетворить множество священнослужителей и мирян, которые желали основательной реформы. Известие о том, что Собор был распущен в марте 1517 года, так и не принявшись за срочную реформу Церкви в лице ее главы и членов, вызвало трепет тревоги во всем христианском мире и обеспечило Лютеру сочувствие многих, когда несколько месяцев спустя он начал свою кампанию в Виттенберге. Сначала считалось, что его целью было просто устранение злоупотреблений, и в этой работе он мог рассчитывать на активное сотрудничество некоторых ведущих немецких священнослужителей, которые проявили себя его сильнейшими противниками, как только поняли, что он нацелен не столько на реформу, сколько на разрушение Церкви и всего религиозного авторитета.

[1] Weiss, /*Aeneas Silvius als Papst Pius II.*/, 1897. Боултинг / Эней Сильвий, оратор, литератор, государственный деятель и папа римский /, 1908.

[2] /*Vitae Pontificum Romanorum*/, etc., 1479.

[3] Thomas, /*Le Concordat de 1516*/, 1910.

[4] Burcadus, /*Diarium Innocen. VIII. и др. VI.*/, Флоренция, 1884. /*Diarium sive rerum urbanarum Commentarii*/ (1483-1506), 1883-5.

[5] Infessura, /*Diario d. Citta di Roma*/, 1890.

[6] Tangl, /*Das Taxwesen der papstlichen Kanzlei*/, 1892. Samaran et Mollat, /*La fiscalite pontificate en France du XVe siecle*/, 1905. Kirsch, /*Die papstlichen Kollektorien in Deutschland wahrend des 14 Jahr*/, 1894.

[7] Lux, /*Constitutionum Apostolicarum de generali beneficiorum reservatione ab anno 1265 ad an. 1378*/, etc., 1904.

[8] Ср. Гаске, "Канун Реформации", глава ix. Янссен, указ. соч., англ. Пер., том i, с. 9-86. Leclerc, /*Memoire sur la predication au XIV. книга*/ (/История. Помета. de France/, tom. xxiv.).

[9] Хелиот, /История. des ordres monastiques/, 8 vols., 1714-19. Henrion, /Allgem. Geschichte der Monchsorden/, 1855.

[10] Paulus, /Welt und Ordensklerus beim Ausgange des 13 Jahrh/, etc., 1901.

[11] Райнальдус, /Летопись / 1515, 1516.

[12] Опубликовано в 1524 году.

[13] Lucas, /Fra Girolamo Savonarola/, 1906. О'Нил, /Джером Савонарола/, 1898.

ГЛАВА II

РЕЛИГИОЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЛЮТЕРИАНСТВО И ЦВИНГЛИАНСТВО

а) в Германии.

Янссен, указ. соч. (i., a). Пастор, указ. соч. (i. a). Dollinger, /Die Reformation/, 1846-8. Хергенротер-Кирш, указ. соч. (i, b). Грисар, С.Дж., / Лютер /, 3 Bde, 1911-12 (англ. Пер. 1913-14). Denifle-Weiss, О.Р., /Luther und Luthertum in der ersten Entwicklung/, 1906-9. Weiss, /Lutherpsychologie als Schlüssel zur Lutherlegende/, 2 auf., 1906. Hausrath, /Luthers Leben/, 2 Bde. 1904. Kostlin-Kawerau, /Martin Luther, Sein Leben und seine schriften/, 1903. Cardauns, /Zur Geschichte der Kirchlichen Unions —und Reformsbestrebungen von 1538-42/, 1910. Laemmer, /Monumenta Vaticana historiam ecclesiasticam saeculi XVI. illustrantia/, 1861. Рейнальдус, /Церковные анналы/, 1735 (тома xx.-xxi.). Армстронг, /Император Карл V./, 1902. /Кембриджская современная история /, том ii. (Реформация), 1903. Кидд, / Документы, иллюстрирующие Континентальную реформацию /, 1911. Для получения довольно полной библиографии по этому периоду истории см. Гризара / Лютера / (англ. Пер., том i., xv.-xxv.; Кембриджская современная история, ii., стр. 728-64; Хергенротер-Кирш, Bd. iii., стр. 4-8).

Религиозный бунт, который предсказывали многие серьезные церковники, начался в Германии в 1517 году. Ее лидером был Мартин Лютер, сын шахтера, родившийся в Айслебене в 1483 году. Мальчиком он посещал школы в Айзенахе и Магдебурге, зарабатывая на жизнь пением на улицах, пока добрая благодетельница не пришла ему на помощь в лице Урсулы Котты. Его отец, улучшив свое положение в мире, решил отправить юношу изучать юриспруденцию в Эрфуртский университет, который в то время был одним из ведущих центров гуманизма по северную сторону Альп. Но хотя Лютер поддерживал тесные контакты с некоторыми из ведущих ученых-классиков Германии и сам ни в коем случае не был равнодушным исследователем классики, нет никаких свидетельств того, что гуманистическое движение оказало большое влияние на его религиозные взгляды. Он обратил свое внимание главным образом на изучение философии и, получив ученую степень в 1505 году, начал читать лекции по физике и этике Аристотеля.

Внезапно, к удивлению своих друзей и немалой досаде своего отца, молодой Лютер, который не отличался особым религиозным рвением, оставил свою университетскую карьеру и поступил послушником в монастырь августинцев в Эрфурте (июль 1505 г.). Мотивы, побудившие его пойти

на этот неожиданный шаг, неясны. Некоторые говорят, что его побудила к этому внезапная смерть друга-студента, другие - что это было во исполнение обета, который он дал во время страшной грозы, застигшей его по пути из отцовского дома в Эрфурт, в то время как он сам говорит нам, что стал монахом, потому что потерял уверенность в себе.[1] О его студенческой жизни доподлинно известно очень мало. Вероятно, он был не хуже и не лучше своих товарищей по университетскому городку, который позже сам описывал как "пивную" и "гнездо безнравственности".[2]

Внезапный переход от свободы и возбуждения университета к тишине и монотонности монастыря оказал угнетающее влияние на такого человека, как Лютер, который, обладая нервным, взвинченным темпераментом, был склонен быстро переходить от одной крайности к другой. Он стал мрачным и щепетильным и временами почти отчаивался в своем спасении; но Штаупиц, настоятель провинции, пытался утешить его, внушив ему необходимость всецело полагаться на заслуги Христа. И все же, несмотря на свои угрызения совести, жизнь послушника Лютера была счастливой. Он был усерден в исполнении своих обязанностей, внимателен к указаниям своих начальников и особенно стремился близко познакомиться со Священным Писанием, чтение и изучение которого в тот период настоятельно рекомендовалось всем послушникам августинского ордена.[3] В 1506 году ему было разрешено принести свои обеты, а в следующем году он был рукоположен в сан священника. Во время служения своей первой мессы он был настолько охвачен чувством собственного недостойнства приносить такую чистую жертву, что убежал бы от алтаря еще до начала канона, если бы не его помощники, и на протяжении всей церемонии его беспокоило, как бы он не совершил смертный грех из-за малейшего пренебрежения рубриками. На последовавшем за этим завтраке, на который были приглашены родственники Лютера, отец и сын встретились впервые с тех пор, как Лютер поступил в монастырь. В то время как молодой священник был красноречив о счастье своего призвания и о буре с небес, которая помогла ему понять самого себя, его отец, хранивший молчание на протяжении всей трапезы, не в силах больше сдерживаться, внезапно прервал его замечанием, что, возможно, он был обманут и что то, что он принимал за исходящее от Бога, могло быть делом рук дьявола. "Я сижу здесь, - продолжал он, - ем и пью, но я бы предпочел быть подальше от этого места". Лютер попытался успокоить его, напомнив о благочестивом характере монашества, но прерывание никогда не было забыто ни самим Лютером, ни его друзьями, которые это слышали.

После своего рукоположения молодой монах обратил свое внимание на теологию, но, к сожалению, богословская подготовка, которую давали послушникам-августинцам в тот период, была самой бедной и скудной.[4] Он почти ничего не изучал из трудов первых Отцов Церкви и так и не научился ценить схоластику в том виде, в каком ее излагали величайшие мастера, святой Фома или святой Бонавентура. Его знания схолистического богословия были почерпнуты главным образом из трудов мятежного монаха Уильяма Оккама, который в свое время находился в состоянии постоянной войны с папами и который в течение большей части своей жизни, если не в момент своей смерти, был приговорен к отлучению от Церкви. Писания такого человека, свидетельствовавшие о почти полном незнании Священного Писания и преувеличении природных сил человека до недооценки или частичного исключения Благодати, оказали пагубное влияние на человека со вкусами и темпераментом Лютера. Признанные Лютером характерными для схолистического богословия, такие труды предвзято относились к нему в целом. Действуя по совету провинциала Штаупица, он с большим рвением предался изучению Библии, а позже обратил свое внимание на труды св. Августин, особенно работы,

написанные в защиту католического учения о благодати против пелагианцев. В 1508 году он отправился в Виттенбергский университет, недавно основанный Фридрихом Саксонским, читать лекции по логике и этике и продолжить свои богословские исследования; но по какой-то причине, пока необъяснимой, его внезапно отозвали в его монастырь в Эрфурте, где он быстро приобрел известность как лектор и проповедник.

Тридцать фондов августинцев в Саксонии приняли реформу, начатую Эндрю Пролзом в пятнадцатом веке, и определенно отделились от нереформированных домов ордена в Германии. Они немедленно подчинялись генералу ордена, наместником которого в то время в Саксонии был известный гуманист Штаупиц.[5] Последний стремился добиться воссоединения двух партий и назначить себя настоятелем; но партия, выступавшая за строгое соблюдение, была категорически против такого шага и решила послать представителя в Рим, чтобы отстаивать их дело. Тот факт, что они выбрали такого молодого человека, как Лютер, для отстаивания своих интересов, является достаточным доказательством того положения, которое он завоевал для себя среди своих религиозных братьев. На него уже смотрели как на украшение ордена, и его выбор для этой чрезвычайно важной миссии способствовал росту чрезмерной гордости и уверенности в себе, которые уже проявились как слабые места в его характере. В сопровождении товарища из своего ордена он отправился в свое долгое путешествие через Альпы. Достигнув высот Монте-Марио и осмотрев пап, он, по обычаю паломников, упал на колени и приветствовал "город, трижды освященный кровью мучеников". Он с удовольствием предвкушал пребывание в Риме, где у него могла бы быть возможность успокоить свои угрызения совести общим исповеданием своих грехов, но, к сожалению, его братья-августинцы в Риме и те, с кем он больше всего общался, казалось, больше стремились потчевать его историями о реальных или воображаемых скандалах города, чем дать ему духовное утешение или совет. Тем не менее, в более поздней жизни, когда он окончательно отделился от Церкви и когда он больше всего стремился очернить характер Рима и пап, примечательно, что он мог указать на очень мало пагубных для них фактов, о которых он знал лично, и был вынужден полагаться исключительно на то, что говорили ему другие. Он также не покинул Рим как объявленный враг папства, поскольку даже в 1516 году горячо защищал верховенство папы как единственную гарантию единства Церкви.[6] Многие из его биографов, действительно, утверждают, что, когда он стоял у Святой Скалы и наблюдал, как паломники поднимались на голых коленях, он отвернулся, испытывая отвращение к этому зрелищу, и повторил слова святого Павла: "праведный человек живет своей верой"; но такое утверждение, полностью принадлежащее воображению его родственников и поклонников, отвергается как легенда теми, кто лучше всего компетентен судить.[7] Угрожаемый союз строгих и нереформированных, который послужил причиной поездки Лютера в Рим, был отменен; но стоит отметить, что Штаупицу удалось отделить его от его бывших друзей, и что он вернулся в Германию убежденным и яростным противником партии строгого соблюдения, которая послала его в Рим в качестве своего представителя. Во время своего пребывания в городе есть все основания полагать, что от своего имени он просил разрешения оставить монашескую рясу и посвятить себя на десять лет обучению в Италии, но его просьба была отклонена на том основании, что она не была поддержана авторитетом его начальства. Это прошение, вероятно, послужило основой для слухов, которые распространяли в Германии его противники о том, что, находясь в Риме, он пытался "секуляризироваться" и получить разрешение на вступление в брак.

По возвращении в Германию он снова посвятил себя изучению теологии в рамках подготовки к докторской степени, которую получил в Виттенберге в 1512 году. Почти сразу же он был

назначен профессором университета и взялся читать лекции по Псалмам. Его красноречие и его воображение, его цепкая память, позволяющая ему иллюстрировать свои тексты параллельными отрывками, взятыми из книг Ветхого Завета, и в определенном смысле его преувеличения, его сильная дикция и резкость в выражениях по отношению ко всем, с чьими взглядами он не был согласен, сделали его лекции самыми популярными в университете и наполнили его зал нетерпеливой и внимательной аудиторией. Среди студентов у Лютера не было соперника, и даже те немногие профессора, которые были склонны возмущаться его методами и взглядами, были очарованы магическим влиянием своего блестящего молодого коллеги. Августинцы, помня о чести, которой он добился для их ордена, поспешили назначить его на важную должность окружного викария (1515), в то время как курфюрст Фредерик не мог скрыть своего восторга по поводу того, что заручился услугами столь способного профессора для нового университета.

В Виттенберге Лютер чувствовал себя как дома. Он гордился отличиями, которыми его наградили братья, и влиянием, оказанным ему товарищами по университету. Как ни велики были его трудолюбие и прикладные способности, все же они подверглись самым суровым испытаниям, чтобы позволить ему завершить программу, которую он поставил перед собой. Его лекции в университете, его проповеди в церкви августинцев, его посещения домов его ордена в округе, где он был викарием, его переписка, частично рутинная, частично обусловленная его тесными отношениями с некоторыми ведущими людьми Германии, занимали все его время, даже исключая духовные упражнения, предписанные его правлением. Очень часто он забывал отслужить мессу или даже прочесть богослужение, а затем, встревоженный своей небрежностью и чувством вины, прибегал к необычным формам покаяния. Приступы распушенности сменялись приступами щепетильности, пока, наконец, временами он не впадал почти в отчаяние. Именно тогда он вспомнил утешительный совет, данный ему его настоятелем, что он должен уповать на заслуги Христа и учение св. Августина о хрупкости человеческой природы, если ей не помогает и не поддерживает божественная Благодать. Он начал развивать идею о том, что оправдание не может быть приобретено добрыми делами, что похоть не может быть преодолена и что, следовательно, человек может быть оправдан только путем вменения заслуг Христа. Годы ранее подобные взгляды приходили ему в голову, как можно видеть из его проповедей против августинцев о строгом соблюдении, но они нашли адекватное выражение только в его комментариях к Посланиям святого Павла к Римлянам и к Галатам (1515-6). Тем не менее, до сих пор он твердо придерживался принципа авторитета в вопросах религии и обрушивался с критикой на еретиков, которые осмеливались пренебрегать авторитетом папы, чтобы следовать своему собственному суждению. Однако на самом деле его собственное учение о заслугах и оправдании больше не соответствовало католической доктрине, и требовался лишь незначительный повод, чтобы привести его к открытому и определенному конфликту с властями Церкви.

Этот повод был предоставлен проповедью в Германии Индульгенции, провозглашенной Львом X. (1513-21). Строительство собора Святого Петра было начато Юлием II и продолжено его преемником Львом X., сыном Лоренцо де Медичи и великим покровителем гуманистического движения. Чтобы выделить средства для продолжения этого гигантского начинания, Лев X. объявил Индульгенцию. В дополнение к исповеди и Святому Причастию было предписано, чтобы те из верующих, кто желал разделить духовные блага, дарованные Папой, вносили по своим средствам вклад в завершение строительства собора Святого Петра или чтобы они молились об успехе работы, если бедность не позволяет им подавать милостыню. Публикация

Индульгенции на большей части территории Германии была доверена Альбрехту Бранденбургскому, который был избран архиепископом Майнца, хотя он уже был архиепископом Магдебурга и администратором Хальберштадта. Гонорары, которые должен был выплачивать архиепископ, назначенный в Майнц, были исключительно высокими, не говоря уже о большой сумме, необходимой для получения экстраординарной милости - разрешения занимать две архиепископские должности. В качестве средства, позволяющего Альбрехту собрать необходимую сумму, чиновник Датария предложил разрешить ему сохранить половину взносов, сделанных по случаю публикации Индульгенции в провинциях Майнц и Магдебург, а также в землях Бранденбургского дома.

Для публикации Индульгенции на вышеупомянутых территориях Альбрехт назначил доминиканца Джона Тецеля[8], который уже приобрел значительную известность как проповедник. Тецель был человеком с солидным образованием и хорошими моральными устоями, чья репутация успешного популярного проповедника в тот период была высока в Германии. Его враги обвиняли его во многих серьезных злоупотреблениях относительно того, как он исполнял обязанности, возложенные на него архиепископом, и в отношении его собственной частной жизни ему были предъявлены обвинения в серьезных преступлениях; но как вопрос истории, теперь признано, что Тецель был сильно оклеветанным человеком, что его собственное поведение может подвергнуться самому тщательному анализу, и что в его проповеди худшее, что можно сказать против него, это то, что он выдвигал в качестве несомненных фактов, особенно в отношении получения индульгенций для душ усопших верующих, то, что было всего лишь мнениями определенных школ теологов. Неверно также сказать, что в результате его деятельности огромные суммы денег поступили в папскую казну. Счета денежных средств, полученных в течение большей части времени, теперь доступны, и можно видеть, что, когда все расходы были оплачены, сравнительно немного осталось ни у архиепископа Майнцского, ни у строительного фонда собора Святого Петра.[9]

Тецель с большим успехом проповедовал в Хальберштадте, Магдебурге и Лейпциге, а в мае 1517 года оказался в окрестностях Виттенберга, откуда стекалось множество людей, чтобы увидеть его и получить Снисхождение. Это не было рассчитано на то, чтобы угодить Лютеру или его покровителю курфюрсту Фридриху Саксонскому, и дало Лютеру возможность высказать свои собственные взгляды на добрые дела, Благодать и Оправдание. За много лет до этого, как в своих проповедях, критикующих августинцев за строгое соблюдение за их чрезмерную уверенность в достоинствах добрых дел и покаяния, так и в своих комментариях к Посланиям святого Павла к Римлянам и к Галатам, он уже указывал, что его взгляды на способность человека творить что-либо доброе, а также на средства и природу оправдания сильно отличаются от взглядов католических богословов. Наконец, после тщательного обдумывания, следуя своим собственным наклонностям и советам своих друзей, он решил открыто выступить на поле боя, опубликовав накануне праздника Всех Святых 1517 года свои знаменитые семьдесят тезисов против индульгенций.[10] Этот документ был составлен с большим мастерством и дальновидностью. Некоторые из тезисов были совершенно ортодоксальными и выражали большое почтение к учению Церкви и авторитету Папы Римского; другие из них были открыты как для ортодоксального, так и для неортодоксального толкования; третьи, тем не менее, были четко и определенно противопоставлены католической доктрине, и все они были выдвинуты таким образом, который, вероятно, привлек внимание общественности и завоевал поддержку масс.[11] Они были прикреплены к дверям университетской церкви в Виттенберге, и их копии были распространены по всей Германии. Не прошло и недели, как они с жаром

обсуждались во всех частях страны, и настроение стало настолько напряженным, что Тецель был вынужден прервать свою миссию и удалиться во Франкфурт, где под руководством Вимпины он взялся за составление ряда контртезисов, которые предложил защищать.

Обстоятельства того времени были очень благоприятны для кампании, подобной той, которую инициировал Лютер. Князья Германии и даже некоторые епископы не скрывали своего мнения о том, что индульгенциями злоупотребляли, и многие из них были совсем не недовольны шагом, предпринятым виттенбергским профессором. Старое противостояние между тевтонцами и латинянами с каждым днем становилось все более заметным из-за неистовой и оскорбительной лексики таких людей, как Ульрих фон Гуттен, которые выдавали себя за немецких патриотов; в то время как партия гуманистов, воодушевленная нападками на Рейхлин со стороны доминиканцев Кельна, поддержанная схоластическими теологами, не огорчилась, увидев, что их противникам брошен вызов в их собственном особом отделе и они вынуждены действовать в обороне. Рыцари или низшая знать, также лишенные князьями многих своих привилегий, были готовы к любому плану насилия в надежде, что это может послужить их выгоде; а низшие классы, веками сдерживаемые, начинали осознавать свою собственную силу, отчасти благодаря распространению тайных обществ, и были готовы прислушаться к лидеру, который выразил взгляды, которые уже проносились в их умах.

Со всех концов Германии на Лютера посыпались поздравительные письма. Многие из них исходили от людей, которые не стремились к религиозным переменам, но которые думали, что кампания Лютера была направлена только против злоупотреблений в Церкви. От гуманистов, от нескольких профессоров и студентов Виттенберга и даже от высших чинов своего ордена он получал безграничную похвалу и поощрение. По крайней мере, один из епископов, Лоренц фон Бибра из Вюрцбурга, поспешил заступиться за него перед Фридрихом, курфюрстом Саксонии, в то время как никто из остальных не занял позицию непоколебимой оппозиции. Тецель, который был вынужден отказаться от своей проповеднической деятельности, публично защищал во Франкфурте-на-Майне ряд противоположных тезисов, сформулированных Конрадом Вимпиной. На этот выпад Лютер ответил проповедью об индульгенциях, в которой он стремился популярно выразить суть доктрины, содержащейся в его тезисах. Сильвестр Приериас, магистр Священного дворца в Риме, которому тезисы Лютера были отправлены на экспертизу, опубликовал резкую атаку на них^[12] и получил ответ в самом оскорбительном стиле Лютера. Однако самым выдающимся из людей, выступивших против него, был Джон Экк, ^[13] профессор теологии и вице-канцлер Ингольштадтского университета. Он был человеком, хорошо сведущим в Священном Писании и в трудах Отцов Церкви, готовым оратором и проникательным писателем, во всех отношениях способным противостоять такому разностороннему оппоненту. Во время визита к епископу Эйхштатта с ним проконсультировались по поводу тезисов Лютера, и в книге "Обелиски" он высказал свое мнение об опасном характере содержащегося в них учения. Книга "Обелиски" была подготовлена наспех и не предназначалась для публикации, но считалась настолько важной, что ее копии свободно распространялись еще до того, как она была передана миру. Лютер ответил в /Звездочках/, работе, полной личных оскорблений. Доминиканец из Кельна Хохстратен также внесен в списки противников Лютера, но его вмешательство принесло больше вреда, чем пользы делу Церкви, оттолкнув гуманистическую партию, которую он яростно критиковал как союзников и пособников Лютера. Эти нападки, однако, послужили лишь для того, чтобы придать взглядам Лютера дурную славу и завоевать ему симпатии его друзей. Его оппоненты допустили одну большую ошибку. Их труды по большей части

предназначались только для образованных людей, в то время как Лютер стремился главным образом обратиться к народным массам. Августинцы представили его как жертву доминиканского заговора, и, чтобы показать свою высокую оценку его заслуг, они выбрали его для ведения богословского диспута на собрании капитула, состоявшемся в Лейпциге через шесть месяцев после публикации его тезисов (1518). На этом же собрании Лютер защищал точку зрения, что свободная воля в человеке и всякая способность творить добро были уничтожены первородным грехом и что все достойное человека на самом деле совершено Богом. Его старый оппонент по университету Боденштайн (по месту рождения получивший фамилию Карлштадт) открыто высказался в пользу учения Лютера о свободе воли и опубликовал ответ Экку.

В результате этого спора между Эком и Карлштадтом было решено провести публичный диспут в Лейпциге (27 июня- 15 июля 1519 года). Католическое учение Экк должен был защищать от двух своих противников, Лютера и Карлштадта. Зал в замке Плейссенбург был предоставлен в распоряжение участников диспута герцогом Георгом Саксонским, который сам был убежденным католиком и верил, что диспут может стать средством устранения многих сомнений и недоразумений. Акты диспута должны были быть составлены и направлены в университеты Парижа и Эрфурта для принятия решения. Когда по всей Германии стало известно, что была организована встреча между Эком и двумя его главными оппонентами, волнение, особенно в ученых кругах, усилилось, и так велико было стремление ученых со всех концов страны стать свидетелями встречи, что огромный зал был заполнен нетерпеливой и внимательной аудиторией, когда Экк и Карлштадт взошли на подготовленные для них кафедры.

Мало кто в Германии или за ее пределами был более способен постоять за себя в подобном споре, чем выдающийся вице-канцлер Ингольштадта. Он был человеком импозантной внешности, одаренным чистым и приятным голосом и хорошей памятью, уравновешенным и готовым, быстро обнаруживающим слабые места своих противников и остро реагирующим на их пагубные уступки и признания. Первым пунктом, который предстояло обсудить между ним и Карлштадтом, был вопрос о Благодати и Свободе воли. Карлштадт был, наконец, вынужден признать, что человеческая воля активна, по крайней мере, в той мере, в какой она сотрудничает или не сотрудничает с божественной Благодатью, - уступка, которая полностью противоречила тезису, который он взялся отстаивать. Лютер, встревоженный неудачей своего коллеги, решил немедленно вступить в ристалище по вопросу о первенстве Римского престола. Однако он не добился большего успеха, чем Карлштадт. Экк, воспользовавшись вспыльчивым темпераментом Лютера и его преувеличениями в речи, заставил его шаг за шагом отбросить как бесполезные толкования, данные ранними Отцами Церкви определенным отрывкам Священного Писания, и отвергнуть авторитет и непогрешимость Всеобщих Соборов. Такая линия аргументов, как бы она ни противоречила учению и верованиям Церкви, вызвала неприятие аудитории и помогла герцогу Георгу открыть глаза на истинную природу движения Лютера. Раздосадованный собственным поражением и вниманием и аплодисментами, которыми жители Лейпцига осыпали своего соперника, Лютер с отвращением покинул город. Диспут, несомненно, пошел на пользу, поскольку прояснил всем позицию двух сторон и сумел сохранить верность Церкви герцога Георга Саксонского и города Лейпцига; но он также нанес большой вред, обеспечив Лютеру дурную славу, которой он так стремился добиться, и привлек на свою сторону Филиппа Меланхтона, которому было суждено в дальнейшей жизни стать его самым способным помощником. Обе стороны, как это обычно бывает в подобных состязаниях, заявили о победе. Университеты Кельна и Лувена немедленно осудили Лютера, как и Париж в

1521 году, но, насколько известно, Эрфурт не вынес никакого решения по представленным вопросам.

Между тем, каково было отношение властей Рима к движению Лютера? Лев X, кое-что узнав о беспорядках, вызванных в Германии тезисами и проповедями Лютера, попросил генерального викария августинцев побудить своего мятежного подданного вспомнить о его учении или, по крайней мере, хранить молчание. Викарий написал директору школы Штаупицу, но, поскольку последний был одним из тех, кто поощрял Лютера предпринять шаги, которые он предпринял, было сделано очень мало для обеспечения мира. Лютер, однако, был вынужден написать Папе самое покорное письмо, в котором он умолял о расследовании, в то же время обещая принять решение Льва X. как решение Христа (30 мая 1518 г.).[14] Не удовлетворенный ходом событий и встревоженный сообщениями, направленными ему из Германии, папа назначил комиссию для изучения всего вопроса, результатом работы которой стало то, что Лютеру было предложено немедленно подчиниться или явиться в Рим для защиты в течение шестидесяти дней.

Он и его друзья были сильно встревожены этим неожиданным шагом. С одной стороны, если бы он подчинился и признал, что совершил ошибку, его репутация была бы подорвана, августинцы почувствовали бы себя опозоренными, а Виттенбергский университет потерял бы кастовый статус в глазах образованных немцев. С другой стороны, если бы он предпринял смелую политику отказа уступить папским мольбам, ему грозила опасность быть публично объявленным еретиком. В этой сложной ситуации его друзья решили обратиться за защитой к курфюрсту Фридриху Саксонскому, основателю и покровителю Виттенбергского университета. Встревоженный опасностью, которая угрожала этому учебному заведению из-за смещения или отлучения от церкви одного из его самых популярных профессоров, и стремясь выиграть время, Фридрих попросил папу передать этот вопрос для решения какому-нибудь немецкому епископу или нейтральному университету. В ответ на эту просьбу Лев X назначил кардинала Каэтана, папского легата в Германии, провести расследование (23 августа 1518 г.). Лютер, вооружившись охранной грамотой, отправился в Аугсбург, чтобы встретиться с папским представителем, который принял его очень любезно и призвал отозвать свои заявления и подчиниться. Лютер пытался побудить кардинала вступить в дискуссию по спорным вопросам, но последний не позволил втянуть себя в спор. В конце концов, Лютер отказался подчиниться, хотя в то же время торжественно заявил, что хотел бы оставить невысказанным и неписаным то, что он сказал или написал против Римской церкви. Несколько дней спустя он бежал из Аугсбурга, составив официальное обращение "от плохо информированного папы к хорошо информированному папе", в то время как кардинал, разочарованный провалом своих усилий, обратился к курфюрсту Саксонии за помощью против мятежного монаха. Но последний, обманутый рекомендациями, направленными от имени Лютера его собственным начальником Штаупицем, уступил мольбам придворного капеллана Спалатина и профессоров Виттенберга и отказался предпринять какие-либо шаги, чтобы заставить Лютера подчиниться. Однако, опасаясь, что его покровитель не сможет защитить его от осуждения Рима, Лютер решил предвосхитить ожидаемое осуждение, обратившись с призывом к будущему Генеральному собору (28 ноября 1518 г.).

Тем временем Лев X, узнавший от своего представителя о результатах аугсбургских бесед, издал Буллу / Cum postquam/ (9 ноября 1518 г.), в которой авторитетно разъяснял католическую доктрину об индульгенциях и угрожал отлучением от церкви всем, кто отказывался ее принять.

Этот документ был в значительной степени утрачен из-за искажений Лютера и его друзей, которые объявили, что он возник благодаря планам и интригам их доминиканских противников в Риме и в Германии. Ситуация требовала быстрых и решительных действий. Но приближающиеся императорские выборы, на которых Карл I Испанский (1516-56) и Франциск I Французский (1515-47) должны были стать соперничающими кандидатами, сделали необходимым, чтобы папа действовал осторожно и, прежде всего, не делал ничего, что могло бы вызвать недовольство курфюрста Саксонии, влияние которого имело бы наибольшее значение при определении голосов коллегии выборщиков, если бы это действительно не обеспечило его собственное избрание. Если бы назначение преемника Максимилиана I зависело от Льва X, вряд ли можно сомневаться, что в надежде сохранить баланс сил и обеспечить свободу Святого Престола он поддержал бы требования курфюрста против одного или обоих соперничающих монархов.[15]

В этих обстоятельствах было решено послать Карла фон Мильтица, [16] который по происхождению был саксонским дворянином и в то время камергером при Папском дворе, преподнести Фридриху Золотую розу и добиться мирного урегулирования спора, который волновал всю империю. Выбор Мильтица для выполнения столь деликатной миссии был крайне неудачным. Гордый, упрямый и плохо осведомленный о реальных проблемах, стоявших на кону, он стремился любой ценой добиться славы, положив конец разногласиям, и поэтому он был готов предстать перед Лютером как смиренный проситель мира, а не как строгий судья. Вся его суровость и упреки были обращены к противникам Лютера, особенно к Тецелю, которого он считал главным виновником всего этого злодеяния и по отношению к которому он действовал неосмотрительно и несправедливо. Курфюрст проявил себя мало склонным отвечать на ухаживания Льва X. Однако он согласился организовать встречу Мильтица и Лютера в Альтенбурге (январь 1519 г.). В ходе бесед, которые состоялись между ними, Лютер пообещал себе хранить молчание, если его оппоненты будут вынуждены поступить так же. Он также пообещал, что, если Мильтиц напишет письмо с рекомендацией папе назначить немецкого епископа для рассмотрения этого дела и убедить его в его ошибке, он будет готов отказаться от своих тезисов, подчиниться Церкви и посоветовать всем своим сторонникам оставаться верными Святому Престолу. В то же время он подготовил письмо для передачи в Рим, в котором обратился к Папе в самых почтительных выражениях, заявляя, как под присягой перед Богом и созданиями, что ему никогда и в голову не приходило каким-либо образом посягать на авторитет Римской Церкви или Папы Римского, что он охотно признавал, что этой Церкви принадлежит высшая юрисдикция и что ни на небе, ни на земле нет ничего, что он мог бы поставить перед ней, кроме Иисуса Христа, Господа всего сущего.[17] На протяжении всего этого разбирательства становится ясно, что Лютер имел в виду только обмануть Мильтица и усыпить подозрения римских властей, пока посеянное им семя не пустит корни. Незадолго до этого он написал другу, намекая, что папа был настоящим Антихристом, упомянутым апостолом Павлом во Втором Послании к фессалоникийцам, и утверждая свою способность доказать, что тот, кто правил при Римском дворе, был хуже турка.[18]

Прошло несколько месяцев, а Рим не предпринял никаких дальнейших шагов для преодоления кризиса. Эта задержка была в значительной степени вызвана смертью Максимилиана I. (1519) и последовавшим за этим острым противостоянием. Двумя сильнейшими кандидатами были Карл I., король Испании, который, будучи сыном Филиппа Красивого (сына Максимилиана) и

Джоанны Кастильской (дочери Фердинанда и Изабеллы), был правителем Испании, Нидерландов, Австрии и Неаполя, и Франциск I., король Франции. На протяжении веков папа стремился предотвратить объединение Неаполя и Империи, и на то были веские причины, поскольку такой союз почти неизбежно должен был оказаться крайне пагубным для безопасности Папских государств и независимости Святого Престола. По этой причине, если не по какой-либо другой, Лев X не одобрял кандидатуру Карла. Он также не мог заставить себя проявить какой-либо энтузиазм по отношению к делу Франциска I, вмешательства которого в итальянские дела папа имел все основания опасаться. В противовес этим двум папа пытался побудить князей избрать кого-нибудь из своего числа, предпочтительно курфюрста Саксонии. Но Курфюрст не выказал ни малейшего желания принимать столь ответственный пост, и в конце концов Карлу удалось привлечь на свою сторону большинство принцев. Он был избран и провозглашен императором под титулом Карла V. (1519).

Пока Рим бездействовал, а противникам Лютера в Германии мешала грубая дипломатия Мильтица, Лютер завоевывал позиции с поразительной быстротой. Его успех был отчасти обусловлен его большими личными способностями популярного демагога, а отчасти также тем фактом, что никто лучше него не знал, как нажиться на церковных злоупотреблениях того времени и привлечь на свою сторону всех, у кого были какие-либо причины быть недовольным существующим порядком. Его очень укрепило бездействие немецких епископов, которые, казалось, не желали принимать против него никаких суровых мер, помощь и поощрение Фридриха Саксонского, который во время междуцарствия и некоторое время после избрания Карла V. был реальным администратором Германии, его союз с ведущими учеными-гуманистами и профессорами, особенно с Эразмом, все из которых считали Лютера просто борцом за свободу против мракобесия схоластов, и его тайные союзы с недовольными дворянами, такими как Ульрих фон Гуттен и Франц фон Гуттен. Сикингены, чья единственная надежда улучшить свое положение заключалась в создании общественных беспорядков.

Иоганн Экк, главный противник Лютера, понимая, что нет никакой надежды побудить немецкие власти к активным действиям, поспешил в Рим, чтобы донести до папы и его советников чрезвычайную серьезность ситуации и призвать их действовать против восстания со всей возможной энергией и поспешностью. Сам Лютер достаточно ясно осознавал, что кризис, который он давно предвидел, близок, и он начал готовить умы людей к полному разрыву с Церковью своей проповедью об отлучении от церкви, в которой он призывал бросить вызов церковным властям. Он с удвоенной энергией ринулся в бой, с лихорадочной быстротой выпуская том за томом, каждый более жестокий и оскорбительный, чем предыдущий, и почти все они были изложены языком, который был так же понятен крестьянину, как и профессору. В своем "Обращении к знати Германии", в своих работах "О мессе", "Об улучшении христианской морали" и "О Вавилонском пленении" он провозгласил себя как политическим, так и религиозным революционером. Больше не было никакого сокрытия или двусмысленности. Наконец завеса была приподнята, и Лютер предстал перед миром как объявленный враг Церкви и Папы Римского, поборник Библии как единственного правила веры и защитник индивидуального суждения как ее единственного истолкователя. В этих работах он отвергал мессу, Пресуществление, обеты целомудрия, паломничества, посты, таинства, полномочия священства, юрисдикцию и верховенство Папы Римского. С таким человеком уже не могло быть и речи о снисхождении или компромиссе. Поставленные на карту вопросы, а именно, следует ли отдавать предпочтение диким и страстным утверждениям мятежного монаха перед учением Церкви Христа, должны были быть очевидны каждому мыслящему человеку; и все же некоторые

из его современников были настолько ослеплены своими симпатиями к гуманистам в противовес теологам, что даже до сих пор заставляли себя верить, что Лютер стремился только к реформе.

В Риме проблемы в Германии были одной из главных тем, привлекавших внимание курии. Считалось, что пришло время, когда необходимо принять решительные меры. После долгих и тревожных обсуждений Лев X опубликовал Буллу / *Exsurge Domine*/ (июнь 1520 г.), в которой осуждались сорок положений, взятых из трудов Лютера, его работы было приказано сжечь, ему грозило полное отлучение от церкви, если он не откажется от своих ошибок и не подчинится в течение шестидесяти дней, в то время как его сторонников и пособников в самых трогательных выражениях умоляли отказаться от опасного пути, на который их толкнули. Если бы такое заявление было сделано в начале движения, оно могло бы многое сделать для восстановления мира в Церкви, но, поскольку оно было сделано в то время, когда движение Лютера, поддерживаемое всеми революционными силами Германии, уже приобрело значительные масштабы, оно не смогло положить конец беспорядкам. Кроме того, решение папы было в значительной степени лишено силы из-за того факта, что Экк, Караччоли и Алеандро были назначены комиссией для наблюдения за его исполнением. Назначение Экка было большой тактической ошибкой, поскольку оно предоставило Лютеру и его друзьям возможность заявить, что приговор об отлучении от церкви был вынесен благодаря интригам и ложным представлениям их личных врагов; в то время как тот факт, что немецкие епископы были проигнорированы при исполнении Буллы, как будто они сами не были вне подозрений, был воспринят многими как преднамеренное оскорбление всей немецкой иерархии. Даже при том, что Лютер лелеял какие-либо мысли о подчинении, триумф Экка создал бы очень серьезные препятствия; но, зная, что даже в худшем случае он может рассчитывать на поддержку определенного числа недовольных дворян, которые поклялись предоставить свои мечи в его распоряжение, он не собирался подчиняться.

Прием, оказанный папскому документу, варьировался в зависимости от взглядов местных властей и состояния общественных настроений в разных городах и провинциях. Таким образом, хотя его публикация была встречена с одобрением в Кельне, Майнце, Хальберштадте и Фрайзинге, в Лейпциге и Эрфурте она была встречена с очень смешанными чувствами. Фридрих Саксонский, к которому Лев X обратился с личным призывом, отказался оставить дело Лютера, если из Священного Писания не будет доказано, что он был неправ. Он действительно предложил Лютеру написать почтительное письмо папе римскому, но его предложение осталось без внимания. Сначала Лютер сделал вид, что Булла была подделкой, выдвинутой Эком, чтобы дискредитировать его, но когда эта линия защиты оказалась бесполезной, он смело атаковал заявление папы в своем памфлете "Против буллы Антихриста", в котором он осудил Льва X как еретика и отступника, врага Священного Писания, тирана и клеветника. Однако, чтобы страх отлучения не сломил мужество его сторонников, он подал апелляцию на приговор папы римского к решению будущего Генерального собора. Наконец, 10 декабря 1520 года в присутствии огромного стечения горожан и студентов Виттенберга он публично сжег Папскую буллу и труды своих политических противников. По этому случаю он объявил о своем намерении свергнуть церковную организацию и ввести новую теологическую систему. В будущем это должна была быть война с ножом против папы и Церкви, и он призвал немецких патриотов и всех истинных друзей личной свободы встать на его сторону в начавшемся конфликте.

Карл V, по-видимому, находился в очень сильном положении. Со времен Карла Великого ни один правитель не претендовал на юрисдикцию над такой обширной территорией, как его, включавшей в себя Германию и Австрию, королевство двух Сицилий, Испанию и Нидерланды. Но на самом деле сама протяженность его владений делала его гораздо менее могущественным, чем он мог бы быть как правитель меньшего, но более компактного региона. Это пробудило подозрения его подданных, которые опасались, что он может отменить их особые национальные конституции и объединить свои разрозненные территории в одну великую империю, а также возбудило зависть других правителей Европы, которые воображали, что он может объявить себя диктатором западного мира. Немецкие князья, успешно сопротивлявшиеся всем попыткам его деда Максимилиана I. преобразовать распущенную конфедерацию немецких государств в единую и централизованную нацию, были настороже, чтобы его преемник не предпринял подобную политику с помощью испанских войск и испанского золота; испанцев возмущало отсутствие короля в Испании, где многие низшие классы находились в состоянии, граничащем с восстанием; Франциск I Французский, трепещущий за само существование своей страны, был готов на все, даже согласиться на союз с сыновьями Мухаммеда, если бы он согласился. Это могло только уменьшить влияние его могущественного соперника. Турки под предводительством Солимана I. были полны решимости осуществить мечты своей расы, расширив свои территории от Босфора до Атлантики; в то время как даже у папы Римского были веские основания подозревать, что Карл V., не обращая внимания на пример своего великого тезки, возможно, стремился стать хозяином, а не защитником Церкви.[19]

Из-за беспорядков в Испании Карл V смог приехать в Германию только в конце 1520 года, чтобы встретиться с курфюрстами и официально взять на себя управление империей (23 октября).). Не прошло и двух недель, как папский представитель Алеандро, сам выдающийся гуманист, добился встречи с новым правителем и умолял его привести в исполнение папскую буллу против Лютера всей тяжестью своей императорской власти. Но нерешительность многих князей и решительная оппозиция Фридриха Саксонского заставили императора колебаться, осуждая Лютера, не дав ему возможности для объяснений и защиты. Вскоре в Вормсе должен был открыться сейм, и Карл V пригласил Лютера присутствовать, гарантируя в то же время его личную безопасность по дороге в Вормс и из Вормса, а также во время пребывания в городе.

Сейм собрался в январе 1521 года, но, несмотря на усилия Алеандро, большинство принцев по-прежнему не осознавали серьезности ситуации. В то время в Германии были очень сильны антиримские настроения. Многие князья настаивали на представлении папскому послу документа, отражающего недовольство Германии (/ Centum Gravamina/)[20], в то время как даже такой ортодоксальный сторонник Церкви, как герцог Георг Саксонский, выдвинул очень серьезные жалобы на духовенство, сопровождаемые требованием созвать Генеральный собор для восстановления мира в Церкви. Лютер, укрепленный безопасным поведением императора и тайным соглашением с некоторыми принцами и рыцарями, отправился из Виттенберга в Вормс, куда прибыл в апреле 1521 года. Когда он предстал перед Сеймом, ему было предложено заявить, действительно ли он является автором работ, опубликованных под его именем, копии которых были ему представлены, и, если да, готов ли он отказаться от содержащихся в них доктрин. Отвечая на первый из этих вопросов, он признал авторство томов, но попросил время, чтобы обдумать, какой ответ он должен дать в отношении последнего. Ему был дан день на размышление. Когда он появился снова, все следы нерешительности и нервозности, которые отличали его поведение на предыдущем сеансе, исчезли. Он отказался

отказаться от своего мнения и ясно дал понять, что больше не признает авторитет папы Римского или Генеральных Соборов как надежного проводника в религиозных вопросах.

Вслед за этим император дал понять принцам, что он полон решимости предпринять решительные действия против такого еретика и нарушителя общественного спокойствия, хотя по просьбе некоторых принцев он выделил время для частных бесед между Лютером и представительными католическими богословами, в частности Эком и Коклеусом.[21] Поскольку эти конференции не привели ни к какому результату, император издал приказ (25 апреля), повелевающий Лютеру без промедления отбыть из Вормса и запрещающий ему проповедовать людям во время его путешествия под страхом лишения его пропуска. Месяц спустя Карл V опубликовал указ, объявляющий Лютера под запретом в Империи. Он был публично объявлен еретиком, которого никто не должен принимать или поддерживать; любой, кто мог это сделать, должен был схватить его и доставить императору; его труды должны были быть сожжены, и все лица, признанные виновными в потворстве ему самому или его ошибкам, подлежали суровому наказанию. Многие надеялись, что указ положит конец неразберихе, но на самом деле Карл V. был бессилён привести его в исполнение, тем более что большинство князей не желали выполнять его условия на своих территориях. Следовательно, за пределами наследственных владений Дома Габсбургов, земель Иоахима I Бранденбургского и герцога Георга Саксонского, а также в Баварии это оставалось мертвой буквой.

По пути из Вормса Лютер был взят в плен солдатами курфюрста Фридриха Саксонского, согласно договоренностям, которые были приняты для его защиты, и доставлен в замок Вартбург, где он оставался почти год (май 1521-март 1522) под вымышленным именем Йонкер Джордж, в безопасности, несмотря на императорские указы. В тишине своего уединения в Вартбурге у Лютера была возможность поразмыслить о серьезности ситуации, которую он создал. Временами он дрожал, думая о том, чтобы окончательно отделиться от великой всемирной организации, признающей юрисдикцию римского епископа, и вынести собственное суждение против веры, которая передавалась веками и которую поддерживали самые способные ученые от дней Климента Римского до дней святого Фомы и святого Бонавентуры.

В своем душевном смятении он стал жертвой галлюцинаций, полагая, что дух зла явился ему в видимой форме и общался с ним человеческой речью. Он также подвергался жестоким искушениям плоти, которые доводили его до состояния, граничащего с отчаянием. Но эти моменты депрессии прошли, сменившись приступами дикого ликования, в которых он радовался буре, которую уже создал, и еще большей буре, которую ему вскоре предстояло создать. Он принялся за работу с неутомимой энергией, веря, что получает вдохновение свыше, как и апостол святой Иоанн во время своего пребывания на острове Патмос. По наущению своих друзей, которые убеждали его выступить против безбрачия монахов и монахинь, он обратил свое внимание на этот вопрос и опубликовал работу /О монашеских обетах/, в которой заявил, что такие обеты целомудрия, противоречащие свободе Евангелия, греховны и ими следует пренебрегать. В своей книге "О мессе" он подверг критике мессу и всю теорию христианского священства, заявив, что каждый верующий в истинном смысле является священником. Он обрушил на Генриха VIII поток самых жестоких оскорблений. из Англии, который в своей "Защите семи таинств" осмелился вступить в спор с немецким реформатором. В то же время он взялся подготовить перевод Нового Завета в качестве средства продвижения своей пропаганды. С помощью неправильных переводов и заметок на полях он стремился популяризировать свои взгляды на Веру и Оправдание и завоевать расположение людей,

открыв им слово Божье, которое, как он ложно утверждал, было закрыто от них на протяжении веков.

Все его брошюры были написаны популярным языком и представляли собой именно те произведения, которые могли бы понравиться широким массам людей, а также низменным инстинктам тех, кто вступил в религиозное состояние скорее по желанию своих родителей или опекунов, чем повинаясь призыву Бога. Но в то время как Лютер таким образом угождал толпе, Меланхтон стремился заручиться поддержкой более образованных классов, придав учению Лютера научную и систематическую форму в своей работе "Места коммуны" (1521), книге, которая на протяжении веков оставалась общепринятым авторитетом в области лютеранского учения.

Было бы неправильно предполагать, что Лютер разработал свою теологическую систему во всей ее полноте до своего отделения от Церкви. В вопросе об оправдании и свободе воли он пришел к взглядам, явно противоположным католической доктрине, но его система как таковая формировалась лишь постепенно в ответ на нападки его противников или требования друзей. С одной стороны, проникнутый идеями немецкого пантеистического мистицизма, Лютер исходил из неизменного принципа, согласно которому действия человека контролируются необходимыми законами и что даже после оправдания человек полностью лишен свободы воли, по крайней мере, в религиозных вопросах. По его словам, человеческая природа была настолько искалечена и испорчена грехом Адама, что любая работа, которую может выполнять человек, является и должна быть греховной, потому что она каким-то образом проистекает из вожделения. Следовательно, утверждал он, добрые дела бесполезны для обретения оправдания, которое может быть получено только верой; и под верой он понимал не простое интеллектуальное согласие с богооткровенными доктринами, но практическую уверенность, проистекающую, без сомнения, из этого согласия, что заслуги Христа будут применены к душе. Через эту веру грешник ухватывается за праведность Христа, и, применяя к себе справедливость своего Спасителя, его грехи покрываются. По этой причине Лютер объяснял, что оправдание не означает фактического прощения греха путем привития некоей внутренней привычки, называемой освящающей благодатью, а только невменение вины на основании заслуг Христа.

Поскольку для оправдания необходима только вера, логически вытекало, что в системе Лютера не было места Таинствам, хотя из уважения к старым традициям он сохранил три Таинства: Крещение, Покаяние и Евхаристию. Однако они, как он позаботился объяснить, не производят благодати в душе. Это всего лишь внешние заверения в том, что принимающий их имеет веру, без которой он не может быть оправдан. Отвергнув таким образом систему таинств и жертвенный характер мессы, было вполне естественно, что он пренебрег священством и провозгласил, что все верующие были священниками. В согласии со своей теорией оправдания и ее зависимости от веры, он осудил Чистилище, Молитвы за умерших, Индульгенции и Обращение к Святым как сами по себе принижающие заслуги Христа.

С другой стороны, он провозгласил в качестве ведущего принципа, что Библия является единственным правилом веры, а индивидуальное суждение - ее единственным толкователем. Следовательно, он отверг идею видимого авторитета, установленного Христом как непогрешимый проводник в религиозных делах. Таким образом, он стремился подорвать авторитет Церкви, принизить ценность постановлений пап и Генеральных Соборов и вновь

заверить своих менее смелых последователей, лишив церковных порицаний более половины их ужасов.[22]

Результаты литературной деятельности Лютера вскоре стали очевидны в Виттенберге и других центрах Германии. Августинцы в собственном монастыре Лютера отменили свои обеты как ничего не стоящие и отказались от мессы. Карлштадт объединился с самыми радикальными элементами города, отслужил рождественским утром мессу на немецком языке (1521 г.) и причащал каждого, кто подходил принять Святое Причастие, без каких-либо расспросов об их духовном состоянии. Поставив себя во главе отряда студентов и хулиганов, он обошел церкви, уничтожая картины, статуи, исповедальни и алтари. Чтобы усилить неразбериху, группа мужчин в Цвиккау во главе с сапожником Николасом Сторчем и проповедником Томасом Мюнцером, следуя принципу частного суждения, отстаиваемому Лютером, настаивали на вере как на условии крещения и отвергали крещение младенцев как бесполезное. Их называли анабаптистами. Они утверждали, что являются особыми посланниками от Бога, одаренными силой творить чудеса и удостоенными видений свыше. Напрасно Лютер нападал на них как на еретиков и призывал своих помощников подавить их как более опасных, чем паписты. Карлштадт, не в силах ответить на их аргументы на основании Священного Писания, перешел на их сторону, и даже Меланхтон почувствовал себя настолько потрясенным в своем противостоянии, что обратился к Вартбургу за советом. Студенты университета стали настолько беспокойными и неспокойными, что герцог Георг Саксонский начал предпринимать быстрые и решительные действия, необходимые для выхода из такой опасной ситуации. Лютер, встревоженный за будущее своей работы, покинул свое убежище в Вартбурге (март 1522 г.) и вернулся в Виттенберг, где ему пришлось прибегнуть к суровым мерам, чтобы положить конец неразберихе. Он изгнал Карлштадта из города и даже следовал за ним в другие места, где тот пытался найти убежище, пока, наконец, после весьма поучительной сцены между ними в публичной таверне не вынудил его бежать из Саксонии. Величайшим оскорблением Карлштадта в глазах его учителя была его проповедь против Реального Присутствия Христа в Евхаристии, хотя сам Лютер признавал, что ему хотелось бы отрицать Реальное Присутствие, хотя бы для того, чтобы досадить папе, если бы слова Священного Писания не оказались слишком сильными. Карлштадт придерживался другой интерпретации, но Лютер был не тем человеком, который потерпел бы индивидуальное суждение в отношении одного из своих помощников. Карлштадт был объявлен еретиком и богохульником, для которого никакое наказание не могло быть достаточно суровым. Мюнцер тоже был изгнан, и с помощью курфюрста Лютер смог победить всех своих противников.

Своим успехом в первые годы своей кампании Лютер был обязан главным образом своей способности оценивать чувства различных классов, поддержку которых он хотел заручиться, а также своему полному владению немецким языком. Обращаясь к монахам и монахиням, которые стремились освободиться от взятых на себя обязательств, он предложил им полную свободу, осудив их обеты как противоречащие свободе Евангелия и, следовательно, греховные. Многие монахи и монахини покинули свои монастыри и бежали в Виттенберг, чтобы обрести удовольствия, в которых им было отказано до сих пор, и применить на практике учение Лютера о необходимости брака. Хотя он поощрял епископов и священников вступать в брак и хотя он направил Карлштадту свои самые теплые поздравления по поводу его помолвки с пятнадцатилетней девушкой (1522 г.), сам Лютер долго колебался, прежде чем решиться на последний шаг; но в конце концов, вопреки совету своих лучших друзей, он взял в жены Екатерину Бору, одну из сбежавших монахинь, нашедших убежище в Виттенберге. Его женитьба

(1525) была источником веселья для его противников, равно как и смятения для его сторонников. Меланхтон горько жаловался на шаг, предпринятый его учителем, но утешал себя мыслью, что женитьба, возможно, положит конец его прежнему легкомыслию и рассеет подозрения, которые вызвало его поведение.[23] К князьям, вольным городам и безземельным рыцарям он обращался с надеждой, что они могут обогатиться за счет раздела церковных владений и имущества монастырей и церквей. После свержения папы и епископов князья были вынуждены ожидать, что они сами могут стать духовными диктаторами в своих собственных владениях. Другам гуманистического движения и многочисленной группе профессоров и студентов он представлялся поборником образования и интеллектуальной свободы, стремящимся защитить их от мракобесия схоластов и вмешательства римских конгрегаций.

Большое число ведущих гуманистов, полагая, что Лютер предпринял всего лишь кампанию против общепризнанных злоупотреблений, поначалу были склонны сочувствовать его движению. Дружеское отношение, которое они приняли, и влияние, оказанное Эразмом и другими на него в первые годы его восстания, немало способствовали его окончательному успеху. Но когда стало очевидно, что его целью было ниспровержение Церкви и доктрин, принятых в качестве догматов веры всем христианским миром, его бывшие союзники отпали один за другим. По вопросу о свободе воли Эразм, который долгое время играл двойную роль, счел необходимым открыто выступить против него.[24] Ответ Лютера, полный личных оскорблений и инвектив, вызвал резкий ответ со стороны Эразма, и все дружеские отношения между ними были прерваны навсегда.

Но именно на народные массы, крестьян и ремесленников, Лютер в основном рассчитывал за поддержку, и именно к ним он обращал свои самые решительные призывы. Крестьяне Германии, подавленные высокими налогами и низведенные до положения рабов, были готовы прислушаться к революционным идеям, выдвинутым такими лидерами, как Зикинген и фон Гуттен, и откликнуться на призыв Лютера восстать против своих князей, независимо от того, были ли они светскими или церковными. В воображении крестьян Лютер предстал как друг человеческой свободы, преисполненный решимости избавить их от невыносимого ига, наложенного на них их хозяевами. Сначала его нападки ограничивались князьями-епископами и аббатами, но вскоре, осознав силу оружия, которым он владел, он атаковал князей-мирян в брошюрах, озаглавленных "Христианская свобода" и "Светская магистратура", и выступал за полное свержение всякой власти. Несомненно, верно, что многие крестьяне уже были записаны в тайные общества, и что, если бы не существовало Лютера, можно было бы ожидать народного восстания; но его доктрины о евангельской свободе и яростные нападки на церковных и мирских правителей повернули движение в антирелигиозное русло и придали борьбе единообразие и ожесточенность, которых иначе она никогда бы не приобрела.

Восстания крестьянства происходили в различных частях Германии, особенно в Швабии, Тюрингии, Рейнских провинциях и Саксонии (1524). Томас Мюнцер, лидер анабаптистов, поощрял их в борьбе за свободу. Сначала атака была направлена главным образом против духовных князей. Многие монастыри и церкви были разграблены, а несколько дворян были преданы смерти. Вскоре светские князья Германии, встревоженные ходом революционеров и опасаясь за безопасность своих собственных территорий, собрали свои силы и выступили против повстанцев. Война велась безжалостно с обеих сторон, около 100 000 крестьян были убиты на поле боя, в то время как многие из их лидеров, в том числе Томас Мюнцер, были арестованы и приговорены к смертной казни. Почти в каждом важном сражении крестьяне, как

и следовало ожидать, терпели поражения, так что к концу 1525 года движение, практически говоря, подошло к концу. Лютер, с которым консультировались обе стороны и который пытался не связывать себя обязательствами ни с той, ни с другой, напуганный самой силой бури, в создании которой он сыграл важную роль, обратился к князьям с призывом не проявлять милосердия к силам беспорядка,[25] и даже Меланхтон, каким бы мягким и умеренным он обычно ни был, не колеблясь заявил, что крестьяне Германии имеют больше свободы, чем должно быть позволено такому грубому и некультурному народу. Крестьянская война, какой бы катастрофической она ни была, принесла некоторую пользу, открыв людям глаза на опасные последствия экстравагантных речей Лютера и дав некоторые слабые указания на реальный характер и методы этого человека, который выдавал себя за посланного небом реформатора и в то же время за поборника народной свободы.

Но хотя Лютер потерял позиции во многих кругах из-за той роли, которую он сыграл до и во время крестьянской войны, он не собирался в отчаянии прекращать борьбу. В первые годы своей предвыборной кампании он был настолько поглощен свержением существующих религиозных институтов, что у него было мало времени на размышления о том, как ему следует восстановить то, что он разрушил. Сначала он думал, что никакой видимой организации не требуется, поскольку Церковь, по его мнению, состояла из всех тех, кто обладал истинной верой и милосердием. Но вскоре он отказался от этой идеи в пользу окружных или поместных церквей, которые должны быть полностью независимы. Беспорядки в Германии во время Крестьянской войны показали ему безнадёжность такого плана и показали, что его единственный шанс на постоянный успех заключается в организации государственных церквей, которые будут переданы под защиту и власть гражданских правителей. Этой взяткой он надеялся умиротворить принцев, которых он настроил против себя своими нападениями на их собственное тело, а также своим поведением на ранних стадиях беспорядков. Курфюрст Иоанн Саксонский, сменивший своего брата Фридриха, поначалу колебался, стоит ли помогать ему в важном деле создания конкурирующей христианской организации. Но, в конце концов, памятуя о преимуществах, которые он получил бы от признания верховным главой Церкви в своих собственных владениях, он неохотно согласился с планами, сформулированными Лютером.

Группа посетителей, состоящая из священнослужителей и юристов, была назначена для разработки новой церковной конституции, наиболее примечательной чертой которой была полная зависимость новой церкви от светской власти каждого штата. Епископальная юрисдикция была отвергнута, и вместо епископов были назначены суперинтенданты. Обычное управление должно было осуществляться синодом клириков и мирян, избираемых различными приходами, но в действительности право назначать, взимать налоги, распределять мирские блага и разрешать юридические трудности перешло под контроль суверена. Как ни странно, хотя Лютер настаивал на индивидуальном суждении во время своей кампании против католической церкви, ему не составило труда убедить гражданских правителей заставить всех своих подданных присоединиться к новой религиозной организации. Имущество католической церкви должно было быть присвоено, часть из них была отложена для поддержки новой религиозной организации, в то время как большая часть попала в королевскую казну. Месса, лишённая Возвышения и всего, что могло бы подразумевать идею жертвы, была переведена на немецкий язык, так что во всех торжественных религиозных службах место Жертвоприношения занимали гимны, уроки из Священных Писаний, проповедь и Вечеря Господня. Меланхтон написал Книгу посещений (1527) для руководства лютеранскими священниками, а сам Лютер опубликовал два катехизиса для обучения детей. Лютеранская церковь была организована по

аналогичному плану в Гессене и Бранденбурге, а также во многих вольных городах, таких как Нюрнберг, Магдебург, Бремен, Франкфурт, Ульм и др. Этими мерами разделение было окончательно завершено, и новой религии было обеспечено определенное единство.

Между тем, как обстояли дела у императора и папы римского? Вскоре после Нюрнбергского сейма (1522 г.) Карл V. уехал из Германии в Нидерланды. Из-за беспорядков в Испании и затянувшейся войны с Францией он был не в состоянии уделять какое-либо внимание развитию дел в Германии. Управление империей было поручено трем представителям, самым способным из которых был курфюрст Фридрих Саксонский, друг и покровитель Лютера. В результате у Лютера были развязаны руки для распространения своих взглядов, несмотря на вормский декрет.

Лев X. умер в 1521 году, и ему наследовал Адриан VI (1522-3), бывший наставник императора. Как голландец, можно было бы ожидать, что его представления немецким князьям окажутся более эффективными, чем у его итальянского предшественника, тем более что даже его злейшие враги не смогли обнаружить ничего достойного порицания ни в его принципах, ни в личном поведении. Убежденный, что единственный шанс Лютера заручиться поддержкой заключался в его преувеличенных разоблачениях реальных или мнимых злоупотреблений, он решил провести полную реформу сначала в самом Риме, а затем во всем христианском мире. Из-за его плохо скрываемого презрения ко всему, что было дорого сердцу гуманиста Льва X., и из-за суровых мер, принятых им для сокращения расходов при римском дворе, он столкнулся с большой оппозицией в Риме и навлек на себя неприязнь как официальных лиц, так и народа.

Когда он узнал, что в Нюрнберге (1522 г.) состоится сейм для рассмотрения планов защиты империи от турок, захвативших Белград, он отправил Чирегати в качестве своего нунция пригласить князей привести в исполнение Вормский декрет и восстановить мир в Церкви путем подавления лютеранского движения. В своих письмах отдельным членам сейма и в своих инструкциях нунцию, которые были публично зачитаны собравшимся представителям, Адриан VI. признал существование серьезных злоупотреблений как в самом Риме, так и почти во всех слоях церкви.[26] Однако он пообещал сделать все, что в его силах, чтобы осуществить полную и основательную реформу.

Эти признания только укрепили позиции Лютера и его сторонников, которые указывали на них как на оправдание всего движения, и предоставили князьям правдоподобное объяснение их бездействия в приведении в исполнение вормского декрета. Князья отказались выполнять вормский указ, сославшись в качестве оправдания на опасность народных волнений. Они еще раз выдвинули претензии германской нации к Риму (/ Centum Gravamina/), настаивали на созыве Общего Собора для восстановления мира в Церкви и выражали смутную надежду, что будут предприняты усилия по предотвращению распространения нового учения до созыва Собора.

Папский нунций, недовольный позицией представителей, покинул сейм до того, как ему был вручен официальный ответ. Адриан VI, сознавая безуспешность своих усилий и утомленный противодействием римлян, которым не нравились его реформы, предпринял последнюю бесплодную попытку привлечь на свою сторону Фридриха Саксонского. Известие о том, что остров Родос, для защиты которого он так усердно трудился и молился, попал в руки турок, довершило его страдания и преждевременно свело в могилу. Он умер в сентябре 1523 года к великой радости римлян, которые едва могли скрыть свое ликование, даже когда он лежал на

смертном одре. Он был превосходным папой, хотя, возможно, и недостаточно осмотрительным для тех критических времен, в которые он жил. Если бы он был избран столетием раньше и если бы ему была предоставлена возможность провести реформы, как это было дано некоторым из его предшественников, лютеранское движение было бы невозможно.

Ему наследовал Климент VII. (1523-34). Новый папа был родственником Льва X и, как и он, покровителем литературы и искусства. Он был человеком безупречной жизни и либеральных взглядов, наделенным большим благоразумием и тактом, но его чрезмерная осторожность и недостаток твердости привели к крушению его хорошо продуманных планов и провалу его общей политики. Он направил кардинала Кампеджио в качестве своего легата на нюрнбергский сейм (1524). И снова германские князья проигнорировали призыв папы, отказались принять энергичные меры для приведения в исполнение вормского декрета и заговорили о создании комиссии для рассмотрения жалоб их народа на Рим и расследования поднятых религиозных вопросов. Кампеджио, чувствуя, что безнадежно ожидать помощи от сейма, обратился к отдельным князьям. Ему удалось заключить союз в Ратисбоне (1524) междуправителями Австрии, Баварии и несколькими церковными князьями Южной Германии с целью противодействия новому учению и защиты интересов католической церкви. Аналогичный союз католических князей Северной Германии был заключен в Дессау в 1526 году. В то же время князья, благосклонно относившиеся к лютеранским взглядам, в частности Филипп Гессенский, Иоанн, курфюрст Саксонии, правители Бранденбурга, Пруссии, Мекленбурга и Мансфельда, вместе с представителями городов Брауншвейг и Мекленбург, встретились и обязались действовать сообща, если император или католические князья попытаются силой подавить учение Лютера. Таким образом, Германия постепенно разделялась на два враждебных лагеря.

К сожалению, Карл V, чье присутствие в Германии могло бы оказать сдерживающее влияние, был настолько поглощен борьбой не на жизнь, а на смерть с Францией, что у него не было времени следить за ходом религиозного восстания. Чтобы еще больше усложнить проблему, Климент VII, который некоторое время после своего избрания был дружелюбен к императору, встревоженный тем, что свобода Папской области и Святого Престола может оказаться под угрозой, если французы будут полностью изгнаны с полуострова, открыто выступил против Карла V. и заключил союз с его противником. Удача, которая улыбнулась французскому оружию, внезапно покинула их. В 1525 году Франциск I потерпел поражение при Павии и был доставлен в качестве пленника в Испанию, где был вынужден принять условия, продиктованные ему его победоносным соперником. После своего освобождения в 1526 году он отказался соблюдать условия Договора, и против Карла V был сформирован новый союз, состоящий из папы Римского, Франции, Англии, Венеции, Флоренции, Милана и Швейцарии. Беспорядки, спровоцированные итальянскими сторонниками императора, вспыхнули в Папской области, и немецкая армия во главе с принцем Бурбонским двинулась на Рим без ведома Карла, захватила город, разграбила его сокровища и в течение нескольких дней совершала ужасную месть гражданам. Карл, находившийся в то время в Испании, был глубоко опечален, когда до него дошла весть о разрушении, учиненном его подчиненными. Между императором и папой немедленно был заключен временный мир, и Барселонский мир 1529 года положил конец этой нечестивой распре. Примерно в то же время военные действия между Карлом и Франциском I. были завершены Камбре, и император, коронованный папой в Болонье (1530), наконец смог обратить свое внимание на религиозную революцию в Германии.[27]

Во время борьбы между Карлом V и папой римским у лютеранских князей были развязаны руки поступать, как им заблагорассудится, и, действительно, одно время они не теряли надежды, что Карла удастся склонить встать во главе их. Кроме того, из-за того факта, что турки наступали на Венгрию и, вероятно, могли захватить наследственные владения Дома Габсбургов, они были уверены, что не может быть предпринято никаких попыток подавить лютеранство силой. На сейме в Шпайере в 1526 году Иоанн, герцог Саксонии, и Филипп Гессенский заняли настолько жестокую и непримиримую позицию, что Германия оказалась на грани гражданской войны, если бы эрцгерцог Фердинанд, встревоженный успехами турок, не использовал все свои силы, чтобы предотвратить раскол. Было решено, что обе стороны должны объединиться против турок, что в течение года должен быть созван Собор для обсуждения религиозных трудностей, и что тем временем отдельные правители вольны приводить в исполнение вормский декрет или игнорировать его по своему усмотрению.

Эти уступки, вырванные у католических князей из-за страха турецкого вторжения, не удовлетворили ни одну из сторон. Среди протестантских князей были распространены ложные слухи о том, что герцог Георг Саксонский и другие католические правители намеревались прибегнуть к оружию, и хотя герцогу удалось снять с себя обвинение, отношения между двумя партиями постепенно становились все более напряженными. В 1526 году турки разгромили венгров и богемцев при Мохаче и, продвинувшись в Австрию, расположились лагерем под самыми стенами Вены. Возникла необходимость созвать еще один сейм в Шпайере (1529). Католические князья составляли большинство, и знание того, что император заключил мир с Францией и папой римским и теперь готов поддержать их, сделало их менее склонными подчиняться диктату. Большинство голосов было поддержано, что императору следует постараться созвать Собор в течение года, что тем временем правители, на территориях которых действовал вормский декрет, должны продолжать обеспечивать его соблюдение и что в штатах, где новое учение пустило корни, правители вольны позволить ему продолжаться, но в период до Собора они не должны допускать внесения каких-либо дальнейших изменений. Никому не должно быть позволено проповедовать против Таинства Алтаря; месса должна быть отслужена, если ее не отменили, а если отменили, то никто не должен быть наказан за ее совершение или посещение, и Священное Писание должно толковаться в соответствии с традиционным толкованием Церкви.

Лютеранская партия решительно возражала против этого указа, и поскольку их возражения были отклонены, они подали официальный протест, за что получили отличительный титул протестантов.[28] Протест, подписанный курфюрстом Саксонии, маркграфом Бранденбургским, герцогами Брауншвейг-Люнебургским, Филиппом Гессенским и представителями четырнадцати городов, не произвел никакого эффекта на сейм, и была назначена депутация для беседы с императором и изложения ему своих жалоб. Но Карл V, помня о своей императорской клятве, не позволил запугать себя. Он предупредил делегацию, что у него и католических князей также есть свои обязанности по отношению к Богу и Церкви, и что до тех пор, пока не соберется Совет, они должны подчиняться постановлениям Сейма. В январе 1530 года он созвал в Аугсбурге новый сейм, на котором обещал присутствовать сам.

Сейм был созван на заседание в Аугсбурге в апреле 1530 года, но только в середине июня император в сопровождении папского легата совершил свой официальный въезд в город. На следующий день праздник Тела Христова отмечался с обычной торжественностью, и император был глубоко огорчен, когда узнал, что протестантские князья отказались присутствовать или

принимать какое-либо участие в торжестве. На открытии сейма было решено, что религиозный вопрос должен иметь приоритетное значение, и протестантским князьям было предложено четко изложить свои доктрины и требования. Сам Лютер не смог присутствовать из-за вормсского декрета, и поэтому обязанность подготовить полное изложение протестантской доктрины была возложена на самого способного из его помощников, Филиппа Меланхтона. Он составил и представил сейму документ, известный как / Аугсбургское исповедание/ (/ Confessio Augustana/), принятый самим Лютером как мастерское, хотя, возможно, и слишком умеренное изложение нового учения. Исповедь была разделена на две части, первая из которых состояла из двадцати одной статьи или догмата веры, принятого им самим и его друзьями; вторая касалась того, что он называл злоупотреблениями, которые они отвергали, примечательными среди них были безбрачие духовенства, монашеские обеты, исповедь на ушной раковине, частные мессы, причастие одним видом, воздержание и епископальное управление. Исповедь была составлена очень искусно, большое внимание уделялось доктринам, с которыми были согласны все христиане, в то время как отличительные догматы протестантских реформаторов были выдвинуты в их самой мягкой и наименее оскорбительной форме. Документ был зачитан сейму на немецком языке Байером, канцлером курфюрста Саксонии, и, несомненно, он произвел заметное впечатление на собрание. Император провел совещание с католическими князьями, некоторые из которых выступали за немедленное применение самых суровых мер. Другие, однако, среди которых были несколько церковных князей, введенные в заблуждение умеренным и, в определенном смысле, вводящим в заблуждение характером заявления Меланхтона и полагавшие, что мирное решение религиозной проблемы все еще возможно, убеждали Карла V. воздержаться от решительных действий. Было решено, что работа по изучению и опровержению Аугсбургского исповедания должна быть поручена определенному числу католических богословов, наиболее выдающимся из которых были Экк, Коклей и Конрад Вимпина.[29] К сожалению, эти люди позволили своему естественному чувству раздражения взять верх над их суждениями, и, не удовлетворившись спокойным и рассудительным опровержением представленного им документа, они горячо атаковали преувеличения, противоречия и искажения католической доктрины, в которых был виновен Лютер, и преуспели в придании своему ответу горького и ироничного тона, который, скорее всего, усилил, чем излечил раскол. По просьбе императора они весьма существенно изменили его, полностью ограничившись кратким и беспристрастным рассмотрением отдельных моментов, поднятых Меланхтоном, и в измененной форме их опровержение (/ Confutatio Confessionis Augustanae/) было представлено сейму (3 августа).

Когда ответ католических богословов был зачитан, император призвал протестантских князей вернуться к единству Церкви; но его призыв остался без внимания, и казалось, что вопрос должен был быть немедленно решен гражданской войной. В качестве компромисса было предложено, чтобы представители обеих партий встретились на конференции, при этом Экк, Коклей и Вимпина были выбраны в качестве католических богословов, а Меланхтон, Бренц и Шнеп - в качестве защитников лютеранства. С самого начала всем должно было быть очевидно, что там, где разногласия были столь фундаментальными, когда одна сторона поддерживала теорию непогрешимой Церкви как единственного надежного руководства в религиозных вопросах, а другая полностью отвергала авторитет Церкви и Папы в пользу индивидуального суждения, обсуждение конкретных догм никогда не могло привести к единству. На самом деле Меланхтон был готов пойти на важнейшие уступки, и по вопросу о первородном грехе, свободе воли, оправдании, вере, покаянии и заступничестве святых были выдвинуты формулы, не

вызывающие неудовольствия ни у одной из сторон. Даже в том, что касалось Евхаристии, юрисдикции епископов и верховенства Рима, Меланхтон был склонен пойти далеко навстречу своим оппонентам, к большому неудовольствию экстремистов из его собственной партии и немалой тревоге Лютера.[30] Но на самом деле кажущаяся гармония существовала только на бумаге, и уступки, на которые шел Меланхтон, полностью зависели от значения, которое следовало придавать двусмысленной фразеологии и оговоркам, которыми они облекались. По вопросу о мессе, безбрачии духовенства и заслуженном характере добрых дел не было достигнуто согласия, поскольку Меланхтон, встревоженный противодействием своих собственных сторонников и упреками Лютера, не желал менять свою позицию. То, чего не смогла сделать конференция теологов, было предпринято смешанной комиссией, состоящей из князей, теологов и юристов, но без какого-либо результата. В сентябре император объявил, что он пытается добиться созыва Генерального собора и что тем временем протестанты должны вернуться к старой вере, предоставив им определенное время на размышление, что они не должны предпринимать никаких дальнейших нововведений или вмешательства в дела последователей старой веры, что они должны восстановить захваченные церковные ценности и что они должны объединиться с католиками в противостоянии анабаптистам и сакраментариям.

Протестантские князья отказались подчиниться на том основании, что их доктрины соответствовали Слову Божьему, и, чтобы обосновать это утверждение, Меланхтон опубликовал / *Apologia Confessionis Augustanae*/, которая во многих пунктах была более полной и недвусмысленной, чем само Исповедание. Некоторые немецкие города, принявшие доктрину цвинглианства, в частности, Страсбург и Констанц, отреклись от Аугсбургского исповедания и представили документ, отражающий их убеждения, известный как / *Confessio Tetrapolitana*/, который не нашел одобрения ни у Карла V, ни у сейма. Наконец, 18 ноября император объявил сейму, что до созыва Генерального совета все должно быть восстановлено к "статус-кво", что он считает своим долгом как защитника Церкви защищать католическую веру всеми своими силами и что в этой работе он может рассчитывать на полную поддержку католических князей. К сожалению, ни в коем случае нельзя было утверждать, что католические правители Германии стояли за спиной своего императора. Почти все они стремились любой ценой избежать гражданской войны, и многие из них без колебаний поддержали императора, опасаясь, что подавление протестантских князей может привести к установлению сильной центральной власти. Протестантов также не встревожила угроза применения силы. Поскольку турки находились на флангах империи, они были уверены, что могут ожидать уступок, а не насилия.

Протестантские князья встретились в декабре (1530 г.) в Шмалькальде, чтобы обсудить свою позицию, и в начале следующего года (1531 г.) они сформировали Шмалькальдскую лигу для защиты своих религиозных и светских интересов. Были начаты переговоры с Францией, Данией и Англией, и императору было направлено уведомление о том, что они должны воздержаться от оказания помощи против турок до тех пор, пока их религиозные убеждения не будут укреплены. Более того, они отказались признать Фердинанда, брата Карла V. Которого Карл провозгласил королем римлян. Император, встревоженный известием о том, что Солиман готовит огромную армию для общего нападения на Италию и Австрию, и прекрасно понимающий, что он не может рассчитывать ни на помощь католических князей, ни на нейтралитет Франции, был вынужден уступить. В июле 1532 года в Нюрнберге был заключен мир. Согласно условиям Нюрнбергского мира, было решено, что до тех пор, пока не соберется Генеральный совет, не следует предпринимать никаких действий против протестантских князей и что в течение этого промежутка времени все должно было оставаться без изменений. Было оговорено, что это

соглашение должно применяться только к тем, кто принял Исповедание Аугсбурга, условие, которое должно было исключить последователей Цвингли.

Карл V действительно стремился к созыву Собора, как и Климент VII. не желая идти навстречу его желаниям, если бы только он мог быть уверен, что Совет, сформированный так, как традиционно создавались подобные ассамблеи, мог бы служить какой-либо полезной цели. Снова и снова Лютер выражал свое крайнее презрение к авторитету Генеральных советов, хотя и заявлял, что не прочь передать спорные вопросы на рассмотрение совета людей, избранных гражданскими правителями. В 1532-3 годах папа и император встретились в Болонье, чтобы обсудить ситуацию, и были отправлены гонцы, чтобы узнать, на каких условиях протестанты согласятся присутствовать на Соборе. Члены Шмалькальдской лиги отказались (1533 г.) принять условия, предложенные папой, а именно, что Совет должен быть сформирован в соответствии с планом, которому до сих пор следовали в отношении таких собраний, и что все должны заранее пообещать принять его постановления.[31]

Климент VII. умер в сентябре (1534), и ему наследовал Павел III. (1534-49). Он созвал Генеральный совет для встречи в Мантуе в 1537 году, но Лига снова отказалась присутствовать (1535). Даже если бы на этом пути не возникло других трудностей, война, разразившаяся с новой силой между Карлом V и Франциском I. сделала бы невозможной для такого объединения какую-либо надежду на успех. Беспомощное положение императора, которому противостояли, с одной стороны, французы, а с другой - турки, вселило надежду в протестантскую партию и сделало их более решительными, чем когда-либо, не посещать никаких Соборов, на которых признавалась бы власть епископов или юрисдикция папы. Более того, каждый год в их ряды вступали новые люди. Появление организованных христианских организаций, полностью национальных по своему характеру, признающих гражданских правителей своими главами и предоставляющих им полную власть распоряжаться церковной собственностью по своему усмотрению, произвело глубокое впечатление на нескольких князей и вольные города и побудило их не прочь подвергнуть новую религию справедливому суду. В 1530 году курфюрст Саксонии Филипп Гессенский и правители Ансбаха, Ангальта, Брауншвейга-Люнебурга, Байройта, Восточной Фрисландии и нескольких более крупных городов перешли на сторону Лютера. Не прошло и десяти лет, как большая часть Северной Германии отпала от католической церкви, и даже в Южной Германии протестантизм добился серьезных успехов. Несколько наиболее важных городов, таких как Виттенберг, Страсбург, Нюрнберг, Магдебург, Франкфурт-на-Майне, Гамбург и Эрфурт, стали ведущими центрами распространения нового учения, в то время как многие немецкие университеты, например, Эрфурт, Базель, Франкфурт, Росток и Марбург, решительно поддерживали усилия Лютера.

Католические князья, встревоженные быстрым распространением новых доктрин и экстравагантными требованиями протестантов, собрались вместе, чтобы сформировать Священную лигу (1538) для защиты от шмалькальдской конфедерации. В то время настроения были настолько накалены, что долгожданная война могла бы разразиться немедленно, если бы страх перед турецким вторжением не оказал сдерживающего влияния на обе стороны. В 1539 году были начаты переговоры о временном перемирии, и была предпринята еще одна бесплодная попытка достичь мира посредством религиозной конференции. Прежде чем был достигнут какой-либо результат, император созвал сейм в Ратисбоне (апрель 1541 г.). Для обсуждения спорных вопросов с обеих сторон были назначены три теолога. Хотя некоторые представители католической церкви достаточно ясно показали, что их желание объединения

было намного больше, чем их знание католических принципов, взаимопонимание было достигнуто лишь в отношении нескольких моментов различия. Во время перерыва в работе сейма (известного как "Временный Ратисбонский") было приказано, чтобы обе стороны соблюдали догматы веры, о которых они договорились, до проведения Общего совета, чтобы в этот промежуток времени условия Нюрнбергского мира строго выполнялись, чтобы религиозные дома, которые до сих пор избежали разрушения, оставались нетронутыми и чтобы католики соблюдали дисциплинарные декреты, обнародованные кардиналом-легатом (Контарини).

Протестантские князья все еще были недовольны. Чтобы заручиться их помощью, Карл был вынужден уступить дальнейшим требованиям, в частности, разрешить им подавлять монастыри в их владениях. Но, к счастью для католической церкви, соглашение, воплощенное во Временном соглашении Ратисбона, было отвергнуто более радикальной протестантской партией, возглавляемой самим Лютером, и опасность серьезного недопонимания была устранена.

В последующие годы лютеранское движение продолжало развиваться семимильными шагами. Герцог Георг Саксонский, один из ее ярых противников, умер в 1539 году, и его преемник пригласил лютеранских проповедников помочь ему в проведении реформы. Генрих, герцог Брауншвейгский, был изгнан из своего королевства Шмалькальдской лигой и вынужден искать убежища в Баварии. Епископства Хильдесхайм и Наумбург были захвачены силой, и потребовались все усилия папы римского и императора, чтобы предотвратить передачу Кельна последователям Лютера его князем-епископом (Германом фон Видом). Лютеранство представляло почти непреодолимую привлекательность для правителей-мирян, желавших приобрести богатство и власть за счет Церкви, а также для недостойных церковных князей, стремившихся превратить государства, которыми они были всего лишь управляющими, в наследственные владения.

Но хотя внешне движение процветало сверх всяких ожиданий, внутри все было далеко не так хорошо. Фундаментальный принцип, провозглашенный Лютером, а именно неприятие всякого религиозного авторитета, открыл путь для новых теорий и новых сект. Совершенно независимо от разногласий между последователями Лютера и Цвингли, которые будут рассмотрены позже, анабаптисты и другие продолжали разрушать гармонию самозваных реформаторов. Анабаптисты захватили город Мюнстер, провозгласили демократическую теократию во главе с Иоанном Лейденским, портным, и заявили о своем намерении выступить на поле брани для свержения тиранов и самозванцев. Но их успех был недолгим. Конрад, епископ и принц Мюнстера, собрал армию, осадил город, который он захватил после отчаянной борьбы, и предал смерти фанатичных лидеров, обманувших народ (1535-1536). Другие писатели и проповедники подвергали сомнению доктрины Троицы и Воплощения и защищали многие ереси, осужденные ранней Церковью, некоторые из них заходили так далеко, что настаивали на возрождении обрезания и еврейского церемониального закона.[32]

Новое учение также не оказало возвышающего влияния на мораль или поведение его приверженцев. Сам Лютер был вынужден признать, что положение дел стало даже хуже, чем было до начала его предвыборной кампании. "С тех пор как мы начали проповедовать наше учение, - сказал он в одной из своих проповедей, - мир с каждым днем становился все хуже, нечестивее и бесстыднее. Сейчас людей осаждают легионы дьяволов, и, наслаждаясь полным

светом Евангелия, они более алчны, более нечисты и отталкивающи, чем в старину, при папстве. Крестьяне, бюргеры, дворяне, люди всех степеней, как высших, так и низших, - все в равной степени рабы алчности, пьянства, обжорства и нечистоты, предающиеся ужасным излишествам отвратительных страстей".[33]

Князья, свободные от всех религиозных и церковных ограничений, подавали пример распущенности, которому их подданные не замедлили подражать. Филипп Гессенский был жизнью и душой лютеранского движения. Он уже был женат на Кристине, дочери герцога Георга Саксонского, от которой у него родилось восемь детей, но, сочтя невозможным соблюдать свои брачные обязательства и желая придать своему собственному греховному поведению видимость порядочности, он потребовал у Лютера разрешения жениться на одной из фрейлин, прислуживавших его сестре. Эта просьба поставила Лютера и Меланхтона в очень щекотливое положение. С одной стороны, если бы они согласились на это, то считались бы покровителями и защитниками супружеской неверности и подвергли бы себя насмешкам своих противников; с другой стороны, если бы они отказались подчиниться его желаниям, Филипп, забыв о своем прежнем рвении к чистому слову Божьему, мог бы осуществить свои угрозы вернуться в католическую церковь. После долгих и тревожных раздумий они решили воспользоваться такой властью, какой никогда прежде не пользовался ни один папа. "Чтобы обеспечить благополучие его души и тела и принести еще большую славу Богу", они позволили ему взять себе вторую жену, настаивая, однако, на том, чтобы все это дело держалось в строжайшем секрете. Но едва завершилась церемония бракосочетания (1540 г.), как история об устройении стала достоянием общественности. Лютер сначала был склонен полностью отрицать это как выдумку своих врагов, но он изменил свое мнение, когда обнаружил, что доказательства неопровержимы, и решил довести дело до конца.[34]

Последние годы жизни Лютера были полны тревог и печали. Оглядывая свой родной город Виттенберг и города Германии, где пустили корни его доктрины, он не находил повода для самовосхваления. Религиозные разногласия, ожесточение, приготовления, похожие на войну, упадок образования, упадок университетов и безнравственность отмечали прогресс его евангелия. Во многих округах власть папы действительно была подорвана, но только для того, чтобы уступить место власти гражданских правителей, которых ни религиозные, ни дисциплинарные каноны не могли сколько-нибудь ограничить; монастыри и религиозные учреждения были подавлены, но их богатство перешло в сокровищницы князей, в то время как бедняки, в пользу которых оно находилось в доверительном управлении, были заброшены, и служители религии были вынуждены прибегать к различным занятиям, чтобы обеспечить себе средства к существованию. Своим последователям и самым близким соратникам он отказывал в свободе мысли и слова, на которую претендовал сам, настаивая на безоговорочном принятии своих доктрин, как будто только он был наделен высшей властью и непогрешимостью. За осуществление своего права на личное суждение Карлштадта преследовали от кафедры к кафедре, пока, наконец, он не был вынужден искать спасения в бегстве; Цвингли был объявлен еретиком, о спасении которого бесполезно молиться; анабаптисты были объявлены недостойными лучшей участи, чем меч или веревка; Агрикола, его самый ревностный соратник, был изгнан из его присутствия, а его труды были запрещены; и даже Меланхтон в конце концов был вынужден пожаловаться на состояние рабства, до которого он был доведен.[35]

Его пошатнувшееся здоровье и разочарования усугубили его характер и сделали менее доступным. Атаки, которые он направлял против папства, такие как "Папство - учреждение

дьявола", и стихи, подготовленные для вульгарных карикатур, которые он побудил Кранаха создать (1545), превзошли по жестокости и оскорбительности даже его прежние произведения. Устав нападать на папство, он снова обратил свое внимание на евреев, на которых он воззвал к мести Небес в последней проповеди, которую ему было суждено произнести на земле. Он внезапно заболел в Айслебене, куда приехал уладить какие-то споры между графами Мансфельд, и 18 февраля 1546 года скончался.[36]

Лютер - человек, характер которого трудно точно оценить. Временами он говорил и писал так, словно был наделен глубоким религиозным чувством, убежден в истинности своих доктрин и беспокоился только об успехе дела, для которого, по его словам, он был создан Богом. Некоторые из его проповедей звучали как трубный зов с Небес, предупреждающий людей о приближении часа покаяния, в то время как его беседы с близкими друзьями временами дышали духом благочестия и рвения, характерными для апостольской эпохи. Это, однако, было лишь одной чертой характера Лютера, и, к сожалению, эта черта проявлялась слишком редко. Как правило, его сочинения, проповеди и речи и, одним словом, вся его линия поведения находились в прямой оппозиции ко всему, что обычно ассоциируется в массовом сознании с истинным религиозным реформатором. Его ответы своим оппонентам, даже тем, кто, избегая личностей, обращался непосредственно к его доктринам, были выдержаны в самых жестоких и оскорбительных выражениях. Его дикие нападки и требования мести любому, кто осмеливался подвергать сомнению его учение, будь то католики, цвинглианцы, сакраментарии или анабаптисты, были полной противоположностью духу милосердия и кротости, которые должны были характеризовать последователя, если не сказать апостола, Христа. Его чрезмерная гордость и самоуверенность также не соответствовали духу кротости и смирения, столь часто прививаемому в писаниях Нового Завета.

В его письмах, и особенно в его дружеском общении со своими друзьями, [37] его разговоры часто были рискованными и непристойными; его отношения с женщинами, по крайней мере до его женитьбы на Кэтрин Бора, были, мягко говоря, не вне подозрений, как видно из его собственных писем и писем его самых преданных сторонников; в то время как его упоминания о браке и обетах целомудрия в его проповедях и брошюрах были грязными и непростительными даже в эпоху, когда люди были гораздо более откровенны на подобные темы, чем сейчас. Хотя он решительно настаивал на необходимости проповедовать чистое Слово Божье, ему было нетрудно прибегать ко лжи, когда истина не служила его целям, или оправдывать свое поведение, отстаивая принцип, согласно которому не всякая ложь греховна, особенно если она помогает нанести ущерб Римской церкви. Его частые и восторженные упоминания о застольных удовольствиях были больше похожи на то, что следовало ожидать найти в трудах языческого гастронома, чем в трудах христианского реформатора. Он не был, как иногда утверждают, заядлым пьяницей. Его неутомимая деятельность в качестве писателя и проповедника сама по себе является достаточным опровержением подобного обвинения, но он был убежден, что запой иногда полезен как для души, так и для тела, и, по крайней мере, в этом отношении он определенно соответствовал своим убеждениям.[38]

Было бы ошибкой судить о нем по его латинским сочинениям, которые как по манере, так и по стилю редко поднимаются выше уровня посредственности. Именно в его немецких книгах и брошюрах Лютер предстает в лучшем виде. Там он предстает как человек больших способностей и образованности, одаренный потрясающей памятью, поразительным литературным стилем и удачным умением улавливать слабые места своих противников и

представлять свою версию дела в наиболее убедительной и привлекательной форме. Никто лучше него не знал, как приспособиться к вкусам своей аудитории или предрассудкам своих читателей. Он мог играть роль судьи или профессора почти так же хорошо, как роль страстного фанатика, убежденного, что за его спиной стоят все силы Небесные. Имея дело с образованными людьми, которых вряд ли можно было увлечь риторикой, он мог быть спокойным и аргументированным; но когда он обращался к народным массам, он проявлял свой истинный характер популярного демагога, не колеблясь ни перед чем, что могло вызвать их негодование против Римской церкви и энтузиазм по отношению к движению, которому он посвятил свою жизнь. В словах пламенного красноречия он напомнил им о реальных и мнимых обидах их народа на Рим, о чрезмерной гордыне и тирании духовных князей, о скандальной жизни многих священнослужителей и о неспособности папы и церковных соборов осуществить план всеобщей реформы. Он призвал их сбросить иго, наложенное иностранцами на их отцов и на них самих, и поддержать его в его борьбе за свободу народа, независимость немецкой нации и изначальную чистоту Евангелия, пообещав им, что если только они встанут под его знамена, все их обиды, как духовные, так и мирские, вскоре будут устранены. Если бы Лютер никогда не появился или если бы он был менее одарен как оратор, писатель и популярный лидер, чем был на самом деле, в то время, должно быть, возник кризис; но его гений и энтузиазм превратили то, что могло быть ручейком, в бушующий поток, угрожающий разрушением верований и институтов, которые до сих пор считались незыблемыми. Настало время для реформатора, и единственной претензией Лютера на величие была его способность виртуозно использовать материалы, политические и религиозные, которые были у него под рукой. Религиозные злоупотребления, социальные волнения, политика, личное тщеславие и эксцессы, всегда сопутствующие великому литературному возрождению, были поставлены ему на службу и направлены против Римской церкви. И все же его успех далеко не оправдал его ожиданий. Вне всякого сомнения, он ухитрился оторвать отдельных людей и королевства от их повиновения папе и подчинения церковной власти только для того, чтобы подчинить их духовному игу светских государей и подвергнуть их доктринальной анархии, подрывающей догматическую религию; но Католическая церковь и Римский престол, над свержением которых он так энергично трудился, вышли победителями из ужасного испытания, которое было попущено Богом только для их очищения.

В период между / Временным периодом Ратисбонов / и смертью Лютера (1541-156 гг.) Карл V., сильно пострадавший от войны с Францией и неудачных экспедиций против берберийских пиратов, был вынужден уступить растущим требованиям протестантских князей; и Павел III, как бы сильно он этого ни желал, не смог реализовать свое намерение созвать Генеральный собор. Но, наконец, Крепийский мир (1544 г.), положивший конец войне с Францией, и созыв Генерального совета в Тренте в марте 1545 г. укрепили позиции императора и позволили ему эффективно бороться с религиозной революцией. Протестантские князья объявили о своей решимости не принимать участия в Соборе, созываемом папой римским под его председательством. Чарльз не оставил камня на камне, чтобы склонить их к более примирительной позиции, но, поскольку все его усилия оказались тщетными, он публично дал понять, что не позволит запугать себя угрозами насилия и что, если понадобится, он будет настаивать на повиновении даже под угрозой меча. Иоанн Фридрих Саксонский и Филипп Гессенский, встревоженные угрожающим положением дел, решили опередить императора и выступили в поход во главе сорокатысячной армии (1546).

Карл V, полагаясь на помощь папы Римского и сотрудничество католических князей, издал прокламацию, призывающую всех верноподданных обращаться с ними как с мятежниками и вне закона. Морис Саксонский покинул своих единоверцев, пообещав стать преемником курфюршества, встал под знамена Карла V. и совместно с Фердинандом направил свои войска против Саксонии. Курфюрст потерпел поражение и попал в плен при Мюльберге (апрель 1547 года). Он был приговорен к смертной казни как предатель, но получил отсрочку и содержался в качестве пленника в свите императора, в то время как его племянник, Морис Саксонский, унаследовал его владения. Филипп Гессенский тоже был вынужден сдаться, и Карл V повсюду одерживал победы. Он настаивал на восстановлении епископа Наумбургского и Генриха Брауншвейгского в своем королевстве, а также на отставке Германа принца фон Вида, архиепископа Кельнского. Однако он не желал впадать в крайности с протестантскими князьями, прекрасно понимая, что не может полагаться на некоторых своих собственных сторонников. Кроме того, у него возникли серьезные разногласия с папой Павлом III, который жаловался, и не без оснований, на требования, предъявляемые к нему императором, и на уступки, на которые император был готов пойти лютеранам.

Карл V. созвал сейм в Аугсбурге (1547 г.), где он надеялся, что удастся добиться постоянного взаимопонимания. Документ, известный как "Аугсбургский временный документ", подготовленный католическими богословами совместно с лютеранином Джоном Агриколой, был предварительно принят обеими сторонами. Эти доктрины были выражены в очень мягкой форме, хотя, однако, не были полностью неприемлемы для католиков. Протестантам разрешалось причащаться обоими видами; их женатому духовенству разрешалось оставлять при себе своих жен; и молчаливо подразумевалось, что они могут сохранить за собой захваченную ими церковную собственность. "Временный Аугсбург", как и следовало ожидать, вызвал недовольство обеих сторон. Морис Саксонский, не желая давать ему безоговорочное одобрение, проконсультировался с Меланхтоном и другими представителями его школы относительно того, насколько он может принять его условия. В своем ответе они различали вопросы, которые были существенными, и те, которые имели лишь второстепенное значение. Последнее могло быть принято безоговорочно в соответствии с приказами императора. Что касается доктрин, они были готовы пойти на компромисс в вопросе оправдания и добрых дел, принять таинства, включая конфирмацию и Соборования, мессу с добавлением некоторых немецких гимнов и, в определенном смысле, юрисдикцию епископов. Такие уступки были явным отходом от учения Лютера и были бы невозможны, если бы он был жив.

Отношения между папой и императором приняли более дружественный оборот, когда Генеральный совет был переведен из Болоньи в Трент (1551). Протестантские князья, которым было предложено прислать представителей, сначала отказались, но вскоре некоторые из них согласились принять приглашение. В 1551 и снова в 1552 годах Собор выдал их представителям охранные грамоты. Даже виттенбергские богословы не были настроены враждебно, и Меланхтон действительно направлялся в Трент. Но внезапно Морис Саксонский, собравший большую армию под предлогом взятия Магдебурга и укрепивший себя союзом с несколькими князьями, а также тайным договором с Генрихом II Французским, покинул императора и встал во главе протестантских сил. Когда все его планы были выполнены, он внезапно двинулся вперед через Тюрингию, взял Аугсбург и был на волосок от пленения императора, который тогда лежал больным в Инсбруке (1552). В то же время французские войска оккупировали Лотарингию. Карл, обнаружив, что не в состоянии продолжать борьбу, начал переговоры о мире, и в 1552 году был заключен Пассауский мирный договор. Филипп Гессенский должен был быть освобожден; в

течение шести месяцев должен был быть созван сейм для урегулирования религиозных разногласий; тем временем ни император, ни принцы не должны были вмешиваться в свободу совести; и все споры, которые могли возникнуть, должны были передаваться на рассмотрение комиссии, состоящей из равного числа протестантов и католиков.

Из-за войны с Францией предложенный сейм собрался в Аугсбурге только в 1555 году. Протестантская партия, воодушевленная своими победами, была не расположена к компромиссам, и поскольку было очевидно, что надежды на устранение религиозного раскола в Империи больше нет, было решено, что мир может быть обеспечен только взаимной терпимостью. В сентябре 1555 года был заключен Аугсбургский мир. Согласно условиям этой конвенции, католикам и всем протестантам, принявшим Аугсбургское исповедание, в Империи предоставлялась полная свобода совести. Последним было разрешено сохранить церковные ценности, которые они уже приобрели до Пассауского мирного договора (1552). В будущем каждый принц должен был быть свободен определять религию своих подданных, но в случае, если подданный не был доволен религией, навязанной ему своим сувереном, он мог претендовать на право переселиться на более дружественную территорию.

Возникла большая трудность в отношении распоряжения церковным имуществом на случай отступничества католического епископа или аббата. Несмотря на протесты протестантской партии, было постановлено, что в случае наступления такого события отделившийся может претендовать на свою личную собственность, но не на имущество, прикрепленное к его офису. Этот пункт, известный как */Ecclesiasticum Reservatum/*, вызвал множество споров и был одной из главных причин Тридцатилетней войны.

Аугсбургским миром/ протестантизм был признан отдельной формой христианства, и первый удар был нанесен по фундаментальным принципам, на которых была построена Священная Римская империя. Карла V обвиняли в то время и обвиняют с тех пор в том, что он дал свое согласие на такой договор, но если должным образом учесть все обстоятельства того времени, трудно понять, как он мог поступить иначе, чем поступил. Не Император должен нести ответственность за неблагоприятный характер Аугсбургского мира, а "самый католический король Франции", который вступил в союз с силами немецкого протестантизма, и католические князья, которые больше стремились обеспечить свое собственное положение, чем бороться за своего суверена или свою религию. Карл V, подорванный здоровьем и измученный своими несчастьями и неспособностью подавить религиозный бунт, решил передать более молодому человеку управление территориями, которыми он правил, и посвятить остаток своей жизни подготовке к грядущему миру. В прощальном обращении, адресованном штатам Нидерландов, он предупредил их "быть верными католической вере, которая всегда и везде была верой христианского мира, ибо в случае ее исчезновения рухнут основы добра и безраздельно воцарятся всякого рода злодеяния, которые сейчас угрожают миру". После своей отставки он удалился в монастырь в Эстремадуре, где и умер в 1558 году. Испания и Нидерланды перешли к его законному сыну Филиппу II, в то время как после некоторой задержки его брат Фердинанд был признан его преемником в империи.

Карл V. был человеком здравого смысла и либеральных взглядов, огромной энергии и благоразумия, столь же искусным в войне, сколь и в искусстве дипломатии, и почти во всех отношениях превосходил своих современников, Франциска I Французского и Генриха VIII. из

Англии. И все же, несмотря на все его признанные достоинства и несмотря на тот факт, что он был правителем трех четвертей Западной Европы, он дожил до того, чтобы стать свидетелем крушения своих самых дорогих проектов и полного провала своей общей политики. Но его отсутствие успеха не было вызвано личной неосторожностью или бездействием. Это следует отнести к обстоятельствам того времени: восстанию в Испании, открытому бунту одних и недоверию других в Германии, быстрому продвижению турок на запад и, прежде всего, борьбе с Францией. Несмотря на его многочисленные ссоры со Святым Престолом и перед лицом множества подстерегавших его соблазнов достичь всемирной диктатуры, к которой, как подозревали, он стремился, поставив себя во главе нового религиозного движения, он ни на минуту не колебался в своей верности Католической церкви. -----

[1] Грizar, / Лютер/ (англ. Пер.), i., стр. 4.

[2] /Id./ стр. 8.

[3] Грizar, / Лютер/ (англ. Пер.), i., стр. 14.

[4] Ид. глава iv.

[5] Keller, /Johann von Staupitz und die Anfänge der Reformation/, 1888.

[6] Grisar, op. cit. (Англ. Пер.), i, 34, 323.

[7] Id. i., 34, Bd. iii., 957-8.

[8] Paulus, /Johann Tetzel, der Ablassprediger/, 1899. /Die Deutschen Dominikaner im Kampfe gegen Luther/, 1903.

[9] Grisar, op. cit. (Англ. Пер.), i, стр. 341-55.

[10] Кидд, /Документы Континентальной реформации/, стр. 20-6.

[11] В частности, № 43, 45, 59, 86.

[12] /Dialogus . . . in presumptuosas M. Lutheri conclusiones de potestate Papae./

[13] Гревинг, /Иоганн Экк/ и др., 1906.

[14] "/Beatissime Pater, prostratum me pedibus tuae beatitudinis offero cum omnibus quae sum et habeo. Vivifica, occide, voca, revoca, approba, reproba, ut placuerit. Vocem tuam vocem Christi in te praesidentis et loquentis agnoscam. Si mortem merui, mori non recusabo."/

[15] Пастор, указ. соч., iv., 177-9.

[16] Creutzberg, /Karl von Miltitz/, 1907.

[17] "/Coram Deo et tota creatura sua testor, me neque voluisse neque hodie velle Ecclesiae Romanae ac Beatitudinis Tuae potestem ullo modo tangere aut quacunque versutia demoliri; quin plenissime confiteor huius ecclesiae potestatem esse super omnia, nec ei praeferendum quidquid sive in coelo sive in terra praeter unum Jesum Christum Dominum omnium/" (3rd March, 1519). Кидд, указ. соч., стр. 43.

[18] Grisar, op. cit. (Англ. Пер.), i, 359.

[19] /Кембриджская современная история/, ii., главы ii., iii.

[20] /Imperatorum nationis Germanicae gravamina ad Sadem Romanam/, 1725.

[21] De Weldige-Kremer, /De Joannis Cochlaei Vita et Scriptis/, 1865. Он был одним из самых энергичных противников партии Реформации.

[22] Schwane, /Dogmengeschichte der neuren zeit/, 1890, pp. 131-51, 210-240, 251-92.

[23] Grisar, op. cit., Bd. iii., 228.

[24] /De Libero Arbitrio/, etc., 1524.

[25] Гризар, указ. соч., Bd. i., стр. 483-502.

[26] Рейнальдус, Энн. Eccl./ (ann. 1522).

[27] Пастор, указ. соч., Bd. iv., стр. 212-393.

[28] "Таких незначительных размеров была первоначальная протестантская церковь; какой бы маленькой она ни была, ее удерживал вместе только негативный характер ее протеста".— /Camb. Mod. История. /, ii., с. 205.

[29] Негвер, /Вимпина/, 1909.

[30] Хергенротер-Кирш, указ. соч., Bd. iii., стр. 80.

[31] Пастор, указ. соч., Bd. iv., 473-5.

[32] Хергенротер-Кирш, указ. соч., iii., стр. 102-8.

[33] О собственных взглядах Лютера на результаты его проповеди см. Доллингер, "Реформация", Bd. ii., стр. 426-52.

[34] Grisar, op. cit., Bd. ii., 382-436.

[35] Grisar, op. cit., Bd. iii., 211-30.

[36] Признается, что о самоубийстве не может быть и речи (Паулюс /Luthers Lebensende/, 1898).

[37] /Тишреден/ (/Застольная беседа/), ср. Гризар, ii., 178 кв. м. Смит, / Застольная беседа Лютера /, 1907. / Am. Есс. Обзор / (1906, стр. 1-18).

[38] /Личный характер Лютера/ (Ир. Theol. Кварт./, viii., с. 77-85).

(б) Цвингли в Швейцарии: Его отношение к лютеранству.

См. работы, упомянутые выше (II. а). Dandliker, /Geschichte der Schweiz/, 3 Bde, 1904. Дандликер-Солсбери, / Краткая история Швейцарии/, 1899. De Haller, /Histoire de la revolution religieuse ou

de la reforme protestante dans la Suisse occidentale/, 1837. Gelpke, /Kirchengeschichte der Schweiz/, 1856- 61. Schuler-Schulthess, /Opera Huldrici Zwinglii/, 8 vols., 1828- 42. Jackson, /Huldreich Zwingli/, 1901.

Территория, ныне известная как Швейцария, входила в состав Священной Римской империи. Однако в 1291 году, во время правления Рудольфа Габсбургского, три государства или кантона Ури, Швейц и Унтервальден образовали конфедерацию для защиты своих прав и привилегий, заложив тем самым основу существования Швейцарии как независимого государства. Другие кантоны присоединились к альянсу, особенно после победы при Моргартене в 1315 году, когда австрийские войска, отправленные против швейцарцев, были почти полностью уничтожены. Австрия предпринимала различные попытки вернуть швейцарцев на их сторону, но безуспешно, и в 1394 году независимость союзных кантонов была практически признана.

Примерно во времена Реформации в Германии Швейцария состояла из тринадцати кантонов и нескольких более мелких "союзных" или "дружественных" государств, не имевших полных кантональных прав. Несмотря на то, что различные государства были связаны между собой неким подобием конфедерации в целях защиты от агрессии, они обладали значительной степенью независимости, и каждое управлялось в соответствии со своей особой конституцией. Федеральный сейм, или Генеральная ассамблея, состоял из представителей, назначаемых кантонами, и его решения определялись голосами штатов, причем самый крупный и густонаселенный обладал не большими полномочиями, чем наименее влиятельный член конфедерации. Некоторые штаты номинально были демократическими по форме правления, но, как и в большинстве стран того периода, у крестьян было много оснований для обоснованных жалоб, особенно в отношении налогообложения, пенсий казначейства, а также набора и использования швейцарских наемных войск, которые в то время были лучшими солдатами в Европе.

Как и в Германии, было задействовано множество причин, чтобы подготовить почву для нового религиозного учения. Из-за свободного характера ее институтов беженцы всех мастей бежали в Швейцарию в поисках убежища, и им была предоставлена большая свобода в распространении своих взглядов. Опять же, швейцарские наемники, возвращавшиеся со своих кампаний и службы, во время которой они соприкасались с различными классами и нациями, служили во многом той же цели, что и современная газета. Обоими этими способами швейцарские крестьяне были в курсе социального, политического и религиозного состояния остальной Европы, а также надежд и планов своего собственного класса в других королевствах. Гуманизм, на самом деле, не добился заметного прогресса в Швейцарии, хотя присутствие Эразма в Базеле и нападки, которые он направлял против монахов и духовенства, не могли не произвести определенного эффекта на людей, чьи умы уже были подготовлены к таким методам благодаря их знакомству с современными достижениями.

Однако, если бы Церковь в Швейцарии была свободна от злоупотреблений, не все остроумие и красноречие Эразма и его последователей могли бы вызвать восстание, но, к сожалению, влияние, приведшее к упадку религии в других странах, проявилось и в швейцарских кантонах. Капитулы собора были составлены для большей части мужчин, у которых не было призвания к священству, и которые приняли профессию священнослужителя, потому что хотели обогатиться за счет доходов Церкви, и им было обеспечено хорошее положение благодаря влиянию их родственников и покровителей. Многие представители духовенства были далеки от

совершенства, и не все религиозные институты помнили о духе или даже букве своих конституций. К сожалению, также из-за особого политического развития своей страны епископы Швейцарии подчинялись иностранным митрополитам, двое из которых находились под юрисдикцией архиепископа Майнцского, двое - Безансонского, один - Аквилейского и один подчинялся непосредственно Риму. Отчасти по этой причине, отчасти также из-за растущих посягательств гражданской власти споры и конфликты между церковной и светской юрисдикциями были нередки. Но было бы ошибкой предполагать, что в то время в Швейцарии не было хороших священнослужителей. Было много превосходных священников, как светских, так и обычных, которые признавали печальное положение дел и всей своей мощью поддерживали меры, подобные тем, которые были предприняты епископом Базеля в 1503 году. Огромная группа учителей, известных как Друзья Бога, работала в Швейцарии, как и в Нидерландах, и оказывала великолепную услугу образованию, как светскому, так и религиозному.

Человеком, сыгравшим в Швейцарии роль, столь успешно сыгранную Лютером в Германии, был Ульрих Цвингли. Он был сыном богатых родителей, родился в Вильдхаусе, в кантоне Сен-Галль (1484), получил образование в университетах Берна, Базеля и Вены, а после рукоположения в сан священника был назначен в приход Гларус. Он был молодым человеком, обладавшим замечательными способностями как студента, так и проповедника, и ему посчастливилось привлечь внимание папского легата, благодаря влиянию которого ему была назначена пенсия, позволяющая продолжать учебу. Он был хорошим знатоком классической литературы с более чем средним знанием иврита и хорошо разбирался в Священных Писаниях и трудах Отцов Церкви. Некоторое время он служил капелланом в нескольких швейцарских полках, сражавшихся в Италии на стороне папы римского против Франции, а по возвращении на родину был назначен проповедником в знаменитом храме Богоматери в Айнзидельне.[1] Здесь его ораторские способности сослужили ему хорошую службу, но его рассудительность и уравновешенность не были на том же высоком уровне, что и его ораторские способности, и его собственная личная жизнь не соответствовала святости этого места или обвинениям, которые он так безрассудно бросал в адрес своих братьев-священнослужителей. Он начал нападать на паломничества и поклонения Пресвятой Деве Марии, но не столько за это, сколько за свои незаконные отношения с женщиной с дурным характером он был освобожден от занимаемой должности.[2] Он удалился в Цюрих, где был назначен проповедником в кафедральном соборе. Здесь он обличал жизнь духовенства и злоупотребления в Церкви, опираясь, по его словам, на то, что он сам видел в Италии во время своего пребывания там в качестве капеллана швейцарских наемников. Подобно Лютеру, он хорошо знал, как завоевать внимание и симпатию толпы, апеллируя к национальным чувствам своих соотечественников, и, подобно Лютеру, настаивал на том, что Священное Писание является единственным правилом веры. Он самым решительным образом осуждал безнравственность и пороки духовенства, безбрачие, обеты целомудрия, паломничества и почитание святых, но до сих пор не порвал полностью с Церковью.

Проповедь индульгенций, провозглашенных Львом X. в Констанце, была поручена францисканцам. Их работа была трудной, особенно после того, как Большой совет Цюриха запретил им упорствовать, как, впрочем, и способный и ревностный Гуго фон Гогенланденберг, епископ Констанца, в епархии которого находился Цюрих. Цвингли, уверенный в поддержке городских властей, выступил против доктрины индульгенций и был поддержан Большим советом, который по его инициативе постановил, что Слово Божье должно проповедоваться в

соответствии со Священным Писанием, независимо от традиции или толкования Церкви. Позже он направил свои нападки против заслуг добрых дел и практики поста и воздержания (1522), и примерно в то же время он обратился с петицией к констанцскому епископу с требованием, чтобы он не вмешивался в проповедь чистого Слова Божьего и не чинил никаких препятствий браку своих священников. Он публично признал, что его отношения с женщинами были постыдными, что он на собственном опыте убедился в невозможности исполнения обета целомудрия и что брак был единственным средством, которое позволило бы ему преодолеть эмоции плотской похоти, о которых упоминает святой Павел в своем послании к Коринфянам (I. 7, 9). Епископ отказался уступить этому требованию, настаивая на строгом соблюдении безбрачия, и обратился к Большому совету с просьбой поддержать его всей тяжестью своего авторитета (апрель 1522 г.).

Разгневанный этим отказом, Цвингли сбросил с себя ярмо церковной власти, отверг главенство папы Римского и непогрешимость Генеральных соборов, осудил безбрачие и обеты целомудрия как изобретения дьявола и призвал швейцарский народ поддержать его в борьбе за свободу вероисповедания. Однажды, в 1520 году, Лев X. вызвал Цвингли в Рим, чтобы тот ответил за свое учение, но призыв остался без внимания. Адриан VI предпринял еще одну попытку отвратить его от опасного курса письмом, полным доброты и сочувствия, но его увещевания не возымели никакого эффекта (1523). Большой совет Цюриха, надеясь обеспечить себе преобладающее влияние в Швейцарии, возглавив новое движение, отдал предпочтение Цвингли. Вместо ответа на призыв констанцкого епископа он объявил о проведении большого религиозного диспута в январе 1523 года, на который были вызваны как Цвингли, так и его оппоненты для объяснения и защиты своих взглядов. Цвингли выдвинул шестьдесят семь тезисов, главные из которых заключались в том, что Библия является единственным правилом веры, что Церковь - это не видимое общество, а всего лишь собрание избранных, единственным истинным главой которого является Христос, что, следовательно, юрисдикция Папы Римского и епископов является узурпацией, лишенной авторитета Священного Писания, что Месса, Исповедь, Чистилище и заступничество Святых должны быть отвергнуты как принижающие заслуги Христа, и, наконец, что церковное безбрачие и монашеские обеты, вместо того чтобы быть советами совершенства, должны быть приняты во внимание. , являются лишь прикрытием для греха и лицемерия. Констанцкий епископ отказался участвовать в таком диспуте. Однако его генеральный викарий Иоганн Фабер из Констанца присутствовал на собрании, на самом деле не для того, чтобы принимать участие в дискуссии, а просто в знак протеста против нее как противоречащей авторитету Церкви и соборов. Поскольку его протесты остались без внимания, он взялся защищать подвергшиеся нападкам доктрины, но в конце концов Большой совет объявил, что победа осталась за Цвингли.

Разгоряченный своим триумфом, Цвингли теперь приступил к воплощению своих теорий на практике. Поддерживаемый толпой, он пытался воспрепятствовать проведению мессы, религиозных процессий, использованию картин и статуй, а также торжественному церемониалу, связанному с Соборования и Виатикума. Он составил введение к Новому Завету для духовенства, призвал их отказаться от обязательств безбрачия и подал им пример, взяв в жены женщину, которая в течение многих лет была его наложницей. Он и его последователи, поддерживаемые большинством Большого Совета, прошли по городу, разрушая алтари, картины, статуи, органы и исповедальни и устанавливая вместо алтарей простые столы с тарелкой для хлеба и сосудом для вина. Католические члены Большого совета были изгнаны со своих постов, а католическое богослужение в Цюрихе запрещено (1523-1575).

Система Цвингли была гораздо более рационалистичной и, в определенном смысле, гораздо более логичной, чем система Лютера. Проникнутый принципами пантеистического мистицизма, он утверждал, что Бог сам по Себе есть все сущее, как сотворенное, так и несотворенное, и вся деятельность. Следовательно, говорить об индивидуальной свободе или индивидуальном действии было так же абсурдно, как говорить о множественности богов. Независимо от того, шло ли речь о добре или о зле, человек был всего лишь машиной, подобной кисти в руках художника. Что касается греха, он утверждал, что человек может быть наказан за нарушение закона, установленного Богом, даже если это нарушение неизбежно, но Бог, будучи выше всякого закона, не может быть виноват. Похоть или себялюбие, по его словам, лежит в основе всех злодеяний. Это само по себе является настоящим первородным грехом и не заглаживается Крещением. Его учение о Священном Писании, личном суждении, церковной власти, представленной епископами, соборами и папой Римским, добрых делах, индульгенциях, чистилище, обращении к святым и обетах целомудрия лишь незначительно отличалось от того, что предлагал Лютер. По вопросу об оправдании, и особенно по доктрине Евхаристии, два реформатора оказались в безнадежном конфликте.[3]

Учение Цвингли поначалу не нашло особой поддержки в других частях Немецкой Швейцарии. Люцерн выступил против него в 1524 году. Городские власти запретили введение нового учения и предложили убежище тем католикам, которые были вынуждены бежать из Цюриха. Другие кантоны присоединились к Люцерну, и в Цюрих была направлена депутация с просьбой к городским властям отказаться от Цвингли и принять участие во всеобщем движении за реальную конституционную реформу. Но Большой совет, помня о политических преимуществах, которые получит Цюрих от своего лидерства в новом религиозном восстании, отказался отступить от своей позиции.

Пока Цвингли работал в Цюрихе, Эколампадий (1482-1531) взялся разжигать религиозные разногласия в Базеле. Он родился в Вайснберге, изучал юриспруденцию в Болонье, а затем теологию в Гейдельберге, был рукоположен в сан священника и назначен в приход в Базеле (1512). С Эразмом у него были самые близкие отношения, и, поскольку Базель в то время был одним из крупнейших литературных центров мира, он вскоре познакомился с брошюрами и учением Лютера. Некоторые священнослужители Базеля, в частности Вольфганг Капито, близкий друг Цвингли, уже проявляли признаки беспокойства, особенно в отношении Мессы, чистилища и обращения к святым, и Эколампадий не замедлил усвоить новые идеи. В 1518 году он был назначен проповедником в кафедральном соборе Аугсбурга, но, отказавшись от этой должности по состоянию здоровья, удалился в монастырь Альтмюнстер, где некоторое время жил уединенной жизнью. Впоследствии он служил капелланом у известного немецкого рыцаря Франца фон Зикингена и, наконец, в 1524 году принял приход Святого Мартина в Базеле.

Теперь он открыто провозгласил себя сторонником Цвингли, выступал за новое учение об оправдании и добрых делах и атаковал несколько католических доктрин и практик. Для него, как, впрочем, и для большинства других реформаторов, церковное безбрачие было большим камнем преткновения. Он ободрил своих последователей, взяв в жены молодую вдову, которая впоследствии, в свою очередь, стала женой двух известных лютеранских проповедников, Бутцера и Капито. Сначала городские власти и большая часть университетских профессоров были против него, но из-за беспорядков, устроенных его сторонниками, новой секте была предоставлена полная свобода вероисповедания (1527). Не удовлетворившись этой уступкой, они потребовали подавления Массовых выступлений. В 1529 году последователи Эколампадия

подняли восстание, захватили городской арсенал, направили пушки на главные площади и напали на церкви, разрушая алтари, статуи и картины. Эразм, испытывая отвращение к подобным методам пропаганды религии, покинул Базель и поселился во Фрайбурге. Католики были изгнаны из городского совета, их религия была запрещена, и Базель объединился с Цюрихом в его восстании против Церкви.

Вскоре восстание перекинулось на другие кантоны Швейцарии. В Берне и Шаффхаузене обе партии были сильны и решительны, и какое-то время исход конфликта был неопределенным, но в 1528 году партия Цвингли и Эколампадия одержала верх. Точно так же в Сент-Галле, Гларусе и др. победа принадлежала новому учению. Другие кантоны, как, например, Золотурн, колебались относительно того, чью сторону им принять, но три старейших кантона Швейцарии, Ури, Швейц и Унтервальден, вместе с Цугом, Фрейбургом и Люцерном, отказались отделяться от Церкви.

Помимо вопроса религии, существовало естественное противостояние между густонаселенными и производственными центрами, такими как Берн и Базель, и сельскими кантонами, почти полностью посвященными сельскому хозяйству и скотоводству. Когда религиозные различия усилили уже существовавшее соперничество, они почти неизбежно привели к разделению Швейцарии на два враждебных лагеря. Цюрих, Базель, Берн, Шаффхаузен и Санкт-Галль, хотя они и были самыми важными городами, вскоре оказались неспособными навязать свои взгляды остальной части страны, поскольку им противостоял федеральный совет, большинство в котором по-прежнему было католиками. Последний настаивал на проведении конференции для разрешения религиозных споров. Конференция была назначена на 1526 год в Бадене. Эрк, которому помогали два других католических богослова, Фабер и Мурнер, взялся защищать католическую позицию. Цюрих отказался прислать представителей, но реформаторскую партию представляли Эколампадиус, Халлер и другие их лидеры. В конференции приняли участие делегаты из двенадцати кантонов, и она была одобрена швейцарскими епископами. После пятнадцатидневной дискуссии, в ходе которой Эрк защищал католическую доктрину относительно мессы, Евхаристии, Чистилища и Заступничества Святых, большинство кантонов приняли решение в его пользу, и была принята резолюция, запрещающая религиозные изменения в Швейцарии и запрещающая продажу произведений Лютера и Цвингли.

Однако вскоре стало очевидно, что такими мерами мир не может быть обеспечен. Сельские и католические кантоны составляли большинство, к большому неудовольствию таких процветающих городов, как Берн и Цюрих. Эти штаты, полагая, что они имеют право на контрольный голос в федеральном совете, решили использовать религиозный вопрос для полного изменения конституции страны путем предоставления кантональному представительству в федеральном совете на основе численности населения. Они заключили союз с другими протестантскими кантонами и с Констанцией, чтобы выдвинуть свои претензии (1527-1588), но католические кантоны последовали их примеру, организовав католическую федерацию, которой эрцгерцог Фердинанд Австрийский пообещал свою поддержку (1529).

Цвингли больше всего жаждал войны, и по его наущению цюрихская армия при поддержке Берна выступила на поле боя в 1529 году. Католические государства, однако, ясно дали понять, что они оба способны и желают защищать конституцию, но узлы национального единства и неприязнь к гражданской войне оказали такое влияние на обе стороны, что конфликт был

предотвращен заключением Каппелевского мира (1529). Уступки, обеспеченные для его партии этим Миром, не удовлетворили Цвингли, который желал не чего иного, как полного подчинения католических кантонов. Были начаты переговоры с Филиппом Гессенским, с немецкими лютеранами и с Франциском I французским, и когда весть о создании Шмалькальдской лиги достигла протестантов Швейцарии, считалось, что пришло время обеспечить триумф Цюриха и Берна, что означало также триумф нового учения. Цвингли умолял своих последователей объявить войну, но было высказано предположение, что сокращение католических кантонов может быть столь же эффективно обеспечено блокадой. В этом движении Цюрих взял на себя инициативу. Результат, однако, не совпал с ожиданиями Цвингли. Католические кантоны сразу же взяли за оружие, и поскольку их территории образовали компактное подразделение, они смогли вывести свою объединенную армию на поле боя до того, как войска Цюриха и Берна смогли соединиться. Решающая битва произошла при Каппеле в октябре 1531 года, когда цвинглианцы потерпели полное поражение, сам Цвингли и пятьсот лучших людей Цюриха остались мертвыми на поле боя. Бернская армия продвинулась слишком поздно, чтобы спасти своих союзников или изменить исход войны. Католические кантоны использовали свою победу с большой сдержанностью. Вместо того чтобы сокрушить своих противников, как они могли бы сделать, они заключили с ними второй Каппелевский мир (1531). Согласно условиям этого договора, ни один кантон не должен был принуждать другой к смене религии, и свобода вероисповедания была гарантирована на территории кантонов. Несколько колеблющихся округов вернулись к католической вере, и аббат Сент-Галла был восстановлен в аббатстве, из которого он был изгнан.

Эколампадий вскоре последовал за Цвингли в могилу, его унесла лихорадка примерно через месяц после поражения Каппеля, и руководство движением перешло к их преемникам, Буллингеру и Микониусу.

Что касается Таинств, то Лютер и Цвингли согласились, что они были всего лишь знаками благодати, хотя в объяснении этой точки зрения Цвингли был гораздо более крайним, потому что гораздо более логичным, чем Лютер. Веря в то, что оправдание зависит только от веры, он утверждал, что Таинства были всего лишь церемониями, посредством которых человек становился последователем Христа или показывал себя им. Они были лишены какой-либо объективной добродетели и были эффективны только постольку, поскольку гарантировали, что принимающий их человек обладает верой, необходимой для оправдания. Но именно в отношении Евхаристии два реформатора оказались в безнадежном разногласии. Если бы Лютер хотел быть последовательным, он должен был бы отбросить Реальное Присутствие, а также Пресуществление, но сила традиции, страх, что любое подобное учение вызовет противодействие людей, и ясный смысл текстов Священного Писания вынудили его пойти на компромисс. "Если бы доктор Карлштадт, - писал он, - или кто-либо другой смог убедить меня пять лет назад, что таинство алтаря - это всего лишь хлеб и вино, он действительно оказал бы мне большую услугу и оказал бы весьма материальную помощь в моих попытках пробить брешь в папстве. Но все напрасно. Смысл текстов настолько очевиден, что никакие языковые ухищрения будут бессильны объяснить его". Он утверждал, что слова "Сие есть тело Мое и Сие есть кровь Моя" могут иметь только одно значение, а именно, что Христос действительно присутствовал, но, соглашаясь с католиками в отношении реального присутствия Христа в Евхаристии, он отверг доктрину Пресуществления, сохранив вместо нее Единосущие или Импанацию.

Хотя Лютер так сильно настаивал на Реальном Присутствии, неясно, были ли вначале у него какие-то очень твердые взгляды на этот предмет или что он не пожелал бы менять какие-либо сформированные им взгляды, если бы один из его помощников, Карлштадт, не начал пользоваться своей привилегией суждения, отвергая Реальное Присутствие. Такой акт неподчинения вызвал непримиримый гнев Лютера, который назвал своего бывшего коллегу еретиком и преследовал его от Виттенберга и Йены, куда он бежал в поисках убежища. В конце концов Карлштадт был вынужден уехать в Швейцарию, где его доктрина нашла одобрение швейцарских реформаторов.

С самого начала своей кампании Цвингли понимал, что Реальное Присутствие не согласуется с его теорией оправдания, и поэтому он был склонен считать, что Евхаристия была простым знаком, установленным как напоминание о смерти Христа. Но, принимая во внимание ясное свидетельство Священного Писания, он был в растерянности, как оправдать свою позицию. Наконец, поразмыслив над другими отрывками, которые он счел похожими на текст "Сие есть тело Мое", где слово "есть" следует толковать как "означает", он утверждал, что истинное значение слов Христа на Тайной вечере таково: "Это означает тело Мое". Эколампаций согласился с этой интерпретацией, хотя и по другой причине, сравнив Благословенную Евхаристию с кольцом, которое муж, отправляясь в долгое путешествие, может подарить своей жене в качестве залога и напоминания о своей привязанности.[4]

Лютер с горечью воспринял подобную теорию как покушение на его авторитет, особенно после того, как Цвингли отказался позволить ударить себя по лбу, заставив отказаться от своей доктрины. Вместо того чтобы подчиниться новому религиозному диктатору, Цвингли попытался оправдать себя тем же принципом, которым Лютер оправдывал свой собственный бунт против католической церкви. Он утверждал, что теория оправдания Лютера логически предполагала отказ от Евхаристии, а также от других таинств, что тексты Священного Писания можно интерпретировать так, как он их интерпретировал, и что он не был обязан принимать во внимание христианскую традицию или авторитет соборов. Он жаловался, что Лютер относился к себе и своим последователям как к еретикам, с которыми не подобает причащаться, что он запретил их труды и донес на них магистратам, и что он поступил с ними именно так, в чем обвинял папу Римского по отношению к себе. Лютеру было трудно согласиться с такой аргументацией. Во многом против своей воли он был вынужден отстаивать свое мнение, апеллируя к преданию Церкви и писаниям Отцов Церкви, которые он назвал "зловонными прудами, из которых христиане пили нездоровые напитки вместо того, чтобы утолять свою жажду из чистого источника Святого Писания".[5] "Эта статья (о Евхаристии), - писал он, - не является ни небиблейской, ни догмой человеческого изобретения. Она основана на ясных и неопровержимых словах Священного Писания. Этого единодушно придерживались и в это верили во всем христианском мире с момента основания Церкви и до настоящего времени. То, что таков был факт, подтверждается писаниями Святых Отцов, как греческими, так и латинскими, повседневным употреблением и непрерывной практикой Церкви. . . . Поэтому сомневаться в этом - значит не верить христианской Церкви и клеймить ее как еретическую, а вместе с ней пророков, апостолов и Самого Христа, который, основывая Церковь, сказал: "Вот, Я с вами во все дни до скончания мира". "[6]

Противодействие Лютера не положило конец полемике. Теории Цвингли быстро распространились в Швейцарии, откуда они были перенесены в Германию, к большому неудовольствию Лютера и протестантских князей, для которых религиозное единство было

необходимо почти любой ценой. Лютер не желал слушать никаких компромиссных схем. Он осудил цвинглианцев в самых резких выражениях, как слуг дьявола, лжецов и еретиков, о спасении которых не должен молиться ни один человек. Отвергнув Пресуществление, чтобы избавиться от идеи жертвоприношения и доктрины христианского священства, он решительно боролся за Реальное Присутствие на том основании, что тело Бога, будучи соединенным с божественностью, обладает божественным атрибутом вездесущности. На это Цвингли очень убедительно возразил, что если слова Священного Писания "Сие есть тело Мое и сие есть кровь Моя" толковать буквально, то они могут иметь только тот смысл, который вкладывают в них католики, потому что Христос не сказал: "Мое тело в этом хлебе или под ним", а скорее: "Это (хлеб) - Мое тело". Более того, он указал, что объяснение Лютера относительно вездесущности тела Христова явно привело к смешению божественной и человеческой природы Христа и, как следствие, было лишь возобновлением монофизитской ереси, осужденной всей христианской церковью.

Этот неприличный спор между двумя лидерами нового движения не понравился протестантским князьям Германии, для которых разделение их сил могло означать политическое вымирание. Курфюрст Саксонии горячо поддерживал Лютера, в то время как Филипп Гессенский был более или менее склонен встать на сторону Цвингли. В Марбурге (1529) между двумя партиями была организована конференция, на которой присутствовали Лютер и Эколампаций, чтобы защитить свои взгляды. По нескольким второстепенным вопросам было достигнуто соглашение, но по главному вопросу, Реальному присутствию, Лютер ничего не дал, и поэтому реформаторы разделились на две партии: немецких лютеран и швейцарских реформаторов.

[1] /Precis Historique de l'Abbaye et du Pelerinage de Notre-Dame-des- Ermites/, 1870.

[2] /Реальный цикл. fur Protestantische Theol./, xxi., p. 778.

[3] Шване, указ. соч., стр. 141.

[4] Шване, указ. соч., стр. 349.

[5] Доллингер, /Реформация/, i, стр. 430-51.

[6] Alzog, iii., 256-7.

с) Северная Европа.

См. библиографию, глава ii. (a). Karup, /Geschichte der Katholischen Kirche in Danemark/, 1863. Munter, /Kirchengeschichte von Danemark und Norwegen/, 1823. Theiner-Cohen, /La Suede et la Saint-Siege sous les rois Jean III., Sigismond III., et Charles IX./, 1842. Батлер, /Реформация в Швеции/, 1884. De Flaux, /La Suede au XVIme siecle/, 1861. Englestoft, /Reformantes et Catholici tempore, quo sacra emendata sunt, in Dania concertantes/, 1836. Schmitt, /Die Verteidigung der Kathol. Kirche in Danemark gegen die Religionsneuerung im 16en Jahr/, 1899. /Confutatio Lutheranismi Danici/ и др. (написано 1530 г., изд. 1902 г.).

В начале шестнадцатого века политическая власть в Дании в значительной степени находилась в руках епископов и знати. Именно этими двумя партиями был избран король, и их влияние было настолько велико, что, как правило, кандидат, выбранный их голосами, был вынужден принять любые условия, которые они хотели выдвинуть. Епископы, как и в большинстве стран того

времени, владели огромными поместьями, пожалованными их предшественникам короной или завещанными щедрыми благотворителями на поддержание религии. К сожалению, за некоторыми исключениями, они не были людьми, ревностно отстаивающими религиозные интересы или способными понять, что надвигается серьезный кризис. Во всех направлениях необходимость реформы была слишком очевидна, и, поскольку такая работа не была предпринята теми, кто должен был ее предпринять, людям, желавшим не благополучия религии, а скорее ниспровержения Церкви, была предоставлена великолепная возможность.

Кристиан II (1513-23) хотел положить конец верховенству епископов и знати и установить для себя и своих преемников абсолютный контроль. Он был человеком больших способностей и решительности, хорошо знакомым с тенденциями эпохи и не особенно щепетильным в отношении средств, с помощью которых можно было обеспечить успех его политики. Такому человеку атака Лютера на епископов Германии казалась почти провидческой. Он понял, что, приняв новую религиозную систему, которая позволила ему завладеть богатствами Церкви и сосредоточить в своих собственных руках всю церковную власть, он мог бы избавиться от одного из величайших препятствий на пути к абсолютизму и обеспечить себе и своим преемникам бесспорное влияние в Дании. Хотя его собственная жизнь была возмутительно аморальной, он решил стать поборником религиозной реформации и вопреки желанию знати, духовенства и народа пригласил ученика Лютера в Копенгаген и предоставил в его распоряжение одну из городских церквей. Этот шаг вызвал сильнейшее противодействие, но Кристиан, уверенный, что смелость означает успех, принял суровые меры, чтобы одолеть своих противников. Он провозгласил себя покровителем тех священников, которые были готовы пренебречь своими обетами безбрачия, издал постановления против неженатого духовенства и обратился к народу с призывом выступить против епископов и знати. Поскольку избранный архиепископ Лунда не желал показать, что его принудили предать интересы, вверенные его подопечным, король приказал предать его смерти.

Этими насильственными методами он надеялся запугать своих подданных, чтобы они подчинились его желаниям, но был обречен на быстрое и полное разочарование. Епископы и бароны, хотя и расходились во мнениях по многим вопросам, были едины в своем сопротивлении такому деспотизму, и за ними стояла большая часть народа, который почти не стремился к религиозной революции, если вообще стремился к ней. Кристиан II. был свергнут, и на его месте его дядя, Фредерик I. (1523-33), стал королем Дании. На своей коронации новый монарх поклялся защищать католическую религию и подавлять ересь. Однако вскоре мотивы, сходные с теми, которые повлияли на его предшественника, побудили его также склониться к лютеранству. Сначала его усилия по распространению нового учения предпринимались тайно, но как только он почувствовал себя в безопасности на троне, он публично провозгласил себя лютеранином (1526) и пригласил лютеранских проповедников в столицу. В 1527 году в Одензее был созван сейм для рассмотрения возникшего религиозного спора. На этом собрании король, обосновывая свою защиту тем, что, хотя он и поклялся защищать католическую церковь, он не был обязан терпеть злоупотребления, утверждал, что пресечение злоупотреблений и очищение религии были единственными целями, которые он имел в виду при принятии мер. Главным образом из-за его собственного упрямства и трусливого и колеблющегося отношения епископов, сейм согласился с тем, что до созыва Генерального собора лютеранским проповедникам должна быть предоставлена полная терпимость, что тем временем сторонникам новой религии не должны быть причинены гражданские увечья, что тем из духовенства, кто желает жениться, должно быть разрешено это делать, что архиепископу больше не следует

обращаться в Рим за своим паллиумом и, наконец, что утверждение назначения епископов должно быть передано от папы к королю.

Этими мерами, которым епископы оказали лишь слабое сопротивление, Дания была практически отделена от Святого Престола и был сделан первый шаг на пути, который должен был привести к национальному отступничеству. Следующей важной мерой стал диспут, организованный королем для проведения в Копенгагене в 1529 году. Сам факт, что на этом собрании не было найдено ни одного датского священнослужителя, способного защитить католическую веру, и что было необходимо обратиться за помощью к Германии в поисках защитников православия, сам по себе является достаточным указанием на характер епископов, которые тогда правили в Дании, и на уровень образованности датского духовенства того периода. Экка и Коклеуса пригласили приехать в Копенгаген, но поскольку у них было достаточно работы, чтобы привлечь их внимание дома, обязанность отстаивать католическую доктрину легла на Стагефира, теолога из Кельна.[1] Он не мог говорить по-датски, и лютеранская партия не согласилась бы вести конференцию на латыни. Более того, он утверждал, что следует признать авторитет Отцов Церкви и постановления предыдущих Генеральных соборов, но лютеране настаивали на том, что Библия является единственным источником, из которого христиане должны черпать свои доктрины. В этих обстоятельствах, поскольку диспут был невозможен, обе стороны согласились представить полное изложение своих взглядов в письменном виде королю и совету, которые, как и следовало ожидать, приняли решение в пользу лютеранства.

В течение оставшейся части своего правления Фридрих I. не жалел сил, чтобы обеспечить победу новому учению в своих владениях. Дворян привлекли на сторону короля обещаниями доли в разделе церковной собственности, и те, кто хотел быть в хороших отношениях с государем, не замедлили прибегнуть к насилию, чтобы доказать, что их рвение к лютеранству было искренним. Следовательно, лютеранская партия оказалась в большинстве в сейме 1530 года и была достаточно могущественна, чтобы поступать так, как им заблагорассудится. В соответствии с примером, поданным в Германии и Швейцарии, были начаты нападения на церкви, картины и статуи, но во многих местах люди не были готовы к таким переменам, и между соперничающими партиями произошли ожесточенные конфликты. В возникшей неразберихе сторонники свергнутого короля поднялись с оружием в руках против его успешного соперника, и страна подверглась ужасам гражданской войны. Фридрих I счел необходимым отказаться от насильственной пропаганды лютеранства и предложить католикам веротерпимость.

После его смерти в 1533 году епископы Дании протестовали против наследования престола его сыном Кристианом III. (1533-51), который был личным другом Лютера и который уже внедрил протестантизм в свое собственное государство Гольштейн; но поскольку дворяне, привлеченные обещаниями участия в разграблении Церкви, отказались объединяться с епископами, их протест остался без внимания. Уверенный, что он может рассчитывать на поддержку знати, король отдал секретные инструкции своим чиновникам о том, что в определенный день, названный им, все епископы Дании должны быть арестованы и заключены в тюрьму. Его приказы были выполнены в точности (1536), и Лютер был так обрадован этим шагом, что поспешил послать королю свои самые теплые поздравления. Епископам было предложено освобождение при условии, что они сложат с себя полномочия и пообещают больше не противодействовать религиозным изменениям. К их стыду, следует сказать, что только один из них, Ронноу, епископ Роскилде, отказался принять свободу на таких позорных

условиях, предпочтя оставаться узником до тех пор, пока его не освободит смерть (1544). Священники, отказавшиеся принять новую религию, были изгнаны из своих приходов, а несколько монастырей были подавлены.

Чтобы завершить работу по реформе и дать Церкви в Дании новую конституцию, Бугенхаген, ученик Лютера, был приглашен в столицу (1539). Он начал с коронации короля в соответствии с лютеранским ритуалом и с разработки формы церковного правления, которая передавала всю духовную власть в руки гражданского правителя. Как и в Германии, суперинтенданты назначались вместо епископов, ушедших в отставку. Когда работа по созданию новой церковной организации была завершена, она была представлена на рассмотрение сейма, состоявшегося в Одензее в 1539 году, и одобрена им. На другом сейме, состоявшемся в 1546 году, католическая церковь в Дании была полностью свергнута, ее имущество было конфисковано, ее духовенству было запрещено оставаться в стране под страхом смертной казни, а все католики-миряне были объявлены неспособными занимать какие-либо должности в государстве или передавать свое имущество своим католическим наследникам. Этими мерами католицизм был подавлен, и победа была обеспечена лютеранской партии.

Норвегия, которая в тот период была объединена с Данией, была вынуждена подчиниться новому вероучению насилием датских королей, которым помогали жадные дворяне, стремившиеся разделить награбленное Церковью. Точно так же Исландия, находившаяся в подчинении Дании, была отделена от Рима, хотя поначалу народ оказывал реформаторам сильнейшее сопротивление. Казнь, однако, их епископа Джона Аресена, пример Дании и Норвегии, а также нехватка способных религиозных лидеров произвели свое действие, и в конце концов Исландия была вынуждена принять новую религию (1551). В течение значительного времени католицизм сохранял свою власть над большим процентом населения как в Норвегии, так и в Исландии, но суровые меры, принятые правительством для обеспечения полного искоренения католической иерархии и священства, почти неизбежно привели к триумфу лютеранства.

По Кальмарской унии (1397) Швеция, Норвегия и Дания были объединены под властью короля Дании. Однако объединение не привело к миру. Народу Швеции не нравилось правление иностранца, и он не раз поднимал восстания против Дании. В отсутствие сильной центральной власти духовенство и знать стали доминирующими факторами в государстве, особенно после того, как они возглавили национальную агитацию против короля Эрика и его преемников. Как и в большинстве других стран того времени, Церковь была чрезвычайно богата, епископства и аббатства получали очень щедрые пожертвования, но, к сожалению, как и везде, прогресс религии не был пропорционален мирскому имуществу ее служителей. Пожертвования уничтожили свободу избрания, столь необходимую для хорошего управления, в результате чего епископы и другие церковные сановники избирались без особого учета их квалификации в качестве духовных наставников. Тем не менее, следует сказать, что в целом распорядители церковной собственности не были суровыми распорядителями по сравнению со своими современниками-мирянами, и не было ничего похожего на сильное народное недовольство Церковью. Тем не менее, огромное богатство религиозных учреждений, распространенность злоупотреблений и неспособность духовенства обучать людей истинным доктринам своей веры были постоянным источником угрозы для Церкви в Швеции и делали ее открытой для сокрушительной атаки со стороны лидера, который знал, как привлечь массы на свою сторону, провозгласив себя поборником национальной независимости и религиозной реформы.

В 1515 году Стен Стуре, администратор Швеции, поддержанный епископом Линчепинга как лидером народной партии, предпринял доблестную попытку сплотить своих соотечественников, чтобы сбросить датское иго. К несчастью для успеха своего предприятия, вскоре он нашел опасного противника в лице Густава Тролле, архиепископа Упсальского, кандидата и сторонника короля Дании. Архиепископ бросил всю тяжесть своего влияния на чашу весов Дании, и отчасти из-за его противодействия, отчасти из-за отсутствия достаточной подготовки национальное восстание было подавлено в начале 1520 года. Кристиан II. был коронован королем Швеции архиепископом Упсалы. Он ознаменовал свое восшествие на трон всеобщей резней своих противников, которая длилась два дня и в ходе которой были преданы смерти многие представители лучшей крови Швеции (ноябрь 1520 г.). Архиепископ был вознагражден за свои заслуги перед Данией назначением региональным администратором Швеции. Он и его партия громко хвастались своей политической победой, но если бы они были одарены хоть каплей благоразумия и рвения, то нашли бы веские причины сожалеть о триумфе, который был достигнут благодаря передаче Церкви в руки датского тирана вопреки желанию большинства, выступавшего за национальную независимость. Религия и патриотизм вступили в серьезный конфликт, и, учитывая, что только способный лидер знал, как умело вести свою кампанию, было нетрудно предвидеть результаты такого конфликта.

Так получилось, что такой лидер оказался под рукой в лице Густава Эрикссона, более известного как Густавус Васа. Его отец был казнен во время резни в Стокгольме, а сам он в юности был отдан в заложники королю Дании. Он совершил побег и бежал в Любек, где его любезно приняли, и оставался там до тех пор, пока не представилась возможность для его возвращения в Швецию. Он немедленно встал во главе партии, готовой воевать против Дании, призвал своих соотечественников встать под его знамена и за короткое время сумел изгнать датские войска из Швеции. Он был провозглашен администратором своей страны в 1521 году, а два года спустя национальный сейм, собравшийся в Стренгнесе, предложил ему корону.

Такое предложение в точности соответствовало его собственным желаниям. Но у него не было намерения становиться королем Швеции только для того, чтобы оставаться орудием в руках духовных и мирских лордов, как это было с датскими королями. Твердо решив сделать себя абсолютным правителем Швеции, сокрушив епископов и баронов, он признал, что учение Лютера, с которым он был знаком благодаря своему пребыванию в Любеке, вселяло хорошие надежды на успех такого проекта. Теплая привязанность епископа Упсальского к датской фракции ослабила преданность народа Церкви и подготовила почву для перемен, которые задумал Густав. Некоторые шведские священнослужители, в частности братья Олаф и Лоренс Петерсоны, оба студенты Виттенберга, первый - известный проповедник в Стокгольме, второй - профессор в Упсале, были убежденными лютеранами по своим убеждениям и были готовы помочь королю. Хотя в своих письмах в Рим и публичных заявлениях Густав называл себя искренним сыном Церкви, стремящимся любой ценой предотвратить распространение лютеранства в своих владениях, он тайно предпринимал шаги, чтобы поощрить своих сторонников-лютеран и избавиться от епископов и членов религиозных орденов, со стороны которых он опасался серьезного противодействия. Как и в других местах, он организовал публичный диспут, на котором Олаф Петерсон взялся защищать основные принципы, отстаиваемые Лютером, но результаты спора оказались не столь удовлетворительными для его партии, как он ожидал.

Теперь Густав сбросил маску лицемерия и смело выступил вперед как поборник новой религии. Он сместил тех епископов, которые были наиболее откровенны в своей оппозиции, изгнал доминиканцев, которые оставались верны Риму, и попытался заставить духовенство принять перемены. Стремясь обогатить свою казну за счет конфискации церковных богатств, он распространил брошюру Лютера о конфискации церковной собственности и привлек профессоров Упсальского университета, чтобы они приложили усилия для защиты и популяризации изложенных в ней взглядов. Была назначена комиссия для составления описи имущества епископов и религиозных учреждений и для того, чтобы побудить монастыри добровольно отказаться от своего имущества. С помощью угроз и обещаний уполномоченные добились выполнения пожеланий короля в некоторых округах, хотя в других, как, например, в Упсале, прибытие комиссии привело к сценам величайшего насилия и переполоха. Были необходимы более суровые меры, чтобы внушить страх народу, а Густав был не из тех, кто колеблется в чем-либо, что могло способствовать успеху его планов. Епископ Якобсон и некоторые представители духовенства были арестованы и после того, как с ними обошлись со всеми видами унижения, были преданы смерти (1527).

В этом, 1527 году, в Вестерасе состоялся национальный сейм, главным образом для обсуждения возникших религиозных трудностей. Обе стороны, сторонники старого и нового, собрали свои силы для окончательного конфликта. Густав встал на сторону так называемых реформаторов и предложил меры, которые, по его мнению, были необходимы как в интересах религии, так и общественного блага. Католическая партия имела незначительное большинство и отказалась согласиться с этими предложениями. Густав, хотя и был разочарован результатом, не отчаивался. Он объявил сейму, что ввиду его отказа согласиться на его условия он больше не может руководить страной и защищать ее. Подобная мера, рассчитанная на то, чтобы привести к анархии и, возможно, к новому порабощению страны Данией, была расценена обеими сторонами как национальное бедствие и обеспечила королю поддержку колеблющихся. Массы народа были встревожены тем, что их противодействие может привести к восстановлению датской тирании, в то время как поддержка знати была обеспечена публикацией указа, разрешающего им возобновить владение всем имуществом, переданным их предками религиозным учреждениям за последние восемьдесят лет. Остальное имущество Церкви было передано в королевскую казну. Теперь король издал прокламацию в пользу новой религии, настоял на введении литургии на вульгарном языке и отменил церковное безбрачие. На Национальном собрании Эребру (1529) католическая религия была отменена в пользу лютеранства, а два года спустя Лоуренс Петерсон был назначен первым лютеранским архиепископом Упсалы.

Хотя лютеранское учение было принято, были предприняты большие усилия, чтобы не шокировать людей какими-либо насильственными изменениями. Епископальное управление Церковью было сохранено; большая часть католического ритуала в отношении таинств и мессы была принята в новой литургии, и даже в некоторых случаях картины и статуи не были убраны из церквей. Но революция, которая была так близка Густаву, была полностью завершена. Власть папы римского была свергнута, и вместо него король был признан главой Шведской церкви. Лютеранские епископы также не пользовались большей свободой и уважением в результате своей измены Церкви. Густав предупредил их, что они не должны вести себя как лорды, и если они попытаются взяться за меч, он будет знать, как расправиться с ними без промедления. Возмущенные таким диктатом и тиранией, они начали нападать на Густава в своих проповедях и организовывать заговоры с целью свержения его правительства. Заговор был раскрыт (1540).

Олаф и Лоуренс Питерсон, два видных лидера партии реформаторов, были приговорены к смертной казни, но получили отсрочку после уплаты крупного штрафа. Однако Лоуренс был отстранен от должности архиепископа Упсальского. На сейме Вестераса в 1544 году шведская корона была объявлена наследственной и перешла к семье и наследникам Густава. Таким образом, хорошо продуманная политика Густава увенчалась успехом. Посредством лютеранского восстания он изменил всю конституцию страны, сделал себя абсолютным хозяином Швеции и обеспечил наследование трона своей собственной семье.

Но он не сломил власть своих противников настолько, чтобы установить мир в своей стране, и, если верить воззваниям, в которых он оплакивал рост зла под предлогом евангельской свободы, реформатская религия не способствовала возвышению общественной морали. После его смерти в 1560 году ему наследовал его сын Эрик XIV (1560-9). Едва был провозглашен новый король, как принцип частного суждения, введенный реформаторами, начал давать свои естественные результаты. Кальвинизм, который был столь противоположен лютеранству как в доктрине, так и в церковном управлении, проник в Швецию и привлек благосклонное внимание короля. Независимо на какое-то время от католической церкви, которая, судя по всему, умерла в Швеции, две партии, лютеране и кальвинисты, боролись за господство. Эрика перешли на сторону кальвинистов, и были приняты меры, чтобы силой одолеть лютеран, но король не обладал ни способностями, ни энергией своего отца. План провалился; кальвинисты потерпели поражение (1568), а Эрик был свергнут и заключен в тюрьму.

Его младший брат Иоанн унаследовал трон под титулом Иоанна III. Он был человеком значительных способностей и ни в коем случае не был удовлетворен новой религией. Его брак с Екатериной, сестрой Сигизмунда, короля Польши, которая сама была преданной католичкой и предусматривала свободу исповедовать свою религию, помог ему более благосклонно относиться к католическому возрождению. Он принялся изучать Священное Писание и труды Святых отцов под руководством капелланов Екатерины и убедил себя, что должен вернуться в Католическую церковь и попытаться спасти свою страну от состояния ереси, в которое она впала. Он позволил монахам и монахиням, которые все еще находились в Швеции, снова создавать общины и попытался привлечь на свою сторону духовенство с помощью серии постановлений, выдержанных в католических тонах, которые он издал для их руководства. В 1571 году он убедил архиепископа Упсальского опубликовать ряд правил, известных как "Повестка дня", которые как по ритуалу, так и по доктрине указывали на возвращение в Рим, и он нанял нескольких миссионеров-иезуитов для объяснения искажений католической доктрины, которым потворствовали лидеры лютеран и кальвинистов. Самой большой трудностью для него в достижении воссоединения было присутствие лютеранских епископов, но, к счастью для него, многие из них были стариками, чьи места вскоре освободились из-за смерти, и на чьи кафедры он назначил тех, на поддержку кого мог положиться. Когда он решил, что время пришло, он созвал Национальный синод в 1574 году, где выступил с речью, в которой выразил сожаление по поводу печального состояния, до которого довели страну религиозные разногласия. Он указал, что такое положение дел было вызвано Реформацией и может быть исправлено только возвращением к Церкви. Обращение было встречено духовенством гораздо более благосклонно, чем он ожидал. Поскольку архиепископство Упсалы было вакантным, он добился избрания архиепископа, придерживающегося семнадцати догматов веры, полностью удовлетворяющих католиков, и позволившего посвятить себя в соответствии с католическим ритуалом. Он пообещал также использовать свое влияние, чтобы заручиться поддержкой других епископов. В 1576 году король издал новую литургию / Красную книгу Швеции/, которая

была принята сеймом в 1577 году и принята значительной частью духовенства. Его руководителем был брат короля, Карл, герцог Сазерманландский, который по политическим причинам провозгласил себя главой лютеранской партии и который отказался согласиться с римскими тенденциями короля на том основании, что они противоречили последней воле Густава и законам Швеции. Был организован диспут в Упсале, где бельгийский иезуит Лоуренс Николаи с триумфом отстаивал перед своими оппонентами-лютеранами католическое учение о Церкви и мессе. Экземпляры знаменитого катехизиса блаженного Петра Канисия были распространены по всей Швеции и произвели на людей прекрасное впечатление.

Ободренный этими обнадеживающими знаками, король отправил посольство в Рим, чтобы договориться о примирении Швеции с Церковью. Королевским уполномоченным было поручено запросить, чтобы из-за особых обстоятельств страны было дано разрешение на причастие обоими видами, на совершение мессы на шведском языке и на отмену закона о безбрачии, по крайней мере, в отношении духовенства, которое уже состояло в браке. Григорий XIII, глубоко тронутый предложением короля о воссоединении, послал иезуита Антония Поссевина в качестве своего легата обсудить условия. Джон сам подал пример, публично отрекшись от своих ошибок и объявив о своем подчинении Церкви (1578).

В Риме была назначена комиссия для обсуждения уступок, которых потребовал король, и, к сожалению, решение было расценено в Швеции как неблагоприятное. Жаркая полемика, разжигаемая и поощряемая врагами воссоединения, разгорелась между противниками и сторонниками новой литургии. Герцог Карл, который теперь стал надеждой лютеранской партии, делал все возможное, чтобы разжечь раздор, в то время как Рим отказывался принять условия, предложенные королем. Возмущенный тем, что он считал неразумным отношением римских властей, Иоанн начал терять энтузиазм по поводу своей религиозной политики, и после смерти его жены, которая была непоколебима в своей преданности своей религии, уже не было особой надежды на то, что Швецию удастся избавить от ереси (1584). Король женился на другой, которая была убежденной лютеранкой по своим симпатиям и которая использовала свое влияние на него, чтобы добиться изгнания иезуитов. Хотя Иоанн III. не предприняв никаких дальнейших шагов для воссоединения, он не смог заставить себя отказаться от литургии, на использовании которой он настаивал до своей смерти в 1592 году.

Его сын Сигизмунд III. должен был добиться успеха. Он был ревностным католиком, как и его мать, но поскольку он был избран королем Польши (1586), его не было в Швеции, когда трон стал вакантным из-за смерти его отца. Герцог Карл и его друзья не преминули воспользоваться его отсутствием. На заседании Синода сенаторы потребовали, чтобы Сигизмунд принял Аугсбургское исповедание в качестве условия своего избрания на престол. На это Сигизмунд послал единственный ответ, который мог дать добрый католик и честный человек, а именно резкий отказ. Его дядя, герцог Карл, действующий регент Швеции, предпринял шаги, чтобы отвратить шведский народ от присяги его законному королю и подготовить почву для своего собственного восшествия на престол. Он провозгласил себя защитником лютеранства и попытался привлечь епископов на свою сторону. На национальном собрании, состоявшемся в Упсале ("Упсала-мот" 1593 г.) после очень резкого выступления регента против католической церкви, епископы признались, что они допустили грубую ошибку, приняв литургию Иоанна III., и Собрание решительно высказалось в пользу Аугсбургского исповедания.

Поэтому, когда Сигизмунд вернулся, чтобы предъявить права на трон, он обнаружил, что лютеранство снова надежно укрепилось и что даже с самыми умеренными епископами, назначенными его отцом, следует считаться как с противниками. Духовенство объединилось с герцогом Карлом в возбуждении народа против него. В этих условиях он был вынужден отказаться от своих реформаторских проектов и доверить своему дяде управление Швецией, в то время как сам был вынужден вернуться в Польшу. Пока Сигизмунд был занят в Польше, регент провел весьма искусную кампанию, номинально выступая от имени протестантизма, но на самом деле стремясь добиться низложения Сигизмунда и своего собственного избрания на трон. На сейме в Судеркопинге (1595) Сигизмунд был осужден за то, что назначал католиков и терпимо относился к католической религии в своем королевстве Швеция, и было приказано, чтобы все, кто исповедовал доктрины Рима, отказались от своих заблуждений в течение шести месяцев под страхом изгнания из страны. Архиепископ Упсальский совершил обход церквей, во время которого он приказал выпороть в его присутствии всех тех, кто отлучился от лютеранской службы, уничтожить картины, статуи и реликварии и отменить литургию, введенную Иоанном III. должен быть отменен. Наибольшее насилие было применено по отношению к сторонникам короля Сигизмунда, большинство из которых были либо католиками, либо, по крайней мере, благосклонно относились к католицизму.

Взбешенные указом о том, что ни один указ короля не должен иметь обязательной силы, если он не подтвержден шведским сеймом, и доведенные до отчаяния тиранией и притеснениями регента, некоторые из сторонников Сигизмунда подняли знамя от имени своего короля, и Сигизмунд вернулся в Швецию с армией в пять тысяч человек. Ему противостояли силы регента, в борьбе с которыми он поначалу добился успеха, но в своем обращении со своим дядей и его сторонниками-мятежниками он показал себя слишком снисходительным. В обмен на его доброту, укрепив себя большой армией, они вынудили его подчиниться решению национального собрания, которое должно было состояться в Йончепинге (1599). На этой встрече герцог Карл обвинил короля в попытке еще раз ввергнуть Швецию в те ошибки, от которых ее спасли реформаторы. В мае того же года была принята резолюция, объявляющая, что король утрачивает верность своих подданных, если он не уступит их требованиям, и особенно если он не передаст своего сына и наследника на воспитание регенту как протестанта. Многие из его сторонников, включая девять членов Государственного совета, были казнены. Наконец, в 1604 году Сигизмунд был официально низложен, и корона перешла к его дяде, герцогу Карлу, который стал королем под титулом Карла IX. Протестантизм наконец восторжествовал в Швеции, но даже его самые ярые сторонники вряд ли захотели бы утверждать, что вопрос был решен по религиозным мотивам или что средства, принятые Карлом IX. обеспечить победу были достойны апостолы новой религии. -----

[1] Францисканец. Он был автором книги / Confutatio Lutheranismi Danici/, отредактированной и опубликованной в 1902 году.

ГЛАВА III

ПРОГРЕСС КАЛЬВИНИЗМА

а) в Швейцарии.

/Кальвини Иоаннис, Опера "Сверхсмертная опера"/ в / Корп. Реформатор/, тома. xxix.-lxxxvii.
Doumergue, /Jean Calvin, les hommes et les choses de son temps/, 1900-5. Kampschulte, /Johann

Calvin, seine Kirche und sein staat in Genf/, 1899. Fleury, /Histoire de l'Eglise de Geneve/, 3 vols., 1880. Mignet, /Etablissement de la reforme religieuse et constitution du calvinisme a Geneve/, 1877. Choisy, /La theocratie a Geneve au temps de Calvin/, 1897. /Кембридж Мод. История /, ii., глава xi. (Библиография, 769-83). Полную библиографию см. в /Diction. Theologique/ (ст. Кальвин).

Джон Кальвин, от имени которого ересь получила свое название, родился в Нуайоне в Пикардии в 1509 году. В соответствии с пожеланиями своего отца он изучал философию и теологию в Парижском университете, где он получал поддержку в основном за счет церковных пособий, на которые он был назначен, чтобы иметь возможность продолжить учебу. Позже он начал сомневаться в своей жизненной карьере и, не отказываясь полностью от своих надежд стать священнослужителем, обратил свое внимание на юриспруденцию в университетах Орлеана и Буржа. Во французских интеллектуальных кругах того периода можно было обнаружить определенный дух беспокойства и презрения к старым взглядам и старым методам. Идеи Возрождения, столь широко распространенные по ту сторону Альп, проникли во Францию, где они нашли одобрение у некоторых университетских профессоров и породили чувство недоверия и подозрительности в умах тех, для кого схоластика была высшим идеалом. Маргарита Наваррская, сестра короля, проявила себя щедрой покровительницей и защитницей нового движения и заручилась сочувствием и в некоторой степени поддержкой Франциска I. Несколько друзей Возрождения во Франции не замедлили принять религиозные идеи Лютера, хотя не все, кого крайние поборники схоластики подозревали в ереси, имели намерение присоединиться к движению, направленному против определенных доктрин или конституции католической церкви.

Будучи студентом в Бурже, Кальвин сблизился с Мельхиором Вольмаром, немецким гуманистом, который был убежденным лютеранином по своим наклонностям и благодаря которому он влюбился в учение Лютера об оправдании. По возвращении в Париж он вскоре проявил себя как убежденный сторонник передовой части университета, и своими способностями и решимостью он многое сделал для того, чтобы склонить партию Возрождения к религиозному учению, получившему столь широкое распространение в Германии. В результате выступления Николаса Копа, ректора университета, и нескольких актов насилия, совершенных в столице друзьями ереси, Франциск I был вынужден принять меры. Кальвин, опасаясь смерти или тюремного заключения, бежал из Парижа в Базель (1534). Здесь он опубликовал свой первый и величайший теологический трактат "Christianae Religionis Institutio", который он посвятил королю Франции (1536). Работа была разделена на четыре раздела, а именно: "Бог-Творец", "Бог-Искупитель", "Благодать" и "Внешние средства спасения". Как по своему стилю, так и по аргументам, почерпнутым из Священного Писания, Отцов Церкви и богословов Средневековья, она намного превосходила, по крайней мере для образованных читателей, лучшее, что было создано Лютером, и даже "Locī Communes" Меланхтона.

Он прибыл в Базель в то время, когда в политическом и религиозном развитии Женевы возник кризис. В течение длительного периода Савойский дом искал возможность аннексировать территорию Во, простирающуюся вдоль Женевского озера, и епископальные города Женеву и Лозанну. У Берна тоже были устремления аналогичного рода. Власти Берна, приняв доктрину Цвингли, думали, что в ней у них под рукой есть средство оторвать Женеву и Лозанну от каких-либо симпатий к Савойе и закрепить эти территории за собой. Они направили проповедников в Женеву, где уже существовали две политические фракции: одна выступала за более тесный союз с Савойей, другая требовала союза с Берном. Сторонники Берна сплотились вокруг

Уильяма Фареля и цвинглианских министров, в то время как друзья Савойи взялись отстаивать старую религию. Вся борьба была, по сути, политической, а не религиозной, но триумф республиканцев в Берне означал победу партии реформаторов в Женеве. Герцог Савойский объявил войну повстанцам, которым кантон Берн пообещал поддержку (1534). В результате войска Савойи были изгнаны из Женевы и Во, между Женевой и Берном был заключен тесный союз, и были приложены все усилия для распространения новой религии в городе и среди водуа. В Лозанне был основан цвинглианский университет, который оказал большое влияние на распространение нового учения и который имел честь считать среди своих студентов Теодора Безу[1] самым одаренным и образованным помощником Кальвина.

Но, хотя водуа были привлечены на свою сторону, Женева отнюдь не была обеспечена для реформаторов. Фарель и его последователи, столкнувшись с серьезными трудностями, обратились к Кальвину с просьбой помочь им завершить начатую ими работу. В 1536 году Кальвин принял это приглашение и поселился в Женеве. Наделенный большими способностями организатора и администратора, он вскоре восстановил порядок в городе и привлек людей к своим доктринам. Сам будучи человеком очень строгих взглядов, в глазах которого все, даже самые безобидные развлечения, казались греховными или опасными, он был полон решимости, чтобы его последователи приняли его взгляды. При его правлении Женева, прежде такая веселая, стала похожа на город смерти, где все граждане ходили как в трауре. Такое неестественное положение дел не могло быть постоянным. Народ вскоре устал от своего диктатора и его методов; власти Берна были настроены враждебно из-за его отказа принять их доктринальную программу или их образцовую религиозную организацию; Синод Лозанны выступил против него по аналогичной причине, и в 1538 году он и его основные сторонники были изгнаны из города. Кардинал Садолето воспользовался случаем, чтобы обратиться к Женеве с волнующим призывом вернуться к старой вере, но его призыв остался без внимания.

Кальвин сначала удалился в Страсбург, а позже возглавил приход во Франции. В промежуток времени он посвятил себя более тщательному изучению спорных религиозных вопросов и много писал в пользу Реформации. Именно в это время (1540) он женился на вдове одного из лидеров анабаптистов. Тем временем Женеву раздирали споры между двумя фракциями: либертинцами, как их называли, которые выступали против Кальвина, и Гильерминами, которые требовали его возвращения. Последний орган быстро набрал обороты, и был издан указ об отзыве Кальвина в Женеву (октябрь 1540 г.). Хорошо зная, что его присутствие необходимо для восстановления мира в городе, он отказался возвращаться, если не будут приняты выдвинутые им условия. В конце концов он вернулся в Женеву практически в качестве ее религиозного и политического диктатора (1541).

Введенная форма правления была теократической. Кальвин был признан духовным и светским правителем города. В работе правительства ему помогала Консистория, которая состояла из шести священнослужителей и двенадцати мирян. Последний был наихудшей формой инквизиционного суда, принимавшего во внимание малейшие нарушения правил, установленных для поведения граждан, и наказывавшего их самой суровой формой наказания. Любое неуважение к Консистории или противодействие ее авторитету рассматривалось как бунт против Бога. Кальвин сформулировал очень строгий свод правил для руководства людьми не только в выполнении их обязанностей как граждан и как членов его религиозной организации, но и в их социальном общении друг с другом. Даже уединение семейной жизни не

было священным в его глазах. Все виды развлечений, театры, танцы, карты и т. Д., Были запрещены как безбожные, равно как и экстравагантная одежда и все, что отдавало фривольностью. Никому не разрешалось продавать вино или пиво, за исключением ограниченного числа торговцев, имеющих на это лицензию Консистерии.

И эти пустые предписания не были предназначены только для того, чтобы держать религию в поле зрения людей без какого-либо намерения навязывать их. Проповедники были наделены экстраординарными полномочиями, и им было поручено посещать дом за домом, расспрашивать о нарушениях правил. В своих отчетах перед Конгрегацией и Консистерией они отмечали даже самые незначительные нарушения. Не удовлетворившись этим, Кальвин расставил своих шпионов во всех частях города, которые докладывали ему, что люди говорят о его методах и его правительстве. Наказание, назначенное судами, было очень суровым и жестоким. Никакая пытка, которая могла быть применена, не считалась чрезмерной для любого, кто осмеливался критиковать Консистирию или диктатора.

Естественно, что такие методы были крайне неприятны тем гражданам Женевы, которые не были религиозными фанатиками. Сильная партия пыталась противостоять ему. Они обвиняли его в гораздо большем тиранизме, чем папу римского, но Кальвин осуждал таких противников как развратников, еретиков и атеистов. Он передал их дьяволу, по крайней мере, в той мере, в какой его церковные порицания были эффективны, [2] пригрозил самым суровым духовным наказанием их помощникам и подстрекателям, а когда все подобные средства порицания не сработали, он обратился к светской руке.

Себастьян Кастеллио, известный проповедник и исследователь Священных Писаний, был наказан за то, что не смог согласиться с учением Кальвина о предопределении, как и врач Больсек; Амо, один из членов Совета, был казнен за то, что осудил тиранию Кальвина и Консистерии; Джентилис был приговорен к казни за несогласие с учением Кальвина о Троице, и был вынужден публично отречься от своих слов, прежде чем смог добиться отсрочки приговора. Несколько граждан были наказаны длительным тюремным заключением за танцы даже по случаю свадьбы, как это произошло в случае с Ле Февром, чей зять был вынужден бежать во Францию, потому что его горячо возмущали такие методы пропаганды религии. В Женеве и на прилегающей территории все католические обычаи были подавлены насилием, и крестьянам не было предоставлено никакого выбора в своих религиозных взглядах. Возможно, однако, самым вопиющим примером тирании и своевольных методов Кальвина было его обращение с Майклом Серветом, испанцем, который писал против Троицы. Он путешествовал по территории Женевы и ничего не делал для распространения своих доктрин и не предпринимал никаких действий, которые могли бы навлечь на него гнев Кальвина. Последний, услышав о его присутствии там, арестовал его, судил и приговорил к смерти. Чтобы оправдать такую жестокость, он опубликовал брошюру, в которой защищал смерть как единственное правильное средство от ереси. Теодор Беза решительно поддержал это мнение своего учителя, как и Меланхтон, который, хотя и расходился с Кальвином по многим пунктам, поспешил передать свои самые теплые поздравления по поводу казни Сервета.[3]

Жестокие поступки Кэлвина не были результатом бурных вспышек гнева. По натуре холодный и непоколебимый, он не позволял доводить себя до крайностей ни гнева, ни страсти. Как ему удавалось сохранять свое положение в Женеве в течение стольких лет, понятно только тем, кто

понимает силу религиозного фанатизма, который он смог пробудить среди своих последователей, ужас, который его духовные и светские наказания внушали его оппонентам, его собственные замечательные организаторские и административные способности, активность его министров и шпионов и почти совершенную систему репрессий, которую он перенял в своем двойственном характере религиозного и политического диктатора.

Чтобы укрепить свое положение и обеспечить продолжение своей системы, он основал академию в Женеве (1558) главным образом для изучения теологии и философии. В нем приняли участие толпы ученых из Швейцарии, Франции, Германии, Нидерландов, Англии и Шотландии. С помощью академии кальвинизм распространился по всей Швейцарии, несмотря на противодействие цвинглианских проповедников, и система церковной организации Кальвина стала образцом, к которому стремились его ученики в большинстве стран Европы, особенно во Франции, Нидерландах и Шотландии. Цюрихская школа, во главе которой стоял Буллингер, не уступила новому учению без жестокой борьбы, и Кальвин оказался вынужден прийти к соглашению с ними в "Тигурнинском согласии" (1549). В своем желании обеспечить религиозное единство Швейцарии он без труда отказался от своей собственной доктрины или приуменьшил ее значение в надежде одолеть или привлечь на свою сторону своих противников. После жизни, полной неутомимой энергии, его здоровье начало ухудшаться в 1561 году, и три года спустя он скончался (1564).

Кальвин был человеком угрюмого и мрачного темперамента, суровым вплоть до резкости со своими последователями и совершенно лишенным человеческого сочувствия. Однако не таков его ученик и помощник Теодор Беза. Последний родился в Бургундии в 1519 году, и после завершения изучения классической музыки в Орлеане он перебрался в Париж, где окупался во все столичные удовольствия и увеселения, и где поначалу он был замечателен больше своими любовными песнями, чем своим богословием. Он посвятил себя изучению права и в 1539 году получил степень лиценциата в Париже. Присоединившись к взглядам швейцарских реформаторов, он покинул Париж и поселился в Женеве, где полностью подпал под влияние Кальвина, но даже темперамент и система Кальвина не смогли изменить его от природы веселого и отзывчивого нрава. По этой причине он стал всеобщим любимцем и многое сделал, чтобы завоевать расположение тех, кто чувствовал себя возмущенным жестокостью диктатора. Кроме того, Беза был человеком с очень выдающимися способностями и особенно хорошо владел ивритом и классикой. Он был мастером поразительного стиля, независимо от того, писал ли он по-французски или по-латыни, красноречивее большинства своих современников и во всех отношениях способен произвести хорошее впечатление не только на рядового гражданина, но и на более образованные классы. Его труды в защиту системы Кальвина и переводы Священных Писаний принесли ему большую репутацию во всей Европе и обеспечили ему командное положение в Женеве, где он умер в 1605 году.

Система Кальвина была в значительной степени построена по образцу доктрин Лютера и Цвингли, но в значительной степени она была окрашена его собственным суровым и угрюмым характером. Что касается отличительной черты его системы, а именно абсолютного предопределения, то он в значительной степени зависел от работ Уиклифа. Подобно Лютеру, он начал с предположения, что состояние человека до Грехопадения было полностью естественным, и что, следовательно, в результате Грехопадения он был лишен чего-то, что было существенно для его природы и без чего человеческая природа была полностью испорчена. Человек больше не был свободен, и каждое его действие было греховным. Его недостаток

свободы был результатом игры внешних сил, направленных и устроенных Богом, а не какой-либо внутренней необходимости, в силу которой он был вынужден грешить. Бог, согласно Кальвину, является автором греха в том смысле, что он создал определенное количество людей, чтобы творить зло через них, чтобы у Него была возможность проявить божественное свойство милосердия. Следовательно, мотив Бога в причинении зла отличается от мотива грешника, и поэтому, хотя грешник заслуживает порицания, Бог не несет никакой ответственности за его преступление.

Адам согрешил, потому что так было предопределено Богом, что он должен был пасть, чтобы божественная милость проявилась к миру. По той же причине Бог не предполагал, что все должны быть одинаково хороши или что все должны быть спасены. Он сотворил некоторых людей для того, чтобы они могли грешить и чтобы их наказание служило примером Божьего правосудия, в то время как других Он сотворил для того, чтобы они могли быть спасены в знак Его всепоглощающей милости. Первые приговорены к аду необратимым указом, остальные, избранные, абсолютно предопределены к славе. Избранные уверены в оправдании через заслуги Христа, и однажды оправданные, они всегда будут оправданы, ибо оправдание не может быть утрачено. Вера, подобная той, которую проповедовал Лютер, была средством обретения оправдания, но, памятуя о другом своем учении о том, что даже лучшие дела человека греховны, Кальвин позаботился объяснить, что оправдывающая вера - это всего лишь инструмент, с помощью которого человек постигает заслуги Христа. Это было похоже на сосуд, который, хотя и содержал какое-то бесценное сокровище, сам по себе ничего не стоил.

Как и следовало ожидать, Кальвин отказался признать, что таинства были наделены какой-либо объективной силой дарования Благодати. Однако в случае их принятия избранными он считал, что они были средством укрепления веры, с помощью которой достигается оправдание, но для тех, кто был обречен на проклятие, они были просто знаками, не имеющими никакого духовного эффекта. Что касается Евхаристии, то, хотя он отвергал католический взгляд на Пресуществление, он утверждал против лютеран, что Импанация или Компанация одинаково абсурдны. Он также не был согласен с Цвингли в том, что Евхаристия - это простой знак любви Христа к людям. Согласно ему, Христос действительно присутствует в том смысле, что, хотя хлеб и вино остаются неизменными, предопределенные получают вместе с евхаристическими элементами небесную пищу, которая исходит от тела Христова на Небесах.

Подобно Лютеру, он утверждал, что истинная Церковь Христа невидима и, по его мнению, состоит только из предопределенных, но, осознавая необходимость власти и организации, он был вынужден считать, что невидимая Церковь проявляет себя через видимое религиозное общество. Однако, в отличие от Лютера, он не желал подчинять Церковь гражданской власти, полагая, что это общество является самодостаточным и полностью независимым от светских властителей. Каждая кальвинистская община должна быть в значительной степени самоуправляемой республикой, все они должны быть объединены в одно тело религиозными синодами, в которые отдельные общины должны избирать представителей. Церквями должны были управлять пасторы, старейшины и дьяконы. Кандидаты на священное служение должны были получить подтверждение своего призвания по звонку от какой-либо кальвинистской церковной организации и должны были быть рукоположены наложением рук пресвитеров или старейшин. Для Кальвина, как и для Лютера, Священное Писание было единственным правилом веры, которое должны были принимать как проповедники, так и синоды. Особого озарения Святого Духа было достаточно, чтобы уберечь людей от обмана либо в определении

того, какие книги богодухновенны, либо в том, каков точный смысл, который Бог хотел передать в той или иной конкретной книге или отрывке.[4] —————

[1] Бэрд / Теодор Беза, советник французской реформы/, 1900.

[2] Galli, /Die Lutheran, und Calvinist, Kirchenstrafen im Reformationszeitalter/, 1878.

[3] Rouquette, /L'Inquisition protestante. Les victimes de Calvin/, 1906. Galiffe, /Quelques pages d'histoire exacte sur les proces intentes a Geneve/, 1862. Paulus, /Luther und Gewissensfreiheit/, 1905. Id., /Melanchthon und Gewissensfreiheit/ (/Katholik/, i., 546 sqq.).

[4] Schwane, /Dogmengeschichte der neuerenzeit/. Каннингем, / Реформаторы и теология Реформации /, 1862.

b) Кальвинизм во Франции.

Lavisse, /Histoire de France/ (vols v.-vi.), 1904-5. De Meaux, /Les luttes religieuses en France au XVIe siecle/, 1879. Imbart de la Tour, /Les origines de la Reforme/, vols. i.-ii., 1904-9. Hauser, /Etudes sur la Reforme francaise/, 1909. Capefigue, /Histoire de la reforme, de la ligue et du regne de Henri IV./, 4 vols., 1834. Maimbourg, /Histoire du Calvinisme/, 1682. Soldan, /Geschichte des Protestantismus in Frankreich bis zum Tode Karls ix./, 2 Bde, 1855. Бэрд, / История восстания гугенотов во Франции /, 2 тома., 1879. См. также библиографию, глава iii. (a).

Многие причины объединились в пользу внедрения реформатских доктрин во Франции. Из-за антипапской позиции, занятой французскими богословами во время Великого Западного раскола, во многих кругах все еще таились сильные чувства против Святого Престола и в пользу национальной Церкви, над которой папа должен был сохранять лишь верховенство чести. Кроме того, влияние старых сект, альбигойцев и вальденсов, не исчезло полностью, и принципы французских мистиков благоприятствовали теории религиозного индивидуализма, которая лежала в основе всего учения реформаторов. Эпоха Возрождения также была силой во Франции, особенно в Париже, где она могла похвастаться могущественными покровителями, такими как Маргарита Наваррская, сестра Франциска I. и жена короля Наваррского, любовница короля, его любимый министр Дю Белле и брат последнего, епископ Парижский. Однако не все французские гуманисты были одинаково опасны. Некоторые из них, несомненно, благосклонно относились к взглядам Лютера, в то время как многие другие, взбешенные выдвинутыми против них обвинениями в неортодоксальности, были склонны с самодовольством относиться ко всему, что осуждалось их оппонентами-схоластами. Близость Страсбурга, где нашли поддержку лютеранские и цвинглианские доктрины, и тесные отношения, существующие между Парижским университетом и немецкими учеными, помогли распространить среди французов труды Эразма, Лютера и Меланхтона, а вместе с ними и новые религиозные взгляды.

Успеху Реформации во Франции препятствовал тот факт, что люди, по своим симпатиям скорее латиняне, чем тевтоны, были полностью преданы своей религии и Святому Престолу, что епископы, хотя и назначались королем в соответствии с Конкордатом 1516 года, были более ревностными, чем их немецкие братья, что в главном Парижском университете, который в то время был великим центром интеллектуальной жизни Франции, были насквозь католическими, и что на королеву-мать, государственного канцлера, ведущих министров, как светских, так и церковных, и на парламентские власти можно было положиться в том, что они будут предлагать лютеранство их сильнейшее противодействие. И как бы сильно Франциск I ни был склонен

колебаться в надежде заручиться помощью немецких протестантских князей в своей борьбе с империей, у него не было ни малейшего желания видеть, как его королевство сотрясает религиозная борьба, бушующая по другую сторону Рейна.

В 1521 году парижский парламент с одобрения короля запретил публикацию произведений, посвященных новым религиозным воззрениям. Книги Лютера были осуждены, и Парижский университет составил список ошибочных положений, извлеченных из трудов немецких богословов (1523). По просьбе королевы-матери богословский факультет Парижа разработал план предотвращения распространения немецких заблуждений во Франции, основные пункты которого заключались в том, что еретические книги должны быть запрещены, что епископов следует призвать искать такие произведения в своих епархиях и уничтожать их, и что Сорбонна должна иметь полную свободу действий в поддержании религиозного единства. И все же, несмотря на эти меры предосторожности, в Мо, в окрестностях Парижа, была сформирована лютеранская община, а на юге Франции, где вальденсианская партия была все еще сильна, лютеранское учение нашло много сторонников. В некоторых местах предпринимались различные попытки подражать тактике, столь успешно принятой в Виттенберге и Берне, чтобы силой добиться прекращения католического богослужения. Но эти попытки провалились, главным образом, из-за независимой позиции местных парламентов и энергии епископов, которые устранили одно из самых опасных орудий, имевшихся в распоряжении еретиков, настаивая на тщательной реформе духовенства.

Но хотя Франциск I был вынужден принять меры против сектантов, и хотя Кальвин и другие лидеры были вынуждены покинуть Францию, партия реформаторов, опираясь на влияние таких покровителей, как Маргарита Наваррская[1], а также на гуманистическую секцию в университете и недавно созданном Коллеж де Франс, была уверена в конечном успехе. Они понимали, что король больше всего на свете стремился достичь взаимопонимания с протестантскими князьями Германии против Карла V. И что поэтому маловероятно, что он стал бы прибегать к жестоким преследованиям их единоверцев у себя дома. Они также знали, что Франциск I. всем сердцем стремился обеспечить полный контроль над Церковью в своих собственных владениях, о чем свидетельствовала жесткая сделка, которую он заключил со Львом X. в Коркордате 1516 года,[2] и они не были без надежды, что учение Лютера о духовном превосходстве гражданских правителей может оказаться непреодолимой приманкой для человека с таким темпераментом. Переговоры были начаты с Франциском I. некоторыми немецкими реформаторами, которые предложили принять большую часть католических доктрин вместе с епископальным правительством, если только король поддержит их дело (1534). Поскольку организовать конференцию было невозможно, лютеранская партия представила на рассмотрение Сорбонны краткое изложение своих взглядов, воплощенное в двенадцати статьях. В ответ на это сообщение доктора Сорбонны, вместо того чтобы тратить свою энергию на обсуждение конкретных догматов, предложили немцам прямо заявить, признают они авторитет Церкви и писания Отцов Церкви или нет. Такое отношение положило конец всем надеждам на совместные действия между французскими и немецкими богословами, но в то же время Франциск I. не желал по политическим причинам порывать с протестантизмом. Публикация, однако, особенно оскорбительного памфлета против католицизма, напечатанного в Швейцарии и распространенного по всей Франции, послужила предупреждением королю о том, что его собственная страна находится на грани погружения в гражданскую войну, которую протестантизм разжег в Германии, и что, если он хочет сохранить национальное единство и мир, настало время для решительных действий. Многие ведущие реформаторы были

арестованы, и некоторые из них были казнены, в то время как другие были изгнаны из Франции (1535).

С этого времени лютеране начали терять надежду заручиться активным сотрудничеством Франциска I. Но дружественные политические отношения между королем и немецкими протестантскими князьями, а также непосредственная близость Страсбурга, Женевы и Берна, из которых во Францию проникали проповедники и памфлеты, способствовали укреплению еретической партии в стране несмотря на усилия церковных и светских властей. На Юге многие вальденсы в Дофине и Провансе формально перешли на сторону кальвинистов. В местах, где они обладали значительной силой, они совершали жестокие нападения на духовенство, по этой причине местными администраторами и королем были приняты суровые репрессивные меры. Как в Швейцарии, так и во Франции кальвинизм оказался наиболее привлекательной из новых религиозных систем. Кальвинистские общины были созданы в Париже, Руане, Лионе и Орлеане, и все они обращались за руководством к Женеве. Французских последователей Кальвина называли гугенотами.

Генрих II (1547-59), унаследовавший престол после смерти Франциска I. без труда заключил союз с немецкими протестантами и отправил армию на помощь Морису Саксонскому в его восстании против императора, в то же время приняв все меры предосторожности против распространения ереси у себя дома. Он учредил новый департамент инквизиции под председательством доминиканца для выявления и наказания гугенотов и обязал гражданскую власть выполнять свои решения. В этом отношении его решительно поддержал Парижский университет, который заслужил самые сердечные поздравления Юлия III. своей яркой защитой католических доктрин, особенно необходимости повиновения Святому Престолу. Однако, несмотря на все принятые против них меры, численность гугенотов продолжала увеличиваться. Епископ Наваррский перешел на их сторону, как и определенная часть духовенства, а позиция некоторых других была неопределенной. Партия гугенотов оказалась настолько сильной во Франции, что в 1559 году в Париже состоялся Синод, представляющий различные реформатские общины, на котором были официально приняты доктрина и церковная организация, введенные Кальвином в Швейцарии. Восшествие Елизаветы на английский престол и надежды Франции на отделение этой страны от Испании заставили французское правительство меньше стремиться принимать суровые меры против протестантов. После Като-Камбрезийского мира (1559), когда Генрих решил приложить все усилия для искоренения кальвинизма, ему помешала смерть.

Франциск II. который прожил всего один год (1559-60) преуспел, и за ним последовал Карл IX. (1560-74). Последний из них был совсем ребенком, и во время совершеннолетия правительство страны находилось в руках Екатерины Медичи, его матери, которая стала регентшей Франции. При дворе за господство боролись две партии: семья Гизов, выступавшая за католицизм, и бурбоны, выступавшие за кальвинизм. Регентша, не будучи женщиной с очень решительными религиозными убеждениями или тенденциями, решила натравить одну партию на другую, чтобы увеличить свою собственную власть, и таким образом кальвинистам была предоставлена великолепная возможность продолжить свою религиозную кампанию. Несколько наиболее влиятельных людей в королевстве поддерживали их планы исключительно из ненависти к герцогу де Гизу[3] и в надежде ослабить его власть. Среди выдающихся кальвинистских лидеров того периода были Антуан де Бурбон, [4] король Наварры, и его брат Луи принц де

Конде, коннетабль де Монморанси и адмирал Колиньи, [5] признанный глава и самый способный лидер партии гугенотов.

Воспользовавшись горечью, вызванной среди их сторонников казнью некоторых из них, гугеноты организовали заговор (Беспорядки в Амбуазе в 1560 году) с целью захватить молодого короля, свергнуть герцога де Гиза и посадить на его место принца де Конде. Кальвинистские теологи, проконсультировавшись о законности такого предприятия, заявили, что заговорщики могут действовать, не опасаясь согрешить, пока среди их лидеров есть принц из королевской семьи. Однако заговор был раскрыт до того, как их планы созрели, и несколько из тех, кто принимал в нем участие, были казнены. Вместо того, чтобы ослабить, это послужило только укреплению семьи Гизов. Франциск, герцог де Гиз, был назначен генерал-лейтенантом Франции с титулом спасителя своей страны, в то время как его брат, кардинал Лотарингии, стал главным инквизитором и одним из папских легатов, назначенных для борьбы со злоупотреблениями во Франции. Король Наварры, к которому Пий IV обратился с личным обращением, признался в своей непоколебимой верности католической религии, хотя в то же время он много делал для распространения кальвинизма в своих собственных владениях и по всему Югу Франции.

Хотя королевский эдикт против кальвинистов, опубликованный в 1560 году, был суровым, все же мало что было сделано для обеспечения соблюдения его условий, за исключением тех, кто прибегал к оружию. Принц де Конде организовал новый заговор и попытался захватить Лион. Он был арестован, предан суду и приговорен к смертной казни, но прежде чем приговор был приведен в исполнение, Франциск II скончался.

Теперь произошло новое объединение партий. Регентша Екатерина Медичи, встревоженная растущим влиянием фракции Гизов, бросила всю тяжесть своего влияния на чашу весов в пользу принца де Конде и гугенотов. Был издан королевский эдикт, приостанавливающий все судебные преследования еретиков и предписывающий освободить всех заключенных, задержанных из-за их религии (1561). Регент написал папе римскому, восхваляя религиозный пыл кальвинистов и призывая его подавить несколько католических обрядов, против которых возражали еретики. Она заявила, что стремится к созданию национального совета для урегулирования религиозных разногласий, и, не добившись этого, настояла на проведении религиозного диспута в Пуасси. Диспут ("Коллоквиум" в Пуасси) состоялся (1561) в присутствии молодого короля, его матери и большого числа кардиналов, епископов и государственных министров. Католики были представлены кардиналом Лотарингии, генералом-иезуитом Лайнесом и другими выдающимися священнослужителями, в то время как кальвинисты послали большое количество своих самых способных лидеров, заметными среди которых были Теодор Беза и Франсуа де Морель. Основные спорные доктрины, в частности авторитет Церкви и Евхаристия, долго обсуждались, но безрезультатно. Затем был назначен небольшой комитет, состоящий из пяти теологов, представляющих каждую сторону, но без особого успеха. В конце концов, поскольку никакого соглашения достичь не удалось, конференция была закрыта.

Благодаря тесному союзу между регентом и принцем де Конде первая издала новый эдикт, в котором разрешила кальвинистам свободно исповедовать свою религию за пределами городов при условии, что они будут собираться без оружия, приказала им восстановить захваченные ими имущество и церкви и запретила им прибегать к насилию или к заговорам для пропаганды своих взглядов (1562). Воодушевленные этими уступками, кальвинисты, особенно на Юге

Франции, попытались навязать людям свою религию. Они нападали на церкви, оскверняли Святые Дары, убили нескольких священников и мирян и заставляли крестьян слушать своих проповедников. Чувства между двумя партиями были чрезвычайно ожесточенными, и католики были особенно возмущены тем, что небольшому меньшинству должно быть позволено поступать по-своему, независимо от мнения огромной части французского народа.

В этих обстоятельствах требовалось совсем немного, чтобы привести к серьезному конфликту. В Васси несколько солдат, сопровождавших герцога де Гиза, поссорились с партией кальвинистов, чье пение псалмов мешало мессе, на которой присутствовал герцог. Последний, услышав шум, поспешил восстановить мир и был поражен камнем. Его последователи, разгневанные этим безобразием, обнажили мечи и убили большое количество кальвинистов. Этот инцидент, обычно называемый резней в Васси, привел к новой гражданской войне (1562 г.). Кальвинисты поспешили взяться за оружие, и принц де Конде был уверен в английской помощи. Большая армия атаковала Тулузу, но после четырехдневной борьбы кальвинисты потерпели поражение и были отброшены с большими потерями. В Нормандии и других центрах, где они были сильны, они вели войну с неслыханной жестокостью; но поскольку они были в безнадежном меньшинстве, а англичане не смогли оказать им необходимой помощи, они потеряли многие из своих опорных пунктов и, наконец, потерпели ужасное поражение при Дре, где принц де Конде был взят в плен (декабрь 1562 г.). Колиньи бежал в Орлеан, город был осажден герцогом де Гизом, который был убит во время осады одним из последователей Колиньи.[6] Перед казнью заключенный обвинил Колиньи и Безу в соучастии в его преступлении, но справедливо будет сказать, что Колиньи под присягой отрицал правдивость этого заявления.

Хотя католики одержали победу, ужасная борьба дорого им обошлась. Их самый способный лидер герцог Гиз пал, как и Антуан де Бурбон, король Наварры, который был обращен из кальвинизма; многие их церкви и наиболее ценные святыни были разрушены; и что еще хуже, они признали, что борьба велась напрасно, поскольку регент провозгласил всеобщую амнистию и заключил мир с гугенотами (Амбуазский мир, 1563), по которому знати-кальвинистам и их последователям разрешалось свободно исповедовать свою религию с определенными ограничениями.

Ни одна из сторон не была удовлетворена этими условиями. Кроме того, Колиньи и принц де Конде были раздражены тем фактом, что регентша разорвала с ними свои тесные отношения и начала склоняться на сторону католиков и к союзу с Испанией. Собрав большие суммы денег и вооружив свои силы для нового похода, они решили захватить короля и его двор в Монсо, но коннетабль де Монморанси с шестью тысячами верных швейцарских солдат поспешил на защиту короля и благополучно вывел его из гущи врагов (1567). Эта попытка вместе с ужасной резней католиков в Ниме (29 сентября)[7] привела к началу второй гражданской войны. Католические войска добились успеха при Сен-Дени, хотя они потеряли одного из своих самых способных генералов, коннетабля де Монморанси, и были лишены плодов своей победы из-за вмешательства курфюрста Пфальцского. Благодаря посредничеству последнего в 1568 году был заключен новый мирный договор, но поскольку гугеноты продолжали искать союза с Англией, Германией и Нидерландами, Карл IX. напомнил об уступках, на которые он пошел, и запретил отправку кальвинистского культа под страхом смертной казни.

Вслед за этим разразилась третья гражданская война (1569). Гугеноты получали помощь от Англии, Нидерландов и Германии, в то время как католиков поддерживали Испания и папа Римский. Война велась с безжалостной жестокостью с обеих сторон. В битве при Жарнаке войска гугенотов потерпели поражение, а принц де Конде был убит (1569). Однако борьба была продолжена Колиньи при поддержке Генриха, короля Наваррского, и молодого де Конде. Невероятными усилиями Колиньи вывел на поле боя новую армию только для того, чтобы потерпеть еще одно ужасное поражение при Монконтуре, где гугеноты были почти полностью уничтожены. Казалось, что долгая борьба должна была наконец закончиться и что во Франции должен был быть восстановлен мир. Но, к сожалению, на этом этапе некоторым из его придворных удалось убедить Карла IX. чье брат, герцог Анжуйский, который вместе с молодым герцогом де Гизом был в основном ответственен за победы католиков, мог бы использовать свои признанные военные способности и влияние на народ, чтобы стать королем Франции. Встревоженный перспективой такого развития событий, Карл IX, и без того завидовавший победам своего брата, выступил против католической партии и заключил Сен-Жермен-ан-Лэ мир с гугенотами (1570).

Согласно условиям этого мира, гугенотам было разрешено свободно исповедовать свою религию во Франции, за единственным исключением столицы. Они не должны были быть отстранены ни от каких государственных должностей, и четыре сильнейшие крепости страны - Ла-Рошель, Монтобан, Коньяк и Ла-Шарите - должны были быть переданы им для их защиты и в качестве гарантии добросовестности. Вся политика Карла IX претерпела полное изменение. Одержимый идеей, что католическая партия, возглавляемая герцогом Анжуйским, становится слишком могущественной, чтобы ей можно было доверять, он обратился к Колиньи и кальвинистам, разорвал союз, заключенный с Испанией годом ранее, и стремился привлечь Францию на сторону Англии и мятежных подданных Испании в Нидерландах. Колиньи был приглашен ко двору, где вскоре стал самым доверенным и влиятельным советником короля. Он пытался настроить Карла IX против своей матери, герцога Анжуйского и семейства Гизов. Он не жалел усилий, чтобы привести Францию к самым тесным отношениям с Англией и Нидерландами против Испании, и в знак примирения, которое было достигнуто между двором и гугенотами, был заключен брак между Генрихом, кальвинистским королем Наварры, и Маргаритой Валуа, сестрой Карла IX.

Католики были крайне возмущены таким внезапным изменением политики. Памятуя о несчастьях, принесенных их стране гугенотами, и о потерях и жестокости, которые они понесли от рук этого непримиримого меньшинства, они возмущались господством Колиньи, которого считали своим самым опасным врагом, и их ожесточала мысль о том, что победы, одержанные ими такой дорогой ценой, привели лишь к их собственному падению и торжеству их злейших врагов. Екатерина Медичи, королева-мать, острее остальных ощущала влияние Колиньи. Она считала, что он использует свою власть, чтобы оттолкнуть молодого короля от нее самой и отвлечь его от политики, которую она отстаивала. Она только ждала возможности отомстить Колиньи и всей партии гугенотов, прекрасно зная, что может рассчитывать на поддержку народа.

Такая возможность представилась в связи с бракосочетанием короля Наварры и Маргариты Валуа. Ведущие кальвинисты, которым не терпелось принять участие в церемонии, стеклись в Париж, где они и их последователи прошли по улицам, вооруженные до зубов, с видом победителей. Екатерина Медичи предприняла шаги, чтобы добиться убийства Колиньи 22

августа 1572 года, но попытка провалилась. Однако такой шаг вызвал озлобление с обеих сторон и побудил королеву-мать предпринять последнее усилие для уничтожения своих противников-гугенотов. На аудиенции у короля она объяснила ему, что кальвинисты замышляют лишить его жизни и что единственный способ обезопасить себя от них - это предупредить их появление. Принимая во внимание предыдущую историю партии и подозрительный темперамент короля, не потребовалось много усилий, чтобы убедить его в правдивости этого утверждения, и в конце концов он подписал приказ, согласно которому по определенному заранее условленному сигналу солдаты должны были напасть на гугенотов. В ночь, предшествующую празднику Святого Варфоломея (23-24 августа), зазвонили колокола церкви Сен-Жермен-ан-Лэ, и войска совершили вылазку для выполнения своих инструкций. По городу распространились слухи о заговоре гугенотов. Люди были встревожены, и основная масса горожан взялась за оружие, чтобы поддержать солдат. В последовавшей за этим рукопашной схватке более тысячи кальвинистов, включая Колиньи, были казнены. Движение распространилось по провинциям, где пострадало примерно столько же человек, сколько и в столице, хотя многие представители католического духовенства, как, например, епископ Лизье, приложили все усилия, чтобы положить конец бойне.

Это событие известно в истории как резня Святого Варфоломея. Резня ни в коем случае не была преднамеренной. Это была внезапная вспышка народного возмущения, вызванная махинациями королевы-матери, и епископы католической церкви не поощряли и не одобряли ее. Король предстал перед парижским парламентом на следующий день после резни и заявил, что он один несет ответственность за то, что произошло. Он объяснил, что против его жизни был составлен заговор и что он принял единственные меры, которые для него были возможны. Это был отчет об этом деле, который был направлен французским дипломатическим представителям за границей и который они представили во всех судах, при которых были аккредитованы. Григорий XIII, действуя по докладу французского посла, распорядился, чтобы а / Te Deum/ была спета в знак благодарности за безопасность короля и королевской семьи, а не в знак ликования по поводу убийства кальвинистов, как это часто утверждалось. Напротив, он был глубоко огорчен, когда узнал истинное положение дел. Резня святого Варфоломея действительно была неоправданной, но это было сделано не для пропаганды религии и не по наущению Церкви. С точки зрения короля и королевы-матери, это было чисто политическое мероприятие, и это был внезапный народный взрыв в той мере, в какой в нем приняли участие граждане Парижа или жители страны. Оценивая ответственность за то, что произошло, никто не может выбросить из головы ужасные эксцессы, в которых были повинны гугеноты во время их долгой борьбы против собственных соотечественников. Немецкие лютеране, которые смотрели на резню как на небесный суд над еретиками-кальвинистами, были рады их казни.[8]

Гугеноты взялись за оружие, чтобы отомстить за павших своих братьев, и началась четвертая гражданская война. Герцог Анжуйский осадил их самую сильную крепость Ла-Рошель, но взять ее не смог, и после его избрания королем Польши (1573 г.) был заключен договор, согласно которому гугенотам разрешалось свободно исповедовать свою религию. Большое число французских политиков, наконец, устали от борьбы, которая так дорого обходилась их стране, и стремились заключить мир, даже несмотря на то, что для этого было необходимо уступить требованиям гугенотов. Во главе этой партии стояли некоторые из самых могущественных дворян Франции, включая герцога Алансонского, а также после смерти Карла IX. герцог Анжуйский стал преемником Генриха III. (1575-89) его симпатии были полностью на стороне партии умеренных в противовес экстремистам обеих сторон. По условиям Мира в Болье (1576 г.)

гугенотам была гарантирована полная свобода, за исключением Парижа и французского двора, и полные гражданские права, и в качестве гарантии добросовестности они продолжали владеть своими крепостями.

Возмущенная такими уступками католическая партия сформировала Лигу[9] во главе с молодым герцогом де Гизом. Генрих III, обнаружив, что невозможно противостоять этой комбинации с какой-либо надеждой на успех, решил контролировать ее, став сам ее лидером. Уступки, сделанные гугенотам, были отозваны (1577), и разразилась пятая гражданская война. Этому положил конец Пуатье мир (1577). Партия гугенотов под предводительством короля Наварры и молодого принца де Конде продолжала добиваться успехов в борьбе с Лигой и стремилась укрепиться за счет союза с Англией и Нидерландами.

Вопрос о наследовании французского престола стал серьезным для обеих сторон. Генрих III. был бездетен, и после смерти предполагаемого наследника, его брата герцога Анжуйского (Алансон, 1584), наследование, по-видимому, перешло к Генриху, королю Наваррскому, но поскольку он был кальвинистом, католики не желали признавать его. Лига объявила кардинала де Бурбона, сына герцога Вандомского, законным наследником французского престола, хотя многие из ее ярых сторонников поддерживали герцога Гиза. Была предпринята попытка получить одобрение Папы Римского Лиги и ее политики, но и Георг XIII. и Сикст V. не были склонны поддерживать ее притязания. Однако по настоятельной просьбе Испании последняя в 1585 году издала конституцию, в которой провозгласила, что Генрих Наваррский и принц де Конде, как отъявленные еретики, отлученные от Церкви, утратили все права на трон Франции. Генрих Наваррский подал торжественный протест в Рим и обратился к парижскому парламенту, который отказался одобрить публикацию папского документа. Обе стороны снова прибегли к оружию, и гугеноты под предводительством Генриха Наваррского одержали победу в битве при Кутра (1587). Лига, однако, продолжила борьбу, захватив некоторые из главных городов, таких как Лион, Орлеан и Бурж, в то время как Генрих III. по очереди поддерживал обе стороны. Преисполненный благоговейного трепета перед успешными подвигами герцога де Гиза, он поклялся покончить с гугенотами, и королевская прокламация призвала французский народ поклясться, что он никогда не примет еретика в качестве своего короля (1588).

Но в глубине души Генрих III. поддерживал короля Наваррского, хотя бы потому, что хотел спастись от диктатуры герцога де Гиза. В 1588 году он добился убийства двух величайших лидеров Лиги, Генриха герцога де Гиза и его брата Людовика кардинала-архиепископа Лионского. Это оскорбление навлекло на него гнев Лиги и значительной части французских католиков. Шарль де Лоррен, брат убитого герцога де Гиза, встал во главе врагов короля. Сикст V выступил с решительным осуждением убийства кардинала-архиепископа, а Сорбонна заявила, что нация больше не обязана быть верной королю. Война энергично возобновилась с обеих сторон, Лигу поддерживал Филипп II Испанский, а ее противников - протестантские войска из Германии и Швейцарии. В то время как объединенные силы Генриха III. и короля Наваррского, осаждавшего Париж, Генриха III. был убит (1589).

После этого Генрих Наваррский сам провозгласил себя королем Франции под титулом Генриха IV., но Лига отказалась признать его притязания и выдвинула вместо него престарелого кардинала де Бурбона, в то время пленника в руках короля Наварры. Кардинал также был провозглашен королем (Карлом X.). Испания тоже отказалась признать Генриха IV. и помогала Лиге деньгами и солдатами. Папы Сикст V. Григорий VIX. и Климент VIII занял позицию большой

сдержанности. Хотя они не были склонны поддерживать требования Лиги во всей их полноте, они были непоколебимы в своей сдержанности и не признавали еретика королем Франции. Генрих IV, хотя его и поддерживали многие умеренные католики (/ Les Politiques /), начал признавать, что как кальвинист он никогда не мог надеяться на мирное владение французским тронном. Поэтому он решил уступить мольбам своих самых могущественных сторонников и подчиниться Католической церкви. В июле 1593 года он зачитал публичное отречение в церкви Сен-Дени и был условно освобожден от порицаний, которым подвергся. В следующем году он официально въехал в Париж, где был встречен народом и признан Сорбонной законным королем Франции. Пообещав себе принять постановления Тридентского собора, соблюдать условия Конкордата 1516 года и воспитать своего наследника католиком, он примирился со Святым Престолом. Лига распалась за короткое время, и что касается католиков, то во Франции был восстановлен мир.

Гугеноты, бывшие единоверцы Генриха IV, были глубоко огорчены шагом, предпринятым их лидером, и настаивали на том, что их требования должны быть удовлетворены. Генрих IV, больше озабоченный единством и благополучием Франции, чем триумфом какой-либо из религиозных партий, решил положить конец гражданской смуте путем издания Нантского эдикта (1598). Основные статьи Эдикта заключались в том, что кальвинисты должны пользоваться свободой вероисповедания на большей части королевства, что они должны иметь право занимать все почетные должности и пользоваться доверием государства, что они должны иметь в своем распоряжении университеты Монтобана, Монпелье, Седана и Самура, что средства на содержание этих университетов и поддержание их религии должны выделяться государством и что в течение восьми лет они должны владеть некоторыми из главных крепостей. Со своей стороны, они обязались разорвать все союзы с иностранцами, разрешить восстановление католического богослужения в тех местах, где оно было подавлено, соблюдать законы католической церкви о браке и воздерживаться от всего, что могло быть расценено как нарушение католических праздников. Такие уступки были с большим неодобрением восприняты папой римским, духовенством и подавляющим большинством французского народа как противоречащие всей национальной традиции Франции, и потребовались все усилия короля, чтобы заручиться их одобрением Парижского парламента (1599). Точно так же кальвинисты не были довольны тем, что им было уступлено, и не были готовы соблюдать условия Нантского эдикта в той мере, в какой разрешалось установление католического богослужения в местах, находившихся под их контролем. Их публичные нападки на Благословенную Евхаристию и на Папу Римского очень раздражали их соотечественников, но Генрих IV, который был хорошим королем, глубоко заинтересованным, в особенности, в благосостоянии низших классов, продолжал поддерживать мир между обеими сторонами. Однако его симпатии были на стороне протестантов Германии, и он действительно был на пути к участию в войне против императора, когда был убит (1610).

Ему наследовал его сын Людовик XIII (1610-43), которому тогда было девять лет. Его мать Мария Медичи, исполнявшая обязанности регента, одобрила условия Нантского эдикта, но гугеноты, полагаясь на слабость правительства, отказались выполнять те части эдикта, которые были выгодны католикам, и потребовали больших привилегий. Они несколько раз поднимали восстания, особенно на Юге, вступали в союз со всеми мятежными дворянами, которые поднимали оружие против короля, и в целом вели себя так, как будто образовывали государство в государстве. Кардинал Ришелье, который в течение многих лет был фактическим правителем Франции (1624-42), [10] вдохновленный исключительно политическими мотивами, решил

положить конец положению дел, которое было крайне опасно для силы и национального единства королевства. Он видел, что Франция не сможет расширять свою власть до тех пор, пока у себя дома существует хорошо организованная группа граждан, готовых вступить в изменнические отношения с внешними врагами и обратить в свою пользу трудности своей страны. Его возможность представилась, когда гугеноты, заключившие союз с Англией, подняли восстание (1627). Он осадил их самую сильную крепость Ла-Рошель, отбросил флот, который Англия послала им на помощь, и вынудил город сдаться (1628). Этой решительной мерой он положил конец власти гугенотов во Франции и обеспечил стране мир и единство, в то же время относительно мягко обошелся с побежденными, подтвердив Нантский эдикт (Нимский эдикт 1629 г.), провозгласив всеобщую амнистию и вернув лидерам восстания имущество и должности, которых они лишились.

Во время правления Людовика XIV. (1643-1715) вся направленность правительства была опасна для гугенотов. Людовик XIV. он был полон решимости сделать себя абсолютным правителем Франции и, следовательно, мог лишь с величайшим неодобрением относиться к присутствию на его территориях такой хорошо организованной привилегированной партии, как гугеноты. Возможность осуществить его замыслы представилась в 1659 году, когда с одобрения Синода Монпазье они попытались договориться о союзе с Англией. Они были сурово наказаны, им было запрещено проповедовать в любом месте без специального разрешения, публично критиковать католические доктрины или вступать в браки с католиками. Новообращенных из кальвинизма поощряли обещаниями особых уступок. Из-за немилости короля и энергичных действий духовенства и епископов, чье образование и культура в то время были чрезвычайно высоки, большое количество гугенотов вернулось в лоно Церкви, так что в некоторых местах, как, например, в Нормандии, где когда-то они могли похвастаться значительным влиянием, секта почти вымерла.

Суровость мер, принятых Людовиком XIV. привела к новым восстаниям, которые были подавлены с большой суровостью. Наконец, в 1685 году появилась королевская прокламация, объявляющая об отмене всех привилегий, предоставленных гугенотам, и, в частности, всех тех, которые содержались в Нантском эдикте (1685). Церкви, которые они недавно построили, должны были быть разрушены, их религиозные собрания были запрещены, а их духовенству был предложен выбор между подчинением Церкви или изгнанием. Премьер-министр Лувуа послал солдат привести в исполнение это воззвание, и с несчастными гугенотами обошлись с большой суровостью. Многие из них, не желая менять свою религию и не в силах выносить свою тяжелую участь дома, покинули страну и искали убежища в Англии, Германии, Дании и Голландии. Отмена Нантского эдикта произошла не из-за религиозного рвения Людовика XIV. или его министров. Действительно, в то самое время, когда Людовик XIV. участвовал в привлечении гугенотов в католическую церковь, находился в ожесточенном конфликте с папой римским и был привержен политике, которая, казалось, обречена закончиться национальным расколом. Некоторые французские епископы, в частности Фенелон, не одобряли эту попытку обращения путем насилия, и папа Иннокентий XI, не имевший в то время представителя в Париже, поручил своему нунцию в Лондоне побудить Якова II Английского оказать давление на Людовика XIV. в пользу гугенотов.[11] Несколько раз во время правления Людовика кальвинисты поднимались с оружием в руках, чтобы защитить свою религию, но безрезультатно. После его смерти указы против них не исполнялись с особой строгостью, но только в 1787 году Людовик XVI предоставил им почти полное политическое равенство. -----

- [1] Lefranc, /Les idees religieuses de Marguerite de Navarre/, 1898.
- [2] Thomas, /Le Concordat de 1516/, 3 vols., 1910.
- [3] Forneron, /Les Ducs de Guise/, 1877.
- [4] De Ruble, /Antoine de Bourbon/, 2 vols., 1881-2.
- [5] Marcks, /Gaspard von Coligny/, 1892. Delaborde, /Gaspard de Coligny/, 3 vols., 1879-83.
- [6] De Ruble, /L'assassinat de Francois de Lorraine/, 1898.
- [7] Rouquette, /L'inquisition protestante, Les Saint-Barthelemy calvinistes/, 1906.
- [8] О резне Святого Варфоломея, ср. Де ла Феррьер, /La St. Barthelemy/, 1892. Fauriel, /Essai sur les evenements qui ont precede et amene la St. Barthelemy/, 1838. Bordier, /La St. Barthelemy et la critique moderne/, 1879. Hanoteaux, /Etudes historiques sur le XVIe et le XVIIe siecle en France/, 1886. Vacandard, /Etudes de critique et d'histoire religieuse/, 1905. Id., /Les papes et la St. Barthelemy/ (/Rev. du Cler. Francais/, 1904).
- [9] Richard, /La papauté et la ligue française/, 1901. De Chalambert, /Histoire de la Ligue sous Henri III. et Henri IV./, 1898. De l'Epinois, /La Ligue et les papes/, 1886.
- [10] Caillet, /L'Administration en France sous le ministere du cardinal de Richelieu/, 2 vols., 1863.
- [11] Джерин, / Ле Пап, Иннокентий XI. et la Revocation de l'Edit de Нант/ (/ Преподобный де Квест. Historiques/, xxiv.).

с) Кальвинизм в Нидерландах.

Крамер-Пайпер, /Реформаторская библиотека Северной Ирландии /, 1903-11. Juste, /Histoire de la revolution des Pays Bas sous Philippe II./, 2 vols., 1863-7. De Lettenhove, /Les Huguenots et les Gueux/, 6 vols., 1882-5. Gossart, /La domination espagnole dans les Pays Bas a la fin du regne de Philippe II./, 1906. Holzwarth, /Der Abfall der Niederlanden/, 2 Bde, 1865-72.

Нидерланды были частью обширных территорий, которыми правил Карл V. По многим причинам неудивительно, что народ сочувствовал великому религиозному восстанию в Германии. Они были тесно связаны с немцами по крови и языку. Подобно им, они смотрели на Испанию и на испанцев с чувством недоверия. Опять же, как и в других частях света, так и в Нидерландах богатство Церкви привело к серьезным злоупотреблениям, а также к потере уважения к церковной власти, последнее из которых было воспитано в умах некоторых духом мистицизма, процветавшим на земле святого Фомы Кемпийского.

Однако, несмотря на эти благоприятные обстоятельства, Реформация мало продвинулась в Нидерландах во время правления Карла V. Он был человеком, который понимал людей и уважал их права и привилегии. Он часто посещал страну, всегда был готов выслушать их требования и заботился о том, чтобы не оскорблять их национальные инстинкты демонстрацией испанских войск или испанских чиновников. Кроме того, имея большую свободу действий в отношении

нового религиозного движения в Нидерландах, чем в Германии, он был полон решимости уберечь свои наследственные владения от масштабных гражданских беспорядков, которые так сильно ослабили империю. Он настоял на провозглашении и исполнении декрета Вормского сейма против Лютера, запретил распространение еретических писаний, ввел инквизицию и с особой суровостью наказал тех, кто был признан виновным в попытке подорвать веру народа. Но, несмотря на его усилия, беспорядки, разразившиеся в соседних странах, Франции и Германии, не могли не найти отклика в Нидерландах, и взгляды Кальвина и Лютера нашли некоторую поддержку.

В 1555 году Карл ушел в отставку, и ему наследовал его сын Филипп II (1555-98). Новый правитель, в отличие от своего отца, не прилагал никаких усилий к тому, чтобы завоевать расположение своих подданных в Нидерландах или привязать их к себе узами лояльности. Напротив, он появлялся среди них слишком редко, и после 1559 года его нога вообще не ступала в эту страну. Он показал себя небрежным к их коммерческим интересам, невзирая на их конституционные права и привилегии, и безразличным к их национальным пристрастиям. Вместо того чтобы полагаться на местных чиновников и знать в управлении королевством, он стремился укрепить свою собственную власть, назначая испанцев на ответственные должности и посылая испанские войска для подавления всех симптомов недовольства. Он распустил Большой совет, который по обычаю имел права парламента, и без консультаций с властями Нидерландов принял решение о новом церковном разделении страны. До сих пор существовало всего четыре епископа, чьи кафедры подчинялись иностранным митрополитам. Филипп решил, что пришло время, когда число епископств должно быть увеличено, а юрисдикция иностранных митрополитов должна быть упразднена. Основной причиной, побудившей его принять это решение, был тот факт, что при существующем положении дел полная и далеко идущая схема реформы не могла быть приведена в действие. Совместно с папой Павлом IV. он распорядился (1559), чтобы Испанские Нидерланды были переданы под управление трех недавно возведенных архиепископских кафедр Утрехта, Камбре и Мехлина, и чтобы были приняты соответствующие меры для содержания новых епископов за счет имущества монастырей и церковных учреждений, а также за счет взносов мирян.

Многие дворяне уже устали от испанского владычества и не отказывались благосклонно относиться к религиозной борьбе как к средству обеспечения независимости. Они возражали против нескольких неконституционных актов, которые правительство Филиппа II. был виновен. Они недолюбливали кардинала де Гранвель, премьер-министр в Нидерландах, и настоял на его отзыве. Они возражали против введения инквизиции и протестовали против нового епархиального деления как ненужного, обременительного для страны и ущемляющего права и привилегии определенных лиц. Духовенство и народ, чьи позиции пострадали от нового порядка, решительно поддержали их в их несогласии с этой мерой. Лидерами этого движения были граф Эгмонт и Вильгельм Оранский, [1] последний из которых был умным политиком с безграничными амбициями, который не терял надежды на то, что восстание против Испании может стать средством обеспечения верховной власти в Нидерландах. Его брат, принц Нассауский, принял кальвинизм, и самого Уильяма не беспокоили какие-либо особенно сильные религиозные убеждения. Своим браком с дочерью Морица Саксонского он стремился заручиться поддержкой немецких протестантских князей, в то же время он был тесно связан с французскими гугенотами и состоял в самой тесной дружбе с графами Эгмонтом и Горном, оба они, хотя и по разным причинам, были враждебны Филиппу II. Для Вильгельма и многих его сторонников религия была всего лишь второстепенным вопросом, при условии только, что

посредством религиозной революции власть Испании могла быть свергнута. Кардинал Гранвелле, министр герцогини Пармской,[2] который в то время был регентом страны, был сильным человеком и опасным противником, за смещение которого партия Вильгельма Оранского боролась изо всех сил. Наконец, в 1564 году им это удалось, но, несмотря на все их усилия, они не смогли предотвратить публикацию постановлений Тридентского собора. Они встретились вместе в следующем году (1565) и сформировали союз, известный как Компромисс Бреды, номинально для сохранения своих конституционных прав, но на самом деле для продвижения политического и религиозного восстания. Многие ревностные католики, не подозревающие о мотивах, вдохновлявших лидеров этого движения, оказали им свою поддержку. Укрепив свои позиции переговорами с некоторыми протестантскими князьями Германии, революционная партия предстала перед Маргаритой Пармской в Брюсселе, чтобы потребовать возмещения ущерба (1566). В ходе интервью граф де Берлаймон назвал их толпой "gey", или попрошайек, и это было название, которое они приняли для обозначения своей партии (/ Les Gueux/).

Хотя друзья Вильгельма Оранского заявляли о своем желании придерживаться католической религии, они имели сильную склонность к протестантизму. Из Франции стекались кальвинистские проповедники; начали формироваться кальвинистские общины; и в районах, где партия оказалась достаточно могущественной для этого, были совершены нападения на католические церкви и католические богослужения. Эти безобразия указывали на реальную тенденцию движения и оттеснили в противоположный лагерь многих католиков, которые присоединились к партии только для того, чтобы добиться удовлетворения политических претензий. Герцогиня Пармская, не сумев положить конец беспорядкам путем дружественных переговоров, решила применить силу против повстанцев. Она добилась полного успеха. Вильгельм Оранский бежал в Германию, а графы Эгмонт и Горн сдались на милость короля (1567). Если бы Филипп II знал, как воспользоваться этой победой, он мог бы положить конец кальвинизму в Нидерландах, поскольку до сих пор подавляющее большинство жителей были в глубине души преданы католической церкви.

Но вместо того, чтобы лично обратиться к своим подданным с призывом к верности и попытаться привлечь на свою сторону недовольных с помощью политики умеренности, Филипп II, больше озабоченный подавлением ереси, чем поддержанием испанского правления, послал герцога Альва [3] (1567-72) с армией в десять тысяч человек наказать нарушителей и стереть все следы кальвинизма. Альва был солдатом, отличившимся на многих полях сражений против турок и против Франции. О его характере достаточно говорит титул "железный герцог", данный ему теми, кто знал его лучше всего. Он не верил в дипломатию или уступки. Для него военное положение было единственным средством подчинения повстанцев. Герцогиня Пармская, не желая делить ответственность за управление государством с таким помощником, подала прошение об ее отзыве, и герцог Альва был назначен регентом Нидерландов. Два лидера восстания, графы Эгмонт и Хорн, были преданы суду и казнены (1568), как и многие из их последователей. Имущество повстанцев было конфисковано, солдаты были расквартированы в районах, которые, как предполагалось, сочувствовали движению, и военное положение стало правилом дня. Но жестокие меры, принятые герцогом Альва, не положили конец восстанию в Нидерландах. Напротив, проявленное им презрение к конституции страны и правам отдельных граждан, чрезмерное налогообложение и попустительство, данное солдатам в их обращении с гражданскими лицами, только усугубили проблему и толкнули даже умеренных людей на путь восстания. Вильгельм Оранский, поддержанный своим братом Людовиком Нассауским,

совершил набеги на страну, в то время как суда, укомплектованные его сторонниками, поставили перед собой задачу нанести как можно больший ущерб испанской торговле. С помощью Англии им удалось захватить город и порт Бриэль (1572). Несколько северных штатов сбросили иго Испании и признали Вильгельма Оранского своим правителем, так что за короткое время провинции Голландия и Зеландия были практически потеряны Филиппом II. Вильгельм Оранский пытался затушевать религиозный характер кампании, провозглашая свободу вероисповедания, но его последователей невозможно было удержать. Католические церкви подверглись нападению, духовенство было изгнано, а в 1572 году девятнадцать священников приняли мученическую смерть за веру в Горчуме. Голландия и Зеландия полностью перешли в кальвинизм, а южные провинции, которые все еще были католическими, не были довольны правлением Альвы. Доведенные до отчаяния его налоговой и неконституционной политикой, они объединились с последователями Вильгельма Оранского, чтобы положить конец испанскому правлению в Нидерландах. Филипп II. начал понимать, что ему не повезло с выбором губернатора. Депутация, посланная от повстанцев, была принята любезно, и отставка Алвы с занимаемой должности была принята.

Вместо него губернатором Нидерландов был назначен дон Луи Рекесенс (1573-5). Хотя он уступал Альве в военном мастерстве, он намного превосходил его в искусстве дипломатии и примирения. Он быстро отменил финансовые указы, вызвавшие такое всеобщее недовольство, уступил большинству требований народа и предложил всеобщую амнистию тем, кто вернется к своей верности. Вильгельму Оранскому потребовалось все мастерство, чтобы не допустить подчинения своих приверженцев. Разочарованный устранением обид, спровоцировавших национальное восстание, он был вынужден все чаще и чаще обращаться к религиозным вопросам, чтобы сохранить свою власть. Он провозгласил себя защитником и поборником кальвинизма и как таковой все еще мог рассчитывать на помощь северных провинций. К сожалению, в то самое время, когда успех его мягкой политики казался гарантированным, Рекезенс умер, предоставив своему преемнику завершить его работу.

На его место был назначен дон Хуан Австрийский, внебрачный сын Карла V. Прославившийся во всем мире разгромом турецкого флота при Лепанто. До его прибытия южные и северные провинции объединились в результате умиротворения Гента (1576). Дон Хуан был вынужден принять условия Перемирия и распустить испанские войска, прежде чем его власть была бы признана. Вильгельм Оранский, находясь в безопасности на севере, решил оккупировать южные провинции, но его публичное исповедание кальвинизма и религиозная нетерпимость его последователей помешали объединению национальных усилий. Католическая знать валлонских провинций возражала против протестантской кампании, которая велась во имя свободы, и показала, что не прочь прийти к соглашению с доном Хуаном. Последний, только обрадованный возможностью пойти им навстречу, издал весьма примирительный указ (1577 г.), который обеспечил ему поддержку многих представителей католической партии, и частично силой, частично переговорами ему удалось отвоевать многое из того, что было потеряно.

После смерти Дона Хуана (1578) Александр Фарнезе, сын бывшей регентши Маргариты Пармской, был назначен его преемником. Будучи в некотором роде государственным деятелем, а также солдатом, он не упускал возможности попытаться подорвать власть принца Оранского. Он посвятил много своей энергии работе по отделению южных провинций, которые все еще оставались католическими, от северных, перешедших в кальвинизм. Нетерпимость кальвинистов и их открытое нарушение свободы вероисповедания, гарантированной всем

партиям, способствовали успеху его планов. Во время его пребывания у власти Бельгия вернула свою верность Испании, и этот шаг положил конец надеждам кальвинистов привлечь эту страну на свою сторону. Тем временем северные провинции были полностью в руках Вильгельма Оранского. В 1579 году пять провинций Голландия, Зеландия, Фрисландия, Гелдерн и Зютфен объединились торжественным договором в Утрехтский союз под названием Соединенные провинции и, практически говоря, учредили голландскую республику. Они согласились действовать сообща на войне и в мирное время и назначили Вильгельма Оранского пожизненным штатгальтером. Вскоре после этого (1581) Вильгельм Оранский, несмотря на все свои прокламации относительно свободы вероисповедания, запретил публичное исповедание католической религии и отказался позволить новому архиепископу Утрехта вступить во владение его кафедрой. В этих обстоятельствах папе ничего не оставалось, как назначить апостольского викария, который отвечал бы за религиозные интересы католиков, составлявших две пятых населения Голландии, но даже апостольский викарий вскоре был изгнан из страны.

В 1584 году Вильгельм Оранский был убит, и его преемником был назначен его сын Морис. Английское правительство, стремившееся нанести удар по Испании, поощряло голландцев продолжать войну и направило им на помощь войска. После разгрома испанской армады ситуация стала гораздо более благоприятной для повстанцев, и, наконец, в 1609 году было заключено двенадцатилетнее перемирие. По истечении срока перемирия война была возобновлена без какого-либо заметного успеха с обеих сторон. Наконец, по Вестфальскому миру (1648 г.) независимость Голландской республики была признана Испанией. С самого начала религиозного восстания в Нидерландах кальвинизм был сектой, пользующейся наибольшей поддержкой народа, о чем свидетельствует / *Confessio Belgica*/ 1562 года. Лейденский университет принял решение в его пользу, как и Синоды Дордрехта в 1574 и 1618 годах. С католическим меньшинством в Голландии обращались с величайшей суровостью, но, несмотря на все усилия склонить их к смене веры, многие районы оставались полностью католическими.

Католические провинции, оставшиеся верными Испании и католической церкви, очень серьезно пострадали от затяжной борьбы, но, несмотря на разрушительные последствия войны, вскоре они стали центром великого религиозного, литературного и художественного возрождения. Лувенский университет, основанный в 1425 году, быстро развивался под щедрым покровительством гражданских правителей. В шестнадцатом веке он был признан важным центром образования, куда стекались ученые не только из Нидерландов, но и со всех частей Европы. На протяжении всей Реформации боролись Лувен и Дуэ, последний из которых был основан в 1562 году Филиппом II. чтобы помочь остановить растущую волну кальвинизма, они оставались стойкими защитниками католической ортодоксии, хотя прискорбные споры, развернувшиеся вокруг доктрин Байуса и Янсениуса, сделали что-то, что омрачило славу университета, к которому оба принадлежали. Иезуиты тоже оказали неоценимую услугу религии и образованию, особенно те люди, которые поспешили предложить свои услуги отцу ван Болланду в его знаменитом "Святом акте". Нельзя забывать и о том, что именно в те дни католическая Бельгия дала миру великую фламандскую школу художников, к числу которых следует отнести таких людей, как Рубенс, Ван Дейк и Йорданс.

[1] Lacheret, /L'evolution religieuse de Guillaume le Taciturne/, 1904.

[2] Rachfal, /Margareta von Parma/, 1898.

[3] /Vita Ferdinandi Toletani, ducis Albani/, 1669.

ГЛАВА IV

КОНТРРЕФОРМАЦИЯ

В течение более чем тридцати лет новое религиозное движение продолжало распространяться с пугающей быстротой. Нация за нацией либо отходили от центра единства, либо колебались в отношении позиции, которую следует занять по отношению к противоречивым притязаниям Рима, Виттенберга и Женевы, пока, наконец, не стало казаться вполне вероятным, что католицизм будет ограничен территориальными границами Италии, Испании и Португалии. То, что мир был хорошо подготовлен к такому взрыву, уже было показано[1], но необходимо подчеркнуть тот факт, что реальные интересы религии сыграли лишь второстепенную роль в успехе протестантского восстания. Лютера, Кальвина, Цвингли и Нокса можно считать типичными новоапостольцами, и какими бы одаренными и энергичными ни были эти люди, все же мало кто осмелился бы утверждать, что либо в их собственной жизни, либо в средствах, к которым они прибегали для распространения своих взглядов, их можно считать идеальными религиозными реформаторами.

Своим успехом протестантизм был обязан в значительной степени политическим причинам, и особенно в случае лютеранства его признанию принципа королевского верховенства. В начале своего существования этому способствовала почти всеобщая зависть к Дому Габсбургов и опасность турецкого вторжения. Если внимание стран, где она обрела большой успех, оно будет найдено, что в Германии этот успех был обусловлен главным образом недоверием императора развлекали князья и их желание укрепить собственную власть против императора и народа; в Швейцарии на политические устремления численности населения и производство кантонов и их стремление противостоять поползновениям Савойской династии; на Скандинавском севере усилиям амбициозные правители озабочены тем, чтобы освободиться от ограничений, наложенных на их авторитет знати и епископов; в Нидерландах на самоопределение народа сохранять свои старые законы и Конституцию в лице властной политики Филиппа II.; во Франции в отношении правителей, которые не любили Католической Церкви как противник абсолютизма, и которые были готовы поддерживать дружеские отношения с немецкими протестантами, в надежде на ослабление империи, гражданской войны; в Англии, сначала в самодержавную державную позицию, а потом чувство национального патриотизма, который вдохновил англичан на возмущены вмешательством иностранцев в том, что они считали их внутренние дела; а в Шотландии на острое соперничество двух группировок, одна из которых выступала за союз с Францией, другой-союз с Англией. Во всех этих странах надежда разделить награбленное Церковью оказала гораздо большее влияние на отношение как правителей, так и знати, чем их рвение к реформам, что лидеры так называемой Реформации вскоре имели все основания признать и выразить сожаление.

Протестантизм достиг зенита своего могущества на Континенте в 1555 году. В то время все, казалось, указывало на его постоянный успех, но вскоре по Промыслу Божьему ситуация начала меняться, и вместо того, чтобы быть в состоянии совершать дальнейшие завоевания, оказалось невозможным сохранить те, которые были достигнуты. Те немногие следы ереси, которые могли быть обнаружены в Италии, Испании и Португалии, исчезли. Франция, во многом благодаря энергии Лиги и политическим замыслам кардинала Ришелье, положила конец господству кальвинистов. Трудом иезуитов Венгрия и Польша были в значительной степени вырваны из-

под влияния протестантских проповедников. Бельгия была сохранена за Испанией и католицизмом скорее благодаря благоразумию и дипломатии Фарнезе, чем насилию Альвы; а в Германской империи мужественная позиция некоторых князей, в частности Максимилиана Баварского, избавила Австрию, Богемию, Баварию и большую часть Южной Германии от протестантизма.

Многие причины способствовали возникновению такой поразительной реакции на католицизм. Среди основных из них были реформы, инициированные Тридентским собором, возвышение ревностных священнослужителей и, прежде всего, ревностных пап, учреждение новых религиозных орденов, особенно Общества Иисуса, и, наконец, решимость некоторых католических князей ответить силой на силу. Следует также упомянуть о замечательной вспышке миссионерского рвения, которая помогла привлечь на свою сторону новые расы и новые народы на Востоке и Западе в то время, когда столь многие из любимых наций Европы отреклись или угрожали отречься от своей верности Римской церкви.

[1] Глава I.

а) Тридентский собор.

Le Plat, /Monumentorum ad historiam concilii Tridentini spectantium amplissima collectio/, 7 vols., 1781-5. Theiner, /Acta genuina S. oecumenici Concilii Tridentini/, etc., 1874. /Concilium Tridentinum Diariorum, Actorum, Epistularum, Tractatum Nova Collectio Edidit Societas Goerresiana/, vols. i., ii., iii. (/Diariorum/), iv., v. (/Actorum/), 1901-14. Pallavicino, /Istoria del Concilio di Trento/, 3 vols., 1664. Maynier, /Etude historique sur le concile de Trent/, 1874. Мендхэм, / Мемуары Тридентского собора /, 1834. Marchese, /La riforma del clero secondo il concilio de Trento/, 1883. Deslandres, /Le concile de Trente, et la reforme du clerge/, 1906. /Canones et decreta sacrosancti oecumenici concilii Tridentini/.

На протяжении более чем полутора столетий реформа Церкви "в ее главе и членах" была лозунгом как друзей, так и врагов религии. Серьезные люди смотрели на это как на единственное средство остановить волну неоязычества, угрожавшую захлестнуть христианский мир, в то время как нечестивые люди надеялись найти в движении за реформы возможность разрушить божественную конституцию, которую Христос дал Своей Церкви. Папам и Соборам до сих пор не удавалось выполнить эту работу. Епископы встречались в Констанце и Базеле, во Флоренции и в Риме (5-й Латеранский собор) и разошлись, оставив корень зла нетронутым. Несмотря на все эти неудачи, практически повсеместно существовало мнение, что во Всеобщем совете заключается единственная надежда на реформу и что по той или иной причине Римская курия смотрела с неодобрением на созыв такого собрания. Независимо от того, было ли обвинение правдивым или ложным, оно нанесло серьезный ущерб авторитету Святого Престола, и, как следствие, когда Лютер и его последователи обжаловали приговор Льва X на вердикт Генерального собора, они вызвали открытое или тайное сочувствие многих, которые не испытывали ничего, кроме презрения к их религиозным нововведениям. Карл V, веря в искренность их предложения подчиниться суждению такого органа, решительно поддержал идею совета, как и сеймы, состоявшиеся в Нюрнберге в 1523 и 1524 годах.

Нерешительность Адриана VI (1522-3) и Климента VII (1523-34) уступить этим требованиям не была вызвана ни их неспособностью оценить масштабы злоупотреблений, ни их желанием противостоять любому предложению реформы. Тревожные условия того времени, когда так

много людей отпало от веры и когда целые нации, ранее известные своей лояльностью Папе Римскому, угрожали последовать по их стопам, затрудняли принятие решения о том, не окажется ли предлагаемое лекарство хуже самой болезни. Память также о сценах, имевших место в Констанце и Базеле, и о революционных предложениях, выдвинутых на этих собраниях, заставила пап меньше беспокоиться о проведении подобного эксперимента с возможностью еще худших результатов, особенно в то время, когда недружественные отношения, существующие между Империей, Францией и Англией, оставляли мало надежды на успех Генерального собора. Как показали события, задержка была вызвана судьбой. Это дало возможность угаснуть возбуждению и страсти; это помогло добиться умеренности во взглядах как радикальных, так и консервативных элементов в Церкви; и это позволило спорным вопросам сформулироваться более четко и сузиться до их истинных масштабов, тем самым позволив католическим богословам точно сформулировать доктрины Церкви в противовес мнениям лютеран.

Климент VII (1523-34), представитель семьи Медичи, унаследовал папство в самый критический период гражданской и религиозной истории Европы. Время, которое он провел при дворе своего двоюродного брата Льва X., а также традиции его семьи и его родного города Флоренции сделали для него почти невозможным погрузиться в реформаторскую работу или принять суровые меры, которых требовала ситуация. Вместо того чтобы тесно сотрудничать с французскими королями Карлом V или Франциском I. или, что еще лучше, сохранять строгий нейтралитет по отношению к обоим, он проводил политику колебаний, присоединяясь то к одной, то к другой стороне, пока ужасный разграбление Рима разъяренной и полудикой немецкой солдатней не вынудило его заключить соглашение с императором. В первые годы правления Климента VII немецкий народ, как католики, так и лютеране, требовал созыва генерального или, по крайней мере, национального совета, и их требования были одобрены Карлом V. От природы ленивый темперамент папы, опасение, что стремление к реформам может перерасти в насильственную революцию, и опасность того, что совет, в котором доминирует император, может быть столь же неприятен Франции и Англии, сколь опасен правам и прерогативам Святого Престола, сделали его более готовым принять советы тех, кто предлагал отсрочку. Когда между папой и императором был наконец заключен мир (1529 г.), Карл V. изменил свое мнение о целесообразности Общего собора, убедив себя тем временем, что для мира на его территориях можно сделать больше путем частных переговоров между различными сторонами.

Только после восшествия на престол Павла III (1534-49) были предприняты по-настоящему энергичные усилия по проведению реформ. Новый папа, член семьи Фарнезе, сам был блестящим гуманистом, покровителем литературы и искусства, хорошо известным своей строгой и образцовой жизнью священника и заслуженно пользовался популярностью как у духовенства, так и у народа Рима. Единственной его выдающейся слабостью было пристрастие к собственным родственникам, многим из которых он присваивал высокие посты как в церкви, так и в государстве. Однако, отдавая ему должное, следует сказать, что положение дел в Риме и в Италии делало такие действия менее предосудительными, чем могло показаться на первый взгляд, и что он сурово расправился с некоторыми из них, как, например, с герцогом Пармы и Пьяченцы, как только обнаружил, что они недостойны оказанного им доверия. Он ознаменовал свой понтификат суровыми мерами, которые он принял для реформы Римской курии, назначением ученых и прогрессивных священнослужителей, таких как Реджинальд Поул,

Садолето, Караффа и Контарини, в коллегии кардиналов и созданием специальных трибуналов для борьбы с ересью.

После предварительной договоренности с императором Павлом III. созвал Генеральный совет для встречи в Мантуе в 1537 году; но отказ лютеранских князей прислать представителей, запрет Франциска I. на присутствие французских епископов и нежелание герцога Мантуанского принять необходимые меры для проведения такого собрания на своей территории, за исключением случаев, когда это невозможно, сделали необходимым перенос собора в Виченцу в 1538 году. Поскольку в назначенное время почти никто из епископов не прибыл, заседание было сначала отложено, а затем перенесено на неопределенный срок. Однако переговоры о месте собрания были продолжены. Папа римский был озабочен тем, чтобы собор состоялся в итальянском городе, в то время как Карл V., полагая, что лютеране никогда не согласятся поехать в Италию или принять постановления итальянской ассамблеи, настаивал на том, чтобы был выбран немецкий город. В конце концов в качестве компромисса Трент был согласован обеими сторонами, и совет был созван еще раз, чтобы собраться там в 1542 году. Отказ лютеран принять участие в предлагаемом соборе, нежелание Франциска I. разрешить присутствовать кому-либо из своих подданных и угроза войны между Францией и Империей сделали невозможным проведение собора. Наконец, после заключения Крепийского мира (1544), который положил конец войне с Францией, собор был созван на заседание в Тренте в марте 1545 года, и кардиналы дель Монте, Реджинальд Поул и Марчелло Червини были назначены представлять папу Римского. Когда наступил день, назначенный для церемонии открытия, был объявлен дополнительный перерыв из-за очень редкого присутствия епископов. Первое заседание состоялось 13 декабря 1545 года, а второе - в январе 1546 года. Тогда присутствовали помимо легатов и богословов только четыре архиепископа, двадцать один епископ и пять генералов религиозных орденов.

Эти два предварительных заседания были почти полностью посвящены обсуждению процедуры, которой следует следовать. В конце концов было решено, что легаты должны предложить собору вопросы, по которым должно быть принято решение, что эти вопросы должны быть рассмотрены комитетами епископов при содействии богословов и юристов, что результаты этих обсуждений должны быть представлены полному собранию епископов и что, когда решение будет согласовано, официальные декреты должны быть обнародованы на открытом заседании. Новый метод голосования народами, впервые введенный в Констанце и Базеле, был отвергнут в пользу индивидуального голосования, окончательное голосование было разрешено только епископам, генералам религиозных орденов и аббатам (один голос на каждых трех аббатов). Прокураторам отсутствующих епископов не разрешалось голосовать, хотя позже была сделана специальная уступка в пользу некоторых немецких епископов, задержанных дома из-за серьезного религиозного положения в их епархиях. Легаты были озабочены тем, чтобы догматические вопросы, поднятые лютеранами, были решены немедленно, в то время как император решительно выступал за то, чтобы начать с всеобъемлющего плана реформы. К этому времени он принял решение подавить своих противников в Германии силой оружия и полагал, что, если за это время ничего не будет сделано для расширения бреши, поражение лютеранских князей может вызвать у них большее желание принять участие в соборе. В качестве компромисса было решено, что доктрина и дисциплина должны обсуждаться одновременно, и, следовательно, на большинстве открытых

заседаний были опубликованы два декрета: один о вопросах веры, другой о реформе (/ De Reformatione/).

Только на 4-м публичном заседании (8 апреля 1546 г.) смог быть издан первый доктринальный декрет. Поскольку лютеране поставили под сомнение ценность Традиции как источника божественного откровения и отрицали каноничность нескольких книг, которые до сих пор считались богодухновенными, было уместно, чтобы собор начал свою работу с определения того, что откровение было передано как Традицией, так и Священным Писанием, автором последнего является Бог как в отношении Ветхого Завета, так и Нового. В соответствии с постановлениями предыдущих соборов был составлен список канонических книг Священного Писания. Кроме того, было определено, что священные писания не должны толковаться вопреки значению, придаваемому им Церковью, или вопреки единодушному согласию Отцов Церкви, что версия Вульгаты, исправленное издание которой должно быть опубликовано немедленно, является аутентичной, то есть точной в том, что касается веры и морали, и что в будущем никто не должен был печатать, публиковать или сохранять издание Священных Писаний, если оно не было одобрено местным епископом.

Следующим предметом, предложенным для изучения, был Первородный грех. Император проявлял величайшее беспокойство по поводу отсрочки, и по его намеку несколько испанских епископов попытались отложить принятие решения, затянув дискуссии и подняв вопрос о Непорочном зачатии Пресвятой Девы. То, что тридентские отцы не были против этой доктрины, достаточно ясно из сформулированных ими декретов, но большинство из них придерживались мнения, что чисто внутренние разногласия между католическими богословами следует оставить нетронутыми. На пятой генеральной сессии (17 июня 1546 г.) было определено, что своим нарушением заповеди Божьей глава рода человеческого утратил святость и справедливость, в которых он был создан, и пострадал из-за этого как душой, так и телом, что тем самым он причинил вред не только себе, но и всем своим потомкам, которым Первородный грех передается не просто путем подражания, а путем размножения, что последствия этого греха устраняются таинством Крещения, необходимым одинаково для взрослых и младенцев, и что похоть, которая все еще остается в человеке даже после крещения, оказавший свое воздействие, сам по себе не является греховным. Кроме того, было заявлено, что в декретах, касающихся универсальности Первородного греха, не предполагалось включать Пресвятую Деву или ослаблять обязательную силу декретов, изданных Сикстом IV. относительно ее Непорочного Зачатия.

Теперь путь к вопросу об Оправдании был расчищен.[1] Это было учение, по поводу которого Лютер впервые оказался в разногласиях с Церковью и которое он выдвинул в своих проповедях как основу своего нового Евангелия. Важность этого предмета как самого по себе, так и в обстоятельствах того времени невозможно преувеличить, равно как нельзя утверждать, что отцы Трента не осознали своей ответственности или не уделили ему того внимания, которого он заслуживал. Если бы они не сделали ничего другого, кроме как дать миру такое полное и яркое изложение католического учения об оправдании, их встреча не была бы напрасной. На 6-м публичном заседании (13 января 1547 г.), на котором присутствовали, помимо легатов, десять архиепископов, сорок два епископа, два прокуратора, пять генералов религиозных орденов, два аббата и сорок три теолога, было определено, что, хотя из-за греха Адама человек утратил изначальную справедливость и много страдал, он все еще сохранил свободу воли, что Богу было угодно пообещать искупление через заслуги Иисуса Христа и что крещение или желание

крещения необходимо для спасения. Указы касались также метода подготовки к Оправданию, его природы, причин и условий, вида веры, необходимой в противовес уверенности, о которой говорили реформаторы, необходимости и возможности соблюдения заповедей, уверенности в оправдании, стойкости, утрате Благодати из-за смертного греха и заслуг. 7-я публичная сессия (3 марта) была посвящена постановлениям, касающимся Таинств в целом и Крещения и конфирмации в частности.

Тем временем в Германии началась долгожданная гражданская война, и Европа с тревогой ожидала результата борьбы, от которой могли зависеть столь важные интересы. Карл, поддержанный большинством католических и немалым количеством протестантских князей, разгромил войска курфюрста Саксонии и Филиппа Гессенского (1547) и благодаря своей победе впервые оказался хозяином на своих собственных территориях. Наряду с ликованием по поводу успеха имперского оружия во многих умах присутствовал также страх, что император может использовать свою власть, чтобы внушить благоговейный страх Совету и заставить его согласиться на компромиссы, которые, какими бы полезными для укрепления единства в Германии, могли подорвать доктрину и дисциплину Церкви и быть опасными для прерогатив Святого Престола. Выбор Трента в качестве места проведения собора никогда особо не удовлетворял папу, но теперь, в изменившихся обстоятельствах Империи, это рассматривалось как определенно опасное событие. Эпидемия, появившаяся в городе, послужила прекрасным предлогом для смены места проведения, и на 8-м открытом заседании (11 марта 1547 г.) большинство присутствующих проголосовали за переезд в Болонью. Легаты в сопровождении большинства епископов немедленно отбыли, в то время как епископы, поддерживавшие императора, остались в Тренте. Какое-то время ситуация была крайне критической, но под влиянием Святого Духа умеренные советы возобладали в обеих партиях, и после пары практически безрезультатных заседаний в Болонье собор был отложен в сентябре 1549 года. Несколько месяцев спустя, в ноябре 1549 года, Павел III перешел к своей награде.

На последовавшем конклаве кардиналы разделились на три партии, а именно: императорскую, французскую и последователей семьи Фарнезе. По соглашению между двумя последними кардинал дель Монте был избран вопреки прямому запрету Карла V. И принял в качестве своего титула Юлия III.[2] (1550-5). Он был человеком хорошего образования, достаточно либеральных взглядов и с довольно большим опытом, приобретенным в качестве видного чиновника в Риме и одного из легатов Тридентского собора. Выступая в последнем качестве, он вступил в острый конфликт с императором, но как папа римский он оказался вынужден из-за поведения семьи Фарнезе поддерживать дружеские отношения со своим бывшим противником. Союз, заключенный с императором, оказался достаточно плачевным из-за побед Франции в Италии во время кампании 1552 года и, как следствие, Юлия III. перестал принимать активное участие в борьбе между этими двумя странами. В первые годы своего правления папа предпринял серьезные меры для продвижения реформаторской работы, покровительствовал иезуитам, учредил / Collegium Germanicum / в Риме для студентов-священнослужителей из Германии и преуспел в восстановлении общения Англии со Святым Престолом, но со временем, обескураженный провалом своих заветных проектов, он принял политику / laissez-faire / и, подобно многим своим предшественникам, подвергся разрушительным, хотя и в значительной степени необоснованным обвинениям в кумовстве.

Юлий III. стремился продолжить реформаторскую работу, начатую в Тренте. В 1550 году он издал Буллу, созывающую совет еще раз собраться в Тренте 1 мая 1551 года. Когда папские

легаты прибыли в назначенное для открытия собора время, они сочли необходимым из-за небольшого числа присутствующих отложить его сначала до 1 сентября, а затем до 11 октября. Из-за недружественных отношений, существующих между Францией и Империей по поводу герцогства Пармского, а также из-за союза папы Римского и императора король Франции не разрешил присутствовать французским епископам. Большинство присутствующих епископов были выходцами из Италии, Германии и Испании. На 13-м публичном заседании (11 октября 1551 г.), на котором присутствовали помимо легатов десять архиепископов и пятьдесят четыре епископа, были приняты декреты относительно Реального присутствия Христа в Евхаристии, Пресуществления, установления, совершенства и богослужения Евхаристии, ее сохранения и условий, необходимых для ее достойного принятия. На 14-м открытом заседании (25 ноября 1551 г.) собор рассмотрел таинства покаяния и соборования. Тем временем император вел переговоры с лютеранами с целью побудить их прислать представителей в Трент. Некоторые из их прокураторов уже прибыли, среди них был известный богослов и историк Джон Слейданус из Страсбурга, но их требования, включая отмену декретов, противоречащих статьям Аугсбургского исповедания, и подчинение папы власти Генерального совета, носили настолько экстравагантный характер, что их невозможно было удовлетворить. Пока обсуждался этот вопрос, пришло известие, что Морис Саксонский перешел на сторону лютеран, что на поле боя не было армии, способной сдержать его, что перевалы Тироля были заняты его войсками и что наступление на Трент не было невозможным. Многие епископы немедленно покинули собор, и в апреле 1552 года вопреки желанию нескольких испанских епископов собор был приостановлен на два года. На самом деле должно было пройти около десяти лет, прежде чем можно было возобновить прерванную работу.

О смерти Юлия III. (1555) Марцелл II. наследовал престол, но его правление было прервано смертью (22 дня). На последовавшем за этим конклаве кардинал Пьетро Караффа, первый генерал и в определенном смысле основатель Театинцев, получил требуемое большинство голосов, несмотря на прямое вето императора. Он был провозглашен папой под титулом Павла IV.[3] (1555-9). Во время своей церковной жизни новый папа отличался жесткостью взглядов, аскетической жизнью и приверженностью схоластике в противовес гуманистическим взглядам. Как нунций в Испании, он проникся полным недоверием к испанским правителям, и это плохое впечатление вряд ли могло быть устранено обращением, которому он подвергся со стороны австро-испанской партии, когда был назначен архиепископом Неаполя. Заключение религиозного мира в Аугсбурге (1555) и провозглашение Фердинанда I. не были рассчитаны на то, чтобы завоевать симпатии Павла IV. для Дома Габсбургов. Таким образом, он установил связь с итальянскими противниками Филиппа II Испанского и заключил союз с Францией. Французская армия, отправленная в Неаполь под предводительством герцога де Гиза, была полностью разбита испанским вице-королем, герцогом Альва, который развил свой успех, вторгшись в Папскую область и вынудив папу просить мира (1556). Недружественные отношения, существовавшие между Павлом IV. и Филиппом II Испанским, мужем королевы Марии I., затрудняли работу по достижению полного примирения между Англией и Святым Престолом. Из-за беспокойного состояния Европы и позиции императора и короля Испании папа не смог бы повторно созвать собор, даже если бы ему очень хотелось этого сделать. Он даже не рассматривал идею выбора Трента или любого другого немецкого города в качестве подходящего места для проведения такого собрания, в то время как австро-испанские правители были одинаково категоричны против Рима или любого другого места в Италии. Но по собственной инициативе Павла IV. принял решительные меры по реформированию Римской

курии, учредил специальную комиссию в Риме для оказания ему помощи в этой работе, энергичными действиями искоренял еретические мнения, которые начали проявляться в Италии, и часто сам председательствовал на заседаниях инквизиции. Он даже зашел так далеко, что арестовал кардинала Мороне по подозрению в ереси и вызвал кардинала Поула предстать перед трибуналом инквизиции. Римляне сначала полюбили его за его экономическое управление, благодаря которому налоги были значительно снижены, но затем за катастрофические результаты войны против Филиппа II. в Неаполе стерли память о тех благах, которые он оказал, и он умер, ненавидимый народом. После его смерти город оказался во власти толпы, которая грабила оптом почти две недели, прежде чем удалось восстановить порядок.

На последовавшем конклаве двумя крупнейшими партиями кардиналов были французская и австро-испанская, ни одна из которых, однако, не была достаточно сильна, чтобы обеспечить избрание своего кандидата. После трехмесячной борьбы путем аккламации был избран кардинал Джованни Анджело Медичи, который придерживался более или менее нейтралитета. Он был провозглашен под титулом Пия IV. (1559-65). В новом папе не было ничего от сурового угрюмого темперамента его предшественника. Он был мягкого нрава, сам в чем-то ученый, склонный покровительствовать литературе и искусству и стремившийся отстаивать интересы религии скорее добротой, чем суровостью. Он был полон решимости продолжать работу совета любой ценой и в качестве первого шага в этом направлении посвятил всю свою энергию установлению дружественных отношений с императором Фердинандом I. и с Испанией. Во всех его планах реформ его преданно поддерживал его племянник Чарльз Борромео, которого он сделал кардиналом и которому он поручил работу по подготовке мер, которые должны быть представлены будущему собору.

Когда все приготовления были сделаны, в ноябре 1560 года была опубликована Булла о повторном созыве, созывающая епископов встретиться в Тренте на Пасху 1561 года. Хотя в документе прямо не указано, тем не менее достаточно ясно подразумевалось, что ассамблея должна была стать не новым советом, а лишь продолжением Тридентского собора. Это не удовлетворило Францию, которая потребовала пересмотра некоторых декретов, принятых в Тренте, и которая решительно возражала против выбора Трента в качестве места встречи. Императоры Фердинанд I и Филипп II выразили свою озабоченность дальнейшим осуществлением проекта папы римского. Делегаты были отправлены из Рима для собеседования с лютеранскими князьями и теологами, но везде встречали лишь резкий отпор. На собрании, состоявшемся в Наумбурге в 1561 году, лютеране отказались присутствовать на соборе, если только их не допустят на их собственных условиях, в то время как многие католические князья и епископы не проявили энтузиазма откликнуться на папский созыв. Когда легаты прибыли открывать собор, они обнаружили, что на нем присутствовало так мало епископов, что ничего нельзя было сделать, кроме как подготовить темы, которые следовало вынести на обсуждение.

Только 15 января 1562 года удалось провести первое (17-е) публичное заседание. Помимо легатов, присутствовали три патриарха, одиннадцать архиепископов, сорок епископов, четыре генерала религиозных орденов и четыре аббата. С самого начала легаты оказались в очень трудном положении из-за духа враждебности по отношению к Святому Престолу, проявляемого некоторыми епископами и представителями гражданских властей. На этой сессии было сделано очень мало, за исключением объявления официального открытия собора, назначения

даты следующего открытого заседания и подготовки безопасных пропусков для делегатов протестантских князей. Аналогичным образом, на 18-м открытом заседании (25 февраля) не удалось принять никаких важных указов. Несмотря на серьезные усилия президентов, добиться какого-либо прогресса оказалось невозможным. Серьезные разногласия проявились как внутри собора, так и за его пределами. Вопрос о том, обязаны ли епископы проживать в своих епархиях по божественному или церковному закону, вызвал длительные и ожесточенные дебаты. Испания потребовала, чтобы было определенно заявлено, что совет является лишь продолжением совета, состоявшегося ранее в Тренте, в то время как Франция настаивала на том, что его следует рассматривать как отдельное и независимое собрание. Император выдвинул далеко идущий план реформ, с некоторыми частями которого легаты были совершенно не в состоянии согласиться.[4] Наконец, после многих перерывов состоялось 21-е публичное заседание (16 июля 1562 г.), на котором были приняты указы относительно Благословенной Евхаристии. Было определено, что не существует божественного закона, обязывающего мирян принимать Святое Причастие в обоих видах, что Церковь имеет право принимать меры по причащению до тех пор, пока это не меняет сути таинства, что Христос действительно присутствует целиком и невредимый как в облике хлеба, так и в облике вина, что младенцы, которые не обрели разум, не обязаны принимать Святое Причастие, потому что они уже были возрождены крещением. На этом заседании присутствовали шесть кардиналов, три патриарха, девятнадцать архиепископов и сто сорок восемь епископов.

На 22-м публичном заседании (17 сентября 1562 г.) были опубликованы указы, касающиеся Священного жертвоприношения Мессы. Было установлено, что вместо жертвоприношений и священства Старого Закона Христос установил новое жертвоприношение, а именно Мессу, чистое приношение, предсказанное пророком Малахией (Мал. I., 11), и новое священство, которому было поручено совершение Мессы, что жертва Мессы - это та же жертва, что и жертва Креста с тем же первосвященником и той же жертвой, что Месса может быть принесена как за умерших, так и за живых, что она может быть принесена в честь Святых, что, хотя верующим следует посоветовать воздерживаться от этого. получают Святое Причастие всякий раз, когда помогают на мессе, однако частные мессы, на которых никто не присутствует для причастия, не являются незаконными, и, хотя было сочтено неразумным разрешать приносить жертву на вульгарном языке, совет искренне желал, чтобы священники объясняли людям церемонии мессы, особенно по воскресеньям и праздникам. Вопрос о разрешении мирянам получать чашу обсуждался долго, и в конце концов было решено передать ее на решение папы римского. Пий IV. действительно, пошел на уступку по этому вопросу в пользу нескольких округов Австрии; но поскольку католики не желали такой уступки, а лютеране отказались признать ее недостаточной, индульгенция осталась практически мертвой буквой и позже была отозвана.

Следующее заседание было назначено на ноябрь 1562 года, но из-за возникших очень серьезных трудностей потребовался гораздо более длительный перерыв. В течение этого промежутка старые разногласия вспыхивали с еще большей силой и ожесточением, и не раз казалось, что собор вот-вот разойдется в беспорядке; но настойчивость, такт и энергия новых легатов, кардиналов Мороне и Навагери, усиленные благоразумными уступками, сделанными папой, предотвратили угрозу разрыва и позволили Отцам выполнить работу, для которой они были созваны. Кардинал Гиз[5] (де Лоррен) в сопровождении ряда французских епископов и богословов прибыл в Трент в ноябре 1562 года. Его прибытие укрепило позиции тех испанских епископов, которые настаивали на том, чтобы было определено, что обязанность епископского проживания была / *de jure divino* /. Рассмотрение вопроса ранее было отложено по просьбе

легатов, но с началом обсуждения таинства Орденов дальнейшее откладывание стало невозможным. Несколько епископов утверждали, что это обязательство должно быть */jure divino/*, потому что сам епископат был */ de jure divino/*. Из этого они сделали вывод, что епископы получали свою юрисдикцию непосредственно от Христа, а не опосредованно через Папу Римского, как утверждали некоторые папские богословы. Следовательно, они утверждали, что подчинение епископов папе не имело, следовательно, божественного происхождения, тем самым сразу поднимая весь вопрос об отношениях генерального собора к папе и обязательной силе постановлений о превосходстве собора, принятых в Констанце и Базеле.

В то же время опасность угрожала совету с другой стороны. Император Фердинанд I. предложил весьма всеобъемлющий план реформ. Некоторые части этого были сочтены легатами ущемляющими права Святого Престола, и поэтому были отклонены ими после консультаций с Папой Римским. Фердинанд, раздраженный их действиями, утверждал, что на соборе не было никакой свободы, что он полностью контролировался из Рима и что ассамблея в Тренте стала всего лишь машиной для подтверждения того, что уже было решено по ту сторону Альп. По его просьбе несколько его сторонников покинули Трент и присоединились к нему в Инсбруке, где началось своего рода собрание оппозиции. Кардинал Мороне, полностью осознавая серьезность ситуации, отправился в Инсбрук (апрель 1563 г.) для личной беседы с императором. Результатом этой встречи стало устранение многих возникших недоразумений и достижение компромисса. В то же время папа написал письмо, в котором указывал, что было бы разумно, если бы Глава Церкви, не присутствующий на соборе, консультировался со своими легатами по всем важным вопросам, которые могли бы возникнуть.

Тем временем собор все еще был занят обсуждением полномочий епископов. На том основании, что Отцы Церкви должны определять в одно и то же время как права епископов, так и права Святого Престола, кардинал Гиз, представлявший галликанскую школу мысли, выдвинул некоторые предложения, в высшей степени уничижающие прерогативы папы Римского. Перед лицом этого ответного шага легаты были тверды, но настроены примирительно. Они указали, что весь вопрос о юрисдикции Святого Престола уже был решен Флорентийским собором и что постановления Флоренции не могут быть смягчены в Тренте. В этом вопросе итальянских епископов поддержало подавляющее большинство представителей Испании, Австро-Германии и Португалии; но из уважения к просьбе папы, который желал, чтобы ничто не определялось без единодушного согласия Отцов Церкви, и к чувствам французов, чей выход из состава собора ожидался, было решено не издавать декрета по этому вопросу. Поскольку верховная власть папы была безоговорочно признана собором[6], никакого определения не требовалось.

В результате переговоров внутри и за пределами собора стало возможным провести 23-е открытое заседание 15 июля 1563 года. В нем было определено, что священство Нового Закона было учреждено Христом, что в Церкви было семь орденов, о двух из которых, священстве (*/ de sacerdotibus /*) и диаконате (*/ de diaconis /*), прямо упоминается в Священных Писаниях, что епископы, занявшие место Апостолов, относятся особенно к иерархии и стоят выше священников, что ни согласие народа, ни гражданской власти не требуется для действительного получения орденов, и что епископы, назначенные властью Римского понтифика, являются истинными епископами.[7] Вопрос о том, является ли обязанность епископальной резиденции */ de jure divino /*, по поводу которого велся такой затяжной и жаркий спор, был разрешен мирным путем, решив, что епископы как пастыри обязаны по

божественному повелению знать свою паству, и что они не могут этого делать, если не проживают в своих епархиях. На этом заседании присутствовали четыре кардинала, три патриарха, двадцать пять архиепископов и сто девяносто три епископа.

Многим епископам не терпелось вернуться в свои епархии, и почти все они надеялись на скорейшее завершение собора. Папа, император и король Франции были единодушны, хотя и по разным причинам, в стремлении как можно скорее распустить ассамблею. Следующим на обсуждение было предложено таинство брака. Французская сторона пожелала, чтобы браки, заключенные без согласия родителей, а также тайные браки были признаны недействительными, но совет отказался ставить действительность брака в зависимость от согласия родителей. В знак уважения к пожеланиям Венеции, которая находилась в тесной связи с греками, было решено просто определить, что Церковь не ошибается, когда она заявляет в соответствии с апостольским и евангельским учением, что узы брака не разрываются прелюбодеянием. На 24-м открытом заседании (11 ноября 1563 г.) были провозглашены указы о браке.

Со всех сторон проявлялось величайшее беспокойство по доведению работы до конца. Действия папских легатов, предложивших рассмотреть вопрос о вмешательстве католических правителей в церковные дела, при необходимости, реформировать его, не привели к задержке роспуска. Князья больше всего стремились реформировать папу римского и духовенство, но они были полны решимости не допустить какого-либо ослабления своих собственных так называемых прерогатив. В соответствии с общим желанием выступления были сокращены, и прогресс был достигнут так быстро, что последнее публичное заседание состоялось 3 и 4 декабря 1563 года. Были приняты указы о Чистилище, о почитании реликвий и изображений Святых и об индульгенциях. Кроме того, было решено, что в отношении постных дней и праздников следует руководствоваться обычаями Римской церкви и что Святой Престол должен взяться за подготовку нового издания миссала и требника. Декреты, принятые при Павле III. и Юлии III. были прочитаны и одобрены. Легатам было предложено получить одобрение Святого Отца на решения собора, и кардинал Гиз от имени епископов поблагодарил Папу Римского, императора, послов католических стран и самих легатов. Наконец, Отцы Церкви подписались своими именами под актами собора. Тогда присутствовали шесть кардиналов, три патриарха, двадцать пять архиепископов, сто шестьдесят семь епископов и девятнадцать прокураторов.

Тридентский собор собрался в особенно сложных обстоятельствах и продолжил свою работу, столкнувшись с большим противодействием и разочарованиями. Не раз она прерывалась на длительный период, и многие также не раз опасались, что это приведет к расколу, а не к единству. Но по Провидению Божьему опасности были предотвращены, советы отчаяния были отвергнуты, оружие ее врагов ослабело, и сердца верных чад Церкви по всему миру наполнились радостью и благодарностью. Она оказалась лицом к лицу с сильной и с каждым днем растущей партией, которая отвергла авторитет, который до сих пор принимался без труда, и которая поставила под сомнение многие из самых почитаемых доктрин и практик католического мира. Не позволяя втягивать себя в чисто внутренние споры католических богословов или руководствоваться советами тех, кто стремился обеспечить мир посредством бесчестных компромиссов, Тридентские отцы спокойно, но решительно взялись за то, чтобы отделить зерна от плевел, изучить теории Лютера в свете учения Священного Писания и предания Церкви, содержащегося в трудах Отцов Церкви, и дать миру четкое изложение догм,

подвергшихся нападкам еретиков. Никогда еще Церковный собор не собирался в более тревожных условиях; никогда еще собор не сталкивался с более серьезными препятствиями, и никогда еще собор не оказывал большего служения христианскому миру, чем 19-й вселенский собор, состоявшийся в Тренте (1545-63).

Крайне важно, чтобы совет определил вопросы веры, которые были подняты, но почти столь же важно, чтобы он сформулировал удовлетворительную схему реформы. Реформа Церкви в лице ее Главы и членов была на устах многих, в чьей ортодоксальности нельзя было заподозрить задолго до того, как Лютер сделал этот призыв своим собственным, чтобы тем самым лучше ослабить лояльность верующих Святому Престолу. Как в вопросах доктрины, так и в вопросах дисциплины Тридентский собор продемонстрировал глубокое понимание потребностей Церкви, и если в чем-то он не зашел так далеко, как можно было бы пожелать, то вину следует приписывать не папам или епископам, а скорее светским правителям, чья зависть и взаимные обвинения были одним из величайших препятствий на пути прогресса собора, и которые, громко призывая к реформированию других, оказывали упорное сопротивление любым изменениям, которые могли бы уменьшить их собственную власть над Церковью или помешать осуществлению прав человека. о той абсолютной королевской власти, к которой уже обращались как католические, так и протестантские правители шестнадцатого века как к конечной цели своих амбиций.

Совет ударил в корень многих злоупотреблений, от которых страдал христианский мир, запретив множество пособий, положений и ожиданий, а также настаивая на том, что, за исключением случаев представления университетом, никто не может быть назначен на пособие, если он не продемонстрирует, что обладает знаниями, необходимыми для надлежащего исполнения своих обязанностей. Он определял метод избрания епископов, предписывал им проживать в своих епархиях, за исключением случаев временного освобождения по совершенно особым причинам, проповедовать своему народу, регулярно посещать свои приходы, ежегодно проводить епархиальные синоды, посещать провинциальные синоды не реже одного раза в три года и добросовестно охранять церковное имущество, вверенное их попечению.

Он положил конец злоупотреблениям, связанным с использованием церковных порицаний, индульгенций и диспенсаций, и постановил, что все жалобы должны подаваться в епископальный суд, прежде чем передаваться в вышестоящий трибунал. Он издал полезные правила, касающиеся тех, кто должен быть принят в епархиальные капитулы, определил отношения между епископом и его канониками и организовал управление епархиями путем назначения викариев-капитулисток, которые будут действовать во время междуцарствия. Он предписывал светскому духовенству всегда помнить о духовном достоинстве, к которому оно было призвано, не заниматься никакими делами, недостойными их священного сана, самым решительным образом осуждал сожителство и предписывал священникам заботиться о религиозном воспитании молодежи, проповедовать своим паствам по воскресеньям и праздникам и ревностно заботиться о духовных нуждах душ, вверенных их попечению.

Кроме того, совет признал, что лучшим методом обеспечения высокого уровня священнической жизни является тщательное обучение студентов-священнослужителей. Следовательно, он постановил, что в отдельных епархиях должны быть созданы семинарии, где те, кто желает стать священнослужителями, должны жить отдельно от мира и где они должны получать образование

и дисциплину, необходимые для успешного выполнения своих будущих обязанностей. Он положил конец многим злоупотреблениям в монашеской жизни, пресек просьбы о подаянии, разработал правила приема послушников, наделил епископа полномочиями разбираться с нарушениями, совершаемыми за пределами монастырей, и подчинил всех священников, как обычных, так и светских, епископальной власти, настаивая на необходимости Одобрения для всех, кто хотел действовать как исповедники. Наконец, чтобы применить средство правовой защиты от многочисленных скандалов и преступлений, связанных с тайными браками, Тридентский собор постановил, что действительными должны считаться только те браки, которые должны быть заключены в присутствии приходского священника одной из договаривающихся сторон и двух свидетелей.

По завершении Тридентского собора кардинал Мороне поспешил в Рим с указами, чтобы получить одобрение папы римского. Некоторые римские чиновники, которые чувствовали себя ущемленными реформами, посоветовали папе воздержаться от утверждения некоторых указов, но Пий IV. отверг этот совет. 26 января 1564 года он издал Буллу о конфирмации и немедленно приступил к работе по приведению реформ в исполнение. Чтобы помочь ему в этом замысле, он назначил комиссию, одним из самых способных членов которой был его собственный племянник Чарльз Борromeо, и направил представителей к князьям и епископам, чтобы обеспечить принятие ими декретов. В качестве примера для других он основал Римскую семинарию для подготовки священников для города. Все князья Италии восприняли декреты в дружественном духе и разрешили их публикацию на своих территориях, так же как и король Португалии. Филипп II поступил аналогично, за исключением того, что настоял на добавлении защитительной оговорки "без ущерба для королевской власти". Император Фердинанд I. некоторое время колебался, но, наконец, принял их в 1566 году. Во Франции догматические декреты вызвали очень мало возражений, но поскольку некоторые практические реформы, особенно те, которые касались браков, пособий, церковных наказаний и т.д., Противоречили гражданскому законодательству, в разрешении на их публикацию было отказано.

Исповедание веры, основанное на постановлениях Тридентского и предыдущих соборов, было разработано Пием IV (13 ноября 1564 г.), и его декламация стала обязательной для тех, кто был назначен на церковные должности или получил академическую степень, а также для новообращенных из протестантизма. Катехизис Тридентского собора (/ Catechismus Romanus/)[8] был подготовлен по приказу Пия V. и опубликован в 1566 году. Это ценный наставительный труд, одобренный высшей властью в Церкви, и он должен быть в руках всех тех, кто заботится о душах. -----

[1] Hefner, /Die Entstehungsgeschichte des trienter Rechtfertigungsdekrets/, 1909.

[2] Pastor, op. cit., v., Ciacconius, /Vitae et res gestae Pontificum Роман/, 1677. (741-98).

[3] Bromato, /Storia di Paolo IV./, 1748.

[4] Kassourtz, /Die Reformvorschlage Kaiser Ferdinands I. auf dem Konzil von Trient/, 1906.

[5] Guillemin, /Le Cardinal de Lorraine, son influence politique et religieuse/, 1881.

[6] Дензингер, / Enchiridion/, 11-е издание, 1908 (№ 859, 903, 968, и др.)

[7] Op. cit., nos. 958-69.

[8] Переводы на английский Донована (1829), Бакли (1852) и доктора Хейгана (1912).

b) Реформаторская деятельность пап.

Pastor, /Geschichte der Papste im Zeitalter der Renaissance und der Glaubenspaltung/ (Eng. Пер. /История римских пап/). Ciacconius, /Vitae et res gestae Roman. Pontificum/, 1688. Ranke, /Die Romischen Papste/ (vols. 37-39), 1894 (англ. Пер., 1847). Von Reumont, /Geschichte der Stadt Rom./, 3 Bde, 1867-70. Апто де Монтор, "История пап", 1867. Theiner, /Annales ecclesiastici/, etc., Rome, 1856.

Тридентский собор выполнил работу, для которой он был призван. Хотя ей не удалось погасить разгорающееся пламя ереси или восстановить мир в христианском мире, она устранила большинство вопиющих злоупотреблений, которые оказались основным источником успеха Лютера, и сделала невозможным в будущем любое недопонимание доктрин, которые были поставлены под сомнение. Католическая церковь, очищенная суровыми испытаниями, через которые она прошла, вновь стала активной и сплоченной под руководством Преемника святого Петра, по-прежнему лицом к лицу, правда, с мощной оппозицией, но оппозицией, на которую уже давало о себе знать разлагающее влияние частного суждения. Так были надежно заложены основы великой католической контрреформации, и началось движение, которое остановило дальнейшее продвижение протестантизма, обеспечило верность колеблющихся людей и наций и вернуло многих, кто был соверщен от веры в первые дни религиозного переворота.

Но для того, чтобы труды отцов Тридентских принесли те хорошие результаты, которых можно было ожидать, требовались серьезные, религиозные, энергичные папы, которые должны были руководить своими духовными чадами, мужество которых было подорвано более чем тридцатью годами почти непрерывных поражений, проводить в жизнь ценные реформы, которые были спланированы с такой тщательностью, и, прежде всего, сделать двор и город Рим примером для правителей и народов мира. И здесь опять поразительным образом проявилось Божье провидение, наблюдающее за Своей Церковью. Пий IV. заслуживает того, чтобы все будущие поколения помнили его с благодарностью за ту роль, которую он сыграл в успешном завершении Тридентского собора перед лицом почти непреодолимых трудностей, за то, что он предпринял такие энергичные и при этом такие осмотрительные действия, чтобы добиться принятия его постановлений и претворения их в жизнь, и за то, что дал Риму и Католической церкви такого одаренного, такого святого и такого бескорыстного священнослужителя, как его племянник, кардинал-архиепископ Милана, святого Чарльза Борромео.

О смерти Пия IV. конклав, главным образом благодаря усилиям кардинала Борromeо, избрал кардинала Гислери, который принял титул Пия V.[1] (1566-72) в память о своем предшественнике. В юности будущий папа вступил в орден Святого Доминика и в течение многих лет исполнял обязанности профессора богословия, магистра послушников и приора. Он был особенно известен своей простотой и святостью жизни, святостью, которая, можно заметить, не имела ничего общего с угрюмой строгостью Павла IV, с его смирением, любовью к тишине и размышлениям, а также с его добротой к бедным и страждущим. Как человек с хорошим образованием и консервативными наклонностями, он был призван помогать кардиналу Караффе, тогдашнему президенту Святой канцелярии, а когда последний стал папой, он был возведен в сан кардинала и назначен Великим инквизитором. После своего избрания Пий V. по-прежнему вел строгую жизнь поста и молитвы, к которой он привык как доминиканский монах. Он не стремился создавать должности или выделять поместья на папских территориях для своих родственников. Стремясь способствовать как светскому, так и духовному благополучию людей в своих светских владениях, он предпринял шаги к тому, чтобы правосудие восторжествовало над бедными и богатыми, изгнал с улиц распущенных женщин, положил конец унижительным развлечениям, обеспечил соблюдение воскресенья и, при поддержке святого Карла Борromeо и князей Италии, изменил весь облик столицы и страны. Рим больше не был наполовину языческим городом времен Льва X, и все же в нем не было дикой суровости Женеви.

Пий V больше всего стремился обеспечить соблюдение Тридентских указов, и именно для достижения этой цели он подготовил для наставления пасторов Катехизис Тридентского собора. В соответствии с пожеланиями епископов он опубликовал также исправленное издание Римского требника и Миссала. С католическими князьями Европы он поддерживал очень дружеские отношения. Он снабжал Карла IX Французского в его борьбе с гугенотами и Филиппа II Испанского в его войнах против кальвинистов Нидерландов. Он призывал императора Фердинанда I и Максимилиана Баварского твердо противостоять дальнейшим посягательствам лютеран и активно сочувствовал несчастной королеве Шотландии. Поняв, что королева Елизавета безнадежно потеряна для Церкви и что она прилагает все усилия, чтобы вовлечь в ересь всю английскую нацию, он направил против нее Буллу об отлучении от церкви и низложении. Но хотя он и старался поддерживать дружеские отношения с католическими правителями, у него не было намерения отказываться от прав Церкви или хоть в малейшей степени уступать растущим требованиям гражданской власти. Вопреки желанию некоторых своих советников и к немалому неудовольствию католических князей он переиздал Буллу, известную как "In Coena Domini", потому что он повелел читать ее во всех церквях в Великий четверг.

Как и его великий тезка Пий II. Особенно близко к сердцу он принимал защиту Европы от турецкого вторжения. Из-за религиозных разногласий и стремления некоторых принцев вступить в союз с султаном последователи ислама осмелели и показали, что они все еще мечтают завоевать Западную Европу и установить полумесяц даже в самом городе пап. Пий V обратился к правителям Европы с призывом сплотиться против их общего врага. Он предоставил щедрые субсидии мальтийским рыцарям и правителям Венеции и Венгрии, на которых неизбежно должна была пасть основная тяжесть борьбы. Когда после восшествия на престол Селима II в 1570 году опасность стала непреодолимой, папе удалось создать христианскую конфедерацию, состоящую из Испании, Венеции и Папской области с доном Хуаном Австрийским во главе христианских сил. Для успеха этого предприятия папа

распорядился, чтобы в церквях по всему миру читались общественные молитвы и, в частности, Розарий. Решающее сражение между двумя силами, в результате которого турецкий флот был почти полностью уничтожен, произошло в заливе Лепанто в воскресенье, 7 октября 1571 года.[2] В память об этой великой победе папа учредил Праздник Святого Розария, который будет отмечаться вечно в первое воскресенье октября. Пока он был занят приготовлениями развить свой успех, изгнав турок за Босфор, его призвали к награде. Даже его современники считали Пия V. святым. Поэтому неудивительно, что через сто лет после своей смерти он был причислен к лику блаженных, а сорок лет спустя, в 1712 году, Климент XI официально причислил его к лику святых.

Когда кардиналы встретились на конклаве, в основном благодаря вмешательству кардинала Гранвелле, вице-короля Филиппа II. в Неаполе кардинал Буонкомпаньи был избран почти сразу и провозглашен под титулом Григория XIII (1572-85). Он был выдающимся студентом и профессором права в Болонском университете, где имел честь иметь своими учениками многих из самых способных священнослужителей того времени. Позже он был направлен в качестве доверенного секретаря Тридентского собора. По возвращении с этой ассамблеи он был возведен в сан кардинала и назначен папским легатом в Испании. На момент своего избрания на папский престол ему исполнилось семьдесят лет. В молодости его жизнь не была безупречной с точки зрения морали, но после того, как он стал священником, ничто не могло возразить против его поведения даже со стороны его злейших врагов. Хотя следует признать, что он не обладал таким аскетичным и духовным темпераментом, какого предшественник, он был человеком безукоризненного характера, не слишком стремящимся продвигать своих родственников и преисполненным решимости укрепить католическую церковь путем повышения уровня образования и назначения в епископат только самых достойных священнослужителей. Поэтому он щедро использовал средства Святого Престола для строительства католических колледжей в Риме и в ряде стран Европы. Он основал великолепную Римскую коллегию / Collegium Romanum/ для обучения студентов со всех концов света и передал ее в ведение иезуитов, которым он питал самое глубокое доверие. Поскольку обстоятельства, приведшие к созданию / Collegium Germanicum /, не улучшились, он выделил ему более щедрые пожертвования и позже объединил его с колледжем, который он основал для венгров. Из-за преследований в Англии и Ирландии и подавления учебных заведений духовенства Григорий XIII. основал английский колледж (1579) и выделил средства на строительство ирландского колледжа. Деньги, предназначенные для этого последнего учреждения, были потрачены на помощь ирландцам в их войнах против Елизаветы. В дополнение к этому, более двадцати колледжей, расположенных в различных частях Европы, среди которых Шотландский колледж в Понт-а-Муссоне, обязаны своим возникновением полностью или частично его щедрости. Он также был полон решимости, чтобы на епископские кафедры назначались только самые достойные люди, и с этой целью он приложил все усилия, чтобы лично узнать о заслугах выдающихся священнослужителей в каждой стране и подготовить их списки для использования по мере появления вакансий. Он был столь же осторожен при назначениях в коллегию кардиналов. Чтобы быть в курсе развития дел в Германии, он учредил нунциатуру в Вене в 1581 году и еще одну в Кельне в следующем году. Результаты этого эксперимента были настолько успешными, что за короткое время нунциатуры были учреждены почти во всех католических странах.[3]

Как и его предшественник, он был полон решимости продолжить войну против турок, но обстоятельства во Франции и в Империи сложились неблагоприятно, в то время как Венеция и

Испания, бывшие союзники Святого Престола, заключили мир с султаном. В Англии и Ирландии ни мирными мерами, ни экспедициями, организованными им в связи с восстанием Десмонда, он не смог добиться каких-либо долгосрочных результатов. Его легатам удалось склонить Иоанна III. Швеции отречься от ереси и вернуться в лоно католической церкви, но, к сожалению, обращение длилось лишь до тех пор, пока политические обстоятельства не потребовали очередных изменений. В России его представители заключили мир с Польшей и на время положили конец любым активным преследованиям католицизма в российских владениях.[4] Во все части Европы, где католические правители оказывались в затруднительном положении, Григорий XIII посылал субсидии. им в помощь. Карл IX во Франции, Филипп II в Испании, Австрия, мальтийские рыцари и католики Англии и Ирландии в значительной степени разделяли его щедрость.

В 1584 году он выпустил новое издание римского мартиролога и распорядился, чтобы оно использовалось без учета всех остальных. Его предшественник назначил комитет юристов для подготовки пересмотренного издания Декретов Грациана. Он был членом этой комиссии и, став папой, довел работу до успешного завершения. Но достижение, за которое его запомнят лучше всего, - это, несомненно, григорианский календарь. Ошибки в календаре были замечены многими, но как их исправить и предотвратить в будущем, оставалось нерешенной проблемой. Григорий XIII. назначил группу экспертов для изучения этого вопроса, наиболее известными из которых были иезуит отец Клавиус и кардинал Сирлето. Преимущество комитета заключалось в том, что он имел в своем распоряжении работы итальянского ученого Лилиуса и предложения католических университетов. В 1582 году был опубликован григорианский календарь, который был принят в целом во всех католических странах Европы. Но долгое время протестантские страны, полагая, что от Рима не может исходить ничего хорошего, оставались верны старому стилю. Только в 1700 году григорианский календарь был принят в Германии и Голландии, а в еще более поздний период (1752) Англия согласилась на это изменение. В следующем году Швеция последовала этому примеру, и к 1775 году использование нового календаря стало повсеместным за пределами России и других стран, вовлеченных в Восточный раскол, в которых старый стиль соблюдается по сей день.

Огромные суммы, потраченные Григорием XIII. Пожертвования колледжам и субсидирование католических монархов оказались слишком большой нагрузкой на ресурсы папской казны. Чтобы собрать средства, папа был вынужден увеличить налоги, ввести пошлины на импорт и экспорт, ограничить привилегии определенных слоев своих подданных и отозвать многие феодальные владения, предоставленные феодальным собственникам. Эти меры привели к серьезному недовольству среди всех классов. Были сформированы тайные общества, в которых обездоленная знать поощряла своих более бедных последователей к актам насилия. Банды разбойников, возглавляемые некоторыми из молодых баронов, появлялись во всех частях Папской области, так что даже на улицах Рима жизнь папских чиновников не была в безопасности. Григорий XIII. был слишком стар, чтобы справиться с такой серьезной ситуацией. Прежде чем удалось восстановить порядок, он скончался, оставив своему преемнику очень сложную задачу.

После конклава, длившегося всего четыре дня, кардинал Феличе Перетти, более известный как кардинал ди Монтальто, получил необходимое большинство голосов и вззошел на папский престол под именем Сикста V.[5] (1585-90). Он принадлежал к очень бедной семье в Италии, мальчиком присоединился к францисканцам и переходил от должности к должности, пока,

наконец, в 1570 году не стал кардиналом. На момент своего избрания он был практически неизвестен, отчасти потому, что не был отпрыском одной из ведущих семей Италии, отчасти также потому, что во время правления Григория XIII. с кем у него были разногласия, он жил уединенной жизнью, почти полностью посвятив себя подготовке издания творений святого Амвросия. Во всем католическом мире весть о его возвышении была воспринята с радостью. Он был человеком строгой жизни и неутомимой деятельности, более склонным действовать, чем говорить, не желавшим обременять своих духовных или мирских подданных новыми законами, но полностью преисполненным решимости обеспечивать соблюдение уже принятых, и почти неизменным в своих взглядах после того, как было принято его решение.

Восстановление порядка в Папской области и пресечение действий разбойников, терроризировавших мирных граждан, были первой работой, на которую он обратил свое внимание. Прошло совсем немного времени, прежде чем суровые и почти экстремальные меры, которые он принял и в которых его поддержали итальянские князья, возымели свое действие. Плачевное состояние папской казны потребовало тщательного пересмотра папских финансов, и Сикст V настолько преуспел в этом отношении, что смог завещать своему преемнику огромные резервы. Хотя он был очень осторожен в расходах для своих собственных нужд или для папского двора, он свободно тратил деньги на возведение и украшение церквей, а также на благоустройство города Рима. Он расширил Ватиканскую библиотеку, в связи с чем установил новую типографию, обеспечил хорошее водоснабжение (/ *Acqua Felice* /), построил Латеранский дворец, достроил Квиринал, отреставрировал колонны Траяна и Антонина, воздвиг обелиски Ватикана, Святой Марии Великой, Латеранской и Санта-Мария-дель-Пополо, а также построил несколько новых улиц, чтобы украсить город и предотвратить заторы.

Его административные способности проявились в создании различных конгрегаций, каждой из которых был поручен определенный отдел работы в управлении Церковью и Папскими государствами. До сих пор большая часть этой работы выполнялась / *auditores* / или / *penitentiarii* / в зависимости от того, принадлежала ли она внешнему или внутреннему форуму, или же консисториям кардиналов. Идея Сикста V. была не совсем новой. Уже были созданы Конгрегация Индекса (1571) и Святая канцелярия (1588), а также комиссия по наблюдению за исполнением постановлений Тридентского собора (1564). Клянусь Буллой / *Immensa Aeterni Dei* / [6] (11 февраля 1588 г.) Сикст V учредил пятнадцать различных конгрегаций, наиболее важными из которых были Конгрегация Индекса, инквизиции, Сигнатуры, Тридентского собора, Обрядов и церемоний, а также Епископов и постоянных членов. С помощью этих различных органов работа была выполнена лучше и оперативнее, без малейшего ущерба для авторитета папы римского. В 1586 году он издал Буллу / *Postquam verus* /, которой установил число кардиналов на уровне семидесяти, а именно шести кардиналов-епископов, пятидесяти кардиналов-священников и четырнадцати кардиналов-дьяконов. Он подготовил и опубликовал новое издание Септуагинты (1588) в качестве подготовки к исправленному изданию Вульгаты, которое вышло позже и имело настолько ошибочный характер, что его пришлось изъять из обращения.

Сикст V возлагал большие надежды склонить европейских князей к заключению союза против турок, и, действительно, именно с целью какой-то такой борьбы он выделил такие огромные резервы, но его надежды были обречены на разочарование. В Англии не могло быть достигнуто никакого прогресса, тем более что поражение испанской армады послужило лишь укреплению трона Елизаветы. Было рассчитано, что положение дел во Франции вызовет у папы большое

беспокойство. Убийство католических лидеров и союз Генриха III. отношения с кальвинистским королем Наварры вынудили папу горячо поддержать дело Испании и Лиги. Но к концу своего правления Сикст V начал понимать, что вмешательство Испании в пользу Лиги было далеко не таким бескорыстным, как могло показаться, и что целью испанских государственных деятелей было объединение двух стран в одну великую империю, событие, которое, если бы оно произошло, могло быть столь же опасным для Святого Престола, как и для престолонаследия Генриха Наваррского. Поэтому он был больше склонен к компромиссу, чем к борьбе.

После смерти Урбана VII, Григория XIV и Иннокентия X., которые быстро сменяли друг друга, большое количество кардиналов, преисполненных решимости положить конец доминирующему влиянию Испании, выдвинули в качестве кандидата по своему выбору кардинала Альдобрандини, на избрание которого испанские представители ранее дважды наложили вето. Несмотря на противодействие Испании, они преуспели в своих усилиях, и кардинал Альдобрандини был провозглашен под титулом Климента VIII.[7] (1592-1605). Характер нового папы как человека и священнослужителя был безупречен. Он был особым учеником и другом святого Филиппа Нери, который был его духовником в течение тридцати лет. Как папа, его выбор исповедника пал на ученого и святого Барония, которого он настоял на том, чтобы сделать кардиналом. Его активность и рвение вскоре проявились в посещении церквей и учреждений Рима, которое он предпринял и в ходе которого пресек многие злоупотребления.

Ситуация во Франции была достаточно деликатной. Генрих IV. начинал понимать, что, несмотря на свои победы, он никогда не сможет править объединенной Францией как кальвинист. Климент VIII. был очень решительно сторонником решения, которое положило бы конец войне и предотвратило бы превращение Франции в испанскую провинцию. Следовательно, как только обращение Генриха IV. было доказано, что оно было подлинным, папа признал его титул короля Франции и призвал французских католиков принять его как своего правителя. Такой ход действий, по необходимости, вызвал недовольство Испании, но несколько лет спустя папа имел счастье положить конец борьбе между этими двумя странами. Во время своего правления Климент VIII. основал в Риме национальный колледж по подготовке священников для миссии в Шотландии, выпустил исправленное издание Вульгаты (1598), Требника, Миссала, церковного и папского соборов, а также учредил / Congregatio de Auxilis / для расследования спорных вопросов между томистами и молинистами. Он лично председательствовал на многих его заседаниях, хотя так и не вынес определенного приговора. Также во время его правления печально известный бывший монах Джордано Бруно был осужден инквизицией, передан светской власти и сожжен на костре (17 февраля 1600 года). В юности Джордано присоединился к доминиканцам, из ордена которых бежал, поскольку против него были выдвинуты определенные обвинения в ереси, истинность которых он не мог отрицать. Позже он был отлучен от церкви кальвинистами Женевы и лютеранами Германии и отказался от разрешения читать лекции профессорам Оксфорда, когда посетил это место обучения. Многие из его произведений категорически антихристианские, а некоторые из них насквозь непристойны. Он был приговорен к смерти исключительно из-за своего отрицания Божественности Христа и других еретических взглядов, а не, как говорят некоторые, из-за того, что он защищал систему Коперника.[8]

Лев XI. преуспел, но пережил свое избрание менее чем на месяц. Затем выбор конклава пал на кардинала Боргезе, который принял в качестве своего титула Павла V.[9] (1605-21). Он был выдающимся студентом юридического факультета Болоньи и Падуи, папским легатом в

Испании и при Клименте VIII. кардинал-викарий Рима. Он был человеком огромной энергии и ревностно относился к пропаганде религии. Во время своего правления он канонизировал святого Карла Борромео и издал указ о беатификации в пользу Игнатия Лойолы, Франциска Ксаверия и Филиппа Нери, выделял щедрые субсидии на развитие миссий, пытался добиться воссоединения с некоторыми разделенными религиозными организациями Востока и щедро тратил деньги на украшение римских церквей, особенно собора Святого Петра, который он имел честь завершить. Как и его предшественники, он желал продолжения войны против турок, но положение дел в Западной Европе делало реализацию такого плана невозможной. С Францией и Испанией он поддерживал дружеские отношения, пытался положить конец соперничеству, ослаблявшему Дом Габсбургов и католическое дело в империи, и отправлял людей и деньги на помощь Фердинанду II. в своей борьбе с протестантами. Он написал Джеймсу I английскому (1606), поздравляя его с восшествием на престол и спасением от смерти, и прося о терпимости к католической религии, в обмен на что обещал побудить католиков подчиняться всему, что не противоречит закону Божьему. Ответом короля на эту увертюру была хорошо известная Клятва верности, которая привела к таким безобразным разногласиям среди католической церкви.

Будучи прилежным изучателем канонического права, Павел V. был слишком склонен сохранять все права и привилегии Церкви в том виде, в каком они были изложены в декретах Средневековья. Такое мышление привело его к длительному и бесславному конфликту с Венецианской республикой. Это последнее государство, независимо от / *privilegium fori* /, заключило в тюрьму двух священнослужителей без ссылки на церковные власти и примерно в то же время нанесло серьезное оскорбление, приняв законы, затрудняющие Церкви приобретение в собственность земельной собственности, строительство новых церквей или монастырей или основание новых религиозных орденов или обществ. Павел V. выразил торжественный протест против этих нововведений. Когда его требования не были выполнены, он вынес приговор об отлучении от церкви дожа, сената и правительства, а позже наложил на Венецию интердикт (1606). Ссора была настолько ожесточенной, что одно время опасались, что она может закончиться отделением республики от центра единства. Кардиналы Барониус и Беллармин выступили в защиту папы римского, в то время как печально известный бывший сервит Пол Сарпи[10] (1552-1623) обязался ответить им от имени Венеции. Правительство запретило обнародование интердикта и пригрозило самым суровым наказанием всем священнослужителям, которые должны были его соблюдать. За исключением иезуитов, капуцинов и театинцев, которые были изгнаны, духовенство, как светское, так и обычное, не обратило внимания на запрет. Существовали опасения, что в конце концов вопросы могут быть решены только войной, в которой Испания была готова поддержать папу римского, но благодаря дружественному вмешательству Генриха IV Французского был заключен мир без какой-либо решающей победы ни с одной из сторон (1607). Духовенству, изгнанному за соблюдение интердикта, было разрешено вернуться, за исключением иезуитов. Этим последним было разрешено снова поселиться в Венеции только в 1657 году.

После смерти Павла V. кардинал Людовизи взошел на папский престол под титулом Григория XV (1621-23). Новый папа получил образование у иезуитов и быстро продвинулся по службе Церкви. На момент своего избрания он был стар и немощен, но назначением своего племянника Людовико в коллегия кардиналов он обеспечил себе способного и верного помощника. Чтобы положить конец нескольким злоупотреблениям, имевшим место в связи с папскими выборами, он опубликовал Буллу / *Decretum Romanum Pontificem* / (1622), в которой были

изложены подробные правила о конклавах, наиболее важными из которых были то, что кардиналы должны голосовать тайно, что они должны голосовать только за одного кандидата и что ни один выборщик не должен голосовать за себя.[11] Выделяя средства на помощь католическим миссиям, Григорий XV. был очень щедр, как и его кардинал-племянник. Успех миссионеров был настолько велик, а условия в разных странах, в которых они трудились, настолько различались, что надлежащий надзор за новыми провинциями Церкви был отнюдь не легким. Григорий XIII. и Климент VIII. назначил комиссии для удовлетворения духовных потребностей определенных округов, но это было зарезервировано за Григорием XV. учредить постоянную конгрегацию / De Propaganda Fide/ (Булла / Inscrutabili/, 1622) для надзора за всей сферой деятельности католических миссий. Он также удостоился чести канонизировать св. Игнатия Лойолы, святого Франциска Ксаверия и святого Филиппа Нери, а также об утверждении основания нескольких новых религиозных орденов.

Во время Тридцатилетней войны он оказывал всяческую помощь Фердинанду II и помог закрепить за Максимилианом Баварским Пфальц после изгнания Фридриха. В обмен на эту милость Максимилиан подарил папе значительную часть Гейдельбергской библиотеки. Благодаря разумному вмешательству Григория XV. была предотвращена война между Испанией и Австрией, с одной стороны, и Францией, Венецией и Савойей, с другой, за владение Вальтеллином, в то время как в Англии, хотя союз с Испанией, которому он отдавал предпочтение, был расторгнут, ему удалось обеспечить некоторую передышку преследуемым католикам.

На конклаве, последовавшем за смертью Григория XV. Кардинал Барберини получил поддержку избирателей и был провозглашен папой Урбаном VIII (1623-44). Новый папа был человеком образцовой жизни, самым большим недостатком которого была его чрезмерная пристрастность к своим родственникам, хотя следует сказать, что некоторые из родственников, которым он оказывал благосклонность, ни в коем случае не были их недостойны. Как уроженец Флоренции, он, кажется, уловил что-то от духа классического образования, которым так славился этот город, что, к сожалению, было слишком ясно показано в Требнике, который он опубликовал в 1632 году. Он издал Буллу "In Coena Domini" в ее окончательном виде, основал национальный колледж в Риме для студентов из Ирландии и издал ряд строгих и подробных постановлений о канонизации и беатификации, многие из которых остаются в силе до настоящего времени. Интересы иностранных миссий были особенно дороги сердцу Урбана VIII. Чтобы обеспечить их священниками, он основал знаменитую / Collegium Urbanum/ (1627) и установил там типографию для миссионеров. Он сократил количество обязательных отпусков, открыл Китай и Японию, до тех пор принадлежавшие иезуитам, для всех миссионеров и запретил рабство любого рода в Парагвае, Бразилии и Вест-Индии.

По многим причинам политический курс Урбана VIII. подвергался очень суровой критике. Слишком много денег было потрачено им впустую на укрепление Папской области и на катастрофическую войну с герцогом Пармским (1641-44). Его также обвиняли в неспособности более энергично поддержать Фердинанда II во время Тридцатилетней войны, но на самом деле эта враждебная точка зрения основана в значительной степени на искаженном представлении о самой войне и политике папы римского. Неправда, что папа сочувствовал Густаву Адольфу или что он скорбел о его смерти. Неправда и то, что он добился увольнения Валленштейна с императорской службы. Несомненно, он не предпринял энергичных мер, чтобы помешать французам оказывать помощь протестантским князьям и шведам против императора, но еще

предстоит доказать, что любые увещевания папы, какими бы сильными они ни были, оказались бы действенными в сложившихся обстоятельствах. Во всяком случае, на более поздних этапах войну на первый взгляд нельзя было рассматривать как религиозную, но в то же время следует сожалеть, что Урбан VIII. не понимал, что триумф врагов императора означал триумф лютеранства. Во время войны между Испанией и Португалией, последовавшей за провозглашением герцога Браганса, он пытался сохранить нейтралитет, отказываясь назначать на епископские кафедры Португалии кандидатов, представленных новым королем. Политика Урбана VIII. в отношении Англии и Ирландии будет рассматриваться в рамках этих стран.

Когда конклав собрался, чтобы избрать преемника Урбана VIII. вскоре выяснилось, что некоторые кардиналы хотели избрать папу, дружественного Испании, в то время как другие отдавали предпочтение профранцузскому папе. В конце концов, поскольку ни одна из партий не была достаточно сильна, чтобы обеспечить требуемое большинство голосов для своей кандидатуры, был найден более или менее нейтральный кандидат в лице кардинала Памфили, принявшего титул Иннокентия X. (1644-55).[12] Он был человеком преклонных лет, который с успехом служил на многих должностях и обладал многими качествами, необходимыми для хорошего правителя Церкви. К сожалению, его вопиющая семейственность причинила ему много вреда и дала повод для уродливых слухов, совершенно лишенных правды. Обнаружив, что папская казна пуста после его избрания, и полагая, что ответственность за это несут родственники покойного папы, он предпринял шаги, чтобы добиться от них возвращения; но они бежали во Францию, где оказались под защитой кардинала Мазарини, которому удалось добиться примирения. Иннокентий X. восстановил порядок в Папской области, наказал герцога Пармского за его преступления, особенно за его предполагаемую связь с убийством епископа Кастро, и поддерживал дружеские отношения с Венецией, которой он помогал против турок. Он был глубоко огорчен условиями Вестфальского мира (1648 г.), против которых напрасно протестовали его представители и которые он осудил в Булле / *Zelus Domus Dei* /, опубликованной в ноябре 1648 г.

[1] /Catena, Vita del gloriosissimo Papa Pio V./, 1587. Gabutius, /De Vita et rebus gestis Pii V./, 1605. Антоний, /святой Пий V./, 1911. Грент, /Сен-Пи Против/, ("Les Saints/"), 1914.

[2] Julien, /Papes et Sultans/, 1880. De la Graviere, /La Guerre de Chypre et la bataille de Lepante/, 1888.

[3] Pieper, /Zur Entstehungsgeschichte der standigen Nuntiaturem/, 1894.

[4] Пирлинг, /Грерыар XIII. et Ivan le Terrible/ (/Revue des Quest. Истор./, 1886).

[5] Хюбнер, /Шестая Квинта/, 3 тома., 1870.

[6] /Буллар. Рим./, iv. 4, 392.

[7] Вата, /Vita Clementis VIII./, Рим, 1723.

[8] Макинтайр, /Джордано Бруно/, 1903.

[9] Bzovius, /Vita Pauli V./, 1625.

[10] Campbell, /Vita di Fra Paolo Sarpi/, 1875. /Ирландский Есс. Запись/ xv., 524-40.

[11] /Буллар. Романум/ (xii в., 662 кв.м.).

[12] Chinazzi, /Sede vacante per la morte del papa Urbano VIII. e conclave di Innocenzo X./, 1904.

в) Религиозные ордена и контрреформация.

Helyot, /Histoire des ordres monastiques religieux/, etc., 8 vols., 1714-19. Heimbucher, /Die Orden und Kongregationen der Katholischen Kirche/, 1907-8. Mabillon, /Annales Ordinis Sancti Benedicti/, 1703-39. Albers, /Zur Reformgeschichte des Benediktiner-ordens im 16 Jahrhundert/ (/Stud. u-Mitteil/, 1900, 1901). Daurignac, /Histoire de la comp. de Jesus/, 1862. Cretineau-Joly, /Histoire religieuse, politique et litteraire de la comp. de Jesus/, 1859. Huber, /Der Jesuitenorden Duhr, Jesuitenfabeln/, 1904. Abelly, /Vie de Ven. serviteur de Dieu, Vincent de Paul/, 1891. Буго-Брейди, / История святого Винсента де Поля и др. /, 1908. Бойл, / Святой Винсент де Поль и винсентианцы в Ирландии, Шотландии и Англии /, 1909.

Религиозные ордена, как и большинство других институтов эпохи, предшествовавшей Реформации, остро нуждались в реорганизации. Различные причины объединились, чтобы ослабить дисциплину, предписанную их святыми основателями, и привнести дух мирскости, что не предвещало ничего хорошего как для отдельных членов, так и для успеха работы, ради которой были созданы эти ордена. Вмешательство внешних светских или церковных властей в назначение настоятелей, объединение нескольких домов под началом одного настоятеля, накопление богатства, обычное пренебрежение настоятелями к посещениям и общая небрежность при отборе и обучении кандидатов для поступления в различные учреждения привели к катастрофическим результатам. Трудно, однако, прийти к правильной оценке масштабов зла, потому что положение дел очень сильно различалось в разных религиозных орденах, а также в разных провинциях и домах одного и того же ордена. Во все времена значительная часть верующих обоих полов признавала и осуждала дух распущенности, который вкрался в общество, и упорно трудилась за возвращение к старым идеалам задолго до того, как лютеранская кампания поставила перед необходимостью выбирать между реформой и подавлением.

Бенедиктинцы, которые проделали отличную работу для содействия духовному и светскому благополучию людей, среди которых они трудились, больше, чем кто-либо другой, страдали от вмешательства покровителей-мирян в назначение настоятелей, а также от отсутствия какой-либо центральной власти, способной контролировать отдельные дома и настаивать на соблюдении правил и конституции. Однако в течение шестнадцатого века предпринимались различные попытки провести реформы. Во Франции наиболее важной из этих реформ была реформа, начатая в аббатстве Сен-Ван аббатом Дидье де ла Кур. Признавая печальное

положение дел, он неустанно трудился, чтобы добиться возвращения к строгому правлению святого Бенедикта. Его усилия были одобрены Климентом VIII в 1604 году. Многие дома во Франции приняли реформу, и было решено объединить их в одну конгрегацию под патронажем святого Мора, ученика святого Бенедикта.[1] Новая конгрегация Святого Мора была санкционирована Людовиком XIII. и папой Григорием XV. (1621). Мавристы посвятили себя изучению священных наук, особенно истории, литургии и патрологии, и подали пример основательной учености, которая снискала им похвалу как друзей, так и врагов. Имена д'Ашери, Мабилона, Рюинара, Мартене, Тьерри, Лами и Букета вряд ли будут забыты до тех пор, пока такие произведения, как "Расширенная коллекция ветеранских сценариев", "Тезаурус анекдотов", "Христианская галлия", "Литературная история Франции", "Дипломатическое дело", "Искусство проверки дат", "Архив исторических событий Голов" и др., сохранились и свидетельствуют о труде и исследованиях конгрегации Святого Мора.[2]

Реформаторское движение среди доминиканцев проявило себя со времен Раймонда Капуанского (1390), который приказал, чтобы в каждой провинции был по крайней мере один дом, где правила Святого Доминика могли соблюдаться в их первоначальной строгости. Успех реформы был разным в разных странах и даже в разных палатах одной и той же провинции, но в XVI веке общая тенденция, несомненно, была восходящей. Религиозное восстание нанесло ордену серьезные потери и привело к почти полному исчезновению провинций, которые когда-то процветали; но испанские и португальские открытия в Америке и распространение миссионерского движения открыли для ордена новые области, где его членам было суждено служить религии и вернуть в Новом Свете больше, чем они потеряли в Старом. Дисциплина среди цистерцианцев тоже ослабла, но наметилось общее улучшение, которое привело к образованию новых конгрегаций, главными из которых были Конгрегации Фейянтов, одобренных Сикстом V. (1587), и траппистов, которые получили свое название от монастыря Ла Трапп и обязаны своим происхождением ревностным усилиям аббата де Рансе (1626-1700).

Францисканцы уже разделились на обсервантов и монахов, но даже среди обсервантов давало о себе знать разрушительное влияние эпохи. Маттео ди Басси поселился в монастыре Монте-Фалько, чтобы добиться полного возвращения к первоначальному правлению святого Франциска, и отправился в Рим, чтобы заручиться одобрением Климента VII. В 1528 году Буллой / Religionis Zelus / папа римский разрешил себе и своим последователям отделиться от прихожан, носить капюшон (/ сарруссио/, отсюда название "капуцины"[3]), который, по утверждению Маттео, был одеждой святого Франциска, носить бороду, основывать отдельные дома в Италии и проповедовать народу. Вскоре капуцины распространились по Италии, и они стали настолько популярны, что Григорий XIII. отменил правила, по которым им запрещалось основывать отдельные дома за пределами Италии. Новый орден пережил много испытаний, особенно после отступничества его генерального викария Очино в 1544 году, но с благословения Божьего эти трудности были преодолены. Капуцины оказали неоценимую услугу религии своим простым, прямолинейным стилем проповеди, столь непохожим на литературные измышления, которые в то время выдавались за проповеди, своим фамильярным общением с бедняками, которым они помогали как в духовных, так и в мирских невзгодах, своей непоколебимой преданностью Папе и работой, которую они выполняли в зарубежных миссиях, особенно в тех землях, которые когда-то были славой Церкви, но где религия была почти полностью уничтожена господством сарацин.

Однако возрождение не ограничилось лишь реформой старых религиозных орденов. Мир значительно изменился с тех пор, как их святые основатели сформулировали уставы этих организаций. Новые условия и новые опасности потребовали применения нового оружия и новых методов для защиты религии. К счастью, группа ревностных людей была возвращена Богом, чтобы справиться с проблемами эпохи и заложить основы религиозных обществ, многим из которых было суждено принести религии пользу, едва ли менее постоянную и менее ценную, чем та, которую в другие времена приносили такие выдающиеся слуги Божьи, как святой Бенедикт, святой Доминик и святой Франциск Ассизский.

Театины, названные так от Къети (Theate), епархии Петра Караффы, берут свое начало в небольшом братстве, основанном венецианцем Гаэтано ди Тьене[4], который собрал вокруг себя нескольких учеников, все они, как и он сам, ревностно относились к духовному совершенствованию как духовенства, так и народа (1524). Во время визита в Рим Гаэтано удалось заручиться сочувствием Питера Караффы (в то время епископа Театского, а впоследствии кардинала и папы римского) и склонить его стать первым настоятелем общины. Учреждение было одобрено Климентом VII в 1524 году. Его основатели стремились повысить уровень духовной жизни как среди духовенства, так и среди мирян посредством проповеди и создания благотворительных учреждений. Орден быстро распространился в Италии, где он многое сделал для спасения людей от влияния лютеранства, в Испании, где ему помогал Филипп II, во Франции, где его покровителем был кардинал Мазарини, и в зарубежных миссиях, особенно в нескольких частях Азии, театинцы вернули Богу множество душ.

Обычные священнослужители Святого Павла, более известные как варнавиты из-за их связи с церковью Святого Варнавы в Милане, были основаны Антонием Марией Заккарией[5] из Кремоны, Бартоломью Феррари и Якопо Моририа. Потрясенные низким состоянием нравов, царившим тогда во многих итальянских городах, эти святые мужи собрали вокруг себя группу ревностных молодых священников, которые стремились посредством проповедей и наставлений побудить людей воспользоваться преимуществами таинства Покаяния. Орден был утвержден Климентом VII в 1533 году и получил множество важных привилегий от его преемников. Его члены работали в полной гармонии со светским духовенством и повиновались указаниям епископов. Они обязали себя не искать и не принимать никаких привилегий или сана без прямого указания папы Римского. В Милане их любил святой Шарль Борромео, который свободно пользовался их услугами, а в Анси их пригласил святой Франциск Сальский. Несколько домов варнавитов были основаны в Италии, Франции и Австрии. В дополнение к своей проповеднической работе и наставлению людей они основали множество процветающих колледжей и по просьбе папы римского взяли на себя руководство некоторыми иностранными миссиями.

Основателем Облата был святой Чарльз Борромео [6] (1538-84), который был назначен кардиналом своим дядей Пием IV в возрасте двадцати трех лет и который за свою сравнительно короткую жизнь сделал для реформы Церкви и свержения протестантизма больше, чем кто-либо другой его возраста. Главным образом благодаря его усилиям Тридентский собор был созван повторно, а по его благоразумному совету он был доведен до успешного завершения. Как только постановления Собора получили одобрение папы Римского, святой Карл приложил все усилия к тому, чтобы они были приведены в исполнение не только в его собственной

Миланской епархии, но и во всей Церкви. Долгое время личное управление его епархией было невозможно, поскольку на его присутствии в Риме настаивал папа; но как только он смог получить разрешение, он поспешил в Милан, где суровой рукой пресек злоупотребления, учредил регулярные епархиальные и провинциальные синоды, лично посетил самые отдаленные части епархии, вернул на свою сторону тысячи людей, перешедших на сторону ереси в долинах Швейцарии, и энергично защищал права и свободы Церкви от испанских представителей. Во всех своих реформах он пользовался верной поддержкой религиозных орденов, особенно иезуитов и варнавитов, с которыми он всегда поддерживал самые дружеские отношения. В то же время он чувствовал потребность в сообществе светских священников, которые, оставаясь под властью епископа, подавали бы пример священнического совершенства и которые были бы готовы по просьбе епископа добровольно взяться за работу, которая считалась наиболее неотложной. Он был особенно озабочен тем, чтобы такой орган взял на себя руководство епархиальной семинарией и постарался подготовить хорошо образованных и святых священников. Преследуя эти цели, он основал Облат в 1578 году, и община полностью оправдала его самые высокие ожидания.

Ораторианцы[7] были основаны святым Филиппом Нери (1515-95), реформатором и одним из покровителей Рима. Он был уроженцем Флоренции, который еще молодым человеком отвернулся от многообещающей карьеры в миру, чтобы полностью посвятить себя служению Богу. До своего рукоположения он пятнадцать лет трудился, посещая больных в больницах, помогая бедным паломникам и наставляя молодежь. Он сформировал особое братство и собрал вокруг себя группу учеников, как священнослужителей, так и мирян. После его рукоположения они привыкли проводить свои конференции в маленькой комнате (/ Oratorium/, Молельня) над церковью Святого Джироламо. Здесь читались проповеди и наставления на самые разные темы, особенно на Священное Писание, труды Отцов Церкви и ведущие события в истории Церкви. Общество было одобрено Григорием XIII (1575) под названием Конгрегация оратории. Оно должно было состоять из светских священников, живущих вместе по правилам, но не связанных никакими особыми обетами. Святой Филипп Нери был убежден, что стиль проповеди, вошедший в моду в то время, был в значительной степени ответственен за упадок религии и морали. Будучи сам человеком с хорошим образованием, он настаивал на том, чтобы его товарищи посвятили себя какой-то определенной области церковных знаний и делились с людьми плодами своих исследований. Например, Барониус, автор знаменитой книги "Церковные анналы", как говорят, в течение тридцати лет проповедовал об истории Церкви. Таким образом, святой Филипп обеспечил как здравую ученость, так и полезные наставления. Многие филиалы Ораторского искусства были основаны в Италии, Испании, Португалии, а также в испанских и португальских колониях в Южной Америке.

Признавая необходимость улучшения образования и жизни французского духовенства и помня о преимуществах, дарованных Риму общиной Святого Филиппа Нери, аббат, впоследствии кардинал, Пьер де Берюль решил основать Ораторское искусство в Париже.[8] Парижские ораторианцы были сообществом светских священников, не связанных никакими особыми обетами, но живущих по общим правилам с целью как можно более полного выполнения обязательств, которые они взяли на себя при рукоположении. Проект получил горячую поддержку кардинала Ришелье и был одобрен Павлом V. в 1613 году. В то время духовное образование в Париже и по всей Франции находилось в состоянии почти безнадежного замешательства. Французские ораторианцы, которые сами были преданы учебе, решили организовать семинарии в соответствии с планом, разработанным Тридентским собором, и

взять на себя управление такими учреждениями. В философии Ораторское искусство породило таких ученых, как Мальбранш, в теологии - Томассена и Морена, в Священном Писании - Домигана и Ричарда Саймона, а в священном красноречии - таких выдающихся проповедников, как Ладжен и Массильон. Ораторианцы пережили бурные дни янсенистской борьбы, хотя покой общины временами нарушался действиями нескольких ее членов, но он пал перед диким натиском революции. Однако он был возрожден отцом Гратри в 1852 году.

Братья милосердия были основаны португальцем[9], который, будучи обращен проповедью святого Иоанна д'Авилы, посвятил себя облегчению человеческих страданий во всех формах. За свое великое милосердие и ревность о душах он получил прозвище Святой Иоанн Божий. Он собрал вокруг себя группу товарищей, которые помогали ему ухаживать за больными в больнице, которую он основал в Гранаде. После его смерти в 1550 году начатую им работу продолжили его ученики, конституции которых были одобрены Пием V. в 1572 году. Вскоре благодаря щедрости Филиппа II и испанской знати больницы были открыты в различных городах Испании и переданы под контроль братьев Святого Иоанна Божьего. Папа пригласил их открыть дом в Риме, и они также отправились в Париж по приглашению королевы (1601). Во времена Французской революции в их ведении находилось сорок больниц, из всех которых они были изгнаны. Основатель был канонизирован в 1690 году и назван Львом XIII покровителем больниц в 1898 году.

Пиаристы или *Patres Piarum Scholarum* были основаны святым Джозефом Калазансой[10] (1556-1648), который был генеральным викарием епархии Уржеля в Испании, должность, которую он оставил, чтобы вернуться в Рим. Здесь он начал собирать детей из бедных семей для обучения, и поскольку учителя не желали помогать ему без дополнительного вознаграждения, он открыл бесплатную школу в Риме в 1597 году. В школе преподавал он сам и два или три священника, которых он заинтересовал в этой работе. Из этих незатейливых начинаний возникло общество Отцов благочестивых школ. Целью общества, состоявшего из священников, было образование молодежи как в начальных, так и в средних школах. Общество было одобрено Павлом V. И окончательно учреждено как признанное учреждение Григорием XV (1621). Оно быстро распространилось в Италии, Австрии и Польше. В чем-то сродни пиаристам были Отцы христианского учения, основанные Цезарем де Бусом с целью воспитания молодежи. Общество состояло из священников и получило одобрение Климента VIII в 1597 году. Позже она объединилась с сомашанами, которые были основаны святым Иеронимом Эмилианом с аналогичной целью, но из-за возникших определенных споров эти две организации были разделены в 1647 году.

Братья христианских школ были основаны Джоном Баптистом де ла Саллем[11] (1651-1719). Основателем был молодой священник с большими способностями, который перед своим рукоположением прочитал выдающийся курс искусств и теологии. Будучи призван помочь в управлении бесплатной школой, открытой в Реймсе в 1679 году, он с головой окунулся в работу, посвятив почти всю свою энергию обучению учителей. Он обычно собирал их вокруг себя после уроков, чтобы побудить их к работе, предложить им лучшие методы передачи знаний и вообще исправить любые недостатки, которые он мог заметить в ходе своих ежедневных посещений школ. Таким образом, он собрал группу молодых людей, заинтересованных в образовании детей бедных, из которых выросли Братья христианских школ. Сначала он предполагал, что кто-то из прихожан должен стать священниками, но позже передумал и взял за правило, чтобы никто из Братьев не становился священниками и чтобы ни один священник не принимался в

послушники. Долгое время святой основатель был вовлечен в тяжелую борьбу, в ходе которой само существование института было поставлено под угрозу. Не доверяемый некоторым из церковных авторитетов, атакованный врагами со всех сторон, покинутый несколькими своими самыми доверенными учениками, человек с меньшим рвением и решимостью в отчаянии отказался бы от этого проекта. Но де ла Саль не был обескуражен. Он составил конституцию для своих последователей, а в 1717 году созвал генеральный капитул, на котором добился избрания верховного главнокомандующего. С этого времени Институт братьев-христиан развивался семимильными шагами. Святой основатель общества был пионером в области начального образования. В преподавании, в аттестации учеников, а также в строительстве и оснащении школ применялись новые методы; было предоставлено больше свободы в выборе программ, соответствующих районам, в которых были открыты школы; были созданы обычные школы для подготовки молодых учителей к их обязанностям, и была проявлена забота о том, чтобы религиозное и светское образование развивались рука об руку. Общество быстро распространилось во Франции, особенно после того, как оно получило одобрение Людовика XV и было признано религиозной конгрегацией Бенедиктом XIII (1725). Во время Революции общество было подавлено, и Братья христианских школ скорее пострадали, чем оказались нелояльными папе римскому. В 1803 году институт был реорганизован, и с тех пор дома были открыты почти во всех частях света. Иоанн Креститель де ла Саль был канонизирован Львом XIII. в 1900 году.

Конгрегация священников Миссии, более известная как лазаристы из монастыря Святого Лазаря, который они занимали в Париже, и как винсентианцы по имени своего основателя, святого Винсента де Поля, была основана в 1624 году. Святой Винсент родился в Поуи в Гаскони в 1576 году, получил начальное образование во францисканской школе и завершил богословское образование в Университете Тулузы, где он был рукоположен в 1600 году. Четыре года спустя корабль, на котором он плыл из Марселя, подвергся нападению берберийских пиратов, он был взят в плен и доставлен в Тунис, где был продан в рабство. Ему удалось совершить побег из плена (1607), обратив в свою веру своего хозяина, француза, покинувшего свою страну и свою религию. Он отправился в Рим, откуда был отправлен с миссией при французском дворе, и был назначен раздающим милостыню королеве Маргарите Валуа. Позже он стал наставником в семье графа де Гонди, капитана французских галер. Во время своего пребывания там святой Винсент находил время проповедовать крестьянам в поместье своего работодателя и посещать заключенных, приговоренных к галерам. Великолепные результаты его трудов среди этих классов были настолько поразительным свидетельством успеха его миссий, что сент-Винсент был вынужден основать конгрегацию священнослужителей для этой особой работы. Что-то в этом роде срочно требовалось во Франции в тот период. Отсутствие семинарий и какой-либо должным образом организованной системы духовного образования естественным образом сказались на духовенстве. В особенности в сельских районах священники не имели ни знаний, ни подготовки, которые позволили бы им выполнять свои священные функции. Из этого следовало, что люди не были проинструктированы и таинствами пренебрегали.

Открыв дом в Париже в 1624 году, святой Винсент сделал первый практический шаг к основанию религиозной конгрегации, которой было суждено обновить и укрепить религию во Франции. Позже общество получило санкцию архиепископа Парижа[12] и Людовика XIII, и, наконец, оно было одобрено Урбаном VIII. в Булле /*Salvatoris Nostri*/ от 12 января 1632 года. В том же году святой Винсент вступил во владение монастырем Святого Лазаря, предоставленным

в его распоряжение регулярными канониками Святого Виктора. Конгрегация Миссии должна была быть конгрегацией светских священнослужителей, связанных простыми религиозными обетами. Его основная работа, помимо освящения собственных членов, заключалась в том, чтобы давать миссии бедным, особенно в сельских районах, и способствовать высокому уровню жизни священнослужителей. Епископы Франции были в восторге от программы новой конгрегации. Со всех сторон последователям святого Винсента посыпались приглашения взять на себя миссию, и, куда бы они ни отправились, их труды увенчались успехом. Как правило, святой Винсент учреждал братства милосердия в приходах, которые он посещал, чтобы помогать бедным и, прежде всего, заботиться о бездомных сиротах.[13]

Вскоре он обнаружил, что, какими бы успешными ни были его миссии, они не принесут постоянной пользы, если священники, ответственные за приходы, не будут полны решимости продолжать начатую работу и собирать урожай, посеянный миссионерами. В то время во Франции не было семинарий, так что кандидаты в священники рукополагались по окончании университетского курса без какой-либо специальной подготовки для своего священного сана. По просьбе некоторых епископов Святой Винсент решил проводить ретриты для тех, кто готовился к принятию Священного сана. Сначала эти ретриты длились всего десять дней, но они принесли такие великолепные результаты, что были продлены до нескольких месяцев. В конце концов, они привели к созданию духовных семинарий, которыми святой Винсент и его единомышленники руководили в нескольких епархиях Франции. Перед его смертью они контролировали одиннадцать французских семинарий, а на момент Революции добрая треть епархиальных семинарий находилась в руках его учеников.[14] Посредством ретритов для духовенства и духовных конференций, организованных для их совершенствования, святой Винсент поддерживал тесную связь с теми, кого он обучал, и предоставлял им возможность возобновить свой пыл и завершить свое образование.

Франции повезло, что Бог воздвиг такого благоразумного и ревностного человека, как святой Винсент, чтобы он был проводником как для священников, так и для народа в трудные времена, через которые тогда проходила страна. Извне Церкви угрожала опасность со стороны еретиков-гугенотов, а изнутри янсенизм и галликанизм сумели завоевать симпатии как духовенства, так и народа. Сначала Сент-Винсент был в дружеских отношениях с аббатом де Сен-Сираном, лидером янсенистов во Франции, но как только он осознал опасный характер своих взглядов и ошибки, содержащиеся в таких публикациях, как "Август" Янсена и "Частое причастие" Арно, он энергично включился в кампанию против янсенизма. При дворе, на своих совещаниях с епископами и священниками, в университетских кругах и в семинариях он разоблачал коварный характер его догматов. В Риме он призывал власти прибегнуть к суровым мерам, а во Франции упорно добивался признания римских решений. И все же во всей его работе против янсенистов не было ничего от горечи полемиста. Он мог нанести сильный удар, когда хотел, но никогда не забывал, что милосердие - гораздо более эффективное оружие, чем насилие. В своем личном лице он подал пример полного подчинения власти папы Римского и предписал такое подчинение своим преемникам. Святой Винсент умер в 1660 году. Его потерю оплакивали не только его собственные духовные дети, Конгрегация Миссии и Сестры Милосердия, но и бедняки Парижа и всей Франции, для которых он был щедрым благодетелем, а также епископы и духовенство, которым он был другом и наставником. Его влиянию больше, чем какой-либо другой причине, обязано сохранение Франции за Церковью в семнадцатом веке.

Но деятельность Конгрегации Миссии не ограничивалась Францией. Ее ученики распространились по Италии, Испании, Португалии, Польше, Ирландии и Англии. Они отправились миссионерами в Северную Африку, чтобы трудиться среди берберийских пиратов, захваченных Сент-Винсентом, на Мадагаскар, в некоторые португальские колонии на Востоке, в Китай и на территории султана. Во время Революции большинство их домов во Франции были разрушены, и многие винсентийцы приняли мученическую смерть. Однако, когда самые сильные бури миновали, конгрегация была восстановлена во Франции, и ее члены усердно трудились в духе своего святого основателя, чтобы восстановить многое из того, что было утрачено.

Основателем сульпициан был Жан Жак Олье[15] (1608-57), друг и ученик святого Винсента де Поля. Впечатленный важностью получения хорошего образования и выучки для духовенства, он с парой товарищей удалился в дом в Вожираре (1641), где к ним присоединились несколько семинаристов, пожелавших поступить под его руководство. Позже ему предложили приход Сен-Сюльпис, в то время один из худших приходов Парижа с точки зрения религии и морали. Небольшая община священников, работавших по правилам, составленным Олье для их руководства, вскоре полностью изменила облик всего района. Были введены посещения по домам; читались проповеди, соответствующие потребностям людей; были открыты классы катехизации, и за очень короткое время Сен-Сюльпис стал образцовым приходом столицы.

В 1642 году была открыта небольшая семинария и были составлены правила для руководства студентами, большинство из которых посещали богословские лекции в Сорбонне. Священники и студенты образовали единую общину и, насколько это было возможно, придерживались одинакового распорядка дня. В свободное время студенты помогали в работе прихода, навещая больных и руководя занятиями по катехизису. Поначалу Олье не собирался основывать семинарии по всей Франции. Его целью было скорее превратить Сен-Сюльпис в национальную семинарию, из которой молодые священники могли бы выйти должным образом экипированными и квалифицированными, чтобы основать епархиальные учреждения аналогичного толка, если их начальство одобрит такое начинание. Но, уступив настойчивым просьбам нескольких епископов, он открыл семинарии в нескольких частях Франции и доверил управление ими членам своей собственной общины. Первый из них был основан в Нанте в 1648 году. При жизни основателя несколько сульпицианов были отправлены в Канаду, где обосновались в Монреале и усердно трудились над обращением туземцев. Подобно святому Винсенту, основатель сульпициев неустанно боролся с янсенизмом и внушал своим последователям обязанность немедленного повиновения епископам и папе, уроки, которые они, похоже, никогда не забывали. Сульпицианы, согласно их конституции, являются сообществом светских священников, не связанных никакими особыми религиозными обетами.

Однако религиозным орденом, который больше всего сделал для сдерживания надвигающейся волны ереси и поднятия упавшего духа католической церкви в самые печальные дни шестнадцатого века, несомненно, было Общество Иисуса, основанное святым Игнатием Лойолой.[16] По рождению святой Игнатий был испанцем, а по профессии - солдатом. Получив ранение при осаде Пампелуны в 1521 году, он в период выздоровления обратил свой ум к изучению духовных книг, в частности Житий Святых. Когда он читал о борьбе, которую выдержали некоторые из этих людей, и о победах, которых они достигли, он понял, что боевая слава - всего лишь тень по сравнению со славой святых, и он решил дезертировать из армии Испании, чтобы записаться в ряды слуг Христа. Учитывая, что свержение мавританского

королевства Гранада было свежо в его памяти, неудивительно, что он мечтал о еще большем триумфе, которого можно было бы добиться, напад на мусульман в самом центре их власти и побудив их отказаться от закона Пророка ради Евангелия христиан. С намерением подготовиться к этой работе он попрощался со своими друзьями и ассоциациями своей юности и удалился в уединенное убежище в Манресе близ Монтсеррата, где предавался медитации и молитве под руководством монаха-бенедиктинца. Результат его пребывания в Манресе и его общения с Богом можно увидеть в Духовных упражнениях св. Игнатий/, произведение, которое в руках его учеников сотворило чудеса для обращения и совершенствования душ, и которое, по мнению компетентных судить, не имеет серьезных соперников, кроме Библии и Подражания Христу. Из Манресы он отправился в Святую Землю, чтобы посетить ее священные места и трудиться над обращением неверных завоевателей, но, обнаружив, что в то время эта работа была невозможна, вернулся в Европу.

Понимая, что его недостаточное образование было серьезным препятствием для создания религиозного ордена, который он задумал, он приступил к работе с желанием овладеть зачатками грамматики. Когда это было успешно сделано, он продолжил свое высшее образование в Алькале, Саламанке и Париже, где в 1534 году получил диплом врача. Но, будучи искренним в стремлении к знаниям, он никогда не забывал, что знание было всего лишь средством подготовки себя к выполнению миссии, к которой призвал его Бог. Находясь в Париже, он собрал вокруг себя группу студентов: Фрэнсиса Ксавье, Лайнеза, Сальмерона, Бодадилью, Родригеса и Фабера, с которыми позже были связаны Лежай, Кодюр и Броэ. В праздник Успения Пресвятой Богородицы (1534) Игнатий и его спутники отправились на вершину Монмартра, откуда открывался вид на Париж, где, приняв Святое Причастие, они поклялись трудиться на Святой Земле. Обнаружив, что этот проект практически невыполним, они решили предоставить себя в распоряжение папы римского. В Риме Игнатий объяснил цели и правила предлагаемого общества Павлу III. и его советникам. В сентябре 1540 года было получено одобрение папы римского, хотя и с определенными ограничениями, которые были отменены в 1543 году, и в следующем году Игнатий был избран первым генералом Общества Иисуса.

ST. Игнатий испытывал величайшее уважение к старым религиозным орденам, бенедиктинцам, доминиканцам и францисканцам, всем из которых он был глубоко обязан; но он верил, что новые условия, при которых его последователи будут призваны сражаться за Христа, требуют новых правил и новой конституции. Общество Иисуса не должно было быть созерцательным орденом, стремящимся только к спасению своих членов. Его энергия не должна была ограничиваться каким-либо конкретным каналом. Не было введено никаких чрезвычайных постов или аскез, не требовалось торжественного пения во время службы или ношения особой одежды. Общество должно было работать "для вящей славы Божьей" любым способом, которого требовали обстоятельства. Только на одной вещи святой Игнатий делал особый акцент, и это была абсолютная необходимость повиновения вышестоящим во всем законном, и прежде всего повиновения Папе Римскому. Мудрость этого предписания достаточно очевидна во все времена, но особенно в эпоху, когда религиозный авторитет, даже авторитет преемника святого Петра, столь многими подвергался сомнению. Членам общества было запрещено добиваться или принимать какие-либо церковные почести или преференции.

Конституция[17] Общества Иисуса не была составлена с неоправданной поспешностью. Святой Игнатий установил правила для своих последователей, но только когда ценность этих правил

была проверена практикой, он воплотил их в конституцию, одобренную первой генеральной конгрегацией, состоявшейся в 1558 году. Согласно конституции, вся административная власть принадлежит генералу, который избирается генеральной конгрегацией и занимает свой пост пожизненно. Ему помогает совет, состоящий из представителей от каждой провинции. Провинциалы, ректоры колледжей, главы профессорских домов и распорядители объявлений назначаются генералом, обычно, однако, только на определенное количество лет, в то время как все мелкие чиновники назначаются провинциалом. Послушничество длится два года, в течение которых кандидаты на вступление в орден почти полностью посвящают себя молитве, медитации и духовному чтению. По завершении послушничества начинается обучение в схоластике. Студенты обязаны прочитать курс искусств и философии и преподавать в некоторых колледжах общества, после чего они переходят к изучению теологии. По окончании богословского курса они принимаются в качестве соадьюторов или названных членов церкви в соответствии с их способностями и поведением. Между этими двумя организациями, коадьюторами и исповедуемыми, очень мало разницы, за исключением того, что исповедуемые в дополнение к обычным клятвам обязуются идти туда, куда их пошлет папа, и, кроме того, именно из этой организации, как правило, выбираются высшие должностные лица ордена. Братья-миряне также привязаны к обществу.

Когда было основано Общество Иисуса, протестантизм уже добился больших успехов в Северной Европе, и хотя латинские страны тогда не были затронуты, никто не мог предвидеть, какие перемены могут принести десять лет. Святой Игнатий принял наилучшие меры предосторожности против распространения ереси. В то время как сам он оставался в Риме, занимаясь организацией членов своего общества и учреждением колледжей и благотворительных учреждений, он посылал своих последователей во все части Италии. Епископы свободно пользовались их услугами в качестве проповедников и учителей. Колледжи были открыты в Венеции, Неаполе, Болонье, Флоренции и во многих других ведущих городах. Святой Карл Борromeо стал покровителем и защитником общества в Милане. Повсюду труды иезуитов приводили к великому религиозному возрождению, а с помощью своих колледжей они укрепляли веру подрастающего поколения. В Испании также, на родине святого Игнатия иезуиты получили дружеский прием. Их колледжи были переполнены студентами, как и их церкви - верующими. Трудности, действительно, возникли из-за склонности некоторых испанских иезуитов не иметь никого, кроме испанских начальников, но при некоторой осмотрительности эти трудности были преодолены в 1593 году. Большинство наиболее известных авторов на церковные темы, Васкес, Суарес, Де Луго и Рипальда по догматическому богословию, Санчес по моральному Богословию, Мальдонатус и Перейра по Священному Писанию, принадлежали к испанской провинции.

Во Франции общество поначалу столкнулось с серьезными трудностями. Ненависть к Испании и ко всему, что имело испанское происхождение, неприязнь к тому, что считалось чрезмерной лояльностью общества Папе римскому, и ревность со стороны Парижского университета были главными препятствиями, которые предстояло преодолеть. Но, несмотря на это, иезуиты нашли пристанище в Париже, где они открыли Колледж де Клермон (Луи-ле-Гран), и они основали аналогичные колледжи в нескольких ведущих городах Франции. В борьбе с кальвинистами они оказали большую помощь католическому телу. Успехи их многочисленных колледжей и влияние, которое они приобрели на молодежь, вызвали яростное сопротивление Университета, но благодаря поддержке двора, где они были сохранены в качестве королевских исповедников, иезуиты смогли отстоять свои позиции. Во время войн Лиги против Генриха III. а Генрих

Наваррский, хотя их положение было крайне деликатным, благоразумные действия их генерала Аквавивы, порекомендовавшего своим подданным уважать совесть обеих сторон, спасли ситуацию. Однако они были изгнаны из Парижа в 1594 году, но Генрих IV. разрешил им вернуться в 1603 году.

В немецких землях, Венгрии и Польше, где судьба католичества, казалось, висела на волоске, отцы-иезуиты остановили то, что грозило стать триумфальным прогрессом протестантизма. Вскоре святой Игнатий отправил нескольких своих учеников на место конфликта под руководством блаженного Петра Канисия.[18] Своими проповедями, своими профессорскими лекциями, своими благоразумными предложениями власть имущим, а также своими противоречивыми трудами, и в особенности своим знаменитым Катехизисом, Канисий сделал больше для сдерживания развития протестантизма в Германии, чем кто-либо другой его возраста. Колледжи были основаны в Вене, Ингольдштадте, Тревесе, Майнце и в большинстве городов Германии, которые не подчинялись протестантским князьям. Из этих колледжей вышли молодые люди, которые были полны решимости противостоять дальнейшим посягательствам ереси. Максимилиан Баварский и император Фердинанд II, оба сыгравшие столь заметную роль в католической контрреформации, были учениками иезуитов и были всего лишь прообразом людей, бросивших свои колледжи. Также и в Венгрии, и в Польше ситуация была переломлена в пользу католической церкви главным образом усилиями иезуитов. В Ирландии, Англии и Шотландии, в Нидерландах и Швеции, словом, везде, где интересы католиков подвергались опасности, иезуиты рисковали своими жизнями, защищая католическую религию. Именно из-за поражений, которые они нанесли ереси в этот период, ненависть к иезуитам так глубоко укоренилась и так универсальна среди протестантов даже по сей день.

Урсулинки, названные так в честь их покровительницы Святой Урсулы, начинались как религиозное объединение благочестивых дам, созданное Анжелой де Меричи[19] (Анжела Брешийская) в 1537 году. Сначала целью ассоциации было исправление падших женщин, посещение больных и просвещение молодежи. Члены церкви жили в своих собственных домах в соответствии со схемой жизни, разработанной для их руководства, встречаясь только для определенных духовных упражнений. В 1535 году основательнице удалось объединить нескольких из них в небольшую общину. После ее смерти в 1540 году численность общины увеличилась, и она была одобрена Павлом III, который позволил урсулинам изменять свои правила в зависимости от обстоятельств. Долгое время урсулинки не распространялись за пределы Брешии, но по мере того, как их деятельность стала известна, особенно как педагогов, их стали приглашать в другие части Италии. В Милане у них был близкий друг в лице его кардинала-архиепископа святого Шарля Борромео. Первая община урсулинок была основана во Франции мадам де Бев. Правило было разработано отцом Гонтереем, С.Дж., и другими членами его общества и одобрено Павлом V. (1612). За сравнительно короткое время урсулинки распространились по большинству католических стран Европы, так что почти все самые современные и лучше всего оборудованные школы для девочек-католичек оказались в их руках. В 1639 году они отправились в Канаду, где открыли монастырь, известный как Отель-Дье в Квебеке, а в 1727 году поселились в Новом Орлеане.

Святая Тереза[20] (1515-82) - скорее реформатор, чем основательница монахинь-кармелиток. Стремясь с раннего возраста следовать своему религиозному призванию, она во многом вопреки желанию своего отца поступила в монастырь монахинь-кармелиток в Авиле (1535). После получения профессии она заболела и в течение многих лет подвергалась мучительным

пыткам. В этот период она полностью сосредоточила свой разум на духовных предметах, и Бог посетил ее самыми необычайными знаками божественного благоволения, отчет о которых можно найти в ее жизни, написанной ею самой, в ее "Родственниках" и во многих других ее произведениях. Она решила вернуться к примитивному аскетизму кармелитского правления и в 1562 году основала первый монастырь обескровленных монахинь-кармелиток в Авиле. Благодаря ее усилиям другие монастыри ордена приняли реформу, и в 1580 году было одобрено существование Обескровленных кармелиток как отдельного ордена. Она умерла в 1582 году, а сорок лет спустя была канонизирована Григорием XV.

Сестры Посещения были основаны святым Франциском де Салье[21] и святой Франсис де Шанталь.[22] Святой Франциск де Салес (1567-1622), названный так по замку Салес в Савойе, в котором он родился, изучал риторику и философию в Париже под руководством иезуитов. Из Парижа он отправился в Падую изучать юриспруденцию и, получив диплом, вернулся на родину, где его отец обеспечил ему место сенатора и устроил очень желанный брак. Но святой Франциск, чувствуя, что Бог призвал его в другую сферу жизни, отказался от своей должности в коллегии адвокатов, принял должность ректора Женевского капитула и получил священный сан (1593). Большая часть Женевской епархии была в это время захвачена еретиками. Святой Франциск с рвением взялся за дело обращения отпавших, особенно в районе Шабле, где он обратил к вере более тысяч человек. Он стал коадьютором-епископом Женевы, а после смерти своего друга Клода де Гранье был назначен на престол (1602). Вместе с мадам де Шанталь он основал женскую общину в Анси в 1610 году. Сначала его идея заключалась в том, что маленькая община не должна быть ограничена оградой, а должна посвятить себя своему собственному освящению и посещению больных и бедных. Однако, поскольку против такого нововведения были выдвинуты возражения, он разработал для сообщества правило, основанное главным образом на правиле святого Августина. В 1618 году общество получило признание в качестве религиозного ордена под названием Ордена Посещения Пресвятой Богородицы. Орден занимался обучением молодых девушек, а также посещением больных. Она быстро распространилась в Италии, Франции, Германии, Польше, а позже и в Соединенных Штатах.

Сестры милосердия,[23] или Серые сестры, как их называли, были основаны святым Винсентом де Полем. Пока святой Винсент был настоятелем Шатийон-ле-Домба, он основал в приходе братство милосердных дам для ухода за больными, бедными и сиротами. Эксперимент оказался настолько успешным, что он основал аналогичные братства в Париже и везде, где давал миссии по всей стране. Однако, обнаружив, что в Париже благотворительные организации привыкли поручать эту работу своим слугам, он привез из деревни несколько молодых девушек, на которых можно было положиться в исполнении его желаний. О них он заботился с особой заботой, и в 1633 году мадам Ле Гра сняла дом в Париже, где собрала нескольких наиболее многообещающих из них, чтобы создать небольшое сообщество. В 1642 году, после того как община переехала в дом напротив Сен-Лазара, некоторым сестрам было разрешено принять постриг. Сестры милосердия во все времена были чрезвычайно популярны во Франции. Своими школами, сиротскими приютами, больницами, своей добротой к бедным и страждущим они завоевали для себя место в сердцах французского народа. На некоторое время, в худшие дни революции, их работа была приостановлена, а их общины распущены; но их подавление вызывало такое всеобщее сожаление, что в 1801 году Начальнице было приказано реорганизовать общество. За пределами Франции у Сестер милосердия было несколько домов в Польше, Швейцарии, Испании и Германии.

Мэри Уорд[24] (1585-1645) родилась в доброй католической семье в Англии. Она присоединилась к бедным Клэрам в Сент-Омере в 1600 году, но, предпочитая активную жизнь созерцательной, собрала вокруг себя нескольких товарищей и сформировала небольшую общину в Сент-Омере, главным образом для работы в сфере образования. Согласно ее плану, который был в значительной степени основан на уставе Общества Иисуса (отсюда название иезуитесс, данное ее последователям ее противниками), ее сестры не были связаны оградой, не должны были носить никакой отличительной одежды и подчиняться непосредственно только Риму. Против такого института немедленно были выдвинуты серьезные возражения, особенно после того, как Пий V. прямо заявил, что огораживание и торжественные обеты являются необходимыми условиями для признания религиозных общин женщин. Филиалы были открыты в Нидерландах, Австрии и Италии под патронажем высших гражданских властей. Поскольку противники общины продолжали свои нападки, основательница была вызвана в Рим для своей защиты (1629), но в следующем году был издан указ о репрессиях. Дому в Мюнхене разрешили продолжить работу, и по совету папы она открыла дом в Риме. Главное внесенное изменение заключалось в том, что дома должны были подчиняться епископам епархий, в которых они находились. Наконец, в 1703 году, по ходатайству Максимилиана Эммануила Баварского и Марии, жены Якова II, это правило было официально одобрено Климентом XI. Общество продолжало распространяться, особенно в Баварии. Последователи Мэри Уорд называются по-разному: Институт Марии, Английская фрейлина и монахини Лорето по названию, данному Ратфарнхему, материнскому дому ирландского отделения, основанному Фрэнсис Болл в 1821 году. -----

[1] /Histoire du Ven Didier de la Cour, reformateur des Benedictins/, 1772.

[2] De Lama, /Bibliotheque des ecrivains de la congregation de St. Mor/, 1882.

[3] Da Forli, /Annali Cappuccini/, 1882.

[4] Дюмортье, /Святой Гаэтан ди Тьене/, 1882.

[5] Dubois, /Le bienheureux A. M. Zaccaria fondateur des Barnabites/, 1896.

[6] Sylvain, /Histoire de St. Charles Borromeo/, 3 vols., 1884.

[7] Perraud, /L'Oratoire de France au XVIIe et au XVIIIe siecle/.

[8] Perraud, /L'Oratoire de France au XVIIe et au XVIIIe siecle/, 1866.

[9] Girard, /La vie de St. Jean de Dieu/, 1691.

[10] Hubert, /Der hl. Joseph Calasanza, stifter der frommen Schulen/, 1886.

[11] Равле-О'Мира, /Жизнь блаженного Иоанна Крестителя де ла Саль/, 1888. Lucard, /Annales de l'Institut des Freres des Ecoles Chretiennes/, 1883.

[12] Париж стал архиепископским престолом в 1622 году.

[13] Lorti, /Saint Vincent de Paul et sa mission sociale/, 1880.

[14] Degert, /Histoire des seminaires francais/, 1912.

[15] Faillon, /Vie de M. Olier/, 3 vols., 1873. Томпсон, /Жизнь Jean Jacques Olier/.

[16] Томпсон, /Жизнь святого Игнатия/, 1910. Clair, /La vie de S. Игнаций/, 1894.

[17] /Constitutiones Societatis Jesu Latine et Hispanice/, 1892.

[18] Duhr, /Geschichte der Jesuiten in den Landen Deutscher Zunge/, Bd. i., 1907.

[19] О'Рейли, /Жизнь святой Анджелы/, 1880. Meer, /Die ersten Schwestern des Ursulinenordens/, 1897.

[20] /Автобиография святой Терезы/, пер. с французского Б. Циммерман, 1904.

[21] Hamon, /Vie de St. Francois de Sales/, 2 vols., 1875.

[22] Bougaud, /Histoire de Ste. J. F. Chantal et des origines de la Visitation/, 1899.

[23] Marcel, /Les Soeurs de Charite/, 1888.

[24] Саломея, /мать Мэри Уорд, основательница 17 века/, 1901.

d) Тридцатилетняя война.

См. библиографию, глава ii. (a). Klopp, /Der Dreissigjahrige Krieg bis Zum Tode Gustav. Adolfs u.s.w./, 3 Bde, 1891-6. Bougeant, /Histoire des guerres et des negociations qui precederent le traite de Westphalie/, 3 vols., 1751. Ritter, /Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreissigjahrigen Krieges/, 1889. Huber, /Geschichte Osterreichs/, Bd. v., 1896. /Nunziaturberichte aus Deutschland/, 1892. De Meaux, /La reforme et la politique Francaise en Europe jusqu' a la paix de Westphalie/, 1889. /Кембриджская современная история/, том iii. (глава iii.).

Религиозный мир в Аугсбурге (1555) не положил конец борьбе между католиками и протестантами в Германии. Чувства с обеих сторон были слишком сильны, чтобы позволить какой-либо из сторон удовлетвориться этим соглашением или принять его как постоянное определение их соответствующих прав. Немецкие католики были возмущены тем, что партия, возникшая так недавно и причинившая такой вред их Церкви и стране, должна быть вознаграждена за ересь и нелояльность императору такими уступками. Их возмущение вряд ли могло быть смягчено тем, как лютеранские и кальвинистские проповедники карикатурировали и осуждали доктрины и практику католического мира. Однако, возможно, именно пункт

Аугсбургского мира, известный как / *Ecclesiasticum Reservatum*/, вызвал самые горячие споры и сыграл наибольшую роль в развязывании гражданской войны. Этим пунктом было предусмотрено, что в случае, если кто-либо из епископов и аббатов перейдет в реформатскую религию, они не смогут взять с собой церковное имущество, прикрепленное к их должности. Лютеране, которые в прошлом извлекли огромную выгоду из подобных отделений от Церкви, возразили против этого пункта в сейме и опротестовали это решение, когда их возражения были отклонены.

Поняв, что император не может или не желает помешать им, они продолжали действовать открыто вопреки / *Ecclesiasticam Reservatum*/. Там, где территории католического епископа располагались в непосредственной близости от государств протестантских князей, приходилось прибегать к различным ухищрениям, чтобы приобрести земли Церкви. Иногда епископа заставляли отказаться от них в обмен на фиксированное пособие или пенсию, иногда капитул убеждали избрать епископом какого-нибудь отпрыска княжеской семьи, который, как было хорошо известно, имел склонность к протестантизму, а в нескольких случаях епископы сами решали проблему, отделяясь от католической церкви, продолжая управлять территориями, на которых их епископский сан был их единственным титулом. Таким образом, две архиепископии и четырнадцать епископств, среди которых были такие богатые епархии, как Магдебург, Бремен, Бранденбург и Оснабрюк, перешли в руки лютеран, и потребовались особые усилия, чтобы предотвратить подобную участь двух таких важных центров, как Кельн и Ахен. Гебхард, архиепископ Кельнский, человек скандально аморального образа жизни, завершил свою печально известную карьеру, взяв в жены ту, которая была его наложницей, объявив при этом, что перешел в кальвинизм. Капитул Кельнского собора, поддержанный народом, предпринял шаги, чтобы избавиться от такого настоятеля, и капитул получил горячую поддержку как папы, так и императора. Гебхард был вынужден бежать в Страсбург, в соборе которого он был каноником и где ему удалось посеять смуту. На Страсбургский престол претендовали два архиепископа, один из которых был лоялен католической церкви, а другой выступал за протестантизм. Это позорное противостояние продолжалось годами, пока, наконец, протестантского защитника не вынудили сдаться за выплату крупного штрафа. Ахенский престол был захвачен силой в 1581 году и удерживался в течение пятнадцати лет, по истечении которых протестанты были вынуждены отказаться от своих притязаний.

К несчастью для католиков, императоры, сменившие Карла V. были недостаточно сильны, чтобы справиться с такой опасной ситуацией. Фердинанд I., каким бы искренним католиком он ни был, помня об ужасных бедствиях, принесенных его стране религиозными войнами, изо всех сил боролся против их возобновления. Его преемник Максимилиан II (1564-76) был настолько сильно склонен к протестантизму, что пошел на многие уступки протестантам даже в своих собственных наследственных владениях. Он пригласил выдающихся лютеранских проповедников в Вену, предоставил протестантам влиятельные должности при дворе и разрешил проводить протестантские религиозные службы, по крайней мере, знати Богемии, Силезии и Венгрии. Несколько князей-епископов, стремившихся быть в хороших отношениях с императором, попытались провести реформы в католической литургии и католических обрядах без какой-либо ссылки на Святой Престол. Тревожное распространение протестантизма в Австрии, Венгрии, Богемии и Силезии, которому способствовала общая политика императора, делало положение католической церкви крайне ненадежным.[1]

Но, к счастью, в то время сильная католическая реакция начала давать о себе знать. Реформаторские декреты Тридентского собора не преминули привести к решительному улучшению положения епископов и духовенства. Новые религиозные ордена, особенно иезуиты, бросились защищать католическую позицию, и колледжи, основанные иезуитами, готовили молодое поколение католиков, хорошо подготовленных к предстоящей им борьбе. Катехизисы, которые проповедники-иезуиты распространяли по всей стране, и внимание, уделяемое ими надлежащему религиозному воспитанию людей, помогли устранить плохое впечатление, произведенное ложными представлениями лютеран, и имели тенденцию вызывать сильное, здоровое, образованное католическое мнение в общественной жизни. К счастью также, в то время, когда императоры представляли скорее опасность, чем защиту Церкви, правители Баварии смело взялись за защиту старой религии и встали во главе католических сил.[2] Альберт V. (1550-79) настаивал на обнародовании постановлений Тридентского собора и сделал клятву верности Католической церкви непременным условием для вступления в должность в своем королевстве. Он благоволил иезуитам, поощрял их школы и делал все, что было в его силах, для укрепления католицизма среди своих подданных. Его политику продолжил Максимилиан I. (1598-1651), который стал признанным лидером передовой католической партии в Германии.

Это всеобщее неожиданное оживление, успех которого был продемонстрирован рвением народа, нежеланием властей идти на какие-либо дальнейшие уступки и решимостью всех сторон настаивать на строгом соблюдении / *Ecclesiasticum Reservatum* /, наполнило протестантов такой тревогой, что их князья начали настаивать на новых гарантиях. Император Рудольф II (1576-1612), однако, в отличие от своего предшественника, доброго католика, был крайне некомпетентным правителем, посвящавшим большую часть своего времени алхимии и другим подобным исследованиям, а не работе правительства. Он пытался разрешить религиозные трудности в Силезии и Богемии, уступив требованиям протестантов (1609), но вмешательство его брата Матиаса привело к новым осложнениям и, наконец, к отречению Рудольфа от суверенитета Богемии (1611). Фридрих IV. король Пфальца был убежденным протестантом и был тесно связан с партией реформаторов в Англии, Голландии и Франции. Он думал, что видит в распрях между членами Дома Габсбургов возможность улучшить позиции протестантизма в империи, ослабить притязания Дома Габсбургов на императорское достоинство и, возможно, также утвердиться в качестве правителя объединенной Германии.

Инцидент, произошедший в Донауорте, [3] городе недалеко от Рейна, помог ему реализовать свой план создания великой протестантской федерации. В 1555 году этот город был почти исключительно католическим, но так или иначе протестантам удалось улучшить свое положение, пока, наконец, католикам не осталась только церковь аббатства. Здесь в праздник Тела Христова в 1606 году обычная процессия с Причастием подверглась нападению и была разогнана, а с католиками обошлись с величайшей жестокостью. Когда дело было доведено до сведения императора, город был запрещен империей, и Максимилиану I. Баварскому была поручена задача по выполнению указа. Он двинулся вперед с сильной армией и захватил город. Поскольку военная контрибуция не могла быть выплачена, он сохранил его за собой, вернув католикам все, что они потеряли. Фридрих IV решительно призвал протестантских князей выразить свое возмущение таким актом агрессии, указав им, что судьба Донауорта будет судьбой всех их территорий, если они не предпримут совместных действий. Как следствие, когда обе стороны встретились на регенсбургском сейме (1608 г.), волнение было сильным, и когда император обратился к своим князьям за поддержкой против турок, протестанты

отказались оказать свою помощь, пока не получают удовлетворительных объяснений. Католики, поощряемые Максимилианом, были столь же непримиримы, в результате чего сейм распался, так и не сумев прийти к соглашению.

Вскоре после сейма большинство протестантских князей встретились в Ахаузене и образовали конфедерацию, известную как /Союз/ (1608), во главе которой встал Фридрих IV. из Пфальца, в то время как чуть позже большое количество католических князей объединились в /Лигу/ и приняли Максимилиана Баварского в качестве своего лидера (1609). Таким образом, Германия снова была разделена на два враждебных лагеря, и потребовался всего лишь очень незначительный инцидент, чтобы ввергнуть страну в очередную гражданскую войну. Какое-то время казалось, что вопрос о наследовании герцогства Клевского должен был стать тем вопросом, который приведет к катастрофе. Герцог Джон Уильям Клевский умер, не оставив прямого наследника, и поскольку религиозный вопрос на его территории все еще оставался нерешенным, назначение преемника было вопросом величайшей важности для обеих сторон. Император с одобрения /Лиги / назначил своего брата Леопольда администратором, в то время как /Союз /, укрепившись за счет союза с Францией, был готов выступить в пользу протестанта. Генрих IV Французский, стремившийся обратить споры, вспыхнувшие между различными членами императорской семьи, в свою пользу для себя и своей страны, фактически направлялся принять участие в кампании, когда был убит. После его смерти обе стороны согласились на временное перемирие (1610), и таким образом начало войны было отложено на некоторое время.

Эта задержка была очень удачной для католиков в Германии. С таким императором, как Рудольф, столкнувшись с таким человеком, как Генрих IV. в этом вопросе могло быть очень мало сомнений. Даже на своих собственных территориях Рудольф не смог сохранить свою власть против своего брата Маттиаса, в интересах которого он был вынужден отречься от престола Богемии (1611). После смерти Рудольфа (1612) Матиас добился успеха, хотя и не без значительных трудностей. Как император, он проявил себя гораздо менее благосклонным к протестантам, чем в те годы, когда спорил со своим братом, но, какими бы хорошими ни были его намерения, он был бессилён положить конец существовавшему расколу или контролировать политику / Лиги / или / Союза/. Герцогство Клеве все еще было предметом споров. В то время как немецкие протестанты призывали на помощь Вильгельма Оранского и голландских кальвинистов, католики призывали войска Испании. Император мог просто наблюдать, как его подданные вступают в союз с иностранцами, чтобы уладить свои собственные внутренние проблемы.

Тем временем гораздо более серьезные проблемы назревали в Богемии, где последователи Гуса смешались с учениками Лютера и где во многих центрах были сильны настроения против католической церкви. Согласно уступкам, предоставленным Рудольфом (1609), рыцари и вольные города были вольны строить протестантские церкви, но подобная уступка не была сделана подданным католических лордов. Однако, независимо от условий концессии или неправильно истолковывая их, протестантские арендаторы архиепископа Пражского и аббата Браунау строили церкви для собственного использования. Архиепископ и аббат, считая себя потерпевшими, обратились в императорский суд. Согласно решению этого суда, церковь, построенная на землях архиепископа, должна была быть снесена, а другая на землях настоятеля должна была быть закрыта (1618). Депутация, представляющая протестантскую партию, была назначена для беседы с имперскими представителями в Праге, и поскольку ответ

на их протесты был расценен как неблагоприятный, толпа напала на здание и выбросила членов совета, которые, как предполагалось, были ответственны за это, через окна.

Под руководством графа Турна и некоторых других протестантских дворян в Богемии было создано временное правительство, были приняты меры по организации армии, и в качестве начала реформ иезуиты были изгнаны. Из-за сильных антинемецких настроений населения восстание быстро распространилось по Богемии, и граф Мансфельд поспешил на помощь повстанцам с армией, предоставленной в его распоряжение Союзом. Большинство городов Богемии были захвачены повстанцами, и вся северная Австрия оказалась в серьезнейшей опасности. В этот критический момент император Матиас скончался, и ему наследовал Фердинанд II (1619-37). Последний был преданным католиком, обученным иезуитами, и уже оказал огромную услугу Церкви, уничтожив почти все следы ереси в своих наследственных владениях. То, что такой человек унаследовал императорский сан в такое время, было крайне неприятно протестантам Богемии. Поэтому неудивительно, что они отказались признать его королем и избрали вместо него Фридриха V Пфальцского (1619).

Для Фердинанда II ситуация выглядела чрезвычайно серьезной. С одной стороны, на него сильно наседали турки, а с другой - он был так плотно окружен богемскими повстанцами, что даже сам город Вена был под угрозой попадания в их руки. Его противник Фридрих V. мог положиться на силы / Союза / в кампании, и, кроме того, как зять английского короля Якова I. и племянник Морица Оранского, успешного лидера голландцев и зачатого союзника французских гугенотов, Фридриху было нетрудно убедить себя, что наконец-то Европа освободится от господства Дома Габсбургов. Он вступил в Богемию и был торжественно коронован в Праге в 1619 году. Но если Фридрих мог рассчитывать на поддержку многих кругов, то и Фердинанд мог. Максимилиан II Баварский был активен на его стороне, как, впрочем, и все силы "Лиги". Саксония тоже, которая была предана лютеранству и ненавидела кальвинистские тенденции Фридриха, опасаясь, что его победа может означать победу кальвинизма, встала под знамена императора. Папа прислал щедрые субсидии, как и Испания. Наконец, в ходе кампании Фердинанду посчастливилось иметь на службе двух самых способных генералов своего времени, Тилли [4], который командовал силами / Лиги /, и Валленштейна [5], который командовал имперскими войсками. Максимилиан Баварский вступил в Австрию во главе армии / Лиги / и отбросил повстанцев обратно в Богемию, куда он последовал за ними и нанес им жестокое поражение в битве при Белой горе (1620). Фридриху пришлось спасаться бегством после нескольких месяцев правления. Лидеры восстания были арестованы и казнены. В обмен на оказанные им услуги Максимилиан Баварский стал правителем Пфальца, с которого был свергнут Фридрих. Хотя Фридрих потерпел поражение, борьба ни в коем случае не была закончена. Граф Мансфельд, действуя от имени / Союза /, поддержал дело Пальгрейва и был поддержан армией во главе с Кристианом IV Датским, шурином Фридриха, который двинулся в Германию на помощь своим друзьям. Яков I английский, хотя и не желал посылать армию, помогал деньгами. Война возобновилась с большой энергией, но у союзников было мало шансов на успех против двух таких опытных генералов, как Тилли и Валленштейн. Кристиан IV. потерпел ужасное поражение при Баренберге близ Люттера (1626), а три года спустя был вынужден согласиться на Любекский мир (1629), по которому он обещал уйти из Германии и никогда больше не вмешиваться в ее внутренние дела.

Силы императора и / Лиги / одержали такую победу на всем протяжении линии фронта, что первый почувствовал себя достаточно сильным, чтобы решить животрепещущий вопрос о

захваченной церковной собственности. Вскоре он издал то, что известно как "Эдикт о реституции" (1629), которым он приказал вернуть всю собственность, приобретенную протестантами вопреки пункту "Ecclesiasticum Reservatum" Аугсбургского мирного соглашения (1555). Кроме того, он повелел строго соблюдать условия Пассау-Аугсбургского мира, предоставил католическим и протестантским князьям право устанавливать свою собственную религию на своих территориях (/ Cuius regio illius religio/) и разрешил протестантским подданным католических князей, которые чувствовали себя ущемленными в своей совести, эмигрировать, если они пожелают этого. По поводу справедливости этого указа могло быть очень мало споров, поскольку в нем речь шла только о возвращении того, что было приобретено путем открытого или завуалированного грабежа, но вполне можно усомниться в том, было ли это разумно, учитывая обстоятельства дела. Во-первых, это означало потерю огромных территорий для некоторых протестантских князей, обогатившихся на землях епископов и аббатов. На ранних этапах войны многие из этих людей были верны императору в его борьбе против повстанцев и иностранных захватчиков, но теперь, помня о своих собственных мирских интересах и будущем своей религии, они были готовы встать на сторону своих единоверцев в том, что стало чисто религиозной войной. Франция, также встревоженная победой Фердинанда II и опасаящаяся, что победа Дома Габсбургов может привести к созданию объединенной империи и отсрочке на неопределенный срок реализации проекта по закреплению за Францией провинций вдоль Рейна, была только рада заверить протестантских князей в своей поддержке в войне против императора. Молодой и доблестный король Швеции Густав Адольф[6] внимательно следил за развитием событий в Германии и стремился закрепить за своей страной немецкие провинции вдоль берегов Балтийского моря. Он также не был лишен надежды на то, что, выдвинув себя в качестве защитника протестантизма и помогая протестантским князьям свергнуть Дом Габсбургов, он сможет создать для себя на развалинах Священной Римской империи великую протестантскую конфедерацию, охватывающую большую часть Северной Европы. Наконец, хотя Саксонию побудили специальными уступками принять эдикт о реституции, можно было предвидеть, что в чисто религиозной борьбе между католиками и протестантами ненависть к Римской церкви окажется сильнее предубеждений против Женева, и ее правитель будет вынужден присоединиться к врагам императора.

Густав-Адольф, укрепив свои позиции формальным соглашением с Францией, двинулся маршем в Германию во главе отборного отряда войск (1630). Он издал прокламацию, в которой объявлялось, что он пришел освободить немцев от рабства, и начал переговоры с протестантскими князьями, некоторые из которых, надо отдать им справедливость, проявили крайнюю неохоту становиться союзниками иностранного захватчика. Ferdinand II. был лишь плохоподготовлен к отражению такого нападения. Имперские войска были распущены, и, что было гораздо хуже, Валленштейн ушел в частную жизнь. Многие католические принцы, особенно Максимилиан Баварский, были возмущены его быстрым продвижением по службе и предоставлением ему герцогства Мекленбург. Они настроили Фердинанда против него как раз в то время, когда его услуги требовались наиболее остро. И когда прошел первый приступ рвения, все католические князья не стремились поспешить на помощь императору. Тилли с силами / Лиги/ двинулся вперед, чтобы преградить путь шведам. Он потерпел поражение при Брайтенфельде (1631), и его армия была почти уничтожена. Густав-Адольф быстро продвигался вперед по направлению к Баварии, захватил города Вюрцбург, Майнц и Аугсбург, и какое-то время казалось, что его наступление на Вену станет триумфальным шествием. Обрадованный успехом своей кампании, он начал действовать так, как будто он действительно был

императором Германии, тем самым нанеся большое оскорбление многим своим немецким последователям. Однако его мечтам о власти пришел внезапный конец. В апреле 1632 года он участвовал в нерешительном сражении при Рейне на реке Лех, где Тилли был смертельно ранен, но в ноябре он был убит при Лютцене, хотя его армия одержала победу.

Фердинанд оказался в большой опасности. Он обратился за помощью к Урбану VIII. и в Испанию, но сначала первый, полагая, что борьба носит скорее политический, чем религиозный характер, отказался помогать ему, хотя позже, когда он понял, что само существование католической церкви в империи находится под угрозой, он изменил свое мнение и направил щедрые субсидии. Максимилиан Баварский, который некоторое время держался в стороне, горячо поддержал дело императора, а Валленштейн, отозванный в час опасности, собрал огромную армию за невероятно короткий промежуток времени. Оксеншерна, канцлер Швеции, взялся за дело своего хозяина Адольфа и преуспел в заключении союза с протестантскими князьями (1633). Национальные чувства в империи пали так низко, что протестантские князья согласились назначить этого выскочку руководителем кампании и сражаться под его командованием. Франция предоставила шведам средства для продолжения войны. В течение некоторого времени с обеих сторон делалось очень мало. Валленштейн вел переговоры со шведами, Саксонией и Францией. Императору было заявлено, что избранный им генерал виновен в грубой нелояльности. Хотя обвинение в абсолютной нелояльности не было доказано, тем не менее определенные действия Валленштейна в сочетании с его бездействием придавали обвинению хорошую окраску. Император отстранил его от командования, и чуть позже он был убит несколькими своими солдатами.

Война и переговоры возобновлялись попеременно, но без какого-либо результата, поскольку ни Швеция, ни Франция не желали мира. Наконец, войска императора одержали знаменательную победу при Нордлингене (1634). Этот успех имел по крайней мере один хороший результат, поскольку он отделил курфюрста Саксонии от Швеции. Он никогда всем сердцем не бросался в борьбу, поскольку ему не нравилась идея поддерживать иностранного захватчика против своего собственного императора, и он не жалел, что выбрался из очень неловкого положения. Между императором и Саксонией был заключен Пражский мир (1635), согласно которому эдикт о реституции был в значительной степени отменен, а протестантам Силезии была гарантирована свобода вероисповедания.

Но для продвижения своих собственных интересов шведы и французы настаивали на полном равенстве между протестантами и католиками как на неперемennom условии мира. С этого времени это была чисто политическая борьба, вдохновленная исключительно желанием этих двух стран ослабить Германию и подорвать власть Дома Габсбургов. После смерти Фердинанда II в 1637 году считалось, что война, возможно, закончилась, но эти надежды были обмануты. Сменивший его Фердинанд III (1637-57) предложил всеобщую амнистию на регенсбургском сейме (1641), но безуспешно. Французские солдаты перешли границу, чтобы поддержать шведов и протестантов. Наконец, после долгих переговоров Вестфальский мир (1648 г.) положил конец борьбе, в которой Германия сильно пострадала и из которой иностранцы должны были извлечь наибольшую выгоду.

Вестфальский мир был продиктован Германии Францией и Швецией. В награду за ущерб, который они нанесли стране, обе получили большие куски немецкой территории. Франция настаивала на том, чтобы овладеть Эльзасом, в то время как Швеция получила крупные

субсидии на территории вдоль Балтики вместе с военной контрибуцией в размере пяти миллионов талеров. Чтобы обеспечить компенсацию светским князьям, часть территорий которых была передана этим двум державам, а также вознаградить других, кто пострадал из-за их союза со Швецией, была организована секуляризация значительного количества церковных государств. Саксония, Бранденбург, Гессен-Кассель, Брауншвейг и Мекленбург обогатились за счет приобретения земель, которыми ранее управляли епископы и аббаты. Этот шаг означал, что протестантские государства Германии укрепились за счет католической церкви, и что жители этих районов, которые теперь были переданы протестантским правителям, подвергались большой опасности быть привлеченными к религии своих новых хозяев. Юрисдикция епископов на этих территориях была отменена, и даже в некоторых новых капитулах, как, например, в Оснабрюке, протестантские каноны были установлены бок о бок с католическими.

Кроме того, было решено, что условия Аугсбургского мира должны соблюдаться, с этим важным изменением, что права, гарантированные им лютеранам, должны быть распространены даже на тех, кто не принял Аугсбургское исповедание. Эта уступка была направлена на удовлетворение требований кальвинистов. И снова в империи было установлено полное равенство между католиками и протестантами. Для приведения в исполнение этого пункта было решено, что во всех имперских комитетах и судах обе стороны должны быть представлены в равном количестве. В случае, если религиозные вопросы обсуждались на сейме, где католики по-прежнему составляли большинство, было решено, что этот вопрос должен решаться не голосованием, а дружеским компромиссом. Князьям было разрешено определять религию своих подданных, главное ограничение заключалось в том, что те подданные, которые в 1624 году пользовались определенной формой общественного или частного религиозного поклонения, не должны были принуждаться менять свою религию. Остальным ничего не оставалось, как искать дом, где уважали бы их добросовестные убеждения. Что касается церковной собственности, то 1624 год был принят за обычный год, и собственности, которой протестанты владели в том году, было разрешено остаться в их руках. Пункт / *Ecclesiasticum Reservatum*/ был сохранен и стал обязательным для обеих сторон. Было оговорено, что эти условия не должны распространяться на протестантов в наследственных владениях императора.

Вестфальский мир своим практическим признанием государственного нейтралитета в религиозных вопросах положил конец конституции Священной Римской империи и низвел императора до положения простой номинальной фигуры, сила которой полностью зависела от его собственных наследственных государств. Вместо того чтобы предотвратить разобщенность, это сделало национальное единство почти невозможным и подвергло Германию нападению со стороны любого враждебного соседа, который, возможно, пожелал бы укрепиться, поощряя раздоры между различными ее государствами. Кроме того, оно нанесло серьезный ущерб Церкви не только своим признанием протестантской религии, но и конфискацией церковной собственности, упразднением епископств, вмешательством в деятельность соборных капитулов и признанием права временного суверена определять религию своих подданных. Поэтому неудивительно, что папский легат Фабио Киджи подал решительный протест против Мира, и что протест был возобновлен в самой торжественной форме Иннокентием X. (1648).[7] Эта акция не была вдохновлена оппозицией папы миру. Напротив, снова и снова во время гражданской войны Святой Престол стремился добиться дружеского взаимопонимания, но ни один папа, если только он не был нелоялен к оказанному ему доверию, не мог допустить такого

вмешательства в чисто религиозные вопросы, не дав понять, что он не является согласной стороной. Иннокентий X. предвидел, что это было всего лишь предвестием новых притязаний со стороны гражданских правителей и что в скором времени даже католические монархи попытаются регулировать церковные дела своих подданных без ссылки на авторитет Церкви. Прошло совсем немного времени, пока события не показали, что его подозрения были не лишены оснований. -----

[1] Losche, /Geschichte des Protestantismus in Osterreich/, 1902.

[2] Hartmann, /Der Prozess gegen die Protestantischen Landstande in Bayern unter Albrecht V./, 1904.

[3] Stieve, /Der Kampf um Donauworth/, 1875.

[4] Villermont, /Tilly ou la guerre de trente ans/, 1860.

[5] Halwich, /Geschichte Wallensteins/, 1910.

[6] Грофер, /Густав. Адольф./, 1863.

[7] Bull, /Zelo domus Dei/.

ГЛАВА V

КАТОЛИЧЕСКИЕ МИССИИ

Henrion, /Histoire generale des missions catholiques depuis le XIIIe siecle/, 2 vols., 1841. Маршалл, /Христианские миссии/, 2 тома., 2-е издание, 1863. Hahn, /Geschichte der Katholischen Missionen/, 5 Bde, 1857-65. Da Civezza, /Storia universale delle missioni francescane/, 9 vols., 1883-96. Meyer, /Die Propaganda/, 2 Bde, 1853. /Lettres edificantes ... des missions ... par quelques missionnaires de la Compagnie de Jesus/, 1617. Werner, /Missionsatlas/, 1885.

В то время как ересь распространялась с такой пугающей быстротой, что угрожала лишить Церковь ее прекраснейших провинций в Европе, на Востоке и Западе открывались новые континенты, и христианские миссионеры отправлялись вперед, чтобы пригласить незнакомые расы и народы занять место миллионов, отбившихся от церкви. Неугомонная энергия и активность, столь характерные для пятнадцатого века, поразительно проявились в многочисленных морских экспедициях, спланированных и осуществленных перед лицом огромных трудностей и приведших к таким важным географическим открытиям. Португальцы продвигали свои открытия вдоль западного побережья Африки, пока, наконец, Бартоломео Диасу не удалось удвоить мыс Доброй Надежды (1487), тем самым открыв путь для путешествия Васко де Гамы к Малабарскому побережью в 1498 году. Испания, ревниво относившаяся к новому южному морскому пути в Ост-Индию, открытому ее соперником, воспользовалась предложением Христофора Колумба проложить западный маршрут, и именно во время этой попытки он открыл великий континент Америку. Важность этих открытий как на Востоке, так и на Западе, как с духовной, так и с мирской точки зрения, была достаточно ясно понята как Испанией, так и Португалией. Правители этих стран, хотя и стремились к распространению христианства среди языческих рас Азии и Америки, не забывали также о важной услуге, которую религия могла бы оказать их колониционному делу. К счастью, эти новые области деятельности для христианских миссионеров открылись в то время, когда религиозный дух Западной Европы начал выходить из состояния летаргии, в которое он был низведен

злоупотреблениями, и раздался призыв к добровольцам в эпоху, когда старые религиозные ордена начали ощущать влияние реформы и когда новые религиозные ордена, особенно иезуиты, были рядом, чтобы оказать неоценимую помощь. Основание Конгрегации / De Propaganda Fide / (1622), учреждение / Collegium Urbanum / (1627) для образования и переподготовки священников-миссионеров и организация / Societe des Missions Etrangeres/[1] (1663) в Париже помогли объединить работу и поставить ее на прочную и постоянную основу.

Первое место в этом замечательном миссионерском развитии должно быть отведено святому Франциску Ксавьеру[2] (1506-52), другу и ученику св. Игнатий Лойола и самый успешный христианский миссионер со времен святого Павла. По приглашению Иоанна III. уроженец Португалии, который кое-что слышал о предполагаемом новом Обществе Иисуса, святой Франциск отплыл из Лиссабона и высадился в Гоа, столице португальской индийской колонии (1542). Францисканцы и доминиканцы прибыли туда раньше него, но скандальный пример безбожия и безнравственности, поданный колонистами, сделал практически невозможным для этих преданных людей привлечение новообращенных среди языческих рас. Святой Франциск щедро вложил себя в работу по возрождению веры португальцев, прежде чем попытаться обратить местных жителей. Когда положение дел в Гоа полностью изменилось к лучшему, он отправился в Вест-Индию, где проповедовал с замечательным эффектом, и ему удалось распространить свои усилия до острова Цейлон. Затем он посетил Малакку, Молуккские острова и Суматру. Везде, где он бывал, он привлекал к вере тысячи людей. Его необычайная доброта и милосердие, его неутомимое рвение, его простое и прямолинейное изложение католической доктрины и многочисленные чудеса, которыми Бог подтверждал истинность его проповеди, были главными причинами его успеха. Тем временем прибыли еще несколько членов Общества Иисуса. Их он отправил в разные части Индии, чтобы они пасли паству, которую он завоевал для Христа, и в то же время основал послушничество и учебный дом, чтобы подготовить местных священнослужителей к выполнению этой работы.

Не удовлетворившись тем, что было достигнуто в Индии, он отправился в Японию (1549) в компании новообращенного японца, который помог ему овладеть этим языком. Он приземлился в Кагосиме, где оставался почти год, изучая язык и готовя краткий трактат на японском языке об основных символах веры. Преодолев эти предварительные трудности, он приступил к работе евангелизации и, несмотря на энергичное противодействие бонз, или местных священников, сформировал процветающую общину. Через центральную Японию он с успехом продвигался, проповедуя в главных городах, но политические неурядицы, бушевавшие тогда в столице, оказались серьезным препятствием на пути к успеху его работы. В течение двух с половиной лет святой Франциск продолжал свои апостольские труды в Японии, а затем вернулся в Гоа, на самом деле не для отдыха, а только для подготовки к еще более опасной миссии. В Японии он обнаружил, что одним из главных аргументов, использовавшихся против принятия христианской веры, был тот факт, что китайцы, на которых народ Японии смотрел с благоговением, по-прежнему предпочитали Конфуция Христу. Вдохновленный надеждой закрепить за Церковью Поднебесную Империю и тем самым обеспечить обращение всех восточных народов, он сам назначил себя послом в Китай и отправился в столицу. Однако во время путешествия он настолько серьезно заболел, что его пришлось высадить на маленьком острове Санчиан, где в грубой хижине, построенной для его укрытия, он испустил свой последний вздох. За десять лет своей миссии он обратил в веру около миллиона человек и дал христианству власть над народами Индии и Японии, которую никогда не смогли ослабить

никакие политические революции или религиозные преследования. Он был канонизирован в 1622 году.

После смерти Апостола Индии начатая им работа была продолжена его братьями из Общества Иисуса, несмотря на очень серьезные трудности. Им противостояли брахманы, которые пытались разжечь преследования, и их продвижению препятствовали политические беспорядки. Прибытие иезуита Роберта де Нобили (1577-1656) в 1605 году ознаменовало новый этап в истории обращения Индии. После посещения города Мадур, [3] где один из его братьев годами трудился без каких-либо видимых плодов, де Нобили пришел к выводу, что сравнительная неудача христианских миссионеров была вызвана презрением брахманов к ним как к португальцам или друзьям португальцев и как к сообщникам париев, которых брахманы считали немногим лучше животных. Он решил перенять новые методы, прийти к ним не как португалец, а как римлянин, избегать любых контактов с париями или изгоями, уважать национальные обычаи и кастовое разделение страны и добиться сочувственного отношения брахманов благодаря своей учености и особенно глубокому знанию индийской литературы.

Его метод увенчался мгновенным успехом. За короткое время он обратил сотни новообращенных в том самом городе, где его коллега напрасно трудился годами; и он обеспечил своих новообращенных не преуменьшением или искажением католической истины, а благоразумным отношением к кастовой системе и определенным связанным с ней обрядам и обычаям, которые он терпел как имеющие скорее национальный, чем религиозный характер. Его коллега-иезуит из Мадур выдвинул возражения против его методов. Его обвинили в поощрении суеверий, разрешив использование языческих обрядов, и в поощрении раскола и розни, не разрешив смешиваться браминам и париям даже в церквях. Отдавая должное отцу де Нобили и тем, кто одобрял его методы, следует сказать, что им не нравилась система каст. Они надеялись, что под влиянием христианского милосердия такие разделения могут исчезнуть, и что точно так же, как Церковь в первые века скорее подрывала, чем осуждала рабство, так и миссионеры в Индии могли бы уважать предрассудки брахманов до тех пор, пока эти предрассудки не будут искоренены более близким знакомством с доктринами и духом христианства. Пестрые отчеты, присланные против него, произвели неблагоприятное впечатление на его начальство, но когда его защита была получена в Риме, Григорий XV. отказался выносить какое-либо осуждение (1623).

При жизни отца де Нобили он с успехом применял свой собственный метод, хотя в то же время никогда не пренебрегал возможностью тайно заботиться о духовном благополучии беднейших классов. После его смерти в 1656 году многие иезуиты продолжили его политику, несмотря на то, что серьезные возражения были выдвинуты некоторыми другими религиозными орденами. Однако в Пондишери, который принадлежал французам, разразился кризис. Капуцины отвечали за миссию и заботились как о колонистах, так и о туземцах. Епископ решил разделить работу между капуцинами, которых оставили присматривать за колонистами, и иезуитами, которым было поручено проповедовать туземцам (1699). Капуцины обратились в Рим и выдвинули против иезуитов старые обвинения, которые были выдвинуты против отца де Нобили и которые вызвали такие ожесточенные споры. Вопрос о малабарских обрядах снова был передан в Рим, и де Турнон, патриарх Антиохии, был направлен в качестве легата для расследования этого дела (1703). Пробыв восемь месяцев в стране, и прежде чем у него

появилась возможность рассмотреть обе стороны вопроса, он принял решение против иезуитов (1704). Это решение было подтверждено папой римским в 1706 году. Однако споры продолжались до 1744 года, когда появился Бенедикт XIV. в Булле /*Omnium sollicitudinem*/ было вынесено окончательное осуждение малабарских обрядов (1744).

Из уважения к предрассудкам брахманов затем с одобрения папы римского была сформулирована схема организации двух классов миссионеров, одного для брахманов, а другого для отверженных, но подавление деятельности иезуитов в португальских владениях (1756) положило конец этой системе. Кармелиты сослужили хорошую службу, приложив усилия к примирению христиан-несторианцев с Церковью. Дальнейшему развитию католической церкви в Индии препятствовали подавление иезуитов, вторжение голландцев в Индию, настаивание Португалии на своих правах покровительства над всеми церквями Индии, падение религиозного духа в Европе в XVIII веке и, наконец, разрушение во время Французской революции колледжей и религиозных домов, которые поставляли работников для миссии.

Святой Франциск Ксаверий планировал ввести христианскую веру в Поднебесной, но он умер почти на виду у побережья. Первым миссионером, добившимся каких-либо успехов в этой стране, был другой иезуит, отец Маттео Риччи[4] (1552-1610), прибывший в Китай в 1582 году. Он был человеком больших способностей, хорошо разбиравшимся в математике и естественных науках и обладавшим достаточной квалификацией, чтобы произвести прекрасное впечатление на образованные слои населения. Он был защищен мандаринами и пользовался уважением императора, который пригласил его в императорский дворец в Пекине (1600). Хотя китайцев привлекали скорее его научные достижения, чем религия, отец Риччи никогда не упускал возможности направить мысли своих учеников и почитателей в сторону христианства. После его смерти в 1610 году многие мандарины обратились в христианство, и большинство старых предрассудков против новой религии исчезло. Другие иезуиты, столь же образованные и столь же благоразумные, были готовы занять его место. Его преемник, отец Шалл, был вызван императором в Пекин и назначен президентом математического общества. Благодаря своему влиянию при дворе он добился разрешения для своих коллег открывать христианские церкви в Китае и добился публикации различных христианских книг на китайском языке. Революция, предшествовавшая установлению маньчжурской династии (1644), привела к некоторым преследованиям, но неприятности носили лишь временный характер. После смерти отца Шалла в 1666 году ему наследовал отец Вербист, которому также покровительствовал двор из-за его научных достижений. Наконец, в 1692 году был издан императорский рескрипт, дающий христианским миссионерам полное разрешение проповедовать Евангелие по всей империи. В тот период число обращенных составляло около двадцати тысяч. Были возведены два епископства, одно в Пекине и одно в Нанкине.

Вначале, поскольку иезуиты были практически единственными миссионерами в Китае, Григорий XIII (1585) выделил это место для них в качестве особого миссионерского поля. Но позже Климент VIII. разрешил францисканцам отправиться в Китай, и, наконец, Урбан VIII открыл страну для всех христианских миссионеров. Присутствие новых работников на винограднике принесло не такие хорошие результаты, как можно было ожидать. Ожесточенные споры, вспыхнувшие по поводу китайских обрядов[5], главным образом между доминиканцами и иезуитами, во многом затормозили развитие Католической церкви в Поднебесной империи на длительный период. Чтобы понять смысл этого спора, следует помнить, что китайский народ, глубоко привязанный к памяти своих предков и почитанию Конфуция, привык совершать

определенные обряды и церемонии в определенные периоды в память о своих усопших родственниках и в честь Конфуция. Запретить их означало положить конец всякой надежде на обращение, а терпеть их было равносильно терпимости к язычеству. Отец Риччи решил терпеть их, главным образом на том основании, что они носили скорее гражданский, чем религиозный характер, что сами по себе они были безвредны, что Церковь всегда была очень осмотрительна в отношении национальных и гражданских обычаев своих новообращенных и что с принятием христианства всякая опасность недопонимания вскоре исчезнет. Более того, за неимением лучших имен для Божества отец Риччи разрешил использовать Тянь-чу (Владыка Небес), Тянь и Шангти (верховный император) - слова, которые до сих пор использовались в идолопоклонническом смысле, но которые сами по себе и по объяснению миссионеров-иезуитов были достаточно ортодоксальными. Обе стороны в споре имели благие намерения, и каждая могла привести очень убедительные аргументы в пользу своих собственных взглядов. Доминиканцы поручили одному из своих членов осудить эти обычаи в Риме как идолопоклоннические. Он представил инквизиции семнадцать статей, касающихся китайских обрядов, и после долгого обсуждения Иннокентий X. вынес предварительное осуждение (1645). Отец Мартини отправился в Рим, чтобы защитить китайские обряды и указать на серьезные последствия, которые такое огульное осуждение может иметь для всего будущего христианства в Китае. В 1656 году Александр VII вынес решение, более или менее благоприятное для иезуитов. Это решение помогло скорее продлить, чем разрешить спор. Однако кризис был достигнут, когда Мегро, апостольский викарий Фуьена, один из священников Общества иностранных миссий, осудил китайские обряды как чистое язычество и запретил их соблюдение всем обращенным в пределах его юрисдикции. Дело снова было передано в Рим, и де Турнон был направлен в качестве папского легата для решения этого дела. В 1707 году он издал указ, запрещающий китайские обряды, навлекая тем самым на себя враждебность императора, который бросил его в тюрьму, где он и умер (1710). Все миссионеры, которые подчинялись его приказам, были изгнаны. Решение легата было поддержано несколькими указами из Рима, и, наконец, в 1742 году Бенедиктом XIV. осудил китайские обряды и приказал, чтобы все миссионеры в Китае дали клятву воздерживаться от дальнейшего обсуждения этого вопроса.

Спор велся со значительной серьезностью с обеих сторон из-за важности поставленных на карту вопросов и был значительно обострен политическими и религиозными спорами в Европе, которые не имели отношения ни к Китаю, ни к китайским обрядам. Осуждение имело катастрофические последствия для миссий. Почти все миссионеры были изгнаны из страны, и христианам пришлось выбирать между отступничеством и смертью.

В Японии[6] святой Франциск Ксаверий начал работу по обращению. Он оставил после себя двух своих братьев, к которым вскоре присоединились другие члены Общества Иисуса, в результате чего примерно в 1582 году в стране насчитывалось от ста до двухсот тысяч католиков. Посольство, состоящее из трех местных князей, посетило Рим в 1585 году. Во многих округах местные вожди предоставили миссионерам полную свободу, и за короткое время число христиан возросло до трехсот тысяч. Некоторые представители власти, встревоженные быстрым ростом иностранного влияния в стране, начали шептаться в народе, что христианские миссионеры были всего лишь шпионами, работающими в интересах Испании и Португалии. Жестокие гонения разразились на христиан в 1587 году и продолжались несколько лет. Несмотря на дикость язычников и наказания, объявленные миссионерам, иезуиты выдержали

бурю, и на помощь им прибыли свежие работники в лице доминиканцев, францисканцев и августинцев.

Но национальная зависть к иностранцам, особенно к испанцам и португальцам, разжигаемая голландцами и англичанами, привела к новым неприятностям для христианских общин. В 1614 году был издан королевский указ против христиан, и была предпринята решительная попытка уничтожить работу миссионеров.

Самым ужасным наказанием подвергались те, кто не отрекался от христианской веры, и многие, как священники, так и простые люди, были преданы смерти. С 1614 по 1640 год преследование продолжалось систематически и решительно, так что к тому времени все миссионеры были либо мертвы, либо изгнаны, а все молодые общины, которые они образовали, были рассеяны. В течение многих лет Япония оставалась закрытой для миссионеров, которые предпринимали различные попытки ускользнуть от бдительности властей.

Каким бы ни было объяснение, было ли это связано с суровостью климата или с диким характером жителей, христианские миссии в Африке принесли мало плодов. Святой Винсент де Поль отправил часть своей общины работать в окрестности Туниса и на остров Мадагаскар. Миссионеры из Португалии предпринимали различные попытки основать христианские общины по всему западному побережью Африки. В Конго результаты поначалу были определенно многообещающими. Здесь работу начали доминиканцы, которым в более поздний период помогали капуцины, августинцы и иезуиты. Многие жители были обращены к вере, но шли годы, а количество миссионеров сокращалось, и многое из того, что было достигнуто, было сведено на нет, хотя капуцины все еще продолжали свои усилия. В Анголе лидировали иезуиты, в Верхней и Нижней Гвинее - иезуиты и кармелиты, в Марокко и Египте - францисканцы, в то время как различные религиозные организации взялись за евангелизацию португальских колоний в Восточной Африке.

Безусловно, величайшим триумфом Церкви в этот век миссионерских усилий был тот, который был достигнут обращением коренных народов на территориях, оккупированных Испанией и Португалией на западном континенте. Надежда на расширение границ Церкви была одним из мотивов, побудивших Колумба и его сторонников предпринять свое открытое путешествие, поскольку это также было одним из мотивов, побуждавших правителей Испании расширить сферу своей юрисдикции. Следовательно, с самого начала была проявлена большая забота о том, чтобы обеспечить обращение всех туземцев. Священники отправлялись из Испании со всеми экспедициями. Доминиканцы, францисканцы, кармелиты, августинцы, отцы ордена Богоматери Милосердия, а после основания Общества Иисуса иезуиты соперничали друг с другом в своем стремлении рисковать своими жизнями в этой работе. Правители Испании выделили щедрые средства на поддержку духовенства и поддержание религии. Были возведены церкви, были основаны епископальные и архиепископские кафедры, различные религиозные ордена учредили колледжи и монастыри, и менее чем за столетие Церковь приобрела в новом свете почти столько же, сколько потеряла в старом.

Испанские правители не были склонны уничтожать коренные народы или жестоко обращаться с ними, но они были не в состоянии контролировать жадных чиновников, многие из которых жестоко обращались с индейцами, убивая сотни из них и заставляя остальных работать как рабов. Ненависть индейцев к испанцам затрудняла работу миссионеров, но с самого начала Церковь поддерживала дело индейцев, стремилась обеспечить им защиту от официальных лиц

и ограничить, если не искоренить полностью, практику порабощения туземцев. Бартоломео де Лас Касас [7] (1474-1566), сначала светский священник, затем доминиканец, а затем епископ, принимал видное участие в борьбе от имени местных жителей, и хотя его методы не всегда были самыми благоразумными, он помог подавить некоторые из наиболее вопиющих злоупотреблений. Карл V. с наибольшей симпатией относился к индейцам, установил очень строгие правила для своих подчиненных и предложил епископам стать защитниками индейцев, в то время как Павел III решительно настаивал на свободе туземцев и их правах как мужчин (1537).

Некоторые из открытых Колумбом островов Вест-Индии были густо заселены. Францисканцы и доминиканцы сразу же принялись за обращение коренных жителей Хайти, многие из которых были уничтожены испанцами, несмотря на усилия миссионеров. Куба перешла во владение испанцев в 1511 году, а Мексика [8] или Новая Испания была завоевана Эрнандо Кортесом в 1519 году. Люди, населявшие эту страну, были гораздо более умными и культурными, чем другие коренные народы. У них были цветущие города, красивые храмы и общественные здания, а также довольно хорошо организованная форма правления. Кортес пригласил францисканцев взяться за дело обращения. За ними последовали доминиканцы, орден Богородицы Милосердия и иезуиты. Епископ Зумаррага, первый епископ на территории Мексики, открыл школы для обучения индейцев, а также францисканцев и другие религиозные ордена. Иезуиты основали великий колледж Сан-Ильдефонсо, а в 1553 году для приема студентов был открыт королевский и папский университет Мексики. Буллой / *Universalis Ecclesiae regimini* / правителям Испании были предоставлены полные права покровительства над всеми церквями Новой Испании, а религиозные дела были переданы под контроль Совета Индии.

Из Вест-Индии христианство проникло в Центральную Америку, которая была приобретена Испанией в 1513 году. Доминиканцы, капуцины и иезуиты проповедовали веру в Гвиане. Венесуэла была евангелизирована сначала францисканцами (1508) и доминиканцами (1520). Позже в этой работе приняли участие капуцины, иезуиты и августинцы. К 1600 году две трети местных жителей были обращены в христианство. Перу было завоевано для Испании Франциском Писарро в 1532 году. Жители этой страны были высокоразвитыми, с регулярным правительством и с формой религиозного поклонения, намного превосходящей любую из языческих систем, с которыми соприкасались испанцы. На некоторое время обращение страны в христианство было отложено из-за жестокостей, которым подвергались местные жители, и конфликтов между испанскими лидерами, но за короткое время францисканцы и доминиканцы с большим успехом отправили миссии к местным жителям. В 1546 году в Лиме было создано архиепископство, а через несколько лет был открыт университет. Святая Роза Лимская (1586-1617) была первой святой американского происхождения, официально канонизированной (1671). К началу семнадцатого века большинство туземцев были обращены в христианство.

Бразилия[9] была открыта португальцем Альваресом де Кабралем (1500 г.), который назвал ее Вера-Крус, потому что его корабль бросил там якорь в Страстную пятницу. Францисканцы рано начали заниматься духовными нуждами туземцев, которые нуждались в защитниках от жадности португальских чиновников. По просьбе короля Иоанна III святой Игнатий отправил некоторых из своих последователей в Бразилию (1549). Иезуиты открыли большой колледж для обучения молодых людей. Войны с французами, вторжение голландцев в Бразилию и противодействие официальных лиц, недовольных защитой, оказываемой туземцам

миссионерами, чрезвычайно затруднили работу по обращению в христианство. Но "сокращения", или поселения индейцев, были созданы иезуитами, капуцинами, кармелитами и другими, и епископальные кафедры были созданы по всей стране. Изгнание иезуитов в 1759 году стало серьезным ударом по миссиям в Бразилии.

Парагвай[10] перешел во владение Испании в 1536 году. Отцы-францисканцы, сопровождавшие экспедицию, сразу же обратились к обращению туземцев; но трудность объяснения самих себя, жестокость первых завоевателей по отношению к туземцам и дурной пример первых колонистов сделали их работу гораздо более трудной, чем она могла бы быть.

Доминиканцы, августинцы и Орден Милосердия пришли на помощь первым миссионерам, и были учреждены три епископальные кафедры. Один из епископов, доминиканец, пригласил иезуитов приехать в Парагвай (1586). Они основали колледжи в нескольких ведущих центрах и разослали своих членов во все стороны проповедовать индейцам, на которых за короткое время приобрели весьма благотворное влияние. Но суровость испанских чиновников и дурной пример, который они подавали новообращенным туземцам, сделали необходимым для иезуитов создание "Сокращений" или специальных поселений, где индейцы могли бы жить отдельно от испанцев и где они могли бы быть свободны от угнетения и разлагающего влияния своих испанских хозяев. Филипп III. король Испании одобрил этот план и постановил, что Сокращения должны осуществляться непосредственно короной. В этих поселениях иезуиты обучали местных жителей сельскому хозяйству и ремеслам, но мир в общинах часто нарушался охотниками за рабами, против которых испанские власти отказывались принимать меры. В качестве последнего ресурса иезуиты организовали отряд индейцев и снабдили их оружием для самозащиты. Около миллиона обращенных туземцев были присоединены к тридцати одному Сокращенному населению, образовавшему королевство независимых княжеств, подчинявшихся только Испании. Такому счастливому положению дел не суждено было длиться вечно. По договору, заключенному в 1750 году, Испания в обмен на часть территории, уступленную Португалией, передала Португалии семь Сокращений. Иезуиты умоляли отложить выселение индейцев, поселившихся на этой территории, и когда их апелляция была отклонена, они посоветовали индейцам подчиниться. Некоторые из них последовали этому совету, в то время как другие взялись за оружие только для того, чтобы потерпеть поражение (1756). Помбал и другие враги общества в Португалии возложили вину за восстание на иезуитов. Королевским указом, изданным в 1767 году, иезуиты были изгнаны из Парагвая, и через несколько лет процветающие общины, которые они основали, были полностью распущены.[11]

Христианство проникло на территорию, ныне известную как Соединенные Штаты, из трех различных источников, а именно из испанских колоний на юге, французских поселений на севере и изанглийской католической колонии Мэриленд на востоке. Сферой влияния испанских миссионеров были Флорида, Калифорния, Нью-Мексико и Техас. В 1526 году экспедиция под командованием де Нарваэса в сопровождении нескольких отцов-францисканцев была отправлена исследовать Флориду, но экспедиция закончилась полным провалом. Было предпринято еще несколько попыток подобного рода, но без лучших результатов, пока, наконец, встревоженный угрозой французской оккупации, Менендес не основал постоянное поселение в форте Сент. Августин и подготовил почву для испанской оккупации (1565). Менендес, ревностно относившийся к обращению местных жителей, пригласил иезуитов приехать во Флориду, как это сделали и францисканцы. Сначала работа по обращению сопровождалась большими трудностями и продвигалась очень медленно, но к 1700

году было основано много христианских деревень. Нападения англичан на Флориду нанесли ущерб миссиям, а передача Флориды Англии (1763) завершила разрушительную работу.[12]

Нижняя Калифорния была открыта Кортесом в 1533 году, а Верхняя Калифорния - Кабрильо одиннадцатью годами позже. Вначале миссионеры столкнулись с большим сопротивлением, но после 1697 года отцы-иезуиты добились большого успеха. Они превратили туземцев в постоянные поселения или редуцирования, и работа евангелизации продвигалась так быстро, что в 1767 году, в год изгнания иезуитов Испанией, почти все индейцы были обращены. Отцы-францисканцы сменили иезуитов, продолжив свои сокращения в Нижней Калифорнии и внедрив миссии аналогичного рода среди индейцев Верхней Калифорнии. Доминиканцы также оказали ценную помощь. В 1822 году Калифорния была передана Соединенным Штатам, и миссии были распущены из-за враждебности гражданских властей.[13]

Францисканцы были первыми, кто предпринял миссии в Нью-Мексико (1539). Несколько миссионеров приняли мученическую смерть в своих попытках обратить туземцев, но сколько-либо значительного прогресса удалось добиться только после 1597 года. В Техасе самая ранняя реальная попытка внедрить христианство среди местных жителей была предпринята в последней четверти семнадцатого века. Работе францисканцев помешали восстания среди индейцев и война, но, несмотря на эти препятствия, было основано несколько процветающих индейских поселений. В 1813 году испанские кортесы издали указ о том, что миссии в Техасе должны быть секуляризованы.[14]

Хотя до него были другие, все же честь открытия Канады [15] в целом принадлежит Жаку Картье, который совершил три путешествия в эту страну (1534-42). В начале семнадцатого века прибыли два иезуита Биард и Массе и начали обращение индейских племен, поселившихся в Акадии, которая охватывала Новую Шотландию и Нью-Брансуик. В 1608 году прибыл Сэмюэль де Шамплен, "Отец Новой Франции", и заложил основание Квебека. Он пригласил францисканских воспоминателей проповедовать индейским племенам, а именно алгонкинам и гуронам (1615). Францисканцы с готовностью взялись за дело, проповедуя людям и открывая школы для молодежи, но, обнаружив, что их слишком мало для выполнения этой грандиозной задачи, они пригласили иезуитов прийти им на помощь (1625). Несколько иезуитов, включая отцов Бребефа и Лальмана, поспешили в Канаду и отправились с миссиями к гуронам. Вторжение и захват Квебека англичанами в 1629 году на некоторое время прервали работу, но после возвращения территории Франции в 1632 году иезуиты продолжили свои труды с новой энергией. Свиное племя ирокезов было самыми сильными противниками христианских миссионеров, многих из которых они предали смерти. Отец Жог был казнен в 1646 году, а чуть позже отцов Даниэля, Бребефа и Лаллемана вместе с несколькими их товарищами постигла та же участь.

Но, несмотря на эти неудачи, работа по обращению в христианство коренных народов Канады продвигалась быстрыми темпами. В 1642 году был основан город Монреаль, а в 1657 году настоятель Сульпициев отправил нескольких членов своей общины работать в новую колонию. Два года спустя Франсуа де Монморанси-Лаваль прибыл в качестве первого епископа и апостольского викария Новой Франции. На Западе и востоке миссионеры продолжали завоевывать новые территории для Церкви. Англичане, однако, доставили большие неприятности миссионерам, подстрекнув индейские племена к войне с христианскими поселениями. Французская колония, практически покинутая метрополией, также не смогла

выстоять против английских колонистов. В 1713 году Франция уступила Англии Акадию, Ньюфаундленд и территорию Гудзонова залива. В Акадии католические миссии были очень успешными, но в 1755 году несчастные католики, отказавшиеся принести предложенную им присягу, были схвачены и депортированы. В 1759 году был взят Квебек, и по Парижскому мирному договору (1763) Канада перешла под власть англичан.

Многие французские миссионеры из Канады работали в округе, простиравшемся от реки Святого Лаврентия до озера Верхнее, а миссии были основаны иезуитами в штатах Мичиган, Висконсин и Иллинойс. В 1673 году отец Маркетт (1636-1675) предпринял путешествие на юг, чтобы посетить великую реку, о которой он слышал от индейцев, и открыть новые сферы деятельности для себя и своих товарищей. Ему удалось достичь Миссисипи, и он поплыл вниз по реке до устья Арканзаса. В результате информации, полученной от тех, кто вернулся из этого исследовательского путешествия, французы отправили экспедиции для овладения новыми территориями и возведения укреплений против дальнейшего продвижения английских колонистов на запад. Город Новый Орлеан был основан в 1717 году. Миссионеры — капуцины, иезуиты и священники Общества иностранных миссий — с большим успехом проповедовали Евангелие местным жителям Луизианы, Миссисипи, Айовы, Арканзаса и Огайо.

Иезуиты под руководством отца Уайта, поселившиеся в колонии, основанной в Мэриленде (1534), посвятили себя обращению индейцев, но изгнание лорда Балтимора в 1644 году и победа пуритан привели к почти полному уничтожению этих индейских миссий. -----

[1] Launay, /Histoire generale de la Societe des Missions-Etrangeres/, 1894.

[2] Кольридж, /Жизнь и письма святого Франциска Ксаверия/, 1902.

[3] Bertrand, /La Mission du Madure/, 1847.

[4] Brucker, /Le Pere Mattieu Ricci/ (/Etudes/, 1910).

[5] Daniel, /Histoire apologetique de la conduite des Jesuites de la Chine/, 1724. Молитесь, /Historia Controvers. de ritibus Sinicis/, 1724.

[6] Pages, /Histoire de la religion chretienne au Japan, 1598-1651/, 1869.

[7] Датто, / Жизнь Бартоломе де лас Касаса и первые страницы Американская церковная история /, 1902.

[8] De Berbourg, /Histoire des nations civilisees du Mexique et de l'Amerique centrale/, 1851.

[9] Beauchamp, /Histoire du Bresil/, 3 vols., 1815.

[10] Demersay, /Histoire ... du Paraquay et des Etablissements des Jesuites/, 1860-4.

[11] De Moussy, /Memoire historique sur la decadence et la ruine des Missions de Jesuites/ 1865. Уэлд, /Подавление Общества

Иисуса в португальских владениях /, 1877.

[12] Ши, / Католические миссии среди индейских племен/, 1857. Хьюз, / История Общества Иисуса в Северной Америке /, том i. (Текст), 1907.

[13] Энгельгардт, /Миссии и миссионеры Калифорнии/, 1908.

[14] Ши, указ. соч., стр. 76-88.

[15] /Отношения с иезуитами/, 1896-1901. Leclerc, /Etablissement de la foi dans la nouvelle France/, 1680. Кэмпбелл, /Священники-первопроходцы Северной Америки/, 1908.

ГЛАВА VI

БОГОСЛОВСКИЕ СПОРЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

а) байанизм.

Schwane, /Dogmengeschichte der neuen zeit/, 1890. Turmel, /Histoire de la theologie positive du concile de Trente au concile du Vatican/, 1906. Дензингер-Баннуарт, / Enchiridion Symbolorum/, 11-е издание, 1911. Duchesne, /Histoire du Baianisme/, 1731. Linsenmann, /Michael Baius/, 1863.

Католическое учение о благодати, вокруг которого в пятом и шестом веках велись такие ожесточенные споры, вновь приобрело особую значимость во времена Реформации. Взгляды Лютера и Кальвина на Благодать и Оправдание были в некотором смысле самой основой их систем, и поэтому было жизненно важно, чтобы эти вопросы были подвергнуты тщательному исследованию и чтобы доктрина Католической церкви была сформулирована таким образом, чтобы исключить придирки и непонимание. Эта работа была проделана с замечательной ясностью и прямоотой на пятой и шестой сессиях Тридентского собора, но, тем не менее, эти постановления Собора не помешали энергичному распространению теорий Лютера и Кальвина и оказанию определенного влияния даже на некоторых католических богословов, которые не сочувствовали религиозному восстанию.

К их числу можно отнести Майкла Байуса (Де Бей, 1513-1589), профессора Лувенского университета, и Джона Хессельса, одного из его сторонников в богословских спорах того времени. Они считали, что католическим апологетам серьезно мешало их рабское уважение к авторитету и методам схоластов, и что если вместо того, чтобы апеллировать к трудам святого Фомы как высшему критерию истины, они должны были больше настаивать на авторитете Библии и трудов Первых Отцов Церкви, таких как святой Киприан, святой Иероним и св. Августин, они оказались бы на гораздо более безопасной почве, и их аргументы с большей вероятностью вызвали бы уважение их оппонентов. Поэтому в Лувене в своих собственных лекциях, в своих брошюрах и в частных беседах они решительно настаивали на том, что схоластика должна уступить место позитивному богословию и что Священное Писание и святоотеческая литература должны занять место "Суммы". Не довольствуясь, однако, простой сменой метода, они начали демонстрировать свое презрение к традиционным мнениям, и вскоре как внутри университета, так и за его пределами поползли тревожные слухи о том, что их учение о первородном грехе, благодати и Свободе воли не согласуется с доктриной Церкви.

Францисканцы представили на суд Сорбонны ряд положений (18), отобранных из трудов или лекций Байуса и его друзей, и мнение Сорбонны было явно неблагоприятным. Поскольку спор становился все более жарким и грозил иметь серьезные последствия для университета и страны, кардинал Гранвелле, полагая, что отсутствие двух профессоров может привести к миру, побудил обоих обратиться к Тридентскому собору в качестве богословов короля Испании (1563). Хотя мнения Бая не нашли сочувствия у Тридентских отцов, все же, поскольку темы Первородного греха и Благодати уже обсуждались и были определены, ничего не было сделано. По возвращении (1564) с Тридентского собора Байус опубликовал несколько брошюр в объяснение и защиту своих взглядов, все они подверглись нападкам его противников, так что за короткое время университет раскололся на два противоборствующих лагеря.

Чтобы положить конец беспорядкам, ректор решил обратиться за вмешательством в Рим. В октябре 1567 года Пий V. издал Буллу / *Ex omnibus afflictionibus*/, в которой он осудил семьдесят девять положений, выбранных из трудов или лекций Бая, без упоминания имени автора.[1] Друзья Байуса подняли много трудностей, связанных с приемом и толкованием папского документа, и хотя сам Байус заявлял о своем полном подчинении решению, тон его письма папе был близок к оскорбительному. Папа римский ответил, что дело было полностью рассмотрено и постановил, что принятие решения является обязательным. Байус еще раз объявил о своем намерении подчиниться (1569), и его коллеги были настолько уверены в его ортодоксальности, что он был назначен деканом теологического факультета, а позже ректором университета. Но его действия не соответствовали его профессии. Выдвигались различные аргументы, чтобы ослабить силу папского осуждения, пока, наконец, Григорий XIII. был вынужден издать новую Буллу / *Provisionis nostrae*/ (1579) и послать ученого иезуита Франсиско Толедо потребовать, чтобы Байус отрекся от своих ошибок и чтобы учение Пия V. было принято в Лувене. Папское письмо было зачитано на официальном заседании университета, после чего Байус подписал форму отречения, в которой он признал, что осуждение этих предложений было справедливым и разумным, и что он никогда больше не будет отстаивать подобные взгляды. Это подчинение сняло напряженность ситуации, но прошло много времени, прежде чем исчезло пагубное влияние байанизма и в Лувене окончательно восстановился мир.

Система, предложенная Байусом, имела много общего с учением Пелагия, Лютера и Кальвина. Его неспособность осознать четкое различие между естественным и сверхъестественным было источником большинства его ошибок. Согласно ему, состояние невинности, в котором были созданы наши прародители, их предназначение - наслаждаться Блаженным Видением, и все дары, дарованные им для достижения этой цели, были даны им самим, так что если бы они проявили упорство при жизни, то заслужили бы вечное счастье в награду за свои добрые дела. Однако, когда человек согрешал непослушанием, он не просто терял дарственные или сверхъестественные способности, но вся его природа была ослаблена и испорчена Первородным грехом, который в системе Байуса должен был отождествляться с похотью и который передавался от отца к сыну в соответствии с обычными законами наследственности. Это вожделение, утверждал он, само по себе было греховным, как и любая работа, проистекающая из него. Это было верно даже в случае с детьми, потому что для того, чтобы поступок был достойным или порочащим, не требовалось Свободной воли. До тех пор, пока действие совершалось добровольно, хотя и по необходимости, оно должно было считаться достойным награды или наказания, поскольку свобода от внешнего принуждения требовалась только для моральной ответственности.

Из жалкого состояния, в которое впал человек, он был спасен Искуплением Христа, благодаря которому многое из утраченного было восстановлено. Эти благодати, дарованные человеку Христом, можно назвать сверхъестественными не потому, что они не были присущи человеческой природе, а потому, что человеческая природа стала положительно недостойна их из-за Первородного греха. Справедливость, однако, посредством которой человек оправдывается, заключалась не в каком-либо сверхъестественном качестве, привнесённом в душу, благодаря которому индивид становился причастником божественной природы, а подразумевала лишь условие, при котором строго соблюдался моральный закон. Следовательно, оправдание, согласно Байусу, может быть отделено от прощения вины, так что, хотя вина грешника, возможно, и не была отпущена, все же он может быть оправдан. В грехе следует различать две вещи: деяние и ответственность за наказание. Это деяние никогда не могло быть изглажено, но временное наказание было смягчено фактическим принятием таинств, которые были введены Христом исключительно для этой цели. Он считал, что Месса обладает какой-либо эффективностью только потому, что это хороший моральный поступок и помогает приблизить нас к Богу.

[1] Denzinger, op. cit., nos. 1001-1080.

b) Полемика молонистов.

См. библиографию VI. (a). Molina, /*Liberi arbitrii cum gratiae donis ... concordia*/, 1588. Augustin Le Blanc, /*Historia congregationis de auxiliis*/, etc., 1699, 1709. Elutherius, /*Historia controversiarum de auxiliis*/, etc., 1705-15. Schneeman, /*Entstehung und Entwicklung der thomistisch-molinistischen Kontroverse*/, 1880. Gayraud, /*Thomisme et Molinisme*/, 1890. Даммермут, /*C. Thomas et doctrina praemotionis physicae*/, 1886. Фринс (С.Дж.), /*C. Thomas Aquin, doctrina de cooperatione Dei*/, etc., 1892. Dummermuth, /*Defensio doctrinae S. Thomae*/, etc., /*Responsio ad P. Frins*/, 1895.

Учение святого Фомы о благодати было учением, которому в целом следовали не только доминиканцы, но и большинство теологов, принадлежащих к светскому духовенству и другим религиозным орденам. Однако, когда системы Кальвина и Лютера начали укореняться, некоторые из тех, кто близко соприкоснулся с новыми доктринами, пришли к выводу, что аргументы их противников можно было бы более эффективно опровергнуть, введя некоторые модификации теорий святого Фомы о действии Благодати и Свободной воли. Иезуиты особенно придерживались этого мнения, и в 1584 году генерал Аквавива позволил своим подданным в некоторой степени отойти от учения "Суммы". Этот шаг был воспринят с неодобрением во многих влиятельных кругах и побудил ученых относиться к иезуитскому богословию гораздо более критически, чем это могло бы быть в противном случае. В их колледже в Лувене были два богослова-иезуита Лессиус (1584-1623) и Хамель, которые в своих лекциях и тезисах выдвигали определенные теории о сотрудничестве человека с Благодатью и о Предопределении, которые, по мнению многих, были опасно сродни доктрине полупелагианцев (1587). Тот факт, что иезуиты были последовательными противниками байанизма, побудил Байуса и его друзей направить всю тяжесть своего влияния против Лессиуса. В Нидерландах снова вспыхнула острая полемика. Университеты Лувена и Дуэ осудили тридцать четыре положения Лессия как полупелагианские, в то время как университеты Ингольштадта и Майнца заявили о своей ортодоксальности. После того как дело было передано в Рим, Сикст V. обязал обе стороны хранить молчание, не произнося никакого официального осуждения или одобрения выдвинутых предложений (1588).

Разногласия в испанских Нидерландах были лишь прелюдией к гораздо более серьезному конфликту в самой Испании. В 1588 году известный иезуит Луис де Молина (1535-1600) опубликовал в Лиссабоне свой знаменитый труд "Concordia liberi arbitrii cum gratiae donis etc." с одобрения доминиканца Бартоломею Феррейры и разрешения инквизиции. Едва работа сошла с печатного станка, как ее горячо атаковал Доминго Банес (1528-1604), друг и духовный наставник Святой Терезы и один из самых способных доминиканцев своего времени. Он уже был вовлечен в полемику с иезуитом Монтемайором по тому же вопросу о Благодати, но публикация книги Молины подлила масла в огонь, и за короткое время спор принял такие серьезные масштабы, что епископы, богословы, университеты, студенты и даже высшие должностные лица государства были вынуждены принять чью-либо сторону. Доминиканцы поддержали Банеса, в то время как иезуиты, за редким исключением, встали на сторону Молины. Книга последнего была передана инквизиции, но в ответ на это Банеса также обвинили в очень серьезных ошибках. Если Молину обвиняли в том, что он полупелагианин, то Банеса обвинили в том, что он слишком близко подошел к кальвинизму. В надежде восстановить мир в Церкви в Испании Климент VIII. оставил решение дела на усмотрение своего собственного трибунала (1596).

Чтобы понять смысл спора, следует иметь в виду, что во всех теориях, касающихся действия Благодати, все католические богословы должны придерживаться трех моментов, а именно: зависимости человека от Бога как первопричины всех его действий, естественных, а также сверхъестественных, свободы человека и всеведения Бога или предвидения поведения человека. Следуя по стопам святого Фомы, доминиканцы утверждали, что когда Бог желает, чтобы человек совершил доброе деяние, Он не только оказывает помощь, но и фактически направляет или предопределяет волю так, что она должна действовать безошибочно. Таким образом, весь акт исходит от Бога как Первопричины, и в то же время это свободный акт творения, потому что человеческая воля, хотя и движима и предопределена Богом, действует в соответствии со своей собственной природой, то есть она действует свободно. В Своих вечных указах, которыми Бог предопределил дать это предчувствие или предопределенность, Он безошибочно видит действия и поведение людей, и, действуя на основании этого знания, Он предопределяет праведных к славе / *ante praevisa merita* /. Следовательно, согласно этой системе, действенность Благодати исходит от самой Благодати и не зависит от сотрудничества человеческой воли.

Против этого Молина утверждал, что человеческие способности были возвышены тем, что можно было бы назвать упреждающей Благодатью, чтобы сделать их способными совершить сверхъестественный акт, сам акт совершается волей, действующей в согласии с импульсом, данным Богом. Таким образом, человек свободен и в то же время зависит от Бога в совершении каждого доброго поступка. Он свободен, потому что человеческая воля может сотрудничать, а может и не сотрудничать с божественной помощью, и он зависит от Бога, потому что только будучи возвышенным превентивной Благодатью, даром данной Богом, человеческая воля способна сотрудничать в совершении сверхъестественного акта. Отсюда также следует, что действенность Благодати проистекает не из самой Благодати, а из свободного сотрудничества воли, и что Благодать сама по себе, действительно достаточная, может оказаться неэффективной из-за неспособности воли сотрудничать с ней. Всеведение Бога защищено, потому что, согласно Молине, Бог безошибочно видит поведение человека с помощью средств массовой информации / *scientia media*/ или знания будущих условных событий (названных так потому, что они находятся на полпути между знанием возможного и знанием действительного).

То есть Он безошибочно видит, что человек сделал бы свободно во всех возможных обстоятельствах, если бы ему была дарована та или иная конкретная Благодать, и, действуя на основании этого знания, Он предопределяет праведного к славе / *post praevisa merita* /. Главная трудность, выдвинутая против Молины, заключалась в том, что, слишком много признавая свободу человека, он всего лишь возобновлял в другой форме ошибки Пелагиуса; в то время как основное возражение, выдвинутое против доминиканцев, состояло в том, что, слишком много признавая Благодать, они уничтожали свободу человека и слишком близко подходили к учению Кальвина о Предопределении. Излишне говорить, что, как бы сильно они ни расходились по пунктам, и последователи святого Фомы, и друзья Молины были едины в отрицании доктрин Кальвина и Пелагия.

Для рассмотрения спорных вопросов была назначена специальная комиссия (/ *Congregatio de Auxiliis*/) под председательством кардиналов Мадруччи и Арригоне. Первое заседание состоялось в январе 1598 года, а в феврале того же года большинство членов высказались за осуждение книги Молины. Климент VIII. просил комиссию более полно рассмотреть доказательства, но за сравнительно короткое время большинство представило второй отчет, неблагоприятный для Молины. Представители доминиканцев и иезуитов были приглашены присутствовать в надежде, что путем дружеского обсуждения может быть достигнуто соглашение, удовлетворяющее обе стороны. В 1601 году большинство высказалось за осуждение двадцати положений, взятых из работы Молины, но папа отказался подтвердить это решение. С 1602 по 1605 год заседания проводились в присутствии папы Римского и многих кардиналов. Среди консультантов был Питер Ломбард, архиепископ Армы. Смерть Климента VIII. в марте 1605 года был объявлен перерыв. В сентябре 1605 года заседания были возобновлены и продолжались до марта 1606 года, когда были подведены итоги голосования консультантов. В июле 1607 года они были представлены кардиналам для изложения их мнения, но чуть позже было объявлено, что решение Святого Престола будет обнародовано в надлежащее время, а пока обе стороны вольны излагать свое мнение. Однако ни одна из сторон не стала обвинять другую в ереси. С тех пор не было принято никакого определенного решения, и в том, что касается догматов веры, теологи имеют полную свободу принимать томизм или молинизм.

в) янсенизм.

Rapin, /*Histoire du Jansenisme depuis son origine jusqu' en 1644*/, 1861. Paquier, /*Le Jansenisme, etude doctrinale d'apres les sources*/, 1909. Dechamps, /*De haeresi jansemiana ab Apostolica Sede proscripta*/, 1654. Du Mas, /*Histoire des cinque propositions de Jansenius*/, 1699. Сент-Бев, / *Порт-Рояль*/, 3-е издание, 1867-71. Seche, /*Les derniers Jansenistes*/, 1891. Ван ден Пирибум / *Cornelius Jansensus septieme eveque d'Epres*/, 1882. Schill, /*Die Constitution, Unigenitus*/, 1876. Fuzet, /*Les Jansenistes du XVIIe siecle*/, 1876.

Влияние, оказываемое Байусом, и идеи, которые он внедрял в умы своих студентов, оказали очень тревожное воздействие на Лувенский университет. Среди тех, кто попал под влияние байанизма в этот период, самым известным, если не самым способным, был Корнелиус Янсен (1585-1638). Он учился в Утрехте, Париже и Лувене. Находясь в этом последнем месте, он принял решение присоединиться к Обществу Иисуса, но по той или иной причине ему было отказано в приеме, что в некоторой степени объясняет сохраняющуюся антипатию, которую он проявлял в течение своей жизни к иезуитам. В Лувене он также был очень тесно связан с

блестящим молодым французским студентом Джоном дю Верже де Оранном (1581-1643), более известным как аббат Сен-Сирана, которого он сопровождал в Париж, а затем в Байонну, где оба прожили почти двенадцать лет. За эти годы тесной дружбы у них было много возможностей обсудить состояние и перспективы католической церкви, распространенность среди богословов того, что они считали пелагианскими взглядами, пренебрежение изучением Отцов Церкви, прежде всего св. Августина, небрежность исповедников в даровании отпущения грехов и разрешении своим кающимся принимать Святое Причастие, а также абсолютная необходимость возвращения к строгой дисциплине ранней Церкви. В 1617 году двое друзей расстались: Янсен вернулся в Лувен, где его назначили на кафедру толкования Священного Писания, а дю Верже - в Париж, где он поселился, хотя в то же время занимал почетное аббатство Сен-Сирано. Как профессор Священного Писания Янсен проявил себя одновременно трудолюбивым и ортодоксальным, так что в 1636 году по предложению испанского короля Филиппа IV он был назначен епископом Ипра. С этого времени и до 1639 года, когда он скончался, он управлял делами своей епархии с похвальным благоразумием и рвением.

Большую часть своей жизни он посвящал все свободные минуты изучению трудов св. Августина, особенно направленные против пелагианцев, и он подготовил трактат о благодати, в котором, как он утверждал, в точности воспроизвел учение святого Августина. Эта работа была закончена, но не опубликована, когда он серьезно заболел, и рукопись была передана им нескольким друзьям для публикации. Однако перед смертью он заявил в присутствии свидетелей, что "если Святой Престол желает каких-либо изменений, я послушный сын и подчиняюсь той Церкви, в которой я прожил до своего смертного часа".[1] Несмотря на различные усилия, которые были предприняты для предотвращения публикации, книга Янсена "Августинос" была дарована миру в 1640 году.

Подобно Байусу Янсену, он отказывался признавать, что в состоянии невинности, в котором находился человек до Грехопадения, он был наделен многочисленными дарами и милостями, которые были чистыми дарами Бога, никоим образом не связанными с человеческой природой. Следовательно, он утверждал, что из-за греха наших Прародителей человеческая природа была существенно испорчена, и человек беспомощно попал под контроль похоти, так что, делая то, что он хотел, он неизбежно должен был грешить. Следовательно, в человеке существовала непреодолимая склонность, толкающая его ко злу, для противодействия которой была дана Благодать как сила, толкающая его к добру, в результате чего он неизбежно был привлечен к добру или злу в зависимости от относительной силы этих двух конфликтующих влечений. Из этого следовало, что никогда не давалась просто достаточная благодать. Если Благодать была сильнее склонности ко злу, она была действенной; если она была слабее, этого было недостаточно. И все же, независимо от того, действовал ли он под влиянием импульса Благодати или вожделения, человек действовал свободно, потому что, согласно Янсену, отсутствие всякого внешнего давления - это все, что требовалось для того, чтобы сделать поступок свободным и достойным похвалы или порицания.

Книга /Августин/ произвела глубокую сенсацию среди теологов. Это было воспринято как чудо учености и способностей теми, кто все еще был тайно привязан к школе Байуса, а также врагами иезуитов. Новое издание появилось в Париже только для того, чтобы быть осужденным Святой канцелярией (1641) и Урбаном VIII. в Булле "In Eminenti" (1642). Против принятия папского решения в Лувене и Нидерландах были выдвинуты различные препятствия, и только

после длительной задержки и угроз применения крайних мер архиепископ Мехлинский и те, кто последовал за ним, были вынуждены подчиниться (1653).

Однако настоящая борьба за /Августина/ должна была вестись в Париже и во Франции. Там аббат Сен-Сирана усердно трудился, подготавливая почву для доктрины Янсена, нападая на современную распущенность Церкви и отстаивая необходимость полного возврата к строгой дисциплине первых веков. Он познакомился с семьей знаменитого юриста Антуана Арно, шестеро членов семьи которого поступили в монастырь Порт-Рояль, где одна из них, Анжелика,[2] была тогда настоятельницей, в то время как его младшему сыну Антуану, ученику Сен-Сирана, было суждено стать лидером французских янсенистов. Святой Сиран настаивал на таких строгих условиях для достойного принятия Евхаристии, что люди боялись принимать Святое Причастие, чтобы их не обвинили в святотатстве, и по той же причине многие священники воздерживались от совершения мессы. Он нападал на иезуитов за их расплывчатость доктрины и практики в отношении таинства покаяния. Сам он настаивал на абсолютной необходимости совершенного раскаяния и полной сатисфакции как необходимого условия для отпущения грехов. Эти взгляды были приняты монахинями Порт-Рояля и многими священнослужителями Парижа. Из-за некоторых сочинений, которые могли привести к религиозным беспорядкам, сен-Сиран был арестован по приказу кардинала Ришелье (1638) и умер в 1643 году. Его место занял его блестящий ученик Антуан Арно, который был рукоположен в священники в 1641 году и который, как и его учитель, был решительным противником иезуитов. В 1643 году он опубликовал книгу под названием "О частом причастии", в которой выдвинул такие строгие теории об условиях, необходимых для достойного принятия Евхаристии, что многие люди были напуганы и воздерживались даже от совершения своего Пасхального Причастия. Несмотря на усилия Сент-Винсента де Поля и других, книга была прочитана свободно и привела к повсеместным и тревожным результатам.

Осуждение, произнесенное Урбаном VIII (1642) против /Августина/, хотя и было принято королем, архиепископом Парижа и Сорбонной, нашло много убежденных противников. Утверждалось, что осуждение было делом рук иезуитов, а не папы римского, что оно было основано на необоснованном предположении, что система Янсена идентична системе Байуса, и что, поскольку ни одно отдельное положение в "Августине" не было осуждено, люди были совершенно свободны обсуждать содержащиеся в нем взгляды. Чтобы положить конец всякой возможности недопонимания, Корне, синдик Парижского университета, отобрал из /Августина/ пять положений, которые, по его мнению, содержали всю суть системы Янсена, и представил их в Сорбонну для экспертизы (1649). Из-за вмешательства парижского парламента в пользу янсенистов предложения были переданы на рассмотрение Соборного духовенства (1650 г.), но подавляющее большинство епископов сочло, что по этому вопросу следует добиваться решения в Риме. Соответственно, восемьдесят пять епископов обратились с петицией к Иннокентию X. (1651) с просьбой вынести окончательный приговор относительно ортодоксальности или неортодоксальности пяти положений, в то время как меньшинство их членов возражало против такой апелляции как посягательства на свободы Галликанской церкви. Комиссия, некоторые из членов которой были признанными сторонниками янсенистов, была назначена папой для изучения этого вопроса, и после длительных дискуссий, длившихся более двух лет, Иннокентий X. издал Буллу /Cum occasione/ (1653), которой были осуждены пять положений. Булла была так благосклонно принята королем, епископами и Сорбонной, что можно было надеяться, что конец полемике близок.

Янсенисты, однако, вскоре обнаружили новый метод уклонения от осуждения и признания папских писем недействительными. Они признали, что пять положений были справедливо осуждены, но они отрицали, что эти положения можно было найти у / Августина /, или, если они были у / Августина /, они утверждали, что они были там в смысле, совершенно отличном от того, который был осужден папой. Чтобы оправдать эту позицию, они ввели знаменитое различие между законом и фактом; иными словами, признавая власть Церкви выносить определенные и обязательные решения по вопросам доктрины, они отрицали, что она непогрешима в отношении вопросов факта, например, содержится ли определенное утверждение в определенной книге или какой смысл намеревался передать автор. В подобных фактических вопросах Церковь могла ошибаться, и самое большее, что можно было потребовать от верующих в случае принятия таких решений, - это уважительное молчание. В то же время с помощью проповедей, брошюр и писем, советов, данных священникам, и под влиянием нескольких религиозных домов, в частности Порт-Ройяла, секта быстро завоевывала позиции в Париже, и настроения против иезуитов начали накаляться. Антипатия к иезуитам усилилась и стала гораздо более общей после появления "Провинциальных писем" (1656-57), написанных Паскалем (1623-62). Писатель был чрезвычайно способным полемистом и во многих отношениях глубоко религиозным человеком. С точки зрения литературы "Провинциальные письма" были в некотором смысле шедевром, но они были крайне несправедливы к тем, на кого нападали.[3]

Сорбонна оказывала сильную оппозицию янсенистам, как и епископы (1656). В том же году Александр VII издал Буллу / *Ad Sanctam Petri Sedem*/, в которой он осудил различие, проводимое между законом и фактом, и объявил, что пять положений можно найти у / Августина/ и они осуждаются в том смысле, в каком их понимали янсенисты. Собрание Духовенства, принявшее эту Буллу, составило формуляр веры, основанный на содержащемся в ней учении. Большая часть янсенистов либо полностью отказывалась подписываться на этот справочник, либо подписывалась только с определенными оговорками и ограничениями. Монахини в Порт-Ройяле были наиболее упорны в своем отказе. Поскольку они настаивали на своем, несмотря на молитвы и мольбы архиепископа Парижского, он был вынужден неохотно исключить их из причастия. Одно из главных возражений, выдвинутых против принятия формуляра, заключалось в том, что Собрание духовенства не имело полномочий предписывать какое-либо подобное исповедание веры Александром VII. по просьбе многих епископов была издана новая конституция / *Regiminis Apostolici*/ (1664), в которой он настаивал на том, чтобы все светские священники и все члены религиозных общин подписывались под антиянсенистским формуляром, который он направил.

Большинство янсенистов отказались подчиняться даже приказам папы римского. Их укрепил в своем отказе тот факт, что четверо французских епископов подали им плохой пример, публично одоблив в своих пасторалях янсенистское различие между законом и фактом. Государственный совет быстро пресек эти пасторали (1665) и по просьбе Людовика XIV. Александр VII. назначил комиссию для суда над непокорными епископами. Тем временем, прежде чем комиссия смогла приступить к судебному разбирательству, Александр VII. умер, и ему наследовал Климент IX. (1667). Несколько французских епископов обратились с совместным письмом к новому папе, в котором, довольно недобросовестно используя выдержки из трудов теологов, они пытались оправдать позицию своих братьев-епископов, и в то же время они намекнули королю, что спор принимает такой оборот, который, вероятно, будет чреват большой опасностью для свобод Галликанской церкви. Людовик XIV, который до сих пор был самым решительным в своих

усилиях против янсенистов, начал понемногу успокаиваться, и вся ситуация во Франции быстро становилась решительно критической. Некоторые французские епископы предложили свои услуги в качестве посредников. Благодаря их вмешательству было решено, что епископы, прямо не отказываясь от своих пастырских речей, должны согласиться подписать формуляр, составленный папой, и побудить духовенство сделать то же самое. Епископы подписали формуляр и провели синоды, на которых они заручились подписями своего духовенства, но в то же время в своих беседах и выступлениях они совершенно ясно дали понять, что сделали это только с янсенистскими ограничениями и оговорками. Объявление об их подчинении в чистом виде было направлено Папе Римскому без каких-либо ссылок на какие-либо условия или оговорки, и папа сообщил королю, что он собирается направить письма о примирении четырем епископам. Однако еще до того, как письма были отправлены, до Рима дошли слухи о том, что не все в порядке, и было назначено новое расследование. Наконец, ввиду крайне критического положения дел было решено, что папа может безопасно использовать документы, полученные от нунция и посредников, без ссылки на информацию, полученную из других источников. В январе 1669 года были изданы письма о примирении. Янсенисты приветствовали / Клементинийский мир / как большой триумф своей партии и публично хвастались, что Климент IX. отступил от позиции, занятой его предшественником, приняв янсенистское различие между законом и фактом. То, что их хвастовство было беспочвенным, достаточно ясно из простого беглого изучения папских писем. Папа совершенно очевидно дает понять, что письма были изданы исходя из предположения, что епископы подписались без каких-либо оговорок или ограничений. Он прямо заявляет, что был твердо полон решимости поддерживать конституции своих предшественников и что он никогда не допустит никаких ограничений или оговорок. -----

[1] Calleawert, /Cornelius Jansenius d'Ypres, ses derniers moments, sa soumission/, 1893.

[2] Montlaur, /Angelique Arnauld/, 1902.

[3] Giraud, /Pascal, l'homme, l'oeuvre, l'influence/, 1905.

d) Непорочное зачатие.

Пассалья, /"О безупречности". Концепция. Б.В.М. /, 3 тома., 1855.

Strozzi, /Controversia dell' Immacolata Concezione/, 1700.

Roskovany, /De Beata Virgine in suo conceptu immaculata/, 1873-92.

Ле Бачелет, /L'Immac. Конц. /, 1903. Епископ, / Истоки праздника Зачатия Б.В.М. /, 1904. Уллаторн, / Непорочное зачатие Божьей Матери/, 1904.

Со времен дона Скотта учение о Непорочном зачатии было широко воспринято университетами и теологами. Доминиканцы, чувствуя себя призванными поддержать взгляды святого Фомы, который выступал против Непорочного Зачатия в том виде, в каком оно понималось в его время, выступили против общепринятого учения. Этот вопрос был вынесен на рассмотрение раскольнического собрания в Базеле (1439), где было определено, что Непорочное Зачатие Пресвятой Девы находится в гармонии с разумом и Священным Писанием и должно быть одобрено и принято всеми христианами. Это учение было подтверждено несколькими провинциальными синодами во Франции и Германии, а также многими университетами. Париж и Кельн, например, обязали всех своих членов поклясться защищать доктрину. Сикст IV

даровал индульгенции тем, кто будет соблюдать Праздник Непорочного Зачатия (1476), но, хотя и одобрял доктрину, он запретил защитникам или противникам обвинять друг друга в ереси (1483). Когда в ходе дискуссий о Первородном грехе на Тридентском соборе эта тема была поднята, официального решения принято не было, поскольку Отцы Церкви были полны решимости направить все свое внимание на доктрины, которые были отвергнуты реформаторами. В то же время мнение Отцов Церкви было выражено достаточно ясно, поскольку они заявили, что в своих постановлениях относительно универсальности Первородного греха они не имели в виду включать Непорочную Деву Марию (Против. сессия 1546 г.). Пий V. осудил предложение Бая, в котором утверждалось, что только Христос избежал вины за Первородный грех и что Пресвятая Дева претерпела смерть из-за вины, которую она испытала из-за своего происхождения от Адама (1567). Испанский францисканец Франциск из Сантьяго заявил, что у него было видение в поддержку доктрины, и в Испании разгорелся острый спор, положить конец которому Филипп III умолял папу вынести окончательное решение. Павел V, однако, удовлетворился обновлением указов своего предшественника Сикста IV. и Пий V. запретил участникам диспута выдвигать обвинения в ереси (1616), но в следующем году он запретил любую публичную защиту тезисов, направленных против учения о Непорочном зачатии. Григорий XV. несмотря на нежелание уступить просьбе Испанского суда о формальном определении, запретил публичное или частное противодействие доктрине, за исключением тех, кто получил специальное разрешение от Святого Престола. Наконец, в 1661 году Александр VII. в конституции / *Sollicitudo omnium Ecclesiarum*/ разъяснялся истинный смысл доктрины и запрещалось любое дальнейшее противодействие тому, что он провозгласил общей и благочестивой верой Церкви.

е) Тираноубийство.

Hergenrother, /*Katholische Kirche u. Кристл. Staat*/, 1872.

Паркинсон, / Католические авторы о тираноубийстве / (/Месяц/, март-апрель 1873 г.). Duhr. /*Jesuiten-Fabeln*/, 3 auf., pp. 659 sqq.

Законным или незаконным является тираноубийство - это вопрос, по которому богословы придерживались разных точек зрения. Убийство герцога Орлеанского по приказу герцога Бургундского (1407) способствовало разжиганию споров. Среди иждивенцев герцога Бургундского был священник Джон Парвус (Пети или Ле Пети), который сопровождал герцога в Париж и на публичном собрании защищал герцога Бургундского на том основании, что убийство тирана законно (1408). Девять положений, выбранных из этой речи, были осуждены епископом Парижа, инквизицией и университетом (1414). Герцог Бургундский обратился к папе Иоанну XXIII., в то время как представителям Франции на Констанцском соборе было поручено запросить мнение ассамблеи. Обсуждение этого вопроса осложнялось политическими вопросами. Поскольку Констанцкий собор стремился избежать любых ссор с королем Франции, герцогом Бургундским или императором, он удовлетворился самым общим осуждением тираноубийства. Однако перед закрытием собора этот вопрос был поднят еще раз в связи с книгой, опубликованной доминиканцем Иоанном Фалькенбергским, который был ярым сторонником Тевтонских рыцарей в их борьбе против короля Польши и который утверждал, что убийство короля Польши было законным. Он выступил в защиту работы Пети и решительно выступил против представителей Парижского университета. Поляки требовали его

осуждения, но, хотя он был арестован и содержался в тюрьме, его книга не была осуждена советом. Доминиканский капитул, состоявшийся в 1417 году, отверг учение Фалькенберга.

Долгое время эта тема не обсуждалась католическими богословами, хотя тираноубийство защищали ведущие реформаторы, включая Лютера и Меланхтона, но во время религиозных войн во Франции и Шотландии его теоретически отстаивали некоторые французские кальвинисты, такие как Лангве и Буше, а также шотландский лидер Джон Нокс, и применяли на практике их последователи против герцога Гиза и кардинала Битона.[1] Иезуитов во Франции обвиняли в сочувствии этой доктрине во время правления Генриха IV, но не было достаточных доказательств в поддержку такого обвинения. Некоторые из их богословов, возможно, защищали законность восстания при определенных обстоятельствах, но это была доктрина, никоим образом не свойственная иезуитам. Единственный серьезный аргумент, выдвинутый противниками иезуитов, был взят из работы, опубликованной испанским иезуитом Марианой (1536-1624). Она была написана по указанию некоторых испанских принцев и была посвящена Филиппу III. Во многих отношениях это было чрезвычайно похвальное произведение, но ссылка автора на убийство французского короля Генриха III и его защита тираноубийства, хотя и окруженная множеством ограничений и оговорок, вызвали большое возмущение во Франции и предоставили врагам общества великолепное оружие для общей атаки на весь организм. На самом деле книга Марианы не отражала взглядов иезуитов. В 1610 году генерал Аквавива запретил кому-либо из своих подданных защищать содержащееся в нем учение о тираноубийстве. -----

[1] Леки, / История возникновения и влияния рационализма в Европе/, 1913, с. 164.

(f) Система Коперника. Galileo Galilei.

Muller, /Nicolaus Copernicus/ (/Stimmen aus M.-Laach/, 1898, /Supp./ 72). Хиплер, / Николай Коперник и Мартин Лютер /, 1868. Muller, /Galileo Galilei/, 1908. Von Gebler, /Galileo Galilei und die Romische Curie/ (Eng. Пер., 1879). Эпинуа, /Вопрос Галилеи/, 1878, /Месяц/ (сентябрь 1867; март-апрель 1868).

Николай Коперник (Копперник или Коппернигк, 1473-1543) родился в Торне и получил образование в основном в Кракове, Болонье, Падуе и Ферраре. Он был каноником фрауэнбергского капитула и, скорее всего, священником. Во время своего пребывания в Италии он познакомился с новыми взглядами, выдвинутыми кардиналом Николаем Кузанским и другими относительно положения земли в системе мироздания. Его собственные исследования привели его к выводу, что солнце было центром, вокруг которого вращались земля и все небесные тела. В 1531 году он поделился своими выводами с некоторыми из своих ближайших друзей, но не решался опубликовать их из-за насмешек, которые, несомненно, вызвало бы такое необычное мнение. Один из его учеников читал лекции по этому предмету в Риме и объяснил теории Коперника Клименту VII. (1533).

Уступив, наконец, мольбам кардинала Шенберга, архиепископа Капуи, и епископа Кульмского Гизе, он доверил свой труд для публикации одному из своих учеников, Ретику, профессору Виттенберга, но противодействие лютеранских профессоров сделало невозможным издание книги в этом городе. Наконец она была опубликована под редакцией Осиандера в Нюрнберге в 1543 году. В предисловии к работе Осиандер внес значительные изменения из уважения к взглядам Лютера и Меланхтона, наиболее важным из которых было то, что он ссылался на

систему Коперника как на гипотезу, которая могла быть верной, а могла и не быть. Это произведение /De Revolutionibus Orbium Coelestium/ было посвящено папе Павлу III. Основная оппозиция новым взглядам Коперника исходила со стороны лютеранских богословов, и только годы спустя, когда полемика вокруг Галилея вызвала недовольство, католические писатели обратили любое подозрение в неортодоксальности против Коперника. Излишне говорить, что Коперник умер таким, каким жил, - преданным католиком, полностью убежденным в том, что он сослужил хорошую службу как религии, так и науке.

Галилео Галилей (1564-1642) с самого раннего возраста отличался способностями к изучению математики и механики. Действительно, именно в этих предметах, а не в астрономии, он добился своих самых блестящих и длительных успехов. Он преподавал в Пизе и Падуде, а затем был нанят при дворе великого герцога Тосканского. В 1609 году он усовершенствовал телескоп, с помощью которого смог производить наблюдения за небесными телами, и на основе этих наблюдений и открытий пришел к выводу, что гелиоцентрическая система, которую отстаивал Коперник, была единственной научно обоснованной. Он приехал в Рим, где его приветствовали папа римский и кардиналы, и установил свой телескоп в садах Ватикана (1611). Сначала взгляды Галилея не вызвали большого сопротивления, но из-за неосторожной пропаганды, которую вели некоторые из его друзей, в частности кармелит Фоскарини, разгорелась ожесточенная полемика, в ходе которой научная сторона теории была почти полностью забыта. Против Галилея выдвигалось обвинение в том, что его система противоречит Священному Писанию, в котором говорится о том, что солнце остановилось на своем пути по молитвам Иисуса, и что, следовательно, она неприемлема. В то время в Италии церковные власти были заметно консервативны и враждебно относились к нововведениям, особенно потому, что в то время в Италии существовала сильная партия, типичным примером которой может служить Пауль Сарпи, который был либералом и лютеранином по своим тенденциям и симпатиям. Если бы дискуссия ограничивалась учеными кругами, на нее, возможно, не обратили бы внимания, но как только обращение было обращено к народным массам, было почти неизбежно, что Галилей был бы выдан инквизиции.

В сложившихся обстоятельствах вряд ли можно было ожидать решения, благоприятного для Галилея. Старая система Птолемея была настолько тесно связана с философскими и научными учениями той эпохи, что отказ от нее означал не что иное, как полную революцию в мире образования. До сих пор огромное количество тех, кто был особенно сведущ в этом предмете, относились к новой теории с насмешкой, в то время как аргументы, выдвинутые Галилеем в ее защиту, были настолько слабыми и неубедительными, что от большинства из них уже давно отказались. Враждебное отношение лютеранских богословов также не могло не оказать определенного влияния на римских консулов. В 1615 году Галилей предстал перед инквизицией, чтобы защитить свои взгляды, но без какого-либо результата. Гелиоцентрическая система была осуждена как противоречащая Священному Писанию и, следовательно, еретическая, и Галилей был вынужден пообещать никогда больше не выдвигать ее (1616). Работы Коперника и некоторых других авторов, отстаивавших систему Коперника, были осуждены / *donec corrigantur* /. Решение конгрегации было неправильным, но в данных обстоятельствах не лишенным смысла. Ни на минуту нельзя утверждать, что из этой ошибки можно извлечь какой-либо веский аргумент против непогрешимости папы римского. Павел V., несомненно, присутствовал на заседании, на котором было согласовано осуждение и утвержден вердикт, но все же решение оставалось только решением конгрегации, а не обязательным / *ex-cathedra* / заявлением Главы Церкви. Действительно, из письма кардинала

Беллармина явствует, что конгрегация рассматривала свое учение лишь как предварительное, и что, если бы было неопровержимо доказано, что солнце неподвижно, было бы необходимо признать, что отрывки из Священного Писания, опровергающие эту точку зрения, были неправильно поняты.

Галилей покинул Рим без намерения выполнить данное обещание. После избрания Урбана VIII, который, как кардинал Барберини, был его верным другом и сторонником, Галилей вернулся в Рим (1624) в надежде добиться пересмотра приговора; но, хотя его приняли со всеми почестями и назначили ежегодную пенсию из папской казны, его просьба была отклонена. Он вернулся во Флоренцию, где восемь лет спустя опубликовал новую книгу на эту тему, выдержанную в форме диалога между сторонниками соперничающих систем, птолемеевой и коперниканской, в котором Симплициссимус, защитник старой точки зрения, был не только разгромлен, но и осмеян. Такое вопиющее нарушение его обещания не могло остаться незамеченным. Он был вызван, чтобы еще раз предстать перед инквизицией, и прибыл в Рим в феврале 1633 года. Сначала он отрицал, что писал в поддержку своих взглядов с 1616 года, затем признал себя виновным, признался, что ошибался, и обратился в суд с просьбой мягко обоиться со старым и немощным человеком. Он был признан виновным и приговорен к чтению семи покаянных псалмов раз в неделю в течение трех лет и к тюремному заключению по усмотрению инквизиции. Неверно говорить, что Галилей был заточен в застенки инквизиции. Он содержался под стражей всего несколько дней, и даже в течение этого времени его размещали в комфортабельных апартаментах одного из высших должностных лиц. Также неверно утверждать, что он подвергался пыткам или какому-либо физическому наказанию. Он был почти сразу освобожден условно-досрочно и некоторое время жил в Риме во дворце великого герцога Тосканского. Позже он удалился на свою виллу в Арчетри, и, наконец, ему разрешили вернуться во Флоренцию. В 1642 году, укрепленный последними таинствами и утешенный папским благословением, он скончался. Его тело было похоронено в стенах церкви Санта-Кроче во Флоренции. Большая часть его несчастий произошла из-за его собственной опрометчивости и неблагоразумия его друзей и сторонников. Его осуждение - единственная научная ошибка, которую можно предъявить Римской конгрегации. То, что его осуждение не было вызвано какой-либо ненавистью к науке или каким-либо желанием римских священнослужителей противостоять прогрессу знания, достаточно очевидно из благосклонности и почестей, которыми были одарены его предшественники в той же области исследований, кардинал Николай Кузанский, Пурбах, Мюллер (Региомонтанус) и Коперник.

(g) Прогресс теологических исследований.

Hurter, /Nomenclator Literarius Theologiae Catholicae/, 3 auf., 1903. Werner, /Geschichte der apologetischen und polemischen Literatur der Christlichen Theologie/, 1865. Turmel, /Histoire de позитивная теология / и др., 1906. Слейтер, / Краткая история морального богословия /, 1909. Жиго, / Общее введение в Священные Писания /, 1900. De Smedt, /Introductio Generalis ad Historiam Ecclesiasticam/, 1876. Benigni, /Historiae Ecclesiasticae Repertorium/, 1902. Коллинз, / "Изучение церковной" Истории /, 1903.

Во второй половине пятнадцатого и первой четверти шестнадцатого веков богословские исследования достигли очень низкого уровня. Великое философско-теологическое движение XIII века израсходовало свою силу, и казалось весьма вероятным, что в борьбе с гуманизмом теология будет вынуждена отказаться от своего первенства в пользу классики. Однако, как показали события, результаты гуманизма оказались далеко не такими вредными для теологии, как казалось поначалу. Ревность к языческим авторам древности помогла пробудить ревность к трудам Отцов Церкви, новые издания которых были опубликованы в различных центрах; в то же время ценность духа исторической и литературной критики, столь высоко ценимой приверженцами гуманизма, была признана богословами и в значительной степени использовалась для защиты авторитета документов, которые они цитировали. В спорах с реформаторами, которые полностью отвергали авторитет и методы схоластов, католические авторы и полемисты были вынуждены сосредоточить свое внимание на Священном Писании и исторической стороне теологии, о чем свидетельствуют доктрины и обычаи первых веков. Возрождение в этот период старых религиозных орденов, особенно бенедиктинцев и доминиканцев, и создание новых организаций, таких как иезуиты и ораторианцы, также были в высшей степени провиденциальными. Это обеспечило Церкви услуги подготовленных и преданных своему делу ученых, которые могли посвятить всю свою энергию защите католических интересов. В замечательном богословском движении шестнадцатого века Испания и Италия занимали ведущее место. Университет Саламанки боролся с Римской коллегией за первенство, которое когда-то добровольно уступал теологическому факультету Парижа. Основателем новой теологической школы, которая располагалась в Саламанке, но оказала очень значительное влияние на учителей-иезуитов в Риме, Ингольштадте и Праге, был доминиканец Франциск из Виттории (1480-1546). Понимая потребности эпохи лучше, чем большинство его современников, он положил конец бесполезным дискуссиям и дегенеративному стилю своих непосредственных предшественников, заново ввел "Сумму" святого Фомы, настоял на том, чтобы дополнить ее тщательным изучением Священного Писания и трудов Отцов Церкви, и положил начало новому стилю теологической латыни, свободному как от варварства более поздней схоластики, так и от педантизма энтузиастов классики.

Среди католических богословов Германии, защищавших Церковь от нападков реформаторов, можно упомянуть / Джона Экка / (1486-1543), большую часть своей жизни связанного с Ингольштадтским университетом, который в своих публикациях проявил себя ведущим сторонником католической стороны в борьбе против Лютера; / Джона Фабера / (1478-1541), друга Эразма и стойкого, хотя и умеренного противника Лютера и Цвингли, чья работа "Malleus Haereticorum" (1524) закрепила за ним титул "величайшего ученого". молот еретиков"; / Джон Коклей / (1479-1552), опубликовавший более двухсот трактатов против реформаторов, почти все из которых пострадали от поспешности и вспыльчивости, с которыми они были подготовлены; / Джон Гроппер / (1503-59), чье раннее образование юриста поначалу привело его к предпочтению предложенных компромиссов, едва ли совместимых с католической доктриной, но который искренне трудился, чтобы спасти Кельн для католической церкви; / Джон Нас / (1534-90) францисканский епископ Бриксена и / Блаженный Петр Канисий, S.J. / (1521-97), который сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы спасти всю немецкую нацию от попадания под влияние лютеранства, тем самым заслужив титул второго апостола Германии.

/Томмазо де Вио/ (1469-1534), прозванный /Каэтан/[1] по месту своего рождения /Гаэта/, присоединился к доминиканцам в раннем возрасте, преподавал в Падуе и Павии и был избран генералом своего ордена (1508). Семь лет спустя он был возведен в сан кардинала, и ему была поручена миссия в Германию (1518), в ходе которой он тщетно пытался добиться подчинения Лютера. В последние годы своей жизни он был одним из главных советников Климента VII. Своим примером и советами он многое сделал для возрождения теологических исследований среди доминиканцев и привлечения их к изучению святого Фомы. Как богослов и экзегетист он показал себя человеком больших способностей и здравого смысла, иногда слегка сумасбродным и новаторским в своих теориях, в то время как с точки зрения стиля он значительно превосходил большинство своих предшественников. Его основными трудами являются "Комментарий к святому Фоме" (1507-22) и его пояснения почти ко всем книгам Ветхого и Нового Завета. /Амброзий Катаринус/[2] (1487-1553) родился в Сиене, получил степень доктора канонического и гражданского права в возрасте шестнадцати лет, выступал в качестве юриста в суде консистории Льва X. присоединился к доминиканцам в преклонном возрасте, принимал видное участие в дискуссиях на предыдущих сессиях Тридентского собора, был назначен епископом в 1546 году и умер в 1553 году, когда, как говорят, он был близок к получению кардинальской шапки. Катарин был заядлым полемистом, но как богослов он был скорее блестящим, чем солидным. Его сильная склонность к новшествам привела его к конфликту с Каэтаном и фактически со всем Доминиканским орденом, самые сокровенные мнения которого он любил подвергать нападкам. /Доминик Сото / (1494- 1560) был студентом Алькалы и Парижа, присоединился к доминиканцам в 1524 году, преподавал теологию в Саламанке с 1532 по 1545 год, когда он посетил Тридентский собор, где его услуги были неоценимы, особенно в вопросе Благодати и оправдания, некоторое время был духовником Карла V. и, наконец, вернулся на свою кафедру в Саламанке. Он был последним из великих комментаторов "Приговоров" Питера Ломбарда. Его основными работами были "О природе и благодати", написанные для сведения отцов Трента, и "О справедливости и праве" (1556). Другим выдающимся испанским доминиканцем того периода был /Мельхиор Кано/ (1509-60), профессором которого в Саламанке был Франциск из Виттории. Он преподавал в Алькале и Саламанке, сопровождал Сото на Тридентский собор, был назначен епископом, но почти сразу ушел в отставку и некоторое время служил провинциалом доминиканцев. Его величайшим трудом был "De Locis Theologicis" (1563), в котором в качестве своего рода введения в теологию он попытался научно обосновать основы теологической науки. Он обсуждает десять /loci/ или источников, которые он перечисляет, а именно: Священное Писание, Предание, Католическую церковь, Соборы, Отцов Церкви, Римскую церковь, схоластику, Разум, авторитет философов и авторитет историков. Его стиль прост, лаконичен и элегантен.

/Роберт Беллармин /[3] (1542-1621) родился в Тоскане, вступил в Общество Иисуса (1560), учился в /Collegium Romanum/ и в Лувене, где некоторое время преподавал, был отозван в Рим, чтобы возглавить новую кафедру полемики в /Collegium Romanum/, принимал видное участие в подготовке кlementиновского издания Вульгаты, в /Congregatio de Auxiliis/ и в судебном процессе над Галилеем, участвовал в полемике с Джеймсом I. король Англии в связи с католической присягой был возведен в сан кардинала (1599) и назначен архиепископом Капуи (1602). Кардинал Беллармин был глубоко религиозным человеком, строгим только к самому себе, неутомимым студентом, всегда стремящимся быть справедливым по отношению к своим оппонентам, и особенно одаренным как лектор и писатель. Его величайшей работой, несомненно, были "Диспуты о противоречиях христианской веры", в которых он

продемонстрировал мельчайшее и точное знание религиозных догматов всех сект реформаторов. В то время эта книга произвела такую огромную сенсацию в Европе, что в некоторых протестантских университетах были наняты специальные лекторы для ее опровержения. Его комментарий к Псалмам и Катехизис, подготовленный им по просьбе Климента VIII, также заслуживают особого внимания. Последнее полное издание его сочинений было опубликовано в Париже в 1870 году. /Фрэнсис Суарес/[4] (1548-1617) родился в Гранаде, вступил в Общество Иисуса в Саламанке (1564) и преподавал в Вальядолиде, Риме, Алькале, Саламанке и Коимбре. Как и Беллармин, Суарес был человеком большого личного благочестия, хорошо разбиравшимся в трудах Отцов Церкви и в литературе реформаторов. Его работы ясны и хорошо организованы, но несколько чересчур размыты. Последнее издание (*Vives*) его произведений было опубликовано в Париже (1856-61). /Джон де Луго/ (1583-1660) родился в Мадриде, уехал в Саламанку изучать юриспруденцию и там присоединился к иезуитам. Сначала он читал лекции в Вальядолиде, а позже в Риме, где привлекал толпы студентов, и в 1643 году был возведен в сан кардинала. В своих работах он охватил практически всю область догматического и нравственного богословия. Возможно, наиболее известными являются "О справедливости и праве" и его трактаты о Воплощении, таинствах, Евхаристии и жертвоприношении во время мессы. Последнее издание его опубликованных работ было выпущено в Париже (1868-9). /Дионисий Петавиус/[5] (Петау, 1583-1652) родился в Орлеане, изучал искусство и теологию в Париже, вступил в Общество Иисуса (1605) и преподавал теологию в Париже в течение двадцати двух лет. Он был одним из самых известных и уважаемых ученых своего времени. Совершенно независимо от его заслуг как богослова, его работ по хронологии, в частности / *De doctrina temporum* / и / *Tabulae Chronologicae* /, было бы достаточно, чтобы поставить его в первый ряд ученых своего периода. В богословии он примечателен главным образом введением и применением исторического метода при обсуждении догмы, и поэтому его по праву называют "Отцом истории догмы". Его главный богословский труд - "Богословские догматы" (1644-50).

Великолепный пример научного подхода к моральному богословию, приведенный святым Фомой, произвел очень мало эффекта в четырнадцатом и пятнадцатом веках по той простой причине, что в школах обычно использовались / Предложения/, а не /Сумма/. Следуя принципам, обозначенным Раймондом Пенафортским в его книге "Итоги познания и брака" (1235), в течение четырнадцатого и пятнадцатого веков было опубликовано большое количество "Итогов", или руководств по использованию исповедников, последним из которых был труд Сильвестра Приериаса, одного из первых противников Лютера. Одним из немногих писателей того периода, взявшихся дать научное объяснение моральных принципов, является святой Антонин (1389-1459), доминиканский архиепископ Флоренции, в своей "Сумме теологии морали".

Отказ от /Приговоров/ в пользу /Суммы/ и реформаторские декреты Тридентского собора придали новый импульс изучению морального богословия в шестнадцатом и семнадцатом веках. Большинство великих писателей этого периода, Григорий Валенсийский (1550-1603), Васкес (1549-1604), Лессиус (1554-1623), Банес (1528-1604), Медина (1527-81), Санчес (1550-1610), Саурез и Де Логос, уделяли особое внимание основополагающим принципам морального богословия, а в некоторых случаях и их практическому применению. "De Poenitentia" и "Responsa Moralia" Де Луго служили моделями того, что можно было бы назвать смешанным подходом, частично научным и частично казуистическим. В качестве примеров этого метода можно привести "Theologia Moralis" иезуитского писателя Пауля Лайманна (1574-1635),

"Instructio Sacerdotum" кардинала Толедо и "Medulla Theologiae Moralis" Германа Бузенбаума (1600-68), которые выдержали сорок изданий при его жизни.

Споры относительно вероятностности не принимали серьезного характера до возникновения и осуждения янсенизма. В этот период враги иезуитов указывали на одобрение вероятностного подхода Отцами Общества как на доказательство расплывчатости взглядов, привнесенных иезуитскими теологами. Что бы ни говорили об этой системе, одно несомненно, а именно, что богословы-иезуиты не были первыми, кто ее выдвинул. Ему следовали на практике задолго до учреждения Общества Иисуса, он был достаточно четко сформулирован в качестве теории испанским доминиканцем Бартоломью Мединой (1527-81) и был принят, по крайней мере, в своих решениях конкретных случаев, большинством великих писателей второй половины шестнадцатого и первой половины семнадцатого веков.

Среди наиболее известных авторов по аскетическому богословию этого периода были святой Игнатий Лойола, автор книги "Духовные упражнения", святая Тереза (1515-82), ревностный реформатор кармелитов, святой Иоанн Божий (1495-1550), основатель ордена Братьев святого Иоанна Божьего, доминиканец Луи Гранадский (1504-88), святой Франциск де Салье (1567-1622), два писателя-иезуита Альфонс Родригес (1526-1616) и Луи де Понте (1554-1624), и Жан-Жак Олье (1608-57), основатель сульпицианства.

Многие причины объединились, чтобы вызвать великое пробуждение в изучении Священных Писаний. Гуманистическое движение гарантировало, что комментаторы привнесут в свою работу хорошее знание греческого языка и критическую оценку возраста и ценности рукописей. Такие ученые, как Рейхлин, с энтузиазмом взялись за изучение иврита, и это стало сравнительно легким благодаря грамматикам и словарям, опубликованным Рейхлином, Сантесом, Пагнини, Пеликаном и кардиналом Беллармином. Утверждение ранних реформаторов о том, что Библия была единственным источником божественного откровения, хотя и никогда не принималось католическими учеными, требовало тщательного изучения слов и буквального значения священного текста. В противовес частной интерпретации реформаторов католики утверждали, что авторитет учения Церкви и толкование Отцов Церкви были единственными надежными ориентирами. Различие между второканоническими и протоканоническими книгами было прекращено для католиков решением Тридентского собора, признавшего обеим равный авторитет. Тридентский собор оставил вопрос о степени богодухновенности практически в том же положении, в каком он стоял, когда Флорентийский собор определил, что Бог был автором священных книг. Многие писатели были склонны придерживаться мнения, что божественная помощь распространялась на стиль и слова, в то время как другие отвергали словесное вдохновение. Несколько католических ученых, например, Лессиус и Хамель, по-видимому, утверждали, что книга, составленная трудолюбием человека и без помощи Святого Духа, может считаться богодухновенной, если впоследствии Святой Дух засвидетельствует, что в ней нет ошибок. После Ватиканского собора такая точка зрения больше не выдерживает критики.

Об активности в области изучения Священного Писания свидетельствуют издание греческого и латинского текстов Нового Завета, подготовленное Эразмом, комплутенсийский полиглот, опубликованный под руководством кардинала Хименеса (1514-17), за которым последуют аналогичные публикации в Антверпене (1569-72) и Париже (1628-45), издание Септуагинты под руководством Сикста V. и издание Вульгаты под руководством Климента VIII. Среди великих

католических комментаторов того времени можно упомянуть кардинала Каэтана (+ 1534), доминиканца Сантеса Пагнини (+1541), Корнелиуса Янсена (1576), иезуита Джона Мальдонатуса (+ 1583), чьи комментарии к четырем Евангелиям до сих пор не имеют себе равных, Уильяма Эстиуса (+ 1613), профессора Дуэ, чьи взгляды на Благодать не остались без влияния споров, которые тогдабушевали в Лувене, и Корнелиуса Лапида, S.J. (+ 1673), профессор в Лувене и Риме, опубликовавший превосходный комментарий ко всему Священному Писанию.

Церковная история в значительной степени выиграла от гуманистического движения, которое выявило множество новых документов и имело тенденцию пробуждать дух научной критики. Выдвинутое реформаторами утверждение о том, что первобытное христианство было полностью искажено полуязыческими новшествами средневековья, настоятельно требовало от католических ученых обратить свое внимание на практику и учение первых веков. Новые издания трудов Отцов Церкви были подготовлены доминиканцами, иезуитами и бенедиктинцами Сен-Мора. Попытка магдебургских центуриаторов оправдать лютеранство на суде истории вызвала к жизни / Церковные анналы/ кардинала Барониуса (1538-1607). Эти Летописи касались истории Церкви с самого начала до 1198 года. Эту работу продолжили ораторы Райнальдус и Ладерки, де Спонде, Бзовиус и Августин Тейнер. История пап была написана августинцем Панвинио (+1568) и доминиканцем Чакконием (+1599). Агиографическими исследованиями занимались Суриус (†1578) и иезуит Хериберт Розвейд (1569-1629). Именно последний первым задумал опубликовать Жития святых одной серией. Он умер, так ничего и не сделав, кроме как собрав огромную массу материалов. Однако эта схема была подхвачена другими членами общества, в частности Джоном Ван Болландом (Bollandus, 1596-1665), Годфри Хеншеном (1601-81) и Даниэлем фон Папенброком (Papenbroch, 1628-1714). Они были первыми из болландистов, и первый том /Acta Sanctorum/ появился в 1643 году. -----

[1] Quetif-Echard, /Scriptores Ordinis Praedicatorum/, ii. 14.

[2] Id., ii. 144-51.

[3] Кудерк, / Роберт Беллармин/, 2 тома., 1893.

[4] Werner, /Franz Suarez und die Scholastik der letzten Jahrhunderte/, 1861.

[5] Шатлен, а именно отец Д. Петавиус, 1884.

ГЛАВА VII

ЭПОХА АБСОЛЮТИЗМА И НЕВЕРИЯ

НОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ОШИБКИ

Движение за централизацию, начавшееся в пятнадцатом веке и имевшее тенденцию к увеличению власти суверена за счет мелкой знати и народа, было усилено и развито религиозным восстанием. Протестантские реформаторы обратились к гражданским правителям за помощью в борьбе с церковными властями, и в обмен на столь щедро оказанную им помощь они были готовы уступить королю всю полноту власти в гражданских и церковных вопросах. Отныне князья должны были быть настолько могущественны как в духовном, так и в мирском отношении, что их право определять религию своих подданных было признано в качестве первого принципа правления. Во времена Контрреформации, когда религиозный

энтузиазм достиг наивысшей точки, католические монархи Европы боролись не столько за усиление собственной власти, сколько за единство своих королевств и защиту религии своих отцов, которой грозило полное ниспровержение.

Но как только прошел первый пыл и было признано, что религиозную гармонию нельзя обеспечить мечом, католические монархи начали понимать, что протестантская теория государственного превосходства означает увеличение власти короны и может быть использована для низведения единственного частично независимого института в их королевствах до состояния рабства. Следовательно, они увеличивали свои требования, все больше и больше вмешивались в церковные дела, стремились уменьшить юрисдикцию Папы Римского с помощью / Королевской таблички / и других подобных юридических ухищрений и утверждали для себя столько власти, сколько могло быть согласовано с католическими принципами, интерпретируемыми в их самом либеральном смысле. Они призывали епископов отстаивать свою независимость от Святого Престола, и епископы, забыв о том факте, что свобода от Рима означала порабощение государством, охотно сотрудничали в осуществлении программы своих царственных хозяев. Люди, подобные Боссюэ, увлеченные новыми теориями божественного права королей, стремились низвести власть Рима до уровня тени. Они больше стремились прослыть национал-патриотами, чем добрыми католиками. Они поняли только тогда, когда было слишком поздно, что в их тесном союзе со Святым Престолом заключалась их единственная надежда противостоять государственной агрессии и что, ослабляя авторитет Папы Римского, они ослабляли единственную силу, которая могла защитить их собственные права и права Церкви. Вся их политика была направлена на реализацию системы национальных церквей, и если бы не божественная защита, гарантированная Христом обществу, которое Он Сам основал, их политика могла бы увенчаться успехом.

Принцип индивидуального суждения, также введенный реформаторами, вскоре был доведен до своих логических выводов. Если с помощью этого принципа Лютер и его ученики могли отвергнуть определенные доктрины и практики, которым веками следовала вся католическая церковь, почему другие не могли, подражая данному им примеру, отбросить многие догмы, сохраненные Лютером, как всего лишь выдумки людей, и почему их преемники не могли пойти еще дальше и подвергнуть сомнению саму основу самого христианства? Результаты этой необузданной свободы мысли дали о себе знать в религии, философии, политике, литературе и искусстве. Рационализм вошел в моду в образованных кругах, при дворе и в университетах. Даже католики, которые все еще оставались верными Церкви, не остались без влияния духа религиозного безразличия. Им казалось, что многие догмы и обряды Церкви были слишком старомодными и нуждались в модернизации. Суды во многих случаях благоприятствовали распространению этих антирелигиозных взглядов, поскольку они означали ослабление власти Церкви. Они присоединились к апостолам рационализма в напаках на Общество Иисуса, потому что рационалисты понимали, что иезуиты были их самыми сильными противниками, в то время как политики считали их самыми ярыми сторонниками юрисдикции Рима. Только когда революционная буря была готова разразиться над Европой, гражданские правители полностью осознали опасную тенденцию движения, которое они поощряли. У них начали открываться глаза на тот факт, что война против христианства означала войну против установленной власти, и что необузданная свобода мысли и слова, к которой относились терпимо, вероятно, окажется более опасной для дела монархии, чем для дела религии.

а) галликанство.

Richer, /De ecclesiastica et politica potestate/, 1611. Пуйоль, /Под ред. Richer, Etude sur la renovation du gallicanisme au XVIIe siecle/, 2 vols., 1877. Lavissee, /Histoire de France/ (vii.), 1905. Боссюэ, /Defensio declarationis cleri gallicani / (изд. 1885). Gerin, /Recherches historiques sur l'assemblee de 1682/, 1878. De Maistre, /De L'Eglise gallicane/, 1821. Gerin, /Louis XIV. et le Saint-Siege/, 1894. Mention, /Documents relatifs au rapport du clerge avec la royaute de 1682 a 1705/, 1893. Picot, /Memoires pour servir a l'histoire ecclesiastique pendant le XVIIIe siecle/, 7 vols., 1853-57.

На протяжении веков Франция была ревностным защитником Церкви и Святого Престола. Со времен Хлодвиг французская нация никогда не колебалась в своей верности преемникам святого Петра, многие из которых были вынуждены искать убежища на земле Франции. В обмен на эту поддержку, оказанную неохотно во время многих опасных кризисов, папы предоставили французским правителям несколько важных привилегий, в рамках которых умеренные сторонники галликанизма были склонны искать происхождение и наилучшее объяснение так называемых галликанских свобод. Но крайние галликаны, понимая, что такая защита мало что может дать против папы, который мог вспомнить, что даровали его предшественники, утверждали, что галликанские свободы были всего лишь продолжением свободы, которой обладали отдельные церкви в первые века, что эти свободы постепенно ограничивались Святым Престолом, которому удалось обратить национальные церкви в рабство, и что только французская Церковь выдержала эти нападения и сохранила в неприкосновенности дисциплину и конституцию апостольской эпохи. Правители Франции, прекрасно понимая, что любое ограничение авторитета Церкви означает усиление власти короны, с радостью поощряли это движение, в то время как французские епископы, не сознавая того факта, что независимость от Рима означает рабство королю, позволили использовать себя в качестве инструмента в осуществлении программы государственного абсолютизма.

Прагматическая санкция Людовика IX, упоминаемая многими авторами как первый признак галликанизма, всеми учеными признается подделкой. Непомеренные требования, сформулированные Филиппом Красивым во время его ссоры с Бонифацием VIII. являются первым четким указанием на галликанскую теорию, с которой сталкивается историк. Принципы, изложенные правителями Франции во время этой ссоры, были значительно расширены в трудах Уильяма Оккама, Жана Жандунского и Марсилия Падуанского и были приведены к определенной форме во времена Великого Западного раскола. В то время, главным образом благодаря влиянию Жерсона, Д'Айи и других французских лидеров, доктрина превосходства Генерального собора над Папой была принята и получила официальное подтверждение в постановлениях четвертой и пятой сессий Констанцского собора (1414-17) и Базельского собора (1431-6). Декреты, принятые Синодом в Бурже (1438), были резко антипапскими, и, несмотря на усилия Николая V. и его преемников добиться их отмены, большинство из них оставались в силе до Конкордата 1516 года. Отчасти из-за этого Конкордата, по которому право выдвижения кандидатур на все епископства и аббатства во Франции было закреплено за короной, а отчасти из-за сильных настроений, возникших во Франции во время конфликта с кальвинизмом, о галликанизме в шестнадцатом веке было мало слышно. Однако главным образом из-за противодействия французских епископов декрет Флорентийского собора о верховенстве папы не был продлен на Тридентском соборе, и в значительной степени из-за влияния галликанских принципов декреты Тридентского собора не поступали во Францию в течение многих лет.

Галликанство было возобновлено в начале семнадцатого века Эдмундом Ричером (1559-1631), синдиком Парижского университета и редактором трудов Жерсона. Он был человеком, который придерживался новых взглядов на устройство как Церкви, так и государства, и который выражал свое искреннее восхищение изложением Герсоном отношений, которые должны существовать между Генеральным советом и Папой Римским. В 1610 году один из студентов-доминиканцев взялся публично защищать верховенство и непогрешимость папы римского, после чего разгорелся ожесточенный спор, но на время он был улажен благодаря благоразумному вмешательству кардинала Дю Перрона. Парижский парламент, однако, выступил в защиту Ричера и работы, которую он опубликовал в обоснование своих теорий. В этой книге / *De Ecclesiastica et Politica Potestate* / (1611) он установил, что Церковь была ограниченной, а не абсолютной монархией; что вся законодательная власть находилась в руках иерархии, состоящей, по его словам, как из епископов, так и из приходских священников; что эта законодательная власть должна осуществляться Генеральным советом, который, представляя всю иерархию, был хранилищем непогрешимости и не подчинялся Папе; что власть исполнения постановлений Генеральных соборов и осуществления управления Церковью находилась в руках папы, который не мог действовать вопреки канонам; что ни папа, ни иерархия не могли взять на себя обязательство обеспечивать соблюдение церковных постановлений никакими другими средствами, кроме убеждения; и что, если бы потребовалась сила, она могла быть применена только главой государства, который был естественным защитником Церкви и отвечал перед Богом за надлежащее соблюдение канонов.

Эта книга была осуждена провинциальным синодом в Сансе, состоявшимся под председательством кардинала Дю Перрона в 1612 году, провинциальным синодом в Эксе, епископом Парижа и папой римским. Парижский парламент, однако, поддержал Ричера, который подал апелляцию гражданским властям против действий епископов и попытался заручиться поддержкой Сорбонны для своих теорий. Хотя король вынудил его уйти в отставку со своего поста в университете, он продолжал упрямо отстаивать свои взгляды до 1629 года, когда кардинал Ришелье призвал его подписать полное отречение скорее по политическим, чем по религиозным причинам. Незадолго до своей смерти в 1631 году он заявил в присутствии нескольких свидетелей, что это заявление было сделано добровольно и по убеждению, но некоторые документы, написанные им и обнаруженные после его смерти, очень затрудняют веру в искренность этих заявлений.

Труды Питу, Ричера и Дюпюи и, прежде всего, растущее влияние партии янсенистов помогли распространить галликанское учение среди французского духовенства и сделать его более готовым подчиняться королю, чем папе. Аббат Сен-Сиран атаковал авторитет Святого Престола, но, к счастью, крайний характер его взглядов и потребность, которую ощущали как священники, так и епископы Франции во вмешательстве Святого Престола против янсенистов, послужили сдерживанию антипапских настроений и избавили ведущих теологических писателей, таких как Дюваль, Дю Перрон, Изамбер и Абелли, от каких-либо галликанских предубеждений. Восшествие на престол Людовика XIV (1661) ознаменовало новую эру в истории Галликанских свобод. Он был молод, упрям, стремился расширить территорию Франции и был полон решимости утвердить свою верховную власть любой ценой. С Людовиком XIV. прочно восседая на французском троне и учитывая интриги янсенистской партии в парижском парламенте, которая проявила враждебность к папским притязаниям, нетрудно было предсказать, что отношения со Святым Престолом, скорее всего, станут недружественными. Герцог Креки, [1] посол Людовика XIV в Риме, намеренно поставил перед

собой цель добиться полного разрыва. Из-за нападения нескольких корсиканцев из папской гвардии на французское посольство посол отказался принимать какие-либо извинения и покинул Рим, в то время как Людовик XIV. отправил в отставку нунция в Париже, оккупировал папские территории Авиньон и Венессен и направил армию против папских государств. Александр VII. был вынужден уступить силе и принять очень унижительные условия, навязанные ему Пизанским миром (1664).

Партия янсенистов и враги Святого Престола воспользовались политикой Людовика XIV. для продвижения своих замыслов. В 1661 году был поднят яростный шум против тезиса, защищенного в иезуитских школах (/ Тезис Кларомонтана /) в пользу папской непогрешимости, и еще более яростный шум поднялся, когда в ходе публичной защиты в Сорбонне (1663) было заявлено, что папа обладает высшей юрисдикцией над Церковью и что Генеральные соборы, хотя и полезны для подавления ереси, не являются необходимыми. Партия янсенистов обратилась в парламент Парижа, который издал запрет на преподавание или защиту доктрины папской непогрешимости, но большинство докторов Сорбонны остались при своем мнении и отказались зарегистрировать постановление парламента. Противники Сорбонны, спеша отомстить за это первое поражение, осудили защиту несколько похожей диссертации студентом-цистерцианцем как нарушение запрета. Синдик университета был отстранен от должности на шесть месяцев, а самому университету грозили очень серьезные реформы, если он не согласится принять галликанские теории. В результате вмешательства посредников докторами факультета была опубликована декларация, удовлетворяющая парламент (1663). В этом документе они объявили, что согласно университетскому учению, папа не имел никакой власти над королем в мирских вопросах, что он был выше Генерального совета или что он был непогрешим в вопросах веры без согласия Генерального совета. Напротив, они утверждали, что университет учит, что в мирских делах король подчиняется только Богу, что ни одна власть на земле не может лишить его подданных их верности ему и что права и свободы Галликанской церкви должны уважаться. Этот указ был подписан семьдесятю семью докторами и опубликован парламентом как учение всего теологического факультета и как руководство, которому следует следовать во всех теологических школах. Началась жестокая агитация против всех, кто пытался отстаивать права Святого Престола либо в публичных диспутах, либо в опубликованных работах, агитация, которая была тем более необъяснимой, что в это время и король, и парламент пытались убедить янсенистов признать непогрешимыми декреты, которыми папа осудил их учение.

Прежде чем эта агитация утихла, на первый план вышла новая причина разногласий в виде "Регалий". Под термином "Регалии" подразумевалось право короля Франции распоряжаться доходами вакантных кафедр и аббатств и назначать на бенефиции во время вакансии и до тех пор, пока новые епископы не принесут присягу на верность и не будут зарегистрированы. Такая привилегия, несомненно, вредила религии, и хотя второй Генеральный совет Лиона (1274 г.) по некоторым серьезным причинам терпел ее, указ об отлучении от церкви был направлен против любого, принца или подданного, священнослужителя или мирянина, который попытался бы ввести ее или способствовать ее внедрению в тех местах, где ее еще не существовало. Многие провинции Франции до сих пор не были подчинены / Регалиям /, но вопреки закону Церкви Людовик XIV издал королевский мандат (1673-75), требуя для себя / Регалии / во всех епархиях Франции и приказывая епископам, которые не принесли присягу на верность, немедленно принять ее и зарегистрировать.

Епископы Франции подчинились этому указу с двумя исключениями. Это были Павийон, епископ Алетский, и Коле, епископ Памьерский, оба из которых, хотя и были приверженцами янсенистской партии, были полны решимости отстаивать права Церкви. Король, невзирая на их протесты, приступил к назначению бенефиций в их епархиях на том основании, что они не зарегистрировали свою присягу на верность. Они ответили отлучением от церкви всех тех, кто согласился на такие назначения, и, когда их порицания были объявлены недействительными соответствующими митрополитами, они обратились к Святому Престолу. Во время состязания Павильон из Але погиб, и вся тяжесть борьбы легла на его товарища. Последнего воодушевляла активная помощь Иннокентия XI, который отменил приговор митрополитов, призвал епископа и капитул к сопротивлению и пригрозил королю церковными порицаниями, если он не откажется от своей кампании (1678-79). Сам епископ умер, но капитул продемонстрировал свою верность его указаниям, назначив викария-капитулиста в противовес викарию-капитулисту, назначенному королем. Против викария-капитулиста и духовенства, оставшегося ему верным, начались самые жестокие гонения. Как из-за важных интересов, поставленных на карту, так и из-за мужества, проявленного противниками короля, за ходом состязания следили с большим интересом не только в самой Франции, но и во всем католическом мире. Пока чувства были накалены до предела, в Париже произошло еще одно событие, которое подлило масла в огонь. Цистерцианские монахини в Шаронне имели право в соответствии со своей конституцией избирать свою собственную настоятельницу, но де Харле, архиепископ Парижский, действовал в соответствии с приказами Людовика XIV. пыталась навязать общине настоятельницу, принадлежащую к совершенно иному ордену. Монахини обратились к Иннокентию XI., который отменил назначение и настоял на свободных канонических выборах (1680). Парламент Парижа отменил папский приговор, и когда это вмешательство было отвергнуто папой, папский документ был закрыт.

Ввиду возникших трудностей было созвано внеочередное собрание епископов Франции. Пятьдесят два из них встретились в Париже (март-май 1681 г.). Двумя ведущими людьми, выступавшими в поддержку короля, были Франциск де Харлей, архиепископ Парижа, и Ле Телье, архиепископ Реймса. Действуя под влиянием этих людей, епископы согласились с тем, что их долгом было подчиниться требованиям короны в отношении "Регалий"; они осудили вмешательство папы Римского в пользу парижской общины цистерцианских монахинь, а также его действия против митрополита епископа Памье; и они выразили мнение, что следует созвать генеральную ассамблею духовенства Франции для обсуждения всей ситуации.

Генеральная ассамблея, состоящая из тридцати четырех епископов и тридцати семи священников, избранных представлять все французское духовенство, собралась в Париже (октябрь 1681-июль 1682). Самыми выдающимися людьми Собрания были Фрэнсис де Харле из Парижа, Ле Телье из Реймса, Кольбер из Руана, Шуассель из Турне и Боссюэ, недавно назначенный епископом Мо. Последний, чья репутация проповедника уже распространилась по всей Франции, произнес вступительную речь, которая была умеренной по тону и не враждебной правам Святого Престола, хотя в то же время решительно прогалликанской. Поскольку некоторые второстепенные права, на которые претендовал король, были отменены, епископы с благодарностью приняли "Регалии" и отправили папе римскому письмо, призывающее его уступить королевским требованиям ради мира. Но папа, больше озабоченный свободой французских епископов, чем они сами, резко напомнил им об их долге перед Церковью, в то же время отказавшись последовать их совету. В своем ответе Папе епископы воспользовались случаем, чтобы похвалить дух религиозного рвения, проявленный

Людовиком XIV, который, по их словам, был вынужден неохотно принять вызов, брошенный к его ногам Римом. Тем временем Ассамблея предприняла попытку определенно сформулировать галликанские свободы. Это были:—

- (1) Что святой Петр и его преемники получили юрисдикцию только в отношении духовных вещей. Короли не подчиняются им в мирских делах, и папа не может освободить подданных королей от присяги на верность.
- (2) Полнота власти Святого Престола в духовных вопросах не противоречит постановлениям четвертой и пятой сессий Констанцкого собора, которые были приняты Генеральным советом и одобрены Папой Римским и соблюдались галликанской церковью.
- (3) Апостольская власть Римской Церкви должна осуществляться в соответствии с канонами, вдохновленными Святым Духом, и с правилами, конституциями и обычаями Галликанской Церкви.
- (4) Что, хотя Папа играет главную роль в решении вопросов веры и хотя его постановления имеют силу во всей Церкви и в каждой отдельной церкви, все же его решения не являются непоправимыми, по крайней мере, до тех пор, пока они не будут одобрены вердиктом всей Церкви.

Эта Декларация (Четыре Галликанские статьи) была одобрена королем, который приказал, чтобы ее соблюдали все учителя и профессора и чтобы она была принята всеми кандидатами в богословские декреты. Хотя архиепископ Парижский горячо рекомендовал принять Галликанские статьи, доктора Сорбонны выступили решительно против новой королевской теологии, так что только после того, как были применены самые жестокие меры, удалось получить согласие ста шестидесяти двух докторов, в то время как большинство против Галликанских статей было более пятисот. Решение меньшинства было опубликовано как решение профессорско-преподавательского состава, и сразу же были предприняты шаги, чтобы устранить противников статей и сделать Сорбонну решительно галликанской в своем преподавании. В то время как протесты против этих статей сыпались из разных университетов и из многих стран Европы, папа хранил молчание; но когда два священника, принимавшие участие в Ассамблее 1682 года, были выдвинуты на вакантные епископские должности Иннокентием XI, отказался назначить их до тех пор, пока они не выразят сожаления о своих действиях. Король не позволил бы им сделать это, равно как и другим кандидатам принять свои назначения от папы, и в результате в 1688 году тридцать пять французских епархий остались без епископов.

В этом же году произошел еще один инцидент, из-за которого отношения между Папой Римским и Людовиком XIV. еще более напряженными. Право на убежище, которым обладали различные послы при папском дворе, стало очень серьезным злоупотреблением. Раньше он был пристроен только к резиденции посла, но со временем его расширили до тех пор, пока он не включил в себя весь квартал, в котором располагалось посольство, в результате чего блюстителям порядка стало невозможно выполнять свои обязанности. По этой причине право на убежище было подавлено папой. Все другие нации подчинились такому разумному ограничению, но Людовик XIV, стремясь скорее спровоцировать, чем избежать ссоры, отказался отказаться от этой привилегии. Он отправил своим послом в Рим (1687) маркиза де Лавардена, который вошел в Рим во главе отряда из пятисот вооруженных человек и чье

поведение от начала до конца было настолько возмутительным, что Иннокентий XI. был вынужден отлучить его от церкви и наложить интердикт на церковь Святого Людовика. Людовик XIV немедленно оккупировал Авиньон и Венессен, собрал армию на Юге Франции для отправки против Папской области и приказал подготовить обращение к будущему Генеральному совету для представления. Двадцать шесть епископов выразили свое одобрение этому призыву, и разгром университета был настолько успешным, что почти все факультеты заняли аналогичную позицию (1688).

Какое-то время казалось, что раскол, охвативший всю французскую церковь, неизбежен, поскольку ни папа, ни король, казалось, не хотели уступать. Но Людовик XIV. не хотел становиться вторым Генрихом VIII. Угрожающее положение дел в Европе сделало для него невозможным направить армию против Рима. В то же время страх перед гражданскими волнениями во Франции в случае, если он полностью отвергнет власть папы, и опасность, которую такой шаг мог повлечь за собой для французских интересов за рубежом, удерживали его от последнего решительного шага. Он отозвал несносного посла из Рима (1689), отказался от права убежища, закрепленного за кварталом французского посольства (1690), и вернул Авиньон и Венессен папе. Alexander VIII. потребовал отмены королевского эдикта от марта 1683 года, предписывающего публичное принятие Галликанских статей. Он потребовал также отречения от духовенства, принимавшего участие в Собрании, и издал Буллу, осуждающую расширение прав "Регалий" и объявляющую Галликанские статьи недействительными (1690). Людовик XIV, обнаружив, что общественное мнение католического мира настроено против него и что примирение с папством было бы очень полезным для него в осуществлении его политических планов, начал дружественные переговоры с Иннокентием XII. В конце концов было достигнуто соглашение, согласно которому священнослужители, принимавшие участие в Ассамблее 1682 года, выразив папе римскому сожаление по поводу своих действий, были назначены в епископства, на которые они были выдвинуты; в то время как король сообщил папе Римскому (1693), что изданные им указы, настаивающие на принятии Галликанских статей, не будут исполнены.

Но, несмотря на это королевское заверение, галликанство все еще имело сильную власть во Франции. Можно было положиться на молодежь Сорбонны, которая поддержит эти Статьи, а влияние таких писателей, как Джон де Лонуа (1603-1678) и Дюпен, помогло распространить галликанство среди духовенства и мирян подрастающего поколения. На протяжении всего конфликта Боссюэ проявлял себя слишком сговорчивым по отношению к короне, хотя в то же время он не был враждебно настроен к претензиям Святого Престола и не был склонен одобрять такие крайние меры, как большинство его коллег-епископов. Действуя по просьбе короля, он подготовил защиту Галликанских статей, которая была опубликована лишь спустя долгое время после его смерти. В восемнадцатом веке, когда корона и парламент Парижа постоянно вмешивались во все религиозные вопросы, епископы и духовенство Франции имели веские основания сожалеть о своей защите так называемых галликанских свобод. Конкордат, заключенный Наполеоном с Пием VII. и действия, предпринятые папой с одобрения Наполеона для проведения Конкордата, нанесли сокрушительный удар по галликанизму, несмотря на попытку возродить его с помощью Органических статей. Большая часть епископов девятнадцатого века не питала особой симпатии к галликанским принципам, которые полностью исчезли после определения непогрешимости Папы на Ватиканском соборе. -----

[1] De Mouy, /L'ambassade du duc de Crequi/, 2 vols., 1893.

б) февронианство и иосифизм.

Febronius, /De statu ecclesiae deque legitima potestate Romani Pontificis/, etc., 1762. Idem, /Commentarius in suam retractationem/, etc., 1781. Куэнцигер, /Февроний и февронианизм/, 1890. Werner, /Geschichte der Katholischen Theologie in Deutschland/, 1866. /Кодекс юриса церковного Жозефини/ и др., 1788. Gendry, /Les debuts de Josephisme/ (/Revue des Quest. история./, 1894). /Receuil des actes concernant le voyage du Pape Pie VI. Вена/, 1782. Stigloher, /Die errichtung der papstlichen Nuntiatur und der Emser Kongress/, 1867. Munch, /Geschichte des Emser Kongresses/, 1840. De Potter, /Vie de Scipion de Ricci/, 1825.

Дух противостояния Святому Престолу вскоре распространился из Франции на различные государства Священной Римской империи. Жестокие нападения реформаторов и неминуемая опасность ереси заставили католиков Германии теснее держаться за Святой Престол и помогли погасить антиримские настроения, которые были так сильны в первые годы XVI века. Но как только религиозные войны закончились без решающей победы ни одной из сторон, и как только теория имперского нейтралитета была официально подтверждена Вестфальским миром (1648 г.), католические правители Германии, не исключая даже духовных князей, проявили больше беспокойства об увеличении собственной власти, чем о защите интересов своей религии. Пример протестантских государств, где правители были верховными как в религиозных, так и в светских делах, не мог не побудить католических монархов утвердить для себя большую власть над Церковью на своих собственных территориях, полностью игнорируя права Папы и конституцию Церкви. Часто во времена правления Леопольда I (1657-1705), Иосифа I (1705-11) и Карла VI (1711-40) вмешательство гражданской власти в церковные дела давало справедливый повод для жалоб. Но только во время правления Франциска I (1745-65) и особенно Иосифа II (1765-90) в полной мере результаты янсенистского, галликанского и либерально-католического учения дали о себе знать в империи в целом и в различных государствах, из которых империя состояла.

Наиболее образованным выразителем галликанских взглядов на немецкой стороне Рейна был Джон Николас фон Хонтхайм (1701-1790), который сам был учеником Ван Эспена (1646-1728), известного галликанца и янсениста, профессора канонического права в Университете Лувена. По возвращении фон Хонтхайма в свой родной город Трир принц-епископ Трирский поручил ему различные важные должности, по совету которого он был назначен помощником епископа этого престола (1740). Он был человеком больших способностей, хорошо разбиравшимся, особенно в церковной и местной истории, и внимательно изучавшим труды галликанцев (Ричера, Дюпена, Томассена и Ван Эспена). В то время надежда на воссоединение между лютеранами и католиками в Германии не была оставлена полностью. Фон Хонтхайму казалось, что, ослабляя власть папства, которое протестанты рассматривали как величайшее препятствие на пути к примирению, галликанизм обеспечил основу для хорошей программы воссоединения, которая, вероятно, была бы приемлема для умеренных представителей обеих партий в Германии. Поэтому с целью продвижения дела воссоединения он взялся за написание своей замечательной книги "О статусе церкви и легитимности римского понтификата", опубликованной в 1762 году под вымышленным именем Юстинус Февроний.

Согласно Февронию, Христос доверил власть ключей не папе и не иерархии, а всему сообществу верующих, которые, в свою очередь, передали обязанности управления папе и иерархии. Все епископы, по его словам, были равны, и все они были независимы от

правительства своих собственных епархий, хотя в то же время, в целях сохранения единства, первенство чести должно быть предоставлено преемнику святого Петра. Но это первенство не обязательно было особой прерогативой Римского престола; оно могло быть отделено от этой Церкви и передано другой епархии. В ранние века христианства римские епископы никогда не претендовали на власть, которой обладали их преемники в более поздние времена. Эти претензии на верховную юрисдикцию были основаны на фальшивых декретах Исихора и других подделках и представляли собой коррупцию, с которой больше нельзя было мириться в Церкви. На самом деле папа был всего лишь первым среди равных, несомненно, уполномоченным осуществлять управление Церковью, но неспособным издавать законы или непреложные декреты о вере или морали. Он подчинялся Генеральному совету, который одинпользовался прерогативой непогрешимости. Февроний призвал папу отказаться от своих несостоятельных требований и довольствоваться позицией, которую занимали его предшественники в первые века. Если бы он отказался сделать это спонтанно, он был бы вынужден отказаться от своих узурпаций, и при необходимости епископы должны были бы призвать гражданских правителей помочь им в их борьбе. В качестве средства восстановления папства в его законном положении Февроний рекомендовал созыв национальных синодов и Генерального совета, надлежащее обучение священников и народа, разумное использование Королевской / Таблички / при объявлениях папы, применение / Appelatio Abusu / против папской и епископальной агрессии и, в качестве последнего средства, отказ от повиновения.

Книга находилась в таком полном соответствии с абсолютистскими тенденциями того времени, что была встречена с аплодисментами гражданскими правителями, а также придворными канонистами, теологами и юристами, которые увидели в ней реализацию своих собственных мечтаний о государственной Церкви, подчиняющейся гражданскому правителю. Однако книга была осуждена Климентом XIII (1764), который призвал немецких епископов принять решительные меры против таких опасных теорий. Многие епископы были безразличны; другие из них благосклонно относились к взглядам фон Хонтхайма; но большинство запретило распространение книги в своих епархиях. В ответ Февронию было опубликовано несколько трактатов, наиболее известные из которых принадлежат перу Баллерини и Заккарии. Потребовались новые издания труда Феврония, и переводы всего или части его появились на немецком, итальянском, французском, испанском и португальском языках. Она была принята с большой благосклонностью в Австрии, где принципы Феврония были приняты большинством ведущих придворных канонистов. На встрече, состоявшейся в Кобленце (1769), три князя-епископа Майнца, Трира и Кельна представили каталог жалоб (/ Gravamina/) на Римскую курию, многие из которых были взяты из работ Хонтхайма или основаны на них. После неоднократных обращений папы к князю-епископу Трира с просьбой оказать свое влияние на фон Хонтхайма, последний согласился отречься от престола в 1778 году, но его последователи утверждали, что отречение, обеспеченное угрозами, не имеет ценности. Это утверждение было поддержано комментарием, опубликованным Хонтхаймом в объяснение его опровержения, в котором он достаточно ясно показал, что ни на дюйм не отступил от своей первоначальной позиции. Перед своей смертью в 1790 году он выразил сожаление по поводу выдвинутой им доктрины и умер в полном общении с Церковью.

Учение Феврония, проложившее путь к верховенству государства в религиозных вопросах, было одобрено императором Иосифом II, курфюрстом Баварии, а также духовными князьями рейнских провинций. В Австрии, в частности, были приняты насильственные меры для утверждения королевского превосходства. Иосиф II. в значительной степени находился под

влиянием галликанских и либеральных тенденций своих первых учителей и советников. Он мечтал сделать Австрию богатым, могущественным объединенным королевством и сам стать его верховным и абсолютным правителем. Во время правления его матери, Марии Терезии, его держали в узде, но после ее смерти в 1780 году совместно со своим премьер-министром Кауницем он начал претворять в жизнь свои планы церковной реформы. Он настаивал на королевской / Placet / подписи на всех документах, выданных Папой или епископами, запретил епископам своих территорий поддерживать какие-либо прямые сношения с Римом или просить о возобновлении их полномочий, которые он обязался предоставить своей собственной властью. Он запретил всем своим подданным искать или принимать почести от папы римского, настоял на том, чтобы епископы приносили ему присягу на верность перед их посвящением, ввел систему образования, контролируемую государством, и закрыл ряд религиозных домов. Чтобы духовенство могло быть обучено надлежащим церковным принципам, он упразднил епископальные семинарии и учредил центральные семинарии в Вене, Пеште, Лувене, Фрейбурге и Павии для обучения духовенства в своих владениях. Студентам-священнослужителям из Австрии было запрещено посещать / Collegium Germanicum/ в Риме, чтобы они не попали под влияние ультрамонтанского учения. Даже мельчайшие детали церковного богослужения определялись королевскими указами. Во всех этих реформах Иосиф II. всего лишь сводил к практике учение Феврония.

Личными письмами и сообщениями через своего нунция Пия VI. пытался склонить Иосифа II. воздерживаться от такой политики государственной агрессии; но, поскольку все его заявления были неэффективны, он решил предпринять поездку в Вену в надежде, что его присутствие может привести к изменению политики императора или, по крайней мере, побудить епископов защищать интересы Церкви (1782). Он прибыл в Вену, имел частые беседы с императором и его министром Кауницем и был вынужден уехать без какого-либо другого результата, за исключением того, что он убедился в том факте, что, независимо от императора или епископов, большинство народа Австрии по-прежнему лояльно главе Католической церкви. В следующем году (1783) Иосиф II. нанес ответный визит в Рим, когда представления испанского посла побудили его отказаться от своего плана полного отделения Австрии от Святого Престола.

Иосиф II. однако в своих реформах действовал слишком быстро и слишком жестоко. Народ и большая часть духовенства были настроены против него, как и кардинал-архиепископ Вены, епископы Венгрии и епископы Бельгии под руководством кардинала Франкенберга. Положение дел в австрийских Нидерландах стало настолько угрожающим, что народ поднял восстание (1789), и Иосиф II. оказался вынужденным обратиться к папе римскому, с которым он так жестоко обращался и презирал, в надежде, что тот сможет убедить бельгийских католиков вернуться к своей верности. Он пообещал отозвать большинство введенных им реформ, но его раскаяние пришло слишком поздно, чтобы спасти австрийское правление в Нидерландах. Он умер в 1790 году с полным сознанием провала всех своих планов.

При Иосифе II. после того, как февронианство стало практиковаться на австрийских территориях, князья-епископы Майнца, Трира и Кельна поспешили выразить свою тревогу по поводу подавления ультрамонтанизма в Рейнских землях. Список претензий к Риму, представленный императору в 1769 году, ясно указывал на их приверженность галликанским принципам, и это чувство вряд ли было ослаблено открытием апостольской нунциатуры в Мюнхене в 1785 году. Этот шаг был предпринят папой римским по просьбе Карла Теодора, курфюрста Баварии, значительная часть территории которого находилась под духовной

властью князей-епископов. Князья-епископы запада вместе с князем-епископом Зальцбурга, все из которых уже были враждебны папскому нунцию, были сильно разгневаны тем, что они считали этим новым ущемлением их прав, и послали представителей на конгресс, созванный в Эмсе (1786). Результатом конгресса стал знаменитый документ, известный как / Пунктуация Ems /, в котором они заявили, что большинство прерогатив, на которые претендовал папа римский, были неизвестны в первые века и были полностью основаны на фальшивых декретах. Они настаивали на том, что больше не должно быть апелляций к Риму, что папские постановления должны иметь обязательную силу в любой епархии только после того, как они были приняты епископом епархии, что клятва верности, данная всеми епископами перед хиротонией, должна быть изменена, что не следует испрашивать пятилетних полномочий, поскольку епископы уже обладали такими полномочиями в силу своей должности, и что религиозные ордена не должны быть освобождены от власти ординариев или переданы под юрисдикцию иностранных настоятелей. Закон / Пунктуация Ems / свел главенство папы римского к простому главенству чести, и если бы он был принят, это неизбежно привело бы к национальному расколу.

Епископы направили документ Иосифу II, который, хотя и одобрил его, отказался вмешиваться. Курфюрст Баварии выступил против действий епископов, как и Пакка[1] (1756-1854), папский нунций в Кельне. Последний разослал духовенству циркуляр, предупреждающий их, что разрешения, предоставленные князьями-епископами без привязки к Риму, ничего не стоят. Этот циркуляр вызвал большое раздражение князей-епископов, особенно после того, как они оказались покинутыми большинством тех, на чью поддержку они полагались. Даже протестантский правитель Фридрих II. Пруссия встала на сторону Рима против архиепископов. Перед лицом недружелюбного отношения епископов и духовенства князьям-епископам ничего не оставалось, как отступить с невыносимой позиции. Архиепископ Кельнский по своим собственным причинам подчинился и попросил о возобновлении своих полномочий раз в пять лет (1787). Архиепископ Трирский подал аналогичное заявление, на самом деле не как архиепископ Трирский, а как епископ Аугсбургский. Но их подача была направлена только на то, чтобы выиграть время. Они пытались вынести этот вопрос на рассмотрение сейма в Регенсбурге в 1788 году, но действия курфюрста Баварии привели к неблагоприятному вердикту. Потерпев неудачу в своем замысле, они направили письмо папе римскому с просьбой положить конец пагубной ссоре, отозвав папского нунция из Кельна и направив представителя в сейм для согласования условий мира. Ответ Пия VI, охватывающий всю суть спора, содержал мастерскую защиту папских прав и прерогатив (1789). Архиепископ Трирский публично отозвал свое присоединение к / Пунктуация / и посоветовал своим галликанским коллегам поступить аналогично, но они отказались, и в соглашении о выборах 1790 и 1792 годов они стремились обязать императоров поддерживать их политику. Наконец архиепископы Кельна и Зальцбурга покорились, но архиепископ Майнца упрямо придерживался своих взглядов, пока буря Французской революции не разразилась над его городом и территорией и не положила конец его правлению как светского князя.

В Тоскане, где правил Леопольд, брат Иосифа II (1765-90), была предпринята решительная попытка внедрить принципы феверии в том виде, в каком они понимались и применялись на территории Австрии. Леопольда решительно поддержал в этой попытке Сципион Риччи, который, хотя и был янсенистом в душе, был назначен епископом Пистойи по просьбе великого герцога. Епископ Пистойи намеренно поставил перед собой цель внедрить янсенизм и галликанизм среди своего духовенства. С этой целью он основал семинарию в Пистойе и передал ее в руки учителей, на которых он мог положиться в осуществлении своих замыслов. В

1786 году великий князь созвал собрание епископов провинции и подробно изложил им свою программу церковных реформ. За исключением епископа Пистойи и двух других, они отказались сотрудничать с ним и его планами. Поскольку этот план провалился, пришлось прибегнуть к другим мерам. В Пистойе был созван синод под председательством Сципио Риччи, которым руководил Тамбурини, хорошо известный галликанский профессор из Павии (1786). На нем присутствовало более двухсот священников, некоторые из которых принадлежали к епархии, в то время как другие были совершенно незнакомы. Как и следовало ожидать, постановления синода были строго галликанскими и янсенистскими. Чтобы обеспечить их введение в провинцию Тоскана, был созван провинциальный синод епископов, но епископы выразили свое решительное неодобрение, и народ напал на дворец епископа. Он был вынужден удалиться из своей епархии, хотя в то же время оставался активным советником Леопольда вплоть до смерти Иосифа II. привело к избранию Леопольда на императорский трон (1790) и положило конец беспорядкам в Тоскане. Пий VI назначил комиссию для изучения указов Пистойи, и в 1794 году он издал Буллу /*Auctorem Fidei*/, в которой осуждались основные ошибки. Несчастный епископ годами отказывался подчиниться. Это произошло только в 1805 году, на обратном пути Пия VII. начиная с коронации Наполеона в Париже, его можно было склонить к примирению с Церковью.[2] —————

[1] Pacca, /*Memorie storiche della nunziatura di Colonia*/.

[2] Scaduto, /*Stato e chiesa sotto Leopoldo I., granduca di Toscana*/, 1885. Venturi, /*Il vescovo de Ricci e la Corte Romana*/, 1885.

в) янсенизм.

См. библиографию, глава vi (с). Bartheleray, /*Le cardinal de Noailles*/, 1888. Doublet, /*Un prelat janseniste. F. de Caulet*/, 1895. Ингольд, Рим и Франция. *La seconde phase du jansenisme*/, etc., 1901. Le Roy, /*Un janseniste en exil. Correspondance de Pasquier Quesnel*/, 1900. Van Vlooten, /*Esquisse historique sur l'ancienne eglise catholique des Pays-Bas*/, 1861. De Bellegarde, /*Coup d'oeil sur l'ancienne eglise catholique de Hollande*/, etc., 1896.

Клементинский мир, достигнутый обманом, использовался янсенистами как средство обмана общественности и привлечения новых рекрутов. Они утверждали, что Климент IX, независимо от действий своих предшественников, принял янсенистский принцип уважительного молчания. Несколько человек подписали формуляр Александра VII. отозвали свои подписи, и среди епископов, духовенства, выпускников университетов и религиозных орденов, особенно среди ораторианцев и бенедиктинцев Сент-Мора, янсенисты приобрели много приверженцев. Хотя внешне во Франции царил мир, тем не менее янсенистский дух добился больших успехов, о чем свидетельствует противодействие нескольким популярным религиозным обрядам и распространение ригористических взглядов и практик в отношении исповеди и причастия. Спор о Галликанских свободах очень значительно усложнил этот вопрос и лишил папу возможности осуществлять свою власть. Даже такие епископы, как Боссюэ, которые были категорически против янсенизма, были склонны с подозрением относиться к папскому вмешательству, в то время как Людовик XIV. был лишен возможности приводить в исполнение указы папы, как это делали его предшественники. Партия янсенистов стала намного сильнее, и потребовался всего лишь небольшой инцидент, чтобы спровоцировать новый кризис.

Этот инцидент был освещен в публикации "Размышлений Моралеса о новом заветании" Паскье Кенеля (1634-1719). Писатель был оратором, но, будучи изгнанным из этого общества в 1684 году, он нашел убежище у Антуана Арно в Брюсселе. После смерти последнего в 1694 году он стал признанным главой или великим приором партии янсенистов. Более раннее издание этой работы было опубликовано с одобрения Виаларта, епископа Шалонского, и, хотя было внесено несколько дополнений, это одобрение было напечатано в новом издании вместе с одобрением Луи Ноая, тогдашнего епископа Шалонского (1695). В следующем году Ноай, ставший архиепископом Парижа, почувствовал, что его новое положение призвало осудить работу, близкую по своим идеям к тем, которые были выражены в "Размышлениях Моралеса". Партия янсенистов обвинила его в непоследовательности, одна из которых опубликовала "Церковную проблему", в которой спрашивалось, обязаны ли люди следовать мнениям Луи Ноая, епископа Шалонского в 1695 году, или Луи Ноая, архиепископа Парижа в 1696 году? Спор внезапно разгорелся с новой силой. Когда в 1699 году потребовалось новое издание, Ноай запросил мнение Боссюэ, который сформулировал определенные изменения, которые, по его мнению, следует внести.[1] В конце концов издание было опубликовано без предложенных изменений и без одобрения архиепископа.

Пока вокруг книги Кенеля бушевала полемика, произошел еще один инцидент, который, как правило, пробуждал все старые пристрастные чувства. Исповедник представил на суд Сорбонны знаменитое дело о совести. Он спросил, должен ли священник отпускать грехи кающемуся грешнику, который отверг учение, изложенное в пяти положениях Янсениуса, но который хранил почтительное молчание по вопросу о том, следует ли их искать в книге "Августин". В июле 1701 года сорок докторов Сорбонны дали утвердительный ответ на этот вопрос. Публикация этого ответа вызвала такую бурю во Франции, что Климент XI. посчитал необходимым осудить решение Сорбонны (1703). Осуждение папы поддержал Людовик XIV, а также большая часть епископов. Два года спустя Климент XI. издал буллу / Vineam Domini/, [2] подтверждающую конституции его предшественников, Иннокентия X. и Александра VII., и еще раз в авторитетной форме осудил доктрину почтительного молчания. Документ был принят королем, Собранием духовенства и большинством епископов, хотя приверженность некоторых из последних галликанским принципам заставила их настаивать на определенных условиях, которые папа не мог принять. Поскольку монахини Порт-Рояля по-прежнему отказывались подчиняться, их община была распущена, сестры были рассеяны по разным монастырям Франции (1709), а в следующем году монастырские здания были полностью разрушены.

Тем временем споры относительно /Размышлений Моралеса/ становились все более ожесточенными. Несколько епископов осудили книгу как содержащую много общего с трудами Янсениуса и его последователей во Франции. Действуя по требованию некоторых епископов Климента XI. опубликовал краткое осуждение книги Кенеля (1708). Янсенисты отказались принять решение папы, и парижский парламент, в то время в значительной степени находившийся под влиянием янсенистов, занял враждебную позицию. Кардинал Ноай, рассматривая приговор папы как более или менее личное оскорбление самому себе, колебался относительно того, какой курс ему следует избрать, но в конце концов он согласился принять осуждение при условии, что папа вынесет официальный приговор. О заявлении Людовика XIV. папа римский решил положить конец любой возможности сомнений или недопонимания, опубликовав Буллу / Unigenitus/ [3] (1713), в которой было осуждено 101 положение, взятое из книги Кенеля. Как обычно в подобных документах, предложения были осуждены / в globo/, некоторые как опрометчивые, некоторые как оскорбительные для благочестивых ушей, а

некоторые как еретические. Булла / Unigenitus/ была немедленно принята ста двенадцатью епископами Франции, большинством духовенства, Сорбонной, королем и парламентом. Янсенисты отказались признать, что в нем содержался окончательный вердикт на том основании, что, поскольку в нем не было ясно, какие положения были еретическими, а какие только опрометчивыми или оскорбительными, это был всего лишь дисциплинарный акт, а не обязательное доктринальное решение. Кардинал Ноай некоторое время колебался, но в конце концов он объединился с четырнадцатью епископами, которые отказались принять Буллу / Unigenitus/. Людовик XIV, хотя и был категорически против янсенистов, не желал позволять папе предпринимать серьезные действия против архиепископа Парижского, чтобы не поставить под угрозу свободы Галликанской церкви, в то время как парламент Парижа открыто сочувствовал тем, кто отказывался принять решение папы.

Смерть Людовика XIV (1714) и воцарение герцога Орлеанского в качестве регента привели к бурной реакции в пользу янсенизма. Кардинал Ноай был удостоен места в тайном совете и стал главным советником регента по церковным делам. Сорбонна отозвала свое подчинение Булле /Unigenitus/ (1715), и ее примеру последовали Университеты Нанта и Реймса. Многие янсенистские отделения и священники восстали против своих епископов и были взяты под защиту парламента. Обращения его капитула и духовенства побудили архиепископа Парижского решительно выступить против тирании Рима. Папа не раз упрекал регента, который много обещал, но отказывался предпринимать решительные действия. Сорбонна была наказана папой римским лишением ее права издавать богословские декреты (1716), в то время как многие епископы отказались разрешить своим студентам посещать ее курсы. В качестве последнего отчаянного средства четверо епископов Франции торжественно обратились к Генеральному собору с апелляцией против Буллы /Unigenitus/ (1717), и их примеру последовало множество людей. "Апеллянты", как их называли, вызвали такое волнение во Франции, что казалось, что их гораздо больше, чем было на самом деле. Менее двадцати епископов и не более трех тысяч священнослужителей, семьсот из которых принадлежали Парижу, присоединились к партии, в то время как более ста епископов и ста тысяч священнослужителей остались верны Риму. Тот факт, однако, что кардинал Ноай, архиепископ Парижа, поставил себя во главе /Апеллянтов/, сделал ситуацию решительно серьезной.

Когда частные протесты и увещания не увенчались успехом у Климента XI. издал Буллу /Pastoralis Officii/, которой он отлучил от церкви /Апеллянтов/ (1718). Кардинал Ноай, не испуганный этим приговором, подал новую апелляцию в торжественной форме, поддержанную его капитулом и большим количеством парижского духовенства. Были начаты переговоры с Иннокентием XIII. и Бенедикт XIII. в надежде побудить их отозвать Буллу / Unigenitus/ или, по крайней мере, дать ей более мягкое толкование, папы отказались менять решения, которые были приняты их предшественниками. Парижский парламент поддержал дело / Апеллянтов/ и отказался позволить епископам предпринять энергичные действия против них, пока, наконец, король не встревожился опасностью, угрожавшей Франции. Энергичные действия, предпринятые провинциальным советом Эмбруна против некоторых епископов-апеллянтов (1727), получили одобрение суда. В следующем году (1728) кардинал Ноай был вынужден подать прошение, и через короткое время доктора Сорбонны большинством голосов последовали его примеру. Хотя эти представления не были лишены хороших результатов, все же они послужили только для того, чтобы еще больше озлобить умы значительной части янсенистской партии и укрепить их в их оппозиции к Булле / Unigenitus /.

Янсенисты, не сумевшие заручиться одобрением папы или короля за свое еретическое учение, обратились к видимому суду Божьему. Диакон Франциск Парижский, [4] который был одним из лидеров секты и за святость которого, по словам его друзей, ручался тот факт, что он воздерживался от принятия Святого Причастия в течение двух лет, умер в 1727 году и был похоронен на кладбище Сен-Медар. Толпы людей стекались помолиться к его могиле, и утверждалось, что его заступничество приносило чудесные исцеления. Одно из самых ранних и поразительных из этих чудес было исследовано архиепископом Парижа и оказалось беспочвенным, но партия распространяла о других, еще более замечательных, в результате чего со всех концов Франции были привезены толпы инвалидов в надежде на выздоровление. Многие, особенно женщины, впадали в экстаз и сильные конвульсии вокруг гробницы, и, находясь в таком состоянии, они осуждали папу Римского, епископов и, одним словом, всехпротивников янсенизма. Из-за происходивших неприличных сцен кладбище было закрыто гражданскими властями (1732), но Конвульсионеры, как их называли, утверждали, что подобные чудеса творились в частных домах, в которых они собирались для молитвы и куда приносили глину, взятую с могилы Парижского диакона. Большая часть народа высмеивала экстравагантность секты, и многие умеренные янсенисты безжалостно осуждали Конвульсионеров. Вместо того чтобы принести янсенизму какую-либо пользу, эти так называемые чудеса, совершенно недостойные божественной мудрости и святости, служили только для нанесения вреда его делу и, по сути, христианской религии в целом, оказывая хорошее оружие в руках ее противников-рационалистов.

Но даже несмотря на то, что небеса не высказались в пользу янсенистов, парижский парламент решил защитить их. Он защищал епископов, которые отказались принять Буллу / Unigenitus/ против Папы Римского, пытался помешать православным епископам отстранить от должности священников-апеллянтов и запретил отстранять мирян-апеллянтов от причастия. Парламент Парижа осудил действия духовенства, отказавшего умирающим в последних таинствах, если они не смогут доказать, что исповедовались у одобренного священника. Хотя тайный совет отменил это осуждение, парламент остался верен своему решению и бросил вызов авторитету архиепископа Парижского, наказав священников, отказавшихся от таинств (1749-52). Епископы обратились к королю с просьбой защитить свободу Церкви, но парламент подтвердил свою юрисдикцию, лишив архиепископа Парижского временных полномочий и попытавшись привлечь его к ответственности в гражданских судах. Людовик XIV. отменил приговор парламента и изгнал некоторых наиболее буйных его членов из столицы (1753). Однако вскоре они были отозваны, и был издан королевский приказ, обязывающий обе стороны хранить молчание. За нарушение этого приказа де Бомон, архиепископ Парижский, был изгнан со своей кафедры, а несколько других епископов и священников предстали перед судебными инстанциями.

Собрание духовенства в 1755 году обратилось к королю с петицией о предоставлении большей свободы Церкви и восстановлении изгнанного архиепископа Парижского на его престоле. Была создана комиссия для изучения всего вопроса об отказе от таинств, и поскольку Комиссия не смогла прийти к какому-либо решению, дело было передано Бенедикту XIV., который постановил, что с теми, кто был публичными и печально известными противниками Буллы / Unigenitus /, следует обращаться как с публичными грешниками и их следует исключить из таинств (1756). Парламент Парижа и парламенты некоторых провинций запретили публикацию папского решения, но был издан королевский приказ, предписывающий всеобщее признание Буллы / Unigenitus /, даже если она не может рассматриваться как непреложное правило веры.

Согласно этому мандату, правила разрешения или отказа в отправлении таинств должны были определяться епископами, хотя любой человек, считавший себя пострадавшим от их действий, мог обжаловать злоупотребление церковной властью. Этот указ был зарегистрирован парламентом (1757), после чего архиепископу Парижскому было разрешено вернуться. С этого времени янсенизм во Франции быстро пришел в упадок, но последователи секты объединились с галликанцами из парламента, чтобы поработить Церковь, и с рационалистами, чтобы добиться подавления иезуитов, которых они считали своими самыми могущественными противниками.

Многие янсенисты бежали в Голландию, где галликаны были только рады таким мятежникам против Рима. Старая католическая иерархия в Голландии была свергнута, и папа был вынужден назначить апостольских викариев для удовлетворения нужд разрозненных католических общин. Один из них, назначенный в 1688 году, был оратором и как таковой очень неравнодушен к Кенелю и янсенистам. Из-за своего публичного союза с сектой он был отстранен от должности в 1702 году и низложен в 1704 году, но не раньше, чем он придал янсенизму большой импульс в Голландии. Около семидесяти приходов и около восьмидесяти священников отказались признать его преемника и перешли на сторону янсенистов. В 1723 году группа священников, называющих себя капитулом Утрехта, избрала Стенховена архиепископом Утрехта, а отстраненный от должности епископ по имени Варлет, ранее принадлежавший к Обществу иностранных миссий, посвятил его в сан вопреки протестам папы римского. Поддерживаемый кальвинистским правительством, новый архиепископ оставался в Утрехте до своей смерти, когда ему наследовали другие, придерживающиеся схожих взглядов. Позже епископства Харлема (1742) и Девентера были учреждены в качестве суфрагистских епархий Утрехта. Католики Голландии отказались признать эти епископства, как и папа римский, единственным ответом которого на их попытки был приговор об отлучении от церкви и интердикте. Янсенистский корпус Голландии, насчитывающий в настоящее время около шести тысяч человек, сохранил свою отдельную церковную организацию до наших дней. Они сопротивлялись установлению иерархии в Голландии (1853), выступали против определения папской непогрешимости и определенно присоединились к старокатолическому движению в Германии. -----

[1] Ингольд, / Боссюэ и янсенизм/, 1904.

[2] Дензингер, 11-е издание, № 1350.

[3] Denzinger, op. cit., nos. 1351-1451.

[4] Matthieu, /Histoire des miracles et des convulsionnaires de St. Medard/, 1864.

d) Квиетизм.

Molinos, /Guida spirituale/, 1681. /Oeuvres spirituelles de Madame Гийон, 42 тома, 1713. Guerrier, /Madame Guyon/, 1881. Fenelon, /Explication des maximes des Saints sur la vie interieure/, 1697. Bossuet, /Sur les etats d'oraison/, 1696. Крус, / Фенелон и Боссюэ /, 1896. Delmont, /Fenelon et Bossuet d'apres les derniers travaux de la critique/, 1896.

Мистицизм, подразумевающий подлинный союз души с Богом, был отличительной чертой пантеистических религиозных верований Индии, как и некоторых греческих философских систем. В средние века, хотя многие из наиболее способных представителей схоластики были также выдающимися мистиками, все же не раз мистицизм или теология сердца, не сдерживаемые руководящим влиянием теологии интеллекта, впадали в тяжкие ошибки, сродни пантеизму буддистов и стоиков. Многие из этих мистиков средневековья утверждали, что совершенство заключается в единении души с Богом посредством спокойного созерцания, так что те, кто достиг этого состояния, не нуждаются во внешних средствах для обретения святости, таких как добрые дела, таинства или молитвы; что они не обязаны подчиняться никаким законам, церковным или божественным, поскольку их воля едина с волей Бога; и что им не нужно прилагать усилий, чтобы противостоять плотским мыслям или желаниям, поскольку они исходят от дьявола и никак не могут запятнать душу. Таковым, однако, не было учение великих испанских авторитетов в области мистического богословия Святой Терезы, святого Иоанна Креста и Людовика Гранадского, чьи труды о духовном совершенстве и путях, ведущих к нему, никогда не были превзойдены. Нобок о бок с этой школой мысли в Испании проявила себя другая, менее ортодоксальная форма мистицизма. Многие сектанты, такие как алюмбрадос или иллюминаты, увлеченные пантеистическими принципами, впали в ошибку и выдвинули под видом мистического богословия немало экстравагантных идей, которые были осуждены Венским собором (1311 г.) и судом Вселенской Церкви.

Близкой к ошибкам этой испанской школы была доктрина, известная как квиетизм, которой учил Майкл де Молинос (1640-1696), испанский священник, который, завершив обучение в Валенсии, поселился в Риме. В 1675 году он опубликовал труд под названием "Духовные наставления", аскетические принципы которого привлекли столько внимания, что переводы книги почти сразу же появились почти во всех странах Европы. Учение Молиноса было донесено инквизиции иезуитами и доминиканцами, а в 1687 году Иннокентием XI. издал Буллу /Coelestis Pastor/,[1] в которой он осудил шестьдесят восемь предложений, выдвинутых Молиносом. После ареста автор был вынужден публично отречься от своих слов и оставался заключенным до своей смерти (1696 г.).

Согласно Молиносу, совершенство состоит в состоянии самоуничтожения, в котором душа остается полностью пассивной, полностью поглощенной созерцанием и любовью к Богу. Посредством этой пассивности или полного подчинения человеческих способностей Богу душа человека преобразуется и в некотором смысле обожествляется. Находясь в этом состоянии, нет необходимости действовать или желать действовать, думать о наградах или наказаниях, о недостатках или добродетелях, об освящении, покаянии или добрых делах, также нет необходимости сопротивляться плотским мыслям или движениям, поскольку это дела дьявола. Такая система, номинально основанная на чистой любви к Богу и неизбежно ведущая к ниспровержению закона, морали и религиозной власти, нашла большое распространение в Италии и Испании, где для ее подавления потребовалась вся энергия и полномочия инквизиции. Его поддержал ораторствующий Петруччи, впоследствии ставший кардиналом (1686), чьи книги о духовной жизни подверглись нападкам иезуита Пола Сегнери и были осуждены инквизицией.

Квиетизм приобрел популярность во Франции благодаря трудам и учению Франсиса Малаваля из Марселя и варнавита отца Лакомба. Однако человеком, чье имя наиболее тесно ассоциируется с квиетизмом во Франции, является мадам Жанна де ла Мот Гийон, молодая вдова, которая после смерти своего мужа посвятила себя молитвенной практике и изучению принципов духовной жизни. Признавая при этом фундаментальную доктрину системы Молиноса, а именно, что совершенство заключается в состоянии самоотречения, в котором душа полностью погружена в чистую любовь к Богу, она отвергла большинство абсурдных и аморальных выводов, которые, казалось, следовали из этого. По ее мнению, и особенно по мнению ее главного защитника Фенелона, чистая любовь к Богу без каких-либо мыслей о личных интересах, о награде или наказании составляет суть духовной жизни и должна быть принципом и мотивом всех обдуманных и достойных уважения поступков. Это учение представляет собой то, что известно как полу-квиетизм. Мадам Гийон опубликовала несколько работ и провела множество конференций в различных городах Франции. Тесная связь между ее учением и мистицизмом Молиноса привлекла недружелюбное внимание французских властей, особенно Людовика XIV. был решительным противником квиетизма. В результате мадам Гийон и ее духовный наставник, отец Лакомб, были арестованы в Париже (1688), но благодаря вмешательству мадам де Ментенон мадам Гийон была освобождена.

Фенелон, в то время священник и наставник герцога Бургундского, внука Людовика XIV. и будущий наследник французского престола, был глубоко заинтересован в преподавании мадам Гийон, с которой познакомился в Париже. Фенелон, отвергая ложный мистицизм де Молиноса, согласился с мадам Гийон в том, что состояние совершенства в этой жизни - это то, при котором все праведные поступки проистекают из чистой любви без какой-либо надежды на награду или страха наказания, и что все добродетельные поступки, чтобы быть достойными, должны прямо или косвенно проистекать из милосердия. Это учение нашло ярого противника в лице Боссюэ, епископа Мо. Для изучения всего вопроса была назначена комиссия в составе Боссюэ, де Ноая, тогдашнего епископа Шалонского, и Тронсона, настоятеля сульпициев (1695). Чуть позже к этому списку был добавлен Фенелон, который только что получил звание архиепископа Камбре. Конференция собралась в семинарии Сульпиция в Исси, и в результате было подготовлено тридцать четыре статьи, все из которых были приняты мадам Гийон и отцом Лакомбом. Первая, вернувшись в Париж, была арестована и вынуждена подписать еще одно отречение от своих теорий и пообещать, что она никогда больше не будет пытаться их распространять. С этого времени и до своей смерти в 1717 году она больше не принимала участия в дискуссиях.

Но спор о квиетизме должен был вестись между двумя величайшими церковниками и литературными гигантами своего времени, а именно Боссюэ, епископом Мо, и Фенелоном, архиепископом Камбре. Боссюэ, не удовлетворившись частичной победой, одержанной им на конференции в Исси, решил разоблачить опасные тенденции учения мадам Гийон кратким изложением католической доктрины о совершенстве и духовной жизни. Это он сделал в своей книге "Инструкции по ораторскому искусству", которую он представил Фенелону в надежде получить его одобрение. Этому Фенелон дать отказался, отчасти потому, что считал, что мадам Гийон была достаточно сурово наказана и не должна подвергаться нападкам после того, как она подчинилась, а отчасти также потому, что считал взгляды Боссюэ на благотворительность и своекорыстие необоснованными. Еще до того, как книга Боссюэ была опубликована, Фенелон предвосхитил его в работе под названием "Объяснение максимумов святых в жизни в интерьере", в которой он защищал многие взгляды мадам Гийон. Эта книга была представлена

архиепископу Парижа, Тронсону и некоторым богословам Сорбонны, от всех которых она получила самые высокие оценки.

Епископ Мо, раздраженный действиями Фенелона, донес на книгу Людовику XIV, который назначил комиссию для ее изучения (1697). Фенелон, опасаясь, что комиссия, одним из членов которой был его соперник Боссюэ, вряд ли вынесет беспристрастное суждение, направил свою книгу в Рим для вынесения приговора. Пока римские власти были заняты своими делами, между Фенелоном и Боссюэ велась ожесточенная полемика, которая, как бы сильно она ни укрепила литературную репутацию сражающихся, не была ни назидательной, ни поучительной. Особенно со стороны Боссюэ ясно, что личности сыграли гораздо большую роль, чем рвение к ортодоксии. В Риме мнения по поводу ортодоксальности работ Фенелона сильно разделились. Людовик XIV. не оставил камня на камне, чтобы добиться его осуждения. В конце концов, Иннокентий XII. осудил двадцать положений, взятых из книги (1699).[2] Этот приговор был вынесен Фенелону как раз в тот момент, когда он собирался взойти на кафедру в своем собственном соборе в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Усвоив ее содержание, он проповедовал о подчинении, которое полагается начальству, зачитал осуждение народу и объявил им, что он полностью подчиняется решению папы Римского, и искренне умолял своих друзей не читать его книгу и не защищать изложенные в ней взгляды. -----

[1] Denzinger, op. cit., nos. 1221-88.

[2] В кратком изложении, /Cum alias/, Дензингер, указ. соч., № 1327-49.

ГЛАВА VIII

РАЦИОНАЛИЗМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

а) антихристианская философия восемнадцатого века.

Леки, / История возникновения и влияния рационализма в Европе /, 1913. Уиндлбэнд-Тафтс, / История философии/, 1898. Убервег-Моррис, / История философии/, 2-е издание, 1876. Тернер, / История философии/, 1906. Binder, /Geschichte der philosophie ... mit Rucksicht auf den Kirchlichen Zustande/, 1844- 45. Lanfrey, /L'Eglise et les philosophes au XVIIIe siecle/, 1879. Faguet, /Etude sur le XVIIIe siecle/, 1890. Ланге, / История материализма /, 1877 (пер. с немецкого). Стивен, / История английского языка Мысль в XVIII веке /, 1881. Taine, /Les origines de la France contemporaine/ (vol. ii.), 1907.

В средние века теория о том, что человеческий разум должен быть поставлен выше веры, находила способных сторонников, и не раз появлялись люди, которые подвергали сомнению некоторые фундаментальные принципы христианства или шли еще дальше, полностью отвергая христианское откровение. Но такие взгляды были изложены в эпоху, когда мировоззрение общества было подчеркнуто религиозным, и они не оказали заметного влияния на современную мысль. Однако между четырнадцатым и восемнадцатым веками в мире произошли большие перемены. Догматическое богословие утратило свою власть над многими образованными людьми. Движение эпохи Возрождения, положившее начало литературной и исторической критике, замечательный прогресс, достигнутый в естественных науках, революционизировавший верования, которые до сих пор считались неоспоримыми, и влияние печатного станка и университетов, сами по себе создали бы опасный кризис в истории

религиозной мысли и потребовали бы более тщательного изучения со стороны теологов, чтобы точно определить границы, где кончается догма и начинается общественное мнение.

Но самым важным фактором, вызвавшим активное противодействие богооткровенной религии или намеренное презрение к ней, несомненно, была религиозная революция шестнадцатого века, и особенно опасные принципы, сформулированные Лютером и его сподвижниками для оправдания их сопротивления доктринам и практикам, которые веками принимались всем христианским миром. Они были вынуждены отвергать авторитет учения видимой Церкви, утверждать, что Христос дал людям свод доктрин, которые могут быть истолкованы Его последователями в будущие века так, как им заблагорассудится, и утверждать, что христиане должны следовать указам личного суждения вместо того, чтобы с готовностью подчиняться постановлениям пап и Соборов. Это были опасные принципы, всех последствий которых ранние реформаторы не осознавали. Если это было правдой, как они утверждали, что Христос не создал видимой власти для защиты и толкования Своего откровения, что на протяжении веков христианство искажалось добавлениями, которые были всего лишь изобретениями людей, то вполне можно спросить, какие гарантии могли дать Лютер или Кальвин, что их интерпретация учения Христа была правильной или обязательной для их последователей, и какой авторитет они могли предъявить, чтобы оправдать их вналожении каких-либо догматических ограничений на свободу человеческой мысли? Сами принципы, выдвинутые реформаторами шестнадцатого века для оправдания их неприятия определенных доктрин, были использованы последующими поколениями, чтобы подготовить почву для еще большего вторжения в содержание христианства и, наконец, для оправдания сомнительного отношения к самим основам, на которых зиждилось христианство. Эмпиризм, сенсуализм, материализм и скептицизм в философии подорвали догматическое христианство и подготовили почву для нерелигиозных и индифферентистских мнений, которые пользовались такой широкой поддержкой среди образованных и высших классов в восемнадцатом веке.

Движение, во многом обязанное своей широкой популярностью на Континенте влиянию французской рационалистической школы, зародилось в Англии, где частая смена религии во время правления Генриха VIII, Эдуарда VI, Марии и Елизаветы, распри между пуританами и партией Высшей Церкви и распространение революционных принципов во время правления Карла I. Немало способствовали тому, что религиозные убеждения значительной части общества пошатнулись. Многие люди, находившиеся под влиянием пантеистического учения, не верили в существование личного Бога, отличного от мира; другие, твердо придерживаясь веры в личное верховное Существо, отвергали Троицу и Воплощение, а еще большая часть настаивала на подчинении христианского откровения суждению разума и, как следствие, на неприятии всего в христианстве, что отдавало сверхъестественным. Работы этих людей были ввезены из Нидерландов во Францию, несмотря на все ограничения, которые могли быть наложены полицейскими властями, а их взгляды были популяризированы блестящей группой /литераторов/, пока за короткое время деизм и натурализм не стали довольно модными в высших кругах французского общества.

Главными писателями английской школы были лорд Герберт Шерберский (1581-1648), чьи произведения ставили под сомнение существование сверхъестественной религии; Джон Гоббс (1588-1679), апостол абсолютного правления, который видел в религии только средство держать людей в подчинении; Джон Локк (1632-1704), номинально сам христианин, чья философия эмпиризма и сенсуализма эффективно препятствовала вере в сверхъестественную

религию; Чарльз Блаунт (1630-93), который, подобно Флавию, был сторонником абсолютного правления. Филострат стремился дискредитировать христианство, выставя Аполлония Тианского соперником Христа; Коллинза, покровителя вольнодумцев (1676-1729); Джона Толанда (1670-1722), который, хотя изначально верил в христианское откровение, все больше склонялся к пантеизму; и Тиндала (1656-1733), который перешел от протестантизма к католицизму и, наконец, от христианства к рационализму. В Англии деизм и натурализм прочно закрепились среди высших классов, но глубоко религиозный темперамент англичан и их сильный консерватизм спасли нацию от попадания под влияние таких идей.

Во Франции религиозные войны между католиками и кальвинистами, споры, которые вели янсенисты и галликаны, экстравагантность конвульсионеров, вопиющая безнравственность двора во время правления герцога Орлеанского и Людовика XV, а также порабощение Церкви, приведшее к упадку рвения и образованности среди высшего духовенства, неизбежно способствовали росту религиозного безразличия среди масс. В высших кругах общества рационализм рассматривался как признак хорошего воспитания, в то время как те, кто твердо придерживался своих догматических убеждений, считались вульгарными и непрогрессивными. Дамы из высшего общества, такие как Нинон де Ланкло (1615-1706), собирали вокруг себя группы ученых поклонников, которые под видом рвения к торжеству литературных и художественных идеалов стремились популяризировать все непристойное и нерелигиозное. Среди некоторых выдающихся писателей, внесших значительный вклад в успех антихристианской кампании во Франции, можно упомянуть Питера Бейля (1647-1706), чей / Dictionnaire historique et critique / стал ведущим источником информации для тех, кто искал аргументы против христианства; Иоанна Баптиста Руссо (1671-1741), чья жизнь находилась в полной гармонии с грязью, которую он выражал в своих произведениях; Бернара ле Буавье де Фонтенеля (1657-1757), который, хотя никогда не был открытым врагом католической церкви, не внес ни малейшего вклада. своими произведениями он мало что подготовил для людей Энциклопедии; Монтескье (1689-1755), чьи сатирические книги о Церкви и государстве с удовольствием читались не только во Франции, но почти во всех странах Европы; Д'Аламбер (1717-83) и Дидро (1713-84), два человека, в основном ответственные за "Энциклопедию"; Гельвеций (1715-1771) и барон д'Гольбах, которые стремились популяризировать нерелигиозные взгляды, бытовавшие тогда среди дворянства путем распространения рационалистической литературы среди массы беднейших классов Парижа.

Но двумя писателями, чьи произведения больше всего подорвали богооткровенную религию во Франции, были Франсуа Мари Аруэ, более известный как Вольтер (1694-1778), и Жан-Жак Руссо (1712-1778). Первый из них родился в Париже, получил раннее образование у иезуитов и еще юношей был введен в салон Нинон де Ланкло, который в то время часто посещали главные литературные противники религии и морали. Его первые увлечения литературой сразу же выделили его как опасного противника христианской религии. Он путешествовал по Англии, где был в тесном контакте с деистической школой мысли, и по Германии, где был желанным гостем при дворе Фридриха II. из Пруссии и, наконец, поселился в Фернее в Швейцарии, недалеко от границ Франции. Ближе к концу своей жизни (1778) он вернулся в Париж, где ему устроили одацию. Поэты, философы, актрисы и академики соперничали друг с другом в чествовании человека, который поклялся сокрушить / L'Infame/, как он называл христианство, и чьи труды так много сделали для достижения этого результата на земле, где он родился. Прием, оказанный Вольтеру в Париже, является самым ярким доказательством религиозного и морального разложения всех классов Франции того периода. Жан-Жак Руссо родился в Женеве и

воспитывался как кальвинист. Позже он принял католическую религию, из которой снова скатился в кальвинизм, если действительно в последние годы жизни его беспокоили какие-либо догматические верования. Его личная жизнь находилась в совершенной гармонии с моральным тоном большинства его произведений. Он не обладал ни остроумием, ни литературным гением Вольтера, но во многих отношениях его произведения, особенно "Le Contrat Social", оказали большее влияние на Францию его времени и на Европу в целом с того времени, чем любые другие произведения восемнадцатого века. Его величайшими произведениями были "Новая Элоиза" (1759), роман, изображающий самую опасную из человеческих страстей; "Эмил", философский роман, посвященный образовательным идеям и непосредственно тяготеющий к деизму, и "Социальный контраст", в котором он утверждал, что вся власть исходит от народа и может быть отозвана, если те, кому она была доверена, злоупотребляют ею. "Признания", рассказывающие историю его бесстыдной жизни, были опубликованы только после его смерти.

Чтобы продолжать свою пропаганду, не привлекая в то же время внимания гражданских властей, рационалистическая партия прибегала к различным уловкам. Были опубликованы брошюры и книги, якобы описывающие нравы и обычаи зарубежных стран, но на самом деле направленные против гражданских и религиозных институтов Франции. Типичными примерами литературы этого класса были "Персидские письма" Монтескье, "Описание острова Борнео" Фонтанеля, "Жизнь Мухаммеда" Анри де Бульон Вилье и "Письмо на английском" Вольтера. Величайшей и наиболее успешной работой, предпринятой ими для популяризации своих идей, несомненно, была "Энциклопедия". Заявленной целью работы было представить в краткой и удобной форме последние и наилучшие результаты научных исследований во всех областях человеческого знания, но реальной целью основателей было распространение своих ядовитых взглядов среди народа Франции и отвоевать у него верность католической церкви. Чтобы избежать преследований со стороны правительства и скрыть свои истинные цели, многие статьи были написаны священнослужителями и мирянами, чья ортодоксальность была вне подозрений, и многие статьи, касающиеся религии, вышедшие из-под пера рационалистических коллаборационистов, были выдержаны в уважительном тоне, хотя внимательный читатель мог увидеть, что они не отражают истинных взглядов автора. Иногда приводились ссылки на другие статьи совсем другого рода, где, вероятно, противоположные точки зрения были установлены с помощью явно обоснованных аргументов. Инициатором проекта был Д'Аламбер, которому помогали Дидро, Вольтер, Монтескье, Кондильяк, Бюффон и Д'Гольбах. Работа была начата в 1750 году, и, несмотря на перерывы и временные приостановки, она была успешно завершена в 1772 году. Рецензенты и ученый мир с восторгом восприняли его как настоящую сокровищницу информации. Новые и недорогие издания этой книги были выпущены для широкой публики, и за удивительно короткое время влияние энциклопедистов достигло самых низших слоев французского общества. Многие из тех, кто обладал властью во Франции, одобряли замыслы энциклопедистов и чинили всевозможные препятствия на пути тех, кто стремился отстаивать учение Церкви, но вскоре у них появились причины пожалеть о своем одобрении кампании, которая привела непосредственно к революции.

b) Движение "Ауфкларунг" в Германии.

См. библиографию (viii. a). Tholuck, /Abriss einer geschichte der Umwalzung seit 1750 auf dem Gebiete der Theologie in Deutschland/, 1839. Staudlin, /Geschichte des Rationalismus und

Supranaturalismus/, 1826. Bruck, /Die rationalistischen Bestrebungen im Kath. Deutschland/, 1867. Weiner, /Geschichte der Kath. Theologie in Deutschland/, 1889. Wolfram, /Die Illuminanten in Bayern und ihre Verfolgung/, 1898-1900.

В Германии религиозные формулы, составленные с целью обеспечения хотя бы видимости единства или, по крайней мере, предотвращения религиозного хаоса, не были достаточно мощными, чтобы противостоять антихристианскому просвещению, охватившему Европу в восемнадцатом веке. В лучшем случае эти формулы были всего лишь творениями людей, отвергавших авторитет Церкви, и как творения людей они не могли рассматриваться как непреложные. Считалось, что с прогрессом знаний и развитием человеческого общества они требуют пересмотра, чтобы привести их в большее соответствие с результатами науки и потребностями эпохи. Влияние писаний, импортированных из Англии и Франции, подкрепленное одобрением и примером Фридриха II. из Пруссии, не могло не ослабить догматическое христианство среди лютеран Германии. Философское учение Лейбница (1646-1710), который сам был убежденным сторонником догматического христианства и ревностно выступал за воссоединение христианского мира, оказало огромное влияние на всю религиозную мысль Германии в XVIII веке. В его великом труде "Теодицея", написанном против Бейля, чтобы доказать, что между царствами природы и благодати не было конфликта, большее внимание уделялось естественному, чем сверхъестественному элементам в христианстве. Его ученики, выйдя за пределы, установленные учителем, подготовили путь для расцвета теологического рационализма.

Одним из величайших учеников Лейбница был Кристиан Вольф (1679-1754), который сам не был противником сверхъестественной религии. Однако вся направленность его аргументации была направлена на то, чтобы показать, что человеческий разум является единственным судьей истин откровения, и что все, что не согласуется с вердиктом разума, должно быть устранено. Многие из его учеников, такие как Ремиарус, Мендельсон и Гарве, развивали принципы, изложенные Вольфом, до тех пор, пока само упоминание догмы не подверглось открытому критике, а сам теизм не был выдвинут лишь как наиболее вероятная из множества возможных гипотез. В своем неприятии догматических верований партия пиетистов, основанная Шпенером в конце семнадцатого века, нашла большую поддержку, в то время как сторонники совести, которые утверждали, что собственная совесть человека является единственным правилом веры, и что до тех пор, пока человек действует в соответствии с велениями совести, он ведет праведную жизнь, быстро завоевали позиции. Некоторыми из ее главных лидеров были Мэтью Кнутцен и Кристиан Эдлеманн, которые отвергали авторитет Библии. Распространению рационализма во многом способствовало появление /Allgemeine Deutsche Bibliothek/, основанной в 1764 году Николаем в Берлине, через посредство которой среди широкого круга читателей распространялись книги, враждебные христианству.

Эти рационалистические принципы, применяемые к Библии и ее толкованию, помогли положить конец очень жестким взглядам на богодухновенность священных писаний, которых придерживались ранние лютеране. Все, что было сверхъестественным или чудесным, должно быть объяснено. Чтобы сделать это, не отрицая вдохновения, Семлер (1725-1791) сформулировал теорию "Приспособления", а именно о том, что Христос и Его апостолы приспособились к ошибочным взглядам своих современников. Но более крайние люди, как, например, Лессинг (1729-1781), опубликовавший "Фрагменты Вольфенбюттлера", написанные Реймарусом, в которых была предпринята яростная атака на библейские чудеса, особенно на

Воскресение Христа, напрямую атаковали чудеса христианства и решительно выступали за религиозное безразличие.

Рационалистический догматизм Вольфа, столкнувшийся лицом к лицу с возражениями Юма, не удовлетворил Иммануила Канта (1720-1804), который в своей "Критике чистого разума" (1781) отрицал, что наука или философия могут достичь знания о субстанции вещей в отличие от явлений, и что, следовательно, аргументы, обычно используемые для доказательства существования Бога, ничего не стоят. Однако в своей собственной "Критике практического разума" (1788) он попытался восстановить то, что сам разрушил, показав, что моральный закон, заложенный в сердце каждого человека, обязательно подразумевает существование высшего законодателя. Для Канта религия должна была отождествляться с долгом, а не с догматическими определениями. Подобная линия защиты, поскольку она пыталась убрать религию с арены интеллектуальных дискуссий, тем самым обходя большинство возражений, выдвинутых рационалистической школой, была опасной. Постепенно это привело к отказу от внешнего откровения и к догматическому безразличию. Такая теория в руках Гердера и, прежде всего, Шлейермахера (1768-1834) означала конец христианскому откровению в общепринятом понимании. Для Шлейермахера религия была не чем иным, как сознанием зависимости от Бога. Учитывая это чувство зависимости, различия в верованиях не имели значения. Между религией Лютера и религией Шлейермахера была огромная разница, но, тем не менее, именно Лютер заложил принципы, которые привели к распаду догматического христианства, и, делая то, что он делал, Шлейермахер всего лишь доказывал, что он достойный ученик такого учителя.

Безудержная свобода мысли, на которую претендовали столь многие протестантские реформаторы и теологи и которая закончилась заменой естественной религии сверхъестественной, не могла не оказать влияния в католических кругах. Многие католические ученые были близкими учениками философских систем Вольфа и Канта в Германии и трудов энциклопедистов во Франции. Они были убеждены, что схоластика, какой бы ценной она ни была в XIII веке, устарела и не соответствует современному прогрессу, что ее следует полностью исключить из учебной программы, а вместе с ней должны исчезнуть многие богословские наработки, которые она породила. Считалось, что католицизм, если он хочет закрепиться в качестве всемирной религии, должен быть преобразован таким образом, чтобы привести его в большее соответствие с выводами современной философии. Меньше внимания следует уделять догматам и полемическим дискуссиям, а больше - этическим и естественным принципам, содержащимся в христианском откровении.

Распространение галликанизма и февронианства и принятие этих взглядов ведущими правителями и политиками, тем самым ослабив авторитет папы Римского и епископов, помогло разрушить защиту католицизма и облегчить распространение рационалистических взглядов, особенно среди тех, кто часто посещал университеты. Как правило, от /Aufklärung/ пострадали только высшие и средние классы. Повсюду в Европе, во Франции, Испании, Португалии, Германии и Австрии, этот передовой либерализм дал о себе знать во второй половине восемнадцатого века, особенно после того, как подавление иезуитов устранило единственную организацию, способную успешно противостоять ему в то время, и обеспечило их противникам гораздо более сильную власть в центрах образования.

Именно в Германии и Австрии движение /Aufklärung/ привлекло наибольшее внимание. Схоластическая система философии была оставлена в пользу преподавания школы Лейбница-

Вольфа и Канта. Весь курс обучения студентов-священнослужителей подвергся полной реорганизации. Схоластика, казуистика и полемика были устранены. Их место заняли патология, церковная история, пастырское богословие и библейская экзегеза того типа, который был тогда в моде в протестантских школах.

План обучения, составленный аббатом Раутенштраухом, ректором Венского университета (1774), для студентов-богословов этого учебного заведения означал не что иное, как полный разрыв со всей традиционной системой церковного образования. Само по себе оно имело много оснований рекомендовать его, но принципов, лежащих в основе его внедрения, и класса людей, которым было доверено его управление, было достаточно, чтобы вызвать подозрения. Научный руководитель Австрии барон фон Свитен, сам находившийся в тесном контакте с янсенистами и энциклопедистами, выступал за внедрение нового плана во всех австрийских университетах и колледжах и, кроме того, позаботился о том, чтобы на кафедры назначались только люди либеральных взглядов. В руках таких профессоров, как Ян и Фишер, толкование Священных Писаний стало все больше и больше проникаться рационализмом протестантских школ; Церковная история, изложенная Данненмайром, Ройко и Гмейнером, стала в значительной степени апологией галликанизма; моральное богословие, преподаваемое Данцером и Рейбергером, было в значительной степени смоделировано на основе чисто рациональной системы этики, а каноническое право, действующее в высших школах, находилось в полной гармонии со взглядами Феврония и Иосифа II.

Князья-епископы Майнца, Трира и Кельна не жалели усилий для распространения этих либеральных взглядов среди тех, кто должен был стать будущими священниками на их территориях. В Университете Майнца взгляды Изенбиля на Священное Писание привели его к конфликту с Церковью; Блау, профессор догматики, отрицал непогрешимость Церкви и Генеральных Соборов; в то время как Дорш, профессор философии, был горячим учеником Канта. Аналогичное положение дел царило в Трирском университете, в Бонне, который был основан специально для борьбы с ультрамонтанством и консерватизмом Кельна, и в большей или меньшей степени во Фрайбурге, Вюрцбурге, Ингольштадте и Мюнхене. С помощью университетов и публикации различных обзоров эти либеральные теории распространились по всей Германии. Была предпринята попытка реформировать дисциплину и литургию Церкви, чтобы привести их в соответствие с новым богословием. Многие выступали за отмену народных богослужений, замену латинского языка немецким в молитвеннике и в ритуалах, а также за отмену церковного безбрачия.

В Баварии ситуация достигла критической точки, когда Вейсхаупт, профессор канонического права в Ингольштадте, основал тайное общество, известное как / Иллюминаты /, с целью свержения Церкви и гражданской власти, чтобы освободить место для всемирной республики, в которой единственной религией была бы религия человечества. Его умозрительные взгляды были в значительной степени заимствованы у энциклопедистов, а его план организации - у масонов. Сначала общество состояло только из студентов, но с приходом к власти фрайхерра фон Книгге было решено расширить сферу своей деятельности. Было приложено все усилия для привлечения рекрутов. Масоны оказали ему сильную поддержку, и Фердинанд Брауншвейгский стал одним из его членов. У него были свои уставы, ритуалы и декреты. К счастью, члены клуба поссорились и были достаточно глупы, чтобы перенести свои разногласия в общественную прессу. Таким образом, баварское правительство ознакомилось с опасным характером секты иллюминатов и предприняло решительные усилия для ее подавления (1784-1785).

с) масонство.

Гулд, / История масонства /, 3 тома., 1883-87. Findel, /Geschichte der Freimaurer/, 3 auf., 1870 (Eng. Пер.). Claudio Jannet, /Les precurseurs de la Franc-maconnerie au XVIe et au XVIIe siecle/, 1887. Deschamps et Jannet, /Les societes secretes et la societe/, 1882. Kloss, /Geschichte der Freimaurer in England, Ireland und Schottland/, 1847. Хьюэн, / Происхождение английского обряда масонства /, 1884.

Какова бы ни была ценность фантастических легенд, придуманных для объяснения происхождения масонства, несомненно, что первая великая ложа была образована в Лондоне в Праздник святого Иоанна Крестителя (1717). В том, что до этой даты в Англии, Шотландии и Ирландии существовало несколько разрозненных лож, и что эти ложи были единственными сохранившимися остатками своеобразной торговой гильдии, состоящей из масонов и некоторых представителей высших классов в качестве почетных членов, не может быть никаких сомнений. Общество быстро распространилось в Англии, Шотландии и среди протестантской колонии в Ирландии. Из Великобритании его принципы распространились по всей остальной Европе. Масонские ложи были основаны в Париже (1725-1732), в Германии (1733), Португалии (1735), Голландии (1735), Швейцарии (1740), Дании (1745), Италии (1763) и Швеции (1773). Масоны были объединены в тайное общество, члены которого были обязаны присягой и угрозой суровых наказаний подчиняться приказам и хранить молчание относительно его дел. У общества были свои ритуалы, свои степени ученика, товарища и мастера, а также свои паспорта и знаки отличия. Отдельные ложи в каждой стране были объединены под эгидой национальной великой ложи, и хотя различные попытки, которые предпринимались для создания международной организации, потерпели неудачу, все же не может быть никаких сомнений в том, что масоны во всем мире поддерживают самые тесные отношения и, по крайней мере, в общей политике действуют обычно как один человек. Масонству покровительствовали члены королевской семьи Англии, Фридрих II. Пруссии, Франциска I Австрийского, великого герцога Франциска Стефана Тосканского и Филиппа герцога Орлеанского, принявшего должность великого магистра во Франции. Его члены набирались в основном из высшего и среднего классов, поскольку вступительные взносы и расходы не позволяли стать членами никому, кроме сравнительно состоятельных людей. В то время, когда формировалось общество, именно дворянство и средние классы формировали общественное мнение в большинстве стран, и считалось, что если бы эти классы можно было склонить к поддержке принципов масонства, они, в свою очередь, могли бы влиять на массы людей.

Масонство было основано в то время, когда в Англии свирепствовали деизм и натурализм, и оно закрепилось в большинстве континентальных стран в эпоху, известную своей враждебностью к сверхъестественной религии. В первой статье "Старых обвинений" (1723) говорится, что "Масон обязан по своему статусу подчиняться моральному закону, и если он действительно понимает искусство, он никогда не будет глупым атеистом или нерелигиозным распутником". Точное значение этого предписания было предметом многих споров, но из продолжения той же статьи ясно, что универсальной религией, с которой согласны все люди, то есть разновидностью естественного христианства, должно было стать религия масонства. Общество заявляло, что преследует несектантские цели, но общая тенденция правил и организации в их практической

работе заключалась в том, чтобы поощрять презрение к догматической ортодоксии и религиозному авторитету и поощрять своего рода модифицированное христианство, из которого были исключены специфически католические доктрины.

Во Франции и Австрии масоны и рационалисты работали рука об руку над свержением устоявшейся Церкви и распространением атеистических взглядов. Общество также заявляло, что запрещает политические дискуссии, но и здесь статьи конституции намеренно расплывчаты, и совершенно очевидно, что в большинстве революций, которые нарушили мир в Европе за последние сто лет, масоны оказали очень мощное влияние. По многим причинам антирелигиозные и революционные тенденции масонства были более заметны в латинских странах, Франции, Испании, Португалии и Италии, чем в Англии или Германии. В 1877 году Великий Восток Франции отменил те части конституции, которые, казалось, признавали существование Бога и бессмертие души, и изменил ритуал таким образом, чтобы исключить все ссылки на религиозные догмы. Это действие привело к разрыву между Великим Востоком и ложами Англии, Германии и Америки. Тем не менее, многие масоны в этих последних странах сочувствовали позиции своих французских братьев и настаивали на том, чтобы интерпретировать по-своему весьма двусмысленную формулу, с помощью которой признается существование великого архитектора. Не может быть никаких сомнений в том, что даже в Англии человек может быть масоном, преданно принимающим все его статьи, и все же отказываться верить в существование личного Бога, отличного от мира. Масонство стремится установить дух товарищества и братства среди своих членов. Они обязаны помогать друг другу всеми возможными способами и практически при всех мыслимых обстоятельствах. Какой бы предосудительной ни была такая практика и какой бы опасной для общественного блага и интересов государства она ни была, именно эта черта общества завоевала для нее наибольшее количество приверженцев.

Масонство было осуждено Климентом XII в 1738 году. В конституции / *In eminenti*/, в которой было обнародовано это осуждение, он объяснил причины, побудившие его пойти на этот шаг. Это были антирелигиозные тенденции общества как в его теории, так и на практике, клятвы хранить тайну и повиноваться неизвестным начальникам, а также опасность для Церкви и государства, связанная с такими тайными комбинациями. Это осуждение было возобновлено несколькими его преемниками, как, например, Бенедиктом XIV (1751), Пием VII (1821), Григорием XVI (1832), Пием IX (1865) и Львом XIII (1884). С 1738 года католикам было запрещено под страхом отлучения от церкви становиться членами общества или способствовать его успеху. Согласно конституции / *Apostolicae Sedis*/ (1869), действующей в настоящее время, отлучение от церкви налагается на тех, кто присоединяется к масонам или подобным организациям, которые замышляют заговор против Церкви и установленной власти, а также на тех, кто поддерживает такие организации и не осуждает их лидеров.

(d) подавление Общества Иисуса.

Кретино-Жоли, Климент XIV. et les Jesuites/, 1847. De Ravignan, /Clement XIII. et Clement XIV./, 1856. Theiner, /Histoire du pontificat de Clement XIV. d'apres des documents inedits des arch. секр. du Vatican/, 2 vols., 1852. Уэлд, / Подавление Общества Иисуса в португальских владениях /, 1877. Rosseau, /Regne de Charles III. d'Espagne/, 1907. Riffel, /Die Aufhebung des Jesuitenordens/, 3 auf., 1855. Фоули, / Отчеты Общества Иисуса в Английской провинции /, 1877. Хоган, / Гиберния Игнатиана /, 1880. Тонтон, /Иезуиты в Англии/, 1901.

С момента его основания святым Игнатием Лойолой и утверждения Павлом III. Общество Иисуса оставалось верным учению и духу своего святого основателя и было лояльно Святому Престолу. В защите Церкви, особенно в Германии, Австрии, Польше, Венгрии и Франции, в области образования и литературы, в работе по распространению христианства среди рас и народов Индии, Китая, Японии и Америки, отцы-иезуиты заняли ведущее место. Они неустанно трудились, чтобы остановить нашествие ереси, внедрить католические принципы в умы подрастающего поколения и привлечь новых рекрутов на место тех, кто перешел на сторону врага.

Но самого их успеха было достаточно, чтобы вызвать гнев их противников и зависть соперников. Лютеране и кальвинисты, разъяренные успехом контрреформации, осудили иезуитов как врагов прогресса и просвещения, само существование которых представляло угрозу миру и свободе Европы. Эти обвинения были повторены янсенистами и галликанцами, неверующими философами и абсолютистскими политиками, и, что еще более странно, многими, чья ортодоксальность не могла быть подвергнута сомнению, но чьи суждения были искажены их раздражением по поводу замечательного успеха сравнительно молодой организации. Иезуитов обвиняли в том, что они поощряют распущенность нравов из-за поддержки, оказываемой некоторыми из них вероятностизму, в сочувствии пелагианству из-за доктрины Молины, в поддержке тиранубийства из-за работы Марианы, в поддержке абсолютизма из-за их тесных отношений с правителями Франции и Испании и в стремлении подорвать правительства и конституции своими тайными политическими планами и своим чрезмерным богатством. Искаженные выдержки, взятые из работ отдельных иезуитов, были опубликованы как представляющие мнения всего общества, а печально известная "Monita Secreta", якобы содержащая наставления Аквавивы своим подданным, была подделана (1612), чтобы дискредитировать Общество.[1]

Не раз казалось, что объединенные атаки его врагов вот-вот увенчаются успехом. Во время пребывания Аквавивы на посту генерала (1585-1615) общество было изгнано из Франции и Венеции, в то время как требования испанских иезуитов о назначении испанского настоятеля, подкрепленные влиянием двора, угрожали разрушить единство общества. Снова во времена Поля Оливы (1664-1681) и Шарля Нуайеля (1682-1686) споры относительно янсенизма, вероятностности, "Регалий" и Галликанской декларации французского духовенства (1682) поставили под угрозу существование Общества во Франции и грозили привести к недоразумениям со Святым Престолом, но по Провидению Божьему эти опасности были предотвращены, и восемнадцатый век застал иезуитов все еще энергичными в Европе и не менее энергичными в своей работе среди языческих народов.

Но их противники, хотя и терпели поражения снова и снова, не падали духом. Неверующие философы восемнадцатого века признали в иезуитах самых способных защитников католической церкви. Если бы только им удалось устранить их, как заявлял Вольтер, работа по разрушению Церкви казалась бы сравнительно легкой. Поэтому они объединили все свои силы для одного грандиозного нападения на Общество как оплот христианства. В их планах им помогали янсенисты, стремившиеся отомстить за поражение, которое они получили от рук иезуитов, а также абсолютистские государственные деятели и правители Европы, которые стремились к порабощению Церкви и которые боялись иезуитов как самых способных защитников прав религии и Святого Престола. Иезуиты в значительной степени контролировали католическое образование, как мирское, так и клерикальное, и была надежда,

что, поставив на их место учителей, преданных верховенству государства и просвещению, можно было обеспечить будущее абсолютизма и рационализма.

Атака на иезуитов началась в Португалии во время правления Жозефа Эммануила (1750-1777). Он был человеком либеральных взглядов, стремившимся способствовать благосостоянию своей страны, а также укреплять власть короны. При достижении этих целей он руководствовался советами премьер-министра Жозефа Себастьяна Карвалью, более известного как маркиз Помбал.[2] Последний много путешествовал и был насквозь пропитан либеральным и рационалистическим духом того времени. Он считал католическую церковь врагом материального прогресса, а иезуитов - худшими учителями, которым можно доверить молодежь любой страны. Договор, заключенный с Испанией, согласно которому испанцы должны были передать Португалии семь владений Парагвая в обмен на Сан-Сакраменто, предоставил ему давно желанную возможность напасть на иезуитов (1750). Индейцы на Сокращениях, обращенные иезуитами, должны были быть изгнаны со своих земель, чтобы освободить место для добычи золота, и хотя иезуиты изо всех сил пытались убедить свой народ подчиниться этому указу, индейцы, обезумевшие от несправедливости и жестокости обращения португальцев, подняли восстание. Иезуитов обвинили в разжигании восстания. По приказу Помбала они были арестованы и доставлены в Португалию, где против них были опубликованы самые экстравагантные обвинения, чтобы очернить их в глазах народа.

Португальское правительство обратилось к Бенедикту XIV. принять меры против Общества. Папа назначил Салданию апостольским посетителем для рассмотрения выдвинутых обвинений. Хотя инструкции, изложенные для руководства посетителем, были точны в каждой детали, Салдания, не обращая внимания на ограничения, налагаемые папой римским, и не выслушав никаких доказательств, которые могли бы свидетельствовать в пользу обвиняемого, принял решение против иезуитов и добился лишения их факультетов в Лиссабоне (1758). В сентябре того же года заговор, направленный против одного из королевских чиновников, но предполагавшийся, что его целью было убийство короля, был раскрыт и без каких-либо доказательств приписан иезуитам. Они и многие из их предполагаемых союзников среди знати были арестованы и брошены в тюрьму; их школы были закрыты, и предпринимались различные бесплодные попытки побудить молодых членов отречься от Общества. Наконец, в сентябре 1759 года был издан указ об изгнании иезуитов. Большинство из них были арестованы и отправлены в Папскую область, в то время как другие, менее удачливые, были заключены в тюрьмы Португалии. Отец Малагрида, один из самых способных и праведных людей Общества, был казнен по сфабрикованному обвинению в ереси (1761). Климент XIII (1758-1769) предпринимал различные попытки спасти общество и предотвратить разрыв с Португалией, но Помбаль был полон решимости довести дело до крайности. Португальский посол в Риме внезапно прервал переговоры со Святым Престолом и покинул город, в то время как нунция в Лиссабоне сопровождали до испанской границы (1760). На десять лет (1760-1770) дружественные отношения между Римом и Португалией были прерваны.

Во Франции у иезуитов было много могущественных друзей, но у них было также много способных и решительных врагов. Янсенисты, контролировавшие парижский парламент, рационалисты, галликаны и немало докторов Сорбонны, хотя и разделились почти по всем остальным вопросам, выступили против Общества заодно. В их кампании им помогали мадам де Помпадур, любовница короля, для которой иезуитская теология была недостаточно мягкой, и герцог де Шуазель, премьер-министр короля. Хорошо известные иезуитские наклонности

Людовика XV. и королевской семьи в целом, наложил определенную меру пресечения на врагов Общества, пока знаменитый судебный процесс Ла Валетта не предоставил его противникам возможность возбудить общественные чувства и преодолеть угрызения совести слабоумного короля. У иезуитов была очень важная миссия на острове Мартиника. Местные жители работали на своих обширных миссионерских землях, плоды которых тратились на содействие духовному и светскому благополучию людей. Ла Валетт, настоятель иезуитов на острове, был очень успешен в своих деловых операциях, и, воодушевленный своим успехом, он занял деньги во Франции, чтобы увеличить ресурсы миссии. Эти деньги он мог бы выплатить без труда, если бы во время войны между Францией и Англией несколько судов с его товарами не были захвачены англичанами (1755). Вследствие этого Ла Валетт оказался не в состоянии расплатиться со своими кредиторами, некоторые из которых пытались взыскать свои долги, возбудив гражданский процесс против прокурора парижской провинции. По нескольким причинам иезуиты, хотя и не отказывались заключить разумное мировое соглашение, отказались признать какую-либо ответственность. Кредиторы настаивали на передаче дела в суд, и суд в Марселе вынес решение в их пользу. Затем прокуратор-иезуит обратился с апелляцией к парижскому парламенту, в то время сильно янсенистскому по своим тенденциям. Парламент, не удовлетворившись поддержанием приговора, воспользовался народным чувством, возбужденным против Общества, чтобы возбудить уголовный процесс против всего общества (1761).

Была назначена комиссия для изучения конституций и привилегий иезуитов. В нем сообщалось, что Общество было опасным для государства, враждебным / Галликанским свободам/ и незаконным. Труды Беллармина и Бузенбаума было приказано сжечь, а знаменитая "Extrait des Assertions", своего рода синяя книга, содержащая подборку непопулярных взглядов, отстаиваемых писателями-иезуитами, была опубликована, чтобы показать опасные тенденции Общества и очернить его в глазах людей. Провинциал иезуитов предложил от имени себя и своих подданных принять Заявление французского духовенства и подчиниться указаниям епископов, но это предложение, помимо того, что было неприятно римским властям, не смягчило гнева антииезуитской партии, которая стремилась ни к чему иному, как к полному разрушению Общества.

Людовик XV. пытался достичь компромисса, добившись назначения викария Франции. С этой целью он созвал собрание французских епископов (1761), подавляющее большинство из которых не имели ничего, кроме похвалы работе иезуитов, и не желали никаких изменений в устройстве Общества. Аналогичные взгляды были выражены собранием французского духовенства в 1762 году. Климент XIII. энергично выступавший в защиту иезуитов, но открыто игнорировавший его советы и мольбы, указ о ликвидации Общества был принят парламентом в 1762 году, хотя его исполнение было отложено по приказу короля. Тем временем Папе римскому и генералу Риччи были сделаны предложения[3] об изменении конституции, чтобы обеспечить назначение независимого настоятеля Франции, но это предложение было отклонено как папой, так и генералом. В 1763 году иезуитские колледжи были закрыты; от членов Общества потребовали отказаться от своих обетов под угрозой изгнания, и, поскольку вряд ли кто-либо из членов выполнил это условие, указ об изгнании был обнародован в 1764 году. Климент XIII. опубликовал Буллу, защищающую конституцию Общества и отвергающую обвинения против его членов (1765), в то время как французские епископы обратились с серьезным призывом к королю от его имени (1765).

Примеру Португалии и Франции вскоре последовала Испания. Карл III (1759-1788) был способным правителем, стремившимся восстановить былое величие своей страны, поощряя создание промышленности и способствуя привлечению иностранного капитала и иностранных специалистов. Он ни в коем случае не был нерелигиозным, но на него в значительной степени повлияли либеральные тенденции того времени, как и в более заметной степени на двух его главных министров Аранду и де Рода. Народные настроения были возбуждены благосклонностью, которую король проявлял к французским капиталистам и ремесленникам, и в некоторых местах произошли безобразные волнения. Министры предположили королю, что за этим движением стоят иезуиты и что они являются авторами некоторых опасных и подстрекательских брошюр. Были проведены тайные советы, в результате которых губернаторам всех городов, в которых находились иезуитские дома, были выданы запечатанные инструкции о том, что в назначенную ночь иезуиты должны быть арестованы (1767). Эти приказы были выполнены в точности. Около шести тысяч иезуитов были схвачены и поспешно доставлены на побережье, где их ждали суда для транспортировки в Папскую область. Когда это было сделано, был издан королевский указ, подавляющий Общество в Испании по определенным веским причинам, которые король не пожелал разглашать. Климент XIII. он энергично протестовал против таких насильственных мер, но единственным результатом его увещаний было то, что епископы, защищавшие папское вмешательство, были изгнаны, те, кто стремился способствовать возвращению Общества, были объявлены виновными в государственной измене, а любому иезуиту, пытавшемуся высадиться в Испании, грозила смертная казнь.

В Неаполе, где жил Фердинанд, сын Карла III. в Испании, где тогда правили, подавление иезуитов было спланировано и осуществлено премьер-министром Тануччи, человеком едва ли менее недружелюбным к Обществу, чем Помбаль. Иезуиты были арестованы без всякого суда и были отправлены через границу в Папскую область (ноябрь 1767 г.). Почти такая же участь ожидала их на территориях герцога Пармского и Пьяченцы, где министр дю Тийо в течение лет проводил кампанию против прав католической церкви. В 1768 году Климент XIII. выступил с решительным протестом против политики правительства Пармы. Это вызвало гнев всей семьи Бурбонов. Франция, Испания и Неаполь потребовали отзыва этого / *Monitorium* / под угрозой насилия. Папские государства Авиньон и Венессен были оккупированы французскими войсками, в то время как Неаполь захватил Беневенто и Понтекорво. Были предприняты различные попытки заручиться поддержкой императрицы Марии Терезии и вызвать оппозицию в небольших королевствах Италии. Но Климент XIII, не уstraшенный угрозами насилия со стороны бурбонов, отказался уступить их требованиям подавления Общества, против которого ничего не было доказано и против которого ничего нельзя было доказать, кроме его горячей защиты католической церкви и его привязанности к Святому Престолу. В январе 1769 года послами Франции, Испании и Неаполя был предъявлен ультиматум с требованием подавления Общества. Папа отказался согласиться на это, но прежде чем содержащиеся в нем угрозы могли быть приведены в исполнение, Климент XIII скончался (февраль 1769 г.).

На последовавшем за этим конклаве правители Бурбонов приложили все усилия, чтобы добиться избрания папы, разделяющего их взгляды. Их представителям было поручено свободно использовать право вето против всех кардиналов, которые, как известно, благосклонны к иезуитам. После трехмесячной борьбы был избран кардинал Ганганелли, принявший титул Климента XIV (1769-1774). Он восстановил дружеские отношения с Пармой, начал переговоры с Португалией, возвел брата Помбала в сан кардинала, назначил Перейру,

одного из придворных богословов, в португальское епископство, отправил нунция в Лиссабон и добился официального примирения (1770).

Неправда, что перед своим избранием Климент XIV. официально обязался подавлять иезуитов. Однако едва он был коронован, как представители Франции и Испании предъявили ему требования, аналогичные тем, которые были предъявлены его предшественнику. Климент XIV пообещал согласиться на подавление (1769), но попросил времени, чтобы обдумать такой важный шаг. В надежде удовлетворить противников иезуитов папа занял недружелюбную позицию по отношению к Обществу и назначил апостольских посетителей для ознакомления с делами семинарий и колледжей, находящихся под его контролем, из большинства из которых в результате расследования иезуиты были уволены. Он предложил полностью изменить конституцию общества, но и это предложение было отклонено. Карл III. король Испании выдвинул ультиматум, в котором настаивал на немедленном подавлении Общества под угрозой отзыва своего посла из Рима. Этот ультиматум получил одобрение всех правителей Бурбонов. Столкнувшись с такой ужасной опасностью, мужество Климента XIV. изменило ему, и он решил принять подавление как меньшее из двух зол (1772). В июле 1773 года папой был подписан Бриф /*Dominus ac Redemptor noster*/, предписывающий подавление Общества в интересах мира и религии. Дома иезуитов в Папской области были окружены солдатами, а генерал Риччи был заключен в качестве пленника в замке Святого Анджело. Указ был направлен епископам для передачи ими иезуитам, проживающим в их епархиях. В большинстве стран Европы указ о подавлении был выполнен в точности, иезуиты как организация лояльно подчинились решению папы римского.

Однако Екатерина II Российская и Фридрих II на жителей Пруссии работа иезуитов как просветителей произвела такое благоприятное впечатление, что они запретили епископам публиковать указ на своих территориях. В 1776 году между Пием VI было достигнуто соглашение. и Фридриха II., согласно которому иезуиты на территории Пруссии должны были быть формально распущены и снять свою одежду, но им было разрешено продолжать под другим именем руководить колледжами, которыми они владели. Российская императрица Екатерина II до самой своей смерти продолжала защищать Общество. В 1778 году она настояла на возведении послушничества, на что устное разрешение, по-видимому, было дано Пием VI. В других странах многие иезуиты трудились как светские священники, другие из них объединились в конгрегацию, известную как "Отцы веры" (1797), а другие до сих пор состоят в конгрегации отцов Святого Сердца. В 1803 году английской общине иезуитов в Стонихерсте было разрешено присоединиться к русской конгрегации; в 1804 году Общество было восстановлено с разрешения Пия VII. в Неаполе, а в 1814 году папа Римский издал Буллу /*Sollicitudo omnium Ecclesiarum*/, формально восстанавливающую Общество. Как ни странно, уже на следующий год (1815) в Санкт-Петербурге на иезуитов разразилось гонение, и в 1820 году они были изгнаны с территории России.

Именно страх перед правителями Бурбонов вынудил Климента XIV. согласиться на подавление деятельности иезуитов. Принеся в жертву общество, известное своей лояльной защитой Папы и подчинением ему, он надеялся восстановить мир в Церкви и предотвратить многочисленные бедствия, которые угрожали самому ее существованию во Франции, Испании, Португалии и Неаполе. Но он прожил достаточно долго, чтобы понять, что его слабость привела лишь к новым и более непомерным требованиям и что профессора, занявшие кафедры, освобожденные иезуитами, были слишком готовы предоставить свои голоса и перья в распоряжение

гражданской власти и выступить против Святого Престола. Подавление Общества было воспринято как настоящий триумф силами нерелигиозности и рационализма. Планы, которые эта группа вынашивала в течение многих лет, наконец увенчались успехом; самый сильный из аванпостов был захвачен, и оставалось только предпринять последний отчаянный штурм самой крепости. Гражданские правители, позволившие использовать себя в качестве инструмента для продвижения замыслов рационалистов и масонов, вскоре получили основания сожалеть о жестокости, с которой они обращались с Обществом Иисуса. Через несколько лет Революция была в полном разгаре; троны Франции, Испании, Португалии и Неаполя были свергнуты, а те члены королевских семей, которые избежали эшафота или темницы, сами были вынуждены искать убежища в чужих землях, как были изгнаны иезуиты во времена Климента XIV.

[1] О /Тайной моните/, ср. Бернар, / Секретные инструкции иезуитов/, 1903. Duhr, /Jesuitenfabeln/, 1904. Джерард, /Иезуитское пугало/ и др. ("Месяц", август 1901 г., стр. 179).

[2] Du Breuil, /Un ministre philosophe, Carvalho, marquis de Pombal/ (/Revue historique/, 1895, pp. 1 sqq.).

[3] Carayon, /Le pere ricci et la suppression de la compagnie de Jesus en 1773/, 1869.

е) Провал попыток воссоединения. Протестантские секты.

Bossuet, /Oeuvres completes/, 1846 (vii.). /Oeuvres de Leibniz/, etc., 1859. Kiefl, /Der Friedensplan des Leibniz fur Wiedervereinigung der getrennten Kirchen/, 1903. Lescoeur, /De Bossueti et Leibnitii epistolarum commercio circa pacem inter Christianos conciliandam/, 1852. Tabaraud, /Histoire critique des projets formes depuis trois cents ans pour la reunion des communions chretiennes/. Kahnis, /Der innere gang des deutschen Protestantismus/, 3Auf., 1874. Franke, /Geschichte der protestantism Theologie/, 1865. Erbkam, /Geschichte der protestantischen Sekten im Zeitalter der Reformation/, 1848.

Какими бы ни были надежды на восстановление единства христианского мира в первые годы реформационного движения, перспективы воссоединения становились все более отдаленными по мере того, как давали о себе знать практические результаты принципа частного суждения. Католические богословы больше не были призваны вести переговоры с Лютером, Кальвином или Цвингли, и им было недостаточно сосредоточить свое внимание на опровержении / Confessio Augustana / или / Confessio Tetrapolitana /. Ведущие последователи ранних реформаторов сочли себя вправе подвергать сомнению учение своих учителей по причинам, в точности аналогичным тем, на которые ссылались их учителя в защиту своих нападков на католическую церковь. Принцип религиозной власти был отвергнут, люди чувствовали себя свободными устанавливать свои собственные стандарты ортодоксальности, и если бы не гражданские правители, которые вмешались, чтобы уберечь свои государства от временных опасностей религиозной анархии, и создать своей собственной властью какую-либо организацию, которая заняла бы место католической иерархии, кальвинизм и лютеранство приняли бы почти столько же форм, сколько было людей, которые заявляли, что принимают эти религиозные системы. Как бы то ни было, несмотря на религиозные формулы, составленные по большей части по наущению и совету гражданских правителей, для человека оказалось

невозможным заменить старые оплоты, установленные Христом для защиты хранилища веры. Как следствие, новые секты появлялись в каждой стране, принявшей реформатское учение.

Во Франции кардиналом Ришелье были предприняты некоторые попытки добиться воссоединения католиков и кальвинистов. Предпринимая эти шаги, он руководствовался скорее соображениями государства, чем рвением к благу Церкви, но пропасть, разделяющая две партии, была слишком велика, чтобы ее можно было преодолеть даже французским патриотизмом. В Польше, где единство было особенно необходимо и где катастрофические последствия религиозной розни были слишком очевидны, Ладислав V. решил созвать конференцию в Торне в 1645 году для обсуждения религиозных различий, но, хотя в ней приняли участие представители нескольких земель Германии, хороших результатов это не дало.

В Германии работа, оказавшаяся слишком масштабной для теологов, была предпринята князьями в 1644 году и не принесла лучших результатов. Позже, по наущению императора, Кристофер Рояс де Спинола, австрийский епископ, провел последние двадцать лет своей жизни (1675-1695) в тщетных попытках положить конец религиозному спору. Не обращая внимания на неоднократные отказы, он переходил от двора к двору в Германии, пока, наконец, в Ганновере не увидел некоторую перспективу успеха. Герцог Эрнест Август созвал конференцию лютеранских богословов (1679), главным из которых был Моланус, протестантский аббат Локкума. Лютеранские богословы были готовы согласиться с тем, что все христиане должны немедленно вернуться к своему повиновению папе, при условии, однако, приостановления действия постановлений Тридентского собора и созыва нового Генерального совета, состоящего из представителей всех партий, для обсуждения основных спорных вопросов. Со своей стороны, Ройяс был склонен во многом уступить в отношении церковного безбрачия и авторитета светских князей в церковных делах. Иннокентий XI, хотя и не одобрял того, что было сделано, похвалил епископа за усилия, которые он приложил, чтобы добиться воссоединения.

Лейбниц, библиотекарь и архивариус герцога Брауншвейгского, уже приняв некоторое участие в работе по примирению, вступил в переписку с Боссюэ, епископом Мо. Он выступал за компромисс на основе принятия верований первых пяти веков и опубликовал свою "Систему богословия" как средство донести католическую точку зрения до умов своих единоверцев. Боссюэ и французский историк Пеллиссон ответили взаимностью на его усилия, но не на происки Людовика XIV. а надежды на английское престолонаследие, которые питал дом Брауншвейгов, сводили на нет все шансы на успех.

С самого начала, хотя Лютер и Цвингли были едины в своем неприятии Рима, они не смогли прийти к согласию относительно общей религиозной платформы. Спор о таинствах, поначалу ограниченный Лютером и Карлштадтом, стал еще более ожесточенным после того, как Цвингли открыто встал на сторону последнего. Несколько немецких князей приняли взгляды Цвингли, и было сочтено необходимым сохранить некое единство среди реформаторов, особенно ввиду угрожающей позиции Карла V. В Марбурге (1529 г.) была созвана конференция, на которой Лютер, Меланхтон, Осиандер и Агрикола согласились встретиться с Цвингли, Эколампадиусом, Бутцером и другими швейцарскими лидерами. Конференции не удалось прийти к удовлетворительному соглашению, но в 1536 году было заключено Виттенбергское соглашение, в соответствии с которым предполагалось, что мир может быть восстановлен путем принятия

весьма двусмысленной формулы. Лютер, однако, отказался позволить связать себя соглашением, и спор продолжался так же жаростно, как и раньше.

Тем временем Кальвин взялся проповедовать доктрины о Евхаристии, совершенно отличные от тех, которые выдвигали Цвингли или Лютер, в результате чего Цюрих оказался в конфликте с Женевой, как ранее оказался в конфликте с Виттенбергом. Чтобы восстановить некоторое подобие единства среди швейцарских реформаторов, Буллингер, признанный глава цюрихской партии, вступил в сношения с Кальвином, и в 1549 году было достигнуто доктринальное соглашение, известное как / *Consensus Tigurinus*/ (Цюрихское согласие). Позже это было подтверждено / *Confessio Helvetica*/ (1564).

После смерти Лютера в 1545 году Меланхтон стал признанным главой лютеранской партии. По многим вопросам он был склонен не соглашаться с доктриной своего учителя. Его учение о Евхаристии стало все больше приближаться к взглядам Кальвина, так что теории Импанации и Товарищества Лютера потеряли популярность в Германии. Филипписты, или криптокальвинисты, быстро завоевали позиции в стране, в результате чего немецкие протестанты были разделены на враждебные части. В 1561 году в Наумбурге была проведена конференция, но она распалась, так и не сделав ничего для восстановления религиозного единства. Наконец, в 1576 году курфюрст Август Саксонский созвал собрание богословов в Торгау для обсуждения разногласий, возникших между ортодоксальными последователями Лютера и криптокальвинистами или последователями Меланхтона. Якоб Андреа, ректор Тюбингенского университета, был жизнью и душой движения за воссоединение. Взяв за основу сформулированный им план соглашения, конференция разработала "Книгу Торгау", копии которой были разосланы лютеранским князьям и теологам для выражения их мнения. Когда это было получено, /Книга Торгау/ была переработана (1577) и была составлена Формула согласия (/ *Formula Concordiae*/), включающая Исповедь Аугсбурга, Апологию Меланхтона за это Исповедание, Статьи Шмалькальда и два Катехизиса, изданных Лютером (1577). Но поскольку не было полномочий для обеспечения соблюдения этой Формулы, несколько штатов отказались принять ее.

В Саксонии при Кристиане I. (1586-91) филипписты, пользующиеся благосклонностью при дворе, одержали победу над своими противниками, но после смерти Кристиана ортодоксальные лютеране одержали верх, и Николас Крелл, премьер-министр и канцлер Саксонии во время предыдущего правления, был брошен в тюрьму, а позже казнен (1601). Кальвинизм продолжал неуклонно прогрессировать в Германии. Он был введен в Пфальц во время правления Фридриха III (1583) и, хотя был подавлен его сыном и преемником, одержал верх. Точно так же в Гессен-Касселе, Липпе, Бранденбурге и Ангальте она приобрела много новых приверженцев. Все попытки установить мир между враждующими сектами потерпели неудачу, кальвинизм был официально признан Вестфальским миром (1648).

Среди лютеранской партии Германии вспыхнули ожесточенные споры по многим другим вопросам, помимо Евхаристии. Один из первых последователей Лютера по имени Агрикола, [1] впоследствии профессор Виттенберга (1539), в своих попытках подчеркнуть учение своего учителя о добрых делах провозгласил, что дух страха, столь характерный для Ветхого Завета, уступил место мягкости и любви Нового, и что, следовательно, христиане, получившие оправдание, больше не находятся под обязательствами закона. Это то, что было известно как / Антиномизм /, форма заблуждения, неизвестная среди ранних гностиков и среди некоторых

еретических сект средневековья. Агрикола подвергся жестокому нападению со стороны Лютера (1538-40), бежал в Берлин (1540) и вернулся позже, чтобы заявить о своей покорности, но Лютер отверг все его попытки примирения. Меланхтон, однако, занял более дружелюбную позицию. Спор продолжался годами, и / Антиномизм / в гораздо более преувеличенной форме распространился в других странах, особенно в Англии, где парламент был вынужден принимать законы против своих сторонников во время правления Карла I.

Тесно связанным с антиномистическим спором был другой, известный как "Осиандрист"[2] по имени одного из его главных участников, Эндрю Осиандера. Последний, профессор иврита в Нюрнберге, видя опасные результаты учения Лютера о добрых делах, попытался внести некоторые изменения, которые устранили бы опасность, связанную с явным презрением последнего к добрым делам. По этой причине он осудил всеобщее отпущение грехов, которое было введено взамен исповеди за ушами, и настаивал на возвышении Причастия как исповедания веры в доктрину Реального Присутствия. Ввязавшись в острый спор со своими коллегами в Нюрнберге, он покинул университет и занял профессорскую должность в Кенигсберге в Пруссии (1549), где его поддержал правитель герцог Альберт. Что касается Оправдания, он учил, что прощение грехов и удовлетворение не следует путать с Оправданием, что последнее осуществляется пребыванием Бога в личности оправданного, что, хотя человеческая природа Христа является необходимым условием для искупления, именно благодаря божественной природе осуществляется пребывание Бога в человеке, и что благодаря этому пребыванию святость Бога вменяется творению. Это учение вызвало значительную оппозицию. Морлин и другие осудили Осиандера как антихриста. Герцог Альберт поинтересовался мнениями ведущих теологов только для того, чтобы обнаружить, что, поскольку они сами были разделены, они не могли установить никаких определенных правил для его руководства. Осиандер умер в 1552 году, но ссора продолжалась, и какое-то время казалось, что она приведет к восстанию. Наконец, противники Осиандра восторжествовали, когда они добились включения своих взглядов в прусский /Corpus Doctrinae/ (1567) и казни Функа, ведущего сторонника осииандризма (1601). Другой профессор Кенигсберга того периода, Станкарус, утверждал, что Искупление следует приписывать человеческой природе, а не божественной природе Христа, но его исключили из университета и со всех сторон обвиняли в несторианстве.

По этому вопросу о добрых делах разгорелась ожесточенная полемика после Лейпцигского / Временного/ собрания (1548). Лютер полностью обесценил ценность добрых дел как средства к спасению. Однако в этом вопросе Меланхтон был готов пойти на значительные уступки католикам, что он и сделал в 1535 и 1548 годах, когда признал, что добрые дела необходимы для обретения вечного счастья. Эту точку зрения горячо поддержал Майор, профессор из Виттенберга, который был осужден Амсдорфом как противник доктрины оправдания Лютера (1551). Амсдорф, Флациус и другие утверждали, что добрые дела были скорее помехой, чем подспорьем к спасению, в то время как Мейджор упорно придерживался позиции, что добрые дела заслуживают похвалы. "Мажоризм", как называлась новая ересь, был осужден в самых жестоких выражениях, потому что он предполагал возвращение к доктрине папистов. Майор был отстранен от должности проповедника (1556) и вынужден был отречься от престола (1558).

Полемика / адиафористов/ разгорелась в связи с Лейпцигским /Временным собранием/ (1548). В этой попытке примирения Меланхтон не отказался уступить по многим пунктам католическим представителям и согласился с тем, что некоторые доктрины и практики Церкви, подвергшиеся

нападкам со стороны Лютера, были, по крайней мере, безразличны и могли быть приняты. За это он подвергся нападкам со стороны Маттиаса Флациуса, прозванного Иллириком[3] из-за места своего рождения, профессора иврита в Виттенберге с 1544 года. Последний протестовал против уступок, на которые пошел Меланхтон, осудил как нечестивый союз Христа с Велиалом и вернулся в Магдебург, где к нему присоединились Амсдорф и другие, поддерживавшие его утверждение. Он был изгнан из города и, наконец, умер во Франкфурте в 1575 году.

Вопрос о сотрудничестве человека в его обращении породил то, что было известно как спор / Синергистов /. Лютер выдвинул в качестве первого принципа, что человек ничего не вносит в дело своего собственного обращения, но, хотя Меланхтон вначале согласился с этой точкой зрения, в более поздний период он был склонен приписывать некоторую активность человеческой воле, по крайней мере в том смысле, что она должна бороться со своей собственной слабостью. Эта точка зрения была усилена и развита Джоном Пфеффингером, профессором из Лейпцига, который публично проповедовал необходимость человеческого сотрудничества (1550) и опубликовал трактат в защиту этой позиции (1555). Доктрина Пфеффингера вызвала противодействие Амсдорфа, Флациуса и других лидеров ортодоксальной лютеранской партии. Лейпциг и Виттенберг объединили усилия, чтобы поддержать доктрину сотрудничества, в то время как большинство профессоров Йены заняли противоположную сторону. Однако один из последних, Штригель, поддержал Пфеффингера, и в Готе под председательством герцога Джона Фредерика был проведен публичный диспут. Лютеранская партия требовала наказания Штригеля и его сторонников так энергично, что герцог был вынужден арестовать их, но, раздраженный попыткой лютеран установить религиозную диктатуру в ущерб верховенству гражданского правителя, он учредил консисторию, состоящую из юристов и чиновников, в обязанности которых входило следить за религиозным обучением на его территории. Анти-синергисты, протестовавшие против этой меры как ущемления прав духовной власти, были изгнаны, а Йена вступила в единодушие с Виттенбергом и Лейпцигом в защите синергизма. Со сменой правителей произошла очередная смена доктрины. Князья, встревоженные яростью разногласий, созвали конференцию в Альтерн-Бурге в 1568 году, которая длилась четыре месяца и не привела ни к какому соглашению. После восшествия на престол курфюрста Августа ведущие противники синергистов, включая большое количество суперинтендантов и проповедников, были лишены своих должностей.

Своими лекциями и преподаванием в Хемштадтском университете Джордж Каликст[4] положил начало новой и продолжительной дискуссии, известной как "Синкретистская полемика". Герцог Брауншвейгский отказался принять "Формулу согласия", и профессора основанного им университета чувствовали себя гораздо более свободными в своем преподавании, чем профессора других центров лютеранства. Каликст отрицал вездесущность тела Христа и приписывание божественных качеств человеческой природе Христа. Хотя он был решительным противником нескольких явно католических или кальвинистских верований, он видел много хорошего в обоих, и он страстно желал воссоединения христианского мира на основе принятия верований и практик первых шести веков. Его обвинили в стремлении смешать все религии, и в доказательство этого обвинения утверждалось, что он отвергал лютеранское учение о первородном грехе и о естественных способностях человека творить добро еще до оправдания, что он защищал похвальный характер добрых дел, верховенство папы, по крайней мере, / *de jure ecclesiastico* /, и жертвоприношение Мессы (1639). В 1643 году состоялся диспут, в ходе которого Хорнехус, коллега Каликста, поддержал его учение, особенно о заслугах добрых дел. Появление Каликста на конференции, созванной королем Польши в Торне (1645) для содействия

воссоединению с Римом, и дружественное отношение, которое он занял к католикам и кальвинистам, помогли усилить подозрения его противников. Каликст умер в 1656 году, но в течение многих лет после его смерти дух терпимости, который он так много сделал для воспитания, был одной из отличительных черт Хельмштадтского университета. Именно во время этого спора впервые была четко сформулирована Теория ответвлений, а именно, что католицизм, лютеранство и кальвинизм образуют три подразделения единой истинной Церкви.

Среди кальвинистов чрезвычайно грубое учение о Предопределении, которому учил Кальвин, вскоре оказалось слишком сильным для веры многих его последователей. Некоторые из них, твердо придерживаясь учения Кальвина, утверждали, что независимо от Первородного греха Бог создал одних для славы, а других - для проклятия, что Христос умер только для спасения избранных, и что только им дана благодать, необходимая для спасения (супралапсарианцы). Другие, ужаснувшись жестокости такой доктрины, утверждали, что указ, предопределяющий некоторых в ад, последовал за предвидением Первородного греха (инфралапсарианцы). Эта точка зрения была выдвинута Теодором Кунхортом и нашла значительную поддержку, но подверглась нападкам со стороны большинства кальвинистских священников, и последовали ожесточенные споры. Ортодоксальная партия призвала к себе на помощь Арминия^[5] (Германзуна), выдающегося молодого кальвинистского проповедника, который посещал лекции Безы в Женеве, но чьи строгие взгляды были значительно изменены пребыванием в Италии. Вместо того чтобы поддерживать супралапсарианцев, его симпатии были полностью на стороне более мягкой доктрины, и после своего назначения профессором в Лейдене (1603) он стал признанным главой инфралапсарианцев. Его главным оппонентом был Гомар, также профессор Лейдена, который обвинил Арминия в полупелагианстве. Арминий, отвергая такое обвинение как беспочвенное, возразил, указав, что, по мнению его противников, Бог был виновником греха. Оба предстали перед Ассамблеей штатов в 1608 году, чтобы защитить свои взгляды, и хотя большинство было склонно поддержать Арминия, двум руководителям и их последователям было навязано молчание. В следующем году умер сам Арминий (1609), но его доктрины были поддержаны епископием, которого поддерживали ученый юрист Ольденбарневельд и гуманист Гроций. В ответ на выдвинутое против них обвинение в ереси последователи Арминия представили штатам Протест, воплощающий их доктрины (1610 г.), и по этой причине они были названы Протестантами. Сначала штаты заняли нейтральную позицию, но, поскольку гомаристы или антиремонстранты нарушили запрет на молчание, основав отдельные общины, власти были склонны не просто терпеть, но и поддерживать протестующих.

Морис, принц Оранский, штатгальтер Голландии, стремясь укрепить свое положение, объединившись с ортодоксальными кальвинистами, начал ожесточенную кампанию против арминиян. Ольденбарневельд и Гроций были арестованы и предстали перед синодом Дордрехта (1617), на котором первый был приговорен к смертной казни, в то время как Гроций был заключен в тюрьму пожизненно, хотя через два года ему удалось бежать. В Дордрехте состоялся еще один Синод (ноябрь 1618-апрель 1619), на который прибыли представители со всех частей Голландии, Пфальца, Англии и Шотландии. С самого начала последователи Арминия допускались только в качестве обвиняемых и были призваны защищаться от обвинения в ереси. Против них выдвигался авторитет Кальвина, как если бы он был непогрешимым. Поскольку арминиян подозревали в республиканских принципах, Вильгельм

Оранский и его сторонники были настроены решительно враждебно. Протестанты, отчаявшись добиться беспристрастного слушания, покинули Синод. Были обсуждены пять статей, содержащихся в Протесте, и были изданы указы относительно тех частей учения Кальвина, которые были поставлены под сомнение. Было решено, что вера - это чистый Божий дар, который Бог дает тем, кого Он предопределил по Своей собственной милости и без какой-либо ссылки на их заслуги перед избранием; что Христос умер только за избранных; что воля человека не участвует в деле его обращения; и что избранные освобождены от власти греха, так что, хотя они могут быть виновны в серьезных преступлениях, они никогда не смогут стать врагами Бога или лишиться славы, к которой они были предопределены. Постановления Дордрехтского синода были приняты в основном в Голландии, Швейцарии, Франции, на территории бранденбургского курфюрста и в Гессене, но в других частях кальвинистской Германии и в большей части Англии они встретили серьезное противодействие.

/Анабаптисты /. [6]—Вера в то, что крещение не может быть законно даровано младенцам, которые не научились пользоваться разумом, была распространена многими сектантами среднего возраста и возродилась во времена Реформации. Его сторонники, заявляя о своей свободе толкования Священных Писаний в соответствии со своим собственным суждением, утверждали, что у них есть божественная санкция на свое учение. Лидерами секты в Саксонии и Тюрингии были Томас Мюнцер и Николас Сторч. Они представляли крайне левую часть лютеранской партии, выступавшей за равенство людей и общность собственности. В Цвиккау, где зародилось движение, вспыхнули жестокие беспорядки, и лидеры удалились в Виттенберг, где к ним присоединился Карлштадт. Потребовалось присутствие самого Лютера, чтобы предотвратить полное попадание города в их руки. Из-за опасного характера радикальных принципов, отстаиваемых анабаптистами, несколько князей Германии объединили усилия для их подавления. Они потерпели поражение в битве при Франкенберге (1525), Мюнцер был арестован и казнен. Перед казнью он вернулся в католическую церковь.

Несмотря на это поражение, партия добилась значительного прогресса в Западной Германии и Нидерландах, где людям были настолько отвратительны их политические и социальные условия, что они были готовы слушать полурелигиозных, полусоциальных реформаторов, таких как анабаптисты. Они овладели городом Мюнстер в Вестфалии. Двумя главными лидерами были Джон Лейденский (портной) и Джон Маттиас или Маттисон (пекарь), первый из которых был назначен королем. Город был осажден и взят в 1535 году, а главные анабаптисты были казнены. В Швейцарии движение добилось значительного прогресса. Из Швейцарии она распространилась на юг Германии, но триумф князей во время крестьянской войны разрушил надежды крайних анабаптистов и заставил секту отказаться от большинства своих фанатичных тенденций. Лидером более современной анабаптистской секты был Менно Симонис, священник, присоединившийся к Обществу в 1535 году, в честь которого анабаптистов часто называют меннонитами. [7] Последние отвергали крещение младенцев и доктрину Лютера об оправдании одной верой. Они протестовали против клятв даже в судах и смертной казни.

/Швенкфельдианцы /. [8] —Эта секта обязана своим происхождением Каспару фон Швенкфельду (1489-1561), уроженцу Силезии, который, хотя и был привержен многим доктринам Лютера, считал, что Лютер был склонен придавать слишком большое значение вере и внешней организации, исключая настоящую религию. Он считал, что следует уделять больше внимания мистическому и религиозному элементу, другими словами, личному единению индивидуальной души с Богом. По его словам, это должно быть началом и концом любой религии, и если бы это

могло быть достигнуто, организация и догма должны были бы рассматриваться как имеющие второстепенное значение. Он отвергал крещение младенцев, рассматривал таинства как простые символы, отрицал Реальное присутствие Христа в Евхаристии и утверждал, что в Воплощении человеческая природа Христа была в некотором смысле обожествлена. Швенкфельд провел несколько бесед с Лютером в надежде склонить его на свою сторону, но безуспешно. Из-за своей ссоры с мастером Швенкфельд был изгнан из Страсбурга в 1533 году и осужден лютеранским собранием в Шмалькальде в 1540 году. Его доктрины нашли значительную поддержку в Силезии и в государствах нескольких немецких князей, хотя только после смерти Швенкфельда его последователи начали организовываться в отдельные общины. Из-за преследований многие из них бежали в Америку, где поселились в Пенсильвании (1634). В 1742 году к секте относились терпимо в Пруссии.

/Социнианство/. [9]—Учение о Пресвятой Троице нашло много противников в латинских странах примерно во времена Реформации. Михаил Сервет, Джентилис, Кампанус и Бландрата атаковали Троицу с разных точек зрения, но, безусловно, самыми опасными противниками доктрины были Лаэлий Социн (1525-1562) и его племянник Фауст Социн (1539-1604). Первый из них стал членом тайного общества, основанного в Виченце (1546) для обсуждения и распространения антитринитарных взглядов (1546). Главными членами этого органа были Джентилис, Бландрата, Альциатус и Лаэлий Социнус, священник из Сиены и человек, который поддерживал тесные отношения с некоторыми ведущими лютеранами и кальвинистами. Когда общество в Виченце было подавлено, несколько видных членов бежали в Польшу в поисках убежища. Лаэлиус Социнус, хотя и оставался в Цюрихе, считался руководящим духом партии до своей смерти в 1562 году. Затем его племянник Фауст Социнус занял место, освобожденное его дядей. Антитринитариин в Польше, которые начали называть себя унитариями с 1563 года, обосновались в Ракове. В 1579 году Фауст Социнус прибыл в Польшу в то время, когда антитринитариин были разделены на противоборствующие фракции, но за короткое время ему удалось склонить большинство из них на свою сторону. Доктрины Социна и его главных учеников были объяснены в "Катехизисе Ракова" (впервые опубликован в 1605 году) и в многочисленных богословских трудах Социна. В 1638 году социнианцы были изгнаны из Польши, и большинство католических и протестантских князей Европы приняли против них насильственные меры.

Хотя Социн проявлял величайшее уважение к Священным Писаниям как к единственному источнику всех религий, он заявлял о праве свободного толкования вплоть до отказа от всего, что в них превосходит возможности человеческого понимания. В этом отношении он был таким же рационалистом, как любой из крайних рационалистов, боровшихся против христианства в восемнадцатом веке. Бог, утверждал он, был абсолютно прост, и поэтому не могло быть Троицы; Он был бесконечен и, следовательно, не мог соединиться с человеческой природой, как предполагалось в учении о Воплощении; Святой Дух не был личностью, отличной от Отца, а только энергией и могуществом Отца, проявляющимися в освящении душ. Христос не был Богом; Он был просто Логосом, рожденным чудесным образом и назначенным Богом быть посредником для людей. Он вознесся на Небеса, где был в некотором смысле обожествлен и наделен верховной властью над вселенной. Следовательно, в противовес унитариям Социн утверждал, что Христу следует поклоняться как Богу. Он умер на кресте по повелению Отца, но искупление человека было совершено скорее Его примером послушания и Его проповедью, чем заместительной жертвой Его жизни. Дело искупления, которое Христос начал на земле, продолжается на Небесах через Его ходатайство перед Отцом. Из этого представления об

искуплении логически вытекало, что таинства нельзя рассматривать как каналы благодати или как нечто большее, чем внешние признаки единения с христианским телом. Социнианская доктрина была осуждена Павлом IV.[10] (1555) и Климентом VIII. (1603).

/Пиетизм/. [11] — Это движение среди лютеран во многом напоминало некоторые проявления мистицизма в католической церкви в четырнадцатом и пятнадцатом веках. Его целью было привлечь внимание к духовной и этической стороне религии независимо от догм и внешней организации. Одним из ее величайших лидеров был Шпенер, [12] студент Женевы, а позже проповедник во Франкфурте. В своих попытках привнести религию в повседневную жизнь людей и пробудить в них чувство личного отношения к Богу он основал / Collegia Pietatis /, частные собрания для изучения Священных Писаний, обсуждения средств искупления и общего возрождения религиозного рвения. С той же целью он написал "Pia Desideria" (1567), которая была высоко оценена набожными лютеранами Германии как книга для духовного чтения. Он подчеркивал идею всеобщего священства, которой, по его мнению, несколько пренебрегали лидеры лютеран, выступал за то, чтобы те, кому предназначено служение, обучались духовной жизни, а не богословским знаниям, поощрял добрые дела как лучшее средство достижения вечного блаженства, возражал против полемических дискуссий и приветствовал создание частных обществ для продвижения христианского совершенства. Примерно в то же время Франке и Антон предприняли аналогичную работу в Лейпциге, основав / Collegium Philobiblicum/ в основном для студентов и служащих университета. Это общество было распущено по наущению лютеранского богословского факультета, а два его основателя были уволены. Вскоре Шпенер был назначен на должность в Берлине и был принят при дворе с большим благоволением. Под его влиянием трое из его ведущих учеников, Франке, Антон и Брайтхаупт, были назначены профессорами Университета Галле, который с того времени стал ведущим центром пиетизма в Германии. Студенты стекались в Галле со всех концов Германии, из Дании и Швейцарии. Была предпринята попытка опровергнуть учение Лютера о добрых делах и настаивать на практическом аспекте христианства, отличном от интеллектуального. Это отодвигание догмы на второй план и учреждение частных собраний, вытесняющих церковную организацию и установленную литургию, привело к развитию сепаратистских тенденций и, в конечном счете, к распространению догматического безразличия. Примечательно, что Семлер был одним из студентов, наиболее искренне приверженных пиетизму в Галле.

/Хернхутерс/. [13]—Эта секта была всего лишь развитием моравских братьев, основанных в 1457 году одним из гуситских лидеров. Своим развитием в восемнадцатом веке он обязан графу Цинцендорфу (1700-1760), богатому дворянину и пиетисту школы Шпенера. Несколько моравских или чешских братьев обратились к нему за подходящим местом для основания поселения, и он предложил им часть своего поместья в Хутберге (1722). Поскольку они были склонны ссориться между собой, он лично взял на себя организационную работу. Он назначил коллегия старейшин для контроля за духовными и мирскими делами общины, а также коллегия дьяконов, которые специально следили за мирскими нуждами братьев. Как и пиетисты в целом, он уделял мало внимания догматическим различиям, позволяя лютеранам, кальвинистам и моравянам иметь своих отдельных старейшин. Поскольку ему не терпелось заняться миссионерской деятельностью, он получил священный сан и хотел проповедовать в Богемии, но австрийское правительство отказалось разрешить ему продолжать свою работу в этой провинции и даже добилось его изгнания из Саксонии. Он путешествовал по Европе, посетив Голландию и Англию, и основал несколько своих общин в обеих этих странах, после чего вернулся в Хернхут в 1755 году. При жизни Цинцендорф считался главой всей общины, но после

его смерти сохранить единство стало гораздо труднее. Херрнхутеры добились некоторого прогресса в Германии, но их наибольшую силу на сегодняшний день можно найти в Англии и Соединенных Штатах.

/Сведенборгианцы/. [14]— Основателем этой секты был Эмануэль Сведенборг (1688-1772), родившийся в Стокгольме и получивший образование в Университете Упсалы. Он был очень выдающимся студентом, особенно на факультете математики и физических наук, и после продолжительного турне по Германии, Франции, Голландии и Англии он вернулся и обосновался в Швеции, где ему предложили кафедру в Упсале, но он отказался. С 1734 года он начал обращаться к изучению философии и религии. После 1743 года, когда он заявил, что Наш Господь явился ему в видении, научил его истинному духовному смыслу Священного Писания и повелел ему наставлять других, он оставил свои математические занятия и полностью обратился к религии. Как иудаизм был вытеснен христианством, так и откровение, данное Христом, утверждал он, должно было быть усовершенствовано тем, что было даровано ему самому. Он отверг теорию оправдания Лютера, учение Кальвина о Предопределении, доктрины Троицы, Первородного греха и Воскресения тела. Единый Бог, по его словам, принял к Себе человеческую плоть, и имя "Сын Божий" было должным образом применено к человечеству, принятому Богом Отцом, в то время как Святой Дух был всего лишь энергией и действием Богочеловека. Новый Иерусалим, который должен был занять место христианской церкви, должен был быть заложен в день завершения им своей великой работы / Вера христианская религиозная/ (1770). Он утверждал, что страшный суд состоялся в его присутствии в 1757 году. При своей жизни он мало что сделал для организации своих последователей, за исключением создания небольших обществ по изучению Библии, но после его смерти организация нового Иерусалима быстро продвинулась вперед. Из Швеции секта распространилась в Англию, где в 1787 году в Ланкашире была основана первая община, а также в Америку и Германию. Долгое время сведенборгианцы преследовались в Швеции как еретики. -----

[1] Каверрай, /Дж. Агрикола/, 1881. Elwert, /De antinomia Agricolae/, 1837.

[2] Моллер, / доктор Андреас Осиандер/, 1870.

[3] Пререп, /М. Flacius Illyrikus und seine Zeit/, 2 Bde., 1859-61.

[4] Доулинг, /Жизнь и переписка Христа/, 1863.

[5] Maronier, /Jacobus Arminius/, 1905. De Bray, /Histoire de l'eglise Arminienne/, 1835.

[6] Keller, /Geschichte der Wiedertaufer und ihres Reichs/, 1880.

[7] Schyn, /Historia Christianorum qui Mennonitae appellantur/, 1723.

[8] Hofmann, /Caspar Schwenkfelds Leben und Lehren/, 1897.

[9] Bock, /Historia Antitrinitariorum maxime Socinianismi/, 1774-84. Леклер, / Ф. Социн/, 1884.

[10] Дензингер, указ. соч., № 993.

[11] Ritchl, /Geschichte des Pietismus/, 1880-6.

[12] Hossbach, /Ph. J. Spener und seine Zeit/, 1853.

[13] Camerarius, /Historica narratio de Fratrum Orthodoxorum ecclesiis/, etc., 1625. Гамильтон, / История Моравии Церковь или Братское единство /, 1900.

[14] Тафель, /Документы, касающиеся жизни и характера Э. Swedenborg/, 1875-77. Gorres, /Emanuel Swedenborg, seine visionen und sein verhaltniss zur Kirche/, 1827.

ГЛАВА IX

ПАПСТВО

См. библиографию, глава iv (b). Ciacconius, /Vitae et res gestae Romanorum Pontificum/, 1677. Сандини, /Жизнеописание римлянина. Понтифик./ и др., 1753. Guarnacci, /Vitae et res gestae Rom. Понтифик./ и др., 1751. Ранке, указ. соч., Ремон, указ. соч. Della Gattina, /Histoire diplomatique des conclaves/, 1865. /Bullarium Romanum/.

Какой бы сложной ни была ситуация, с которой столкнулись папы в шестнадцатом веке и первой половине семнадцатого века, когда ересь свирепствовала по всей Европе и когда католические нации были вынуждены бороться за само свое существование, она не была ни на йоту более сложной или критической, чем та, которая была создана растущими и эгоистичными требованиями католических правителей, с которыми столкнулись их преемники в эпоху абсолютного правления. Вестфальский мир (1648), давший официальную санкцию принципу государственного нейтралитета, означал не что иное, как полную революцию в отношениях, существовавших до сих пор между Церковью и государством. Пока христианский мир был объединен в одну великую религиозную семью, признающую Папу Римского общим Отцом христианского мира, не было ничего странного в том, что в спорах между князьями и подданными или между правителями независимых государств признавался авторитет Папы Римского как верховного арбитра или что его вмешательство даже в мирские дела не должно было рассматриваться как необоснованное.

Но как только религиозное единство Европы было нарушено отделением целых народов от Церкви, и как только политико-религиозная конституция Священной Римской империи была разрушена принятием принципа религиозного нейтралитета, папы почувствовали, что их вмешательство даже косвенное в мирские дела, каким бы оправданным оно ни было само по себе, не может привести к хорошим результатам. Следовательно, помимо их действий в качестве временных суверенов Папской области, положения, которое обязывало пап принимать участие в политических делах, вся тенденция заключалась в том, чтобы строго ограничиваться духовными вопросами и сохранять гармонию, по возможности, между Церковью и государством. Однако эта политика не удовлетворяла эгоистичным замыслам правителей, которые были полны решимости сокрушить все представительные институты и утвердить за собой полную и неограниченную власть. Католические правители, ревниво относившиеся к возросшим полномочиям, обеспеченным протестантскими князьями за счет осуществления высшей церковной юрисдикции, решили утвердить для себя несколько подобную власть над католической церковью на своих собственных территориях. Добрые отношения между католическими князьями и Папой могли нарушиться уже не из-за

предполагаемых вторжений Церкви во владения государства, а из-за посягательств государства на права Церкви. Эти правители требовали подавляющего голоса при всех церковных назначениях; они настаивали на осуществлении / Королевской власти / в отношении папских документов и заявлений епископов; они больше не желали мириться с привилегиями и изъятиями, допущенными их предшественниками в пользу священнослужителей или церковной собственности; они требовали права диктовать кардиналам, кто должен быть папой, и Папе, кто должен быть кардиналами; контролировать образование в своих собственных владениях; определять законы и правила, касающиеся браков и брачного распорядка, и устанавливать конституции других стран. те религиозные ордена, существование которых они были готовы терпеть.

К сожалению, в своих планах передать церковную юрисдикцию от пап короне принцам благоволили многие епископы, которых раздражало постоянное вмешательство Рима и которые не понимали, что король представлял гораздо большую опасность для их независимости, чем папа; большая группа священнослужителей и мирян, которые искали продвижения в гражданской власти; янсенисты, которые ненавидели Рим, потому что Рим преградил путь спекулятивной и практической религиозной революции, которую они замыслили; философы и рационалисты, многие из которых, хотя и считали, что король представляет гораздо большую опасность для их независимости. враги абсолютного правления не преминули признать, что споры между Церковью и государством, неизбежно ведущие к ослаблению церковного авторитета, означали ослабление догматического христианства; и либерально настроенными католиками школы / Aufklärung /, которые считали, что каждый удар, нанесенный Риму, означал удар, нанесенный политике модернизации дисциплины, управления и веры Церкви. Восемнадцатый век был периодом перехода от политико-религиозных взглядов средневековья к взглядам нового времени. Это был период конфликта между двумя представлениями об отношениях, которые должны существовать между Церковью и государством. Папы были призваны защищать на самом деле не свое право вмешиваться в мирские дела, поскольку об этом не могло быть и речи, а свое право осуществлять контроль в чисто духовных делах. Необходимо иметь это в виду, если кто-то хочет оценить политику тех, на кого была возложена ужасная ответственность за управление Церковью в течение ста пятидесяти лет, прошедших между Вестфальским миром и началом Французской революции.

На конклаве, последовавшем за смертью Иннокентия X., был избран кардинал Киджи, который был нунцием в Кельне, чрезвычайным посланником Святого Престола во время переговоров, завершившихся Вестфальским миром, а затем государственным секретарем и принял титул Александра VII.[1] (1655-67). Сначала люди радовались, потому что новый папа показал себя таким решительным противником кумовства, которое омрачало славу стольких его предшественников, но по просьбе иностранных послов и с одобрения кардиналов он через некоторое время изменил свою политику, привез некоторых своих родственников в Рим и позволил им оказывать слишком большое влияние. Его избранию воспротивился кардинал Мазарини от имени Франции, и на протяжении всего своего правления он был обречен жестоко страдать от недружественных и своевольных действий Людовика XIV, который направил армию в Папскую область, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное его послу, герцогу де Креки, и заставил папу подписать позорный Пизанский мир (1664). Александр VII. осудил янсенистское различие между законом и фактом Буллой / Ad Sanctam Petri Sedem / (1665), для обеспечения соблюдения которой он составил формуляр веры, который должен быть подписан французским духовенством и религиозными деятелями. Он соблюдал нейтралитет в спорах между Испанией

и Португалией, добился возвращения иезуитов в Венецию и приветствовал в Риме королеву Швеции Кристину, которая отказалась от лютеранства, чтобы вернуться в католическую церковь.

Его преемник, кардинал Роспильози, бывший нунций в Мадриде и государственный секретарь, был провозглашен папой Климентом IX (1667-69). Он был глубоко религиозен, щедр в пожертвованиях бедным и больницам и не испытывал никакой чрезмерной привязанности к своим родственникам. Он положил конец религиозным беспорядкам, царившим в Португалии с 1648 года, когда эта страна отделилась от Испании, с которой была объединена с 1580 года, и провозгласил герцога Браганса королем под титулом Иоанна IV. Ситуация достигла такого кризиса, что многие епископства в Португалии и португальских колониях остались вакантными. В 1668 году после заключения Лиссабонского мира папа назначил тех, кто был выдвинут на вакантные кафедры. Обманутый ложными заверениями, сделанными ему из Франции, он восстановил французских епископов, которые публично придерживались различия между законом и фактом. Он предложил щедрую помощь Венеции, особенно в ее защите Крита от турок. Во время своего правления он канонизировал Марию Магдалину де Пацци и Петра из Алькантары.

О смерти Климента IX. кардиналы сначала не могли прийти к согласию ни по одному кандидату, но в конце концов в качестве компромисса они избрали, во многом против его собственной воли, кардинала Алтьери, в то время восьмидесятилетнего старика.[2] Он был провозглашен Климентом X. (1670-76). Не имея возможности вести много дел самостоятельно, он слишком многое оставлял в руках других, особенно кардинала Паолуцци. Он поощрял поляков и помогал им в их борьбе против турок и сопротивлялся требованиям Людовика XIV. что касается /Регалий/. Он причислил к лику святых Джона Каэтана, Филиппа Бенитиуса, Франциска Борджиа, Луи Бертрана и Розу Лимскую.

На конклаве, последовавшем за кончиной Климента X. кардинал Одескальки, против которого Франция ранее воспользовалась правом вето, был избран и принял имя Иннокентий XI.[3] (1676-1689). Он был ревностен к религии, милосерден к бедным, экономичен и осмотрителен в управлении Папской областью, стремился к улучшению духовного образования и был решительным противником всего, что отдавало кумовством. Все его правление было омрачено наглыми и властными требованиями Людовика XIV. в отношении /Регалий/, права убежища и Декларации французского духовенства (1682 г.), но Иннокентий XI сохранял твердую позицию, несмотря на угрозы короля и преступную слабость французских епископов. Он призвал Иоанна Собеского, короля Польши, взяться за оружие против турок, осадивших Вену, и внес щедрый вклад, чтобы помочь Венгрии противостоять этим захватчикам.

После короткого и отнюдь не славного правления Александра VIII. (Кардинал Оттобони, 1689-91), кардиналы разделились на две партии: французскую и испано-австрийскую. Когда конклав продолжался пять месяцев без какого-либо результата, они, наконец, согласились избрать компромиссного кандидата (кардинала Пиньятелли), который взял имя Иннокентий XII (1691-1700). Во всех отношениях он показал себя достойным своего священного сана. Кумовство было осуждено в Булле /*Romanum Decet Pontificum* /, были приняты лучшие меры для отправления правосудия во всей Папской области; споры с Людовиком XIV. что касается Декларации французского духовенства, то она была урегулирована, когда епископы, подписавшие эти статьи, выразили сожаление по поводу своего поведения (1693 г.); и были осуждены несколько

положений, взятых из "Максим" Фенелона. Папа был вовлечен в серьезный спор с императором Леопольдом I. относительно права убежища, предоставленного императорскому посольству в Риме, и агрессивной политики Мартиница, имперского посла. В результате этой ссоры папа, не посоветовавшись с Карлом II Испанским, у которого не было наследников, поддержал притязания Филиппа, герцога Анжуйского (Филиппа V), на трон Испании, отдав предпочтение сыну императора эрцгерцогу Карлу.

В конклаве, собравшемся после смерти Иннокентия XII. большинство кардиналов отдали предпочтение кардиналу Марискотти, но, поскольку Франция наложила вето на его избрание, они сосредоточили свои голоса на кардинале Альбани. В течение трех дней он отказывался принять обременительную должность, но, наконец, уступил искренним мольбам кардиналов и позволил провозгласить себя Климентом XI.[4] (1700-21). Его избрание было встречено с одобрением в Риме, в Италии и во всем католическом мире. Он был человеком великой святости жизни, преданным молитве и труду, который подавал пример другим, регулярно проповедуя и слушая исповеди в соборе Святого Петра. Пока он был папой, при папском дворе не было опасности кумовства и не было перспектив для недостойных или жадных чиновников в папских государствах. На протяжении всего своего правления он был вовлечен в споры с католическими державами. Смерть Карла II Испанского привела к конфликту между Людовиком XIV, который претендовал на корону для своего внука Филиппа Анжуйского (Филиппа V.), и императором Леопольдом I., который поддерживал дело своего сына, эрцгерцога Карла III. Климент XI поначалу пытался сохранять нейтралитет, но поскольку Филипп был коронован и, по-видимому, утвердился на троне Испании, папа был вынужден признать его. Этот поступок нанес большое оскорбление Леопольду I. и его преемнику Джозефу I., который в ответ вмешался в церковные дела и направил армию против Папской области. Климент XI., брошенный Людовиком XIV. и Филиппом V. был вынужден примириться с императором и признать Карла III. королем Испании. Немедленно Людовик XIV. и Филипп V. ополчились против папы римского. Нунций был уволен из Мадрида, и отношения между Испанией и Римом были прерваны на длительный период; папские представители были исключены из переговоров, предшествовавших Утрехтскому миру (1713); а феодальными территориями Святого Престола распоряжались без согласования с пожеланиями папы римского, Сицилия была передана Виктору Амадею Савойскому (1675-1713), с которым был связан Климент XI. тогда был серьезный конфликт.

Чтобы положить конец трудностям с иностранными епископами, которые осуществляли юрисдикцию на части его территории, герцог Савойский потребовал полных прав выдвижения кандидатур на епископские кафедры. Когда это требование было отклонено, он отозвал своего посла из Рима (1701 г.) и взял на себя управление церковными делами. Он назначил администратора, отвечающего за доходы вакантных кафедр, ввел в действие надпись "Королевское место" в епископальных и папских документах и запретил публикацию римских нареканий (1710). Было достигнуто частичное соглашение, когда королевский администратор согласился принять его назначение от папы римского, но передача Сицилии герцогу Савойскому привела к новой и более серьезной ссоре. Последний попытался возродить привилегии, известные как Сицилийская монархия, которые ранее предоставлялись правителю Сицилии. Папа отказался признать эти претензии, и поскольку король оставался упрямым, ничего не оставалось, как наложить на остров интердикт. В ответ на это король изгнал тех священников, которые соблюдали интердикт. Такое положение дел сохранялось до тех пор, пока Сицилия не перешла в руки короля Испании (1718).

Турки снова проявили активность и угрожали Европе с суши и моря. Климент XI. отправил щедрые припасы Венеции для оснащения ее флота, поощрил польского короля Станислава Августа, присоединившегося к католической церкви, предоставил десятину с церковной собственности, чтобы помочь ему в борьбе, и разрешил Филиппу V Испанскому часть доходов, полученных от бенефиций в Испании и в испано-американских колониях, при условии, что испанский флот будет отправлен в Средиземное море для участия в войне против Турции. Победы принца Евгения (1716-18) нанесли серьезный удар по власти султана, но испанский флот вместо помощи христианским силам был использован для захвата Сардинии у императора. Как свидетельство трудного положения Климента XI. перед лицом европейских держав достаточно указать на тот факт, что в тот или иной период его правления его нунции были изгнаны из Вены, Турина, Мадрида и Неаполя.

Последовавший конклав был, как и следовало ожидать, бурным; но в конце концов кардинал Конти, который был нунцием в Люцерне и Лиссабоне, был избран и принял в качестве своего титула Иннокентия XIII (1721-24). Он даровал Неаполитанское королевство императору, который, в свою очередь, не посоветовавшись с папой Римским, пожаловал папские вотчины Парму и Пьяченцу принцу Франции Карлу. Был восстановлен мир между Святым Престолом и Испанией (1723), и Иннокентий XIII, весьма неохотно уступая настойчивым требованиям Франции, пожаловал кардинальскую шапку премьер-министру Дюбуа.

Его преемником был Бенедикт XIII (1724-30). Кардинал Орсини, как он был известен до своего избрания, принадлежал к Доминиканскому ордену и на момент проведения конклава занимал архиепископство Беневенто. Как архиепископ он был самым ревностным в управлении своей епархией, а как папа придерживался той же строгой простой жизни, к которой привык, будучи монахом-доминиканцем. Он заключил мир с императором, предоставив ему практически все права, предусмотренные Сицилийской монархией, оставив за Святым Престолом только окончательное решение важных дел (1728), и с королем Савойи, признав его титул над Сардинией и предоставив ему право назначения епископом на острове. С требованием короля Португалии Иоанна, а именно, чтобы Португалия пользовалась привилегией представлять кандидатов для назначения в коллегию кардиналов Бенедикта XIII. отказался подчиниться, и, как следствие, португальский посол был отозван из Рима, а связь со Святым Престолом была прервана. Продление праздника Григория VII. (Гильдебранд) всей Церкви нанес большое оскорбление многим правителям, как католическим, так и протестантским, поскольку такой шаг был истолкован как прямой вызов новым теориям светского вмешательства в церковные дела. Бенедикт XIII. был святым правителем, единственным несчастьем которого было то, что он слишком полагался на недостойных советников, таких как кардинал Коссия и кардинал Леркари, которые обманули его в своих переговорах с правительствами Европы и в управлении Папской областью. Восстание против этих людей вспыхнуло в Риме, когда известие о смерти папы стало достоянием общественности. Кардинал Коссия был лишен сана и заключен в тюрьму, в то время как многие его соратники и подчиненные были наказаны не менее сурово.

Кардинал Корсини, сменивший Климента XII (1730-1740), столкнулся с очень сложной ситуацией в Риме и Папской области. Казна была пуста, финансы находились в беспорядке, и недовольство было всеобщим. Папа, хотя и был очень старым, хрупким и почти полностью слепым, проявил удивительную энергию и административные способности. Финансовые дела правительства были поставлены на надлежащую основу. Вместо дефицита вскоре образовался профицит, который был потрачен на благоустройство города, открытие порта Анкона, а также на

осушение и мелиорацию болот. Как и его предшественники, Климент XII. много пострадал от католических правителей Европы. Он был вовлечен в ссору с королем Савойи из-за того, что пытался ограничить привилегии, которые были предоставлены этому монарху его предшественником. Король Испании Филипп V. потребовал, чтобы папа возложил кардинальскую шапку вместе с архиепископствами Севильи и Толедо на его сына, которому тогда было всего девять лет. Папа попытался удовлетворить короля, предоставив временное управление Толедо до тех пор, пока мальчик не достигнет канонического возраста для получения орденов (1735), но из-за нападения на испанского посла в Риме во время народных волнений суды Неаполя и Мадрида уволили папского посла и разорвали отношения со Святым Престолом. Мир, однако, был восстановлен с Испанией в 1737 году, а с Неаполем в следующем году. Климент XII. осудил масонов (1738). Он причислил к лику святых Винсента де Поля, Джона Фрэнсиса Реджиса и Джулиану Фальконьери.

Последовавший за этим конклав длился шесть месяцев, прежде чем кто-либо из кандидатов смог набрать требуемое большинство голосов. Наконец кардинал Ламбертини был избран и провозглашен под титулом Бенедикта XIV.[5] (1740-58). Во многих отношениях, но особенно как ученый и писатель, он может рассматриваться как один из величайших пап современности. Он родился в 1675 году, получил образование в Риме и Болонье, и даже в очень юном возрасте на него смотрели как на ведущего специалиста по каноническому праву и теологии. Он неуклонно поднимался с должности на должность в Риме, пока, наконец, не стал кардиналом и архиепископом Болоньи. Как архиепископ он наиболее успешно справлялся со всеми обязанностями, которые относились к его должности. Он регулярно проводил епархиальные синоды, посещал самые отдаленные приходы своей епархии, следил за образованием своих студентов-священнослужителей, для которых составил новый план обучения, и, прежде всего, стремился поддерживать самые дружеские отношения как со священниками, так и с людьми. Но, несмотря на свои служебные заботы, он находил время для продолжения учебы и подготовки ученых томов по каноническому праву, теологии и истории, которые поставили его в ряд ведущих ученых своего времени.

Он также не изменил своей политики или образа жизни после избрания на папский престол. Бенедикт XIV. был убежден, что более качественная подготовка помогла бы усилить влияние духовенства и позволила бы им более успешно бороться с растущим духом неверия. Поэтому он стремился внедрить в колледжи более современные методы обучения. Он основал четыре академии: одну для христианской археологии, одну для канонического права, одну для истории Церкви и одну для специального изучения истории Соборов. Он всячески поощрял священников, желавших посвятить себя литературным занятиям, и лично показал, как много можно сделать в этом направлении, не пренебрегая своим долгом. Его инструкции и энциклики представляли собой ученые трактаты, в которых ни один аспект предмета, которым он занимался, не был обойден вниманием. Его указы о браке, особенно о смешанных браках (/ *Magnae Nobis admirationis* /, 1748), о покаянии и о восточных обрядах имели жизненно важное значение. Как до, так и после своего восшествия на папский престол он опубликовал множество ученых трудов, наиболее важными из которых были / Церковные институты/, /Епархиальный синод /, / Служение беатификации и канонизации блаженных /, / Тезаурус резолюции Священного собрания/ и /Казус совести /.

В его администрации Папского государства Бенедикт XIV. был не менее успешным. Огромные расходы, понесенные его предшественником, истощили папскую казну, но планы сокращения

расходов были претворены в жизнь Бенедиктом XIV. добился таких хороших результатов, что через несколько лет появились деньги для развития сельского хозяйства, промышленности и торговли. В отношениях с гражданскими правителями Европы ему предстояла трудная роль. Убежденный в том, что споры между гражданской и церковной властью приводят лишь к продвижению замыслов врагов религии, он был полон решимости пойти на самые крайние уступки ради мира и гармонии. По крайней мере, на какое-то время ему удалось добиться частичного примирения, и если бы его предложения были встречены в надлежащем духе, возможно, было бы достигнуто рабочее соглашение, которое позволило бы обеим державам объединиться против сил, действующих ради свержения Церкви и государства.

Титул короля Пруссии, принятый курфюрстом Бранденбургским, был признан папой римским; с Португалией был заключен мир путем предоставления короне прав патронажа над епископствами и аббатствами (1740), и в качестве печати этого примирения королю Португалии был дарован титул / *Rex Fidelissimus*/. С туринским двором у папы возникли еще большие трудности, но было достигнуто соглашение, согласно которому король должен был иметь право назначать церковные бенефиции; иностранные епископы, имеющие юрисдикцию на территории Савойи, должны были назначать генеральных викариев для управления этими частями своих епархий, а назначенный королем администратор вакантных бенефиций должен был действовать в качестве заместителя папы (1741). С Испанией официальный конкордат был заключен в 1753 году. Спор в Неаполе относительно Сицилийской монархии был урегулирован путем назначения смешанного трибунала, состоящего из мирян и священнослужителей, под председательством священнослужителя для урегулирования церковных дел. Решение папы о том, что только те, кто публично отказался принять папское осуждение янсенизма, должны быть исключены из причастий, помогло значительно облегчить ситуацию во Франции. Он осудил масонов (1751) и сократил количество праздничных дней в Испании в 1742 году и в Австрии, Тоскане и Неаполе в 1748 году.

Его преемник Климент XIII (1758-69) оказался в особенно несчастливом положении. Несмотря на дружественную политику, проводимую Бенедиктом XIV. по отношению к гражданским правителям, или, как сказали бы некоторые, в результате уступок, на которые он пошел, их требования стали еще более непомерными. Рационалисты, либеральные католики, янсенисты и масоны объединили свои силы для грандиозной атаки на Общество Иисуса, подавление которого они были полны решимости обеспечить. Раскаты бури были слышны еще до смерти Бенедикта XIV. Его преемник, который испытывал величайшее восхищение перед иезуитами, мужественно стоял на стороне Общества и отказался уступить угрозам правителей Бурбонов, жаждавших его уничтожения. Его внезапная смерть была не без оснований объяснена ультиматумом с требованием немедленного подавления деятельности иезуитов, адресованным ему послами Франции, Испании и Неаполя.

На конклаве кардиналы разделились на две партии: / *Зеланти*/, которые выступали за сопротивление требованиям гражданских правителей, и умеренных людей, которые поддерживали политику примирения. Представители Франции, Испании, Португалии и Неаполя сделали все возможное, чтобы помешать избранию а / *Зеланти*/, и право вето было использовано с таким эффектом, что выбор кардиналов в конце концов был ограничен всего тремя или четырьмя. Были высказаны угрозы, что, если кандидат будет избран вопреки воле бурбонов, Рим может быть оккупирован иностранными войсками и новому папе может быть отказано в повиновении. В конце концов монах-францисканец, кардинал Ганганелли, который

не был крайним сторонником ни одной из партий среди кардиналов, получил требуемое большинство голосов и был провозглашен Климентом XIV (1769-74). Новый папа не был недружелюбен к иезуитам, и у него не было никаких доказательств, которые могли бы побудить его отменить весьма благоприятное решение, вынесенное в их пользу его непосредственным предшественником. Он попытался предотвратить бурю, пойдя на щедрые уступки бурбонам и Португалии, заняв недружественную позицию по отношению к Обществу и предложив внести серьезные изменения в его конституцию. Но эти промежуточные меры не смогли положить конец волнениям, и, наконец, Климент XIV. оказался вынужден сделать свой выбор между подавлением и расколом. В сложившихся обстоятельствах он считал лучшим ради мира пожертвовать Обществом (1773), но вскоре он понял, что мир не может быть достигнут даже такой жертвой. Его слабость привела лишь к еще более невыносимым требованиям со стороны Франции, Испании и Неаполя.

Кардиналам, собравшимся на конклав после его смерти, было трудно прийти к согласию по какому-либо кандидату, но, наконец, после конклава, длившегося более четырех месяцев, они избрали кардинала Браски, который принял титул Пия VI.[6] (1775-99). Новый папа был ревностным священнослужителем, стремившимся продвигать политику примирения, но непоколебимым, как скала, когда вставал вопрос об основных правах Церкви. Он мужественно противостоял февронианской политике Иосифа II. и князей-епископов Германии и осудил декреты Синода Пистойи (1794). Он стремился поддерживать дружественные отношения с Португалией, Испанией, Неаполем и Сардинией, хотя старая политика государственного превосходства все еще была руководящим принципом правителей и политиков. Буря, которая собиралась годами, разразилась над Европой в последние годы его правления; трон Бурбонов во Франции был свергнут, и никто не мог предсказать, когда подобная участь постигнет другие королевские семьи Европы. Пий VI, хотя и не отказывался признать новый порядок, был суров в своем отказе разрешить изменение устава Церкви. По этой причине его столица была оккупирована, кардиналы разогнаны, а сам он был доставлен в качестве пленника в Валенсию, где и умер в изгнании (1799). Враги религии не могли скрыть своего восторга. Они торжествующе объявили, что с его приходом долгая линия Петра прекратила свое существование, но конклав в Венеции и избрание Пия VII (1800) вскоре показали миру, что, хотя королевства и династии могут исчезнуть, папство все еще выживает, как и предсказывал Христос.

[1] Pallavicini, /Vita de Alessandro VII./, 1849.

[2] Де Бильдт, /Конклав Клемента X./, 1905.

[3] Bonamici, /Da Vita Innocenti XI./, 1776.

[4] Lafiteau, /Vie de Clement XI./, 1752.

[5] /Benedicti XIV. Оперы/, 17 т., 1839-46. Heiner, /Opera inedita/, 1904. Guarnacci, /Vie du Pape Benoit XIV./, 1783.

[6] Ferrari, /Vita Pii VI./, 1802. Bourgoing, /Memoires historiques et philosophiques sur Pie VI. et son pontificat/, 1800.

ГЛАВА X

БОГОСЛОВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ.

См. библиографию, глава vi (g). Aubry, /La Methode des etudes ecclesiastiques dans nos seminaires depuis le concile de Trente/, 1900. Picot, /Essai historique sur l'influence de la religion en France/, 1824. Joly, /Les moralistes francais du XVIIe, XVIIIe, et XIXe siecles/, 1900. Andres, /Dell'origine, progressi, e stato attuale di ogni letteratura/, 1843. Backer-Sommervogel, /Bibliotheque des ecrivains de la compagnie de Jesus/, 1890-98. Feret, /La faculte de theologie de Paris. Epoque moderne/ (vii.), 1910. Quetif-Echard, /Scriptores Ord. Praedicatorum/.

Великое богословское возрождение, начавшееся с Тридентского собора и давшее о себе знать в латинских странах, постепенно угасло, за которым в восемнадцатом веке последовал период упадка. Такие ученые, как Беллармин, Де Луго и Суарес, ушли из жизни, не оставив после себя никого, достойного занять их место. За исключением области церковной истории и исторического богословия, вся тенденция была направлена вниз.

Основными причинами, проложившими путь к этому всеобщему упадку, были распространение галликанизма и янсенизма с последующей тратой энергии, к которой привели эти споры, состояние летаргии, вызванное порабощением Церкви, уход студентов-священнослужителей, подавление Общества Иисуса и отказ от схоластической системы философии в пользу причуд Декарта или школы Лейбница-Вольфа в Германии.

Подъем рационалистической школы во Франции, угрожавший самим основам христианства, потребовал деятельности новой группы апологетов, которые сделали бы для христианства в восемнадцатом веке то, что было сделано для него против языческих философов древности такими людьми, как Юстин Мученик и Лактанций. Однако, к сожалению, хотя в то время было создано много хороших произведений, лишь немногие из них, если вообще какие-либо, могли претендовать на литературное очарование или силу выражения, которые характеризовали произведения врагов религии. Главными апологетами Франции в этот период были /Юэ/ (ум. 1721), /Соммье/ (ум. 1737), оратор /Хотвиль/ (ум. 1742), /Балтиус, С.Дж./ (ум. 1743), /Пуль/, профессор Безансонского университета (ум. 1775), /Бержье/, один из самых выдающихся учеников Пуля (ум. 1790), /Гени/ (ум. 1803), способный оппонент Вольтера, и /Феллер, С.Дж./ (ум. в 1802 г.), чьи /Философский катехизис/ и /Исторический словарь/ пользовались широкой популярностью еще долгое время после смерти писателя.

В догматическом богословии ведущими представителями томистской школы, без сомнения, были /Винсент Луи Готти/ (1664-1742) и /Шарль Рене Биллеар/ (1685-1757). Первый из них родился в Болонье, в раннем возрасте поступил в доминиканский послушничество, был автором нескольких полемических сочинений, направленных против лютеран и кальвинистов, и получил титул кардинала (1728). Благодаря своим способностям, благоразумию и святости жизни он оказывал замечательное влияние как внутри своего ордена, так и за его пределами во Франции, настолько сильное, что на конклаве 1740 года его избрание на папский престол было одобрено большим количеством его коллег. Величайшим трудом кардинала Готти был его комментарий к святому Фоме, озаглавленный "Theologia Scholastico-Dogmatica iuxta mentem D. Thomae" (1727-1735). /Биллеарт/ родился в Арденнах в Бельгии, и по завершении своих классических исследований он стал послушником в доминиканском монастыре в Лилле. За те годы, в течение которых он занимал несколько должностей в доминиканских домах в Бельгии,

его способности писателя, профессора и проповедника привлекли к себе столько внимания, что по ходатайству коллег Биллюара в Дуэ генерал ордена решил доверить ему работу по подготовке исчерпывающего и авторитетного комментария к "Сумме" Святого Фомы. После пяти лет напряженной работы издание было завершено и вышло в свет в Льеже в девятнадцати томах[1] (1746-51). Сборник был выпущен в 1754 году.

Наиболее известным и способным представителем теологической системы Дунса Скота был / Клод Фрассен/ (1621-1711). Он родился в Перонне, присоединился к францисканцам и был отправлен в Париж, где в течение многих лет преподавал теологию. Его великим трудом является "*Scotus Academicus*", комментарий или объяснение теологической системы Дунса Скота. Как благодаря точному изложению взглядов Скотта, так и благодаря превосходному методу и стилю, в которых он написан, это произведение пользовалось и пользуется значительной репутацией.[2] Из богословов августинской школы двумя наиболее известными были / Лоренцо Берти / (1696-1766), чьи / *De Theologies Disciplinis* / (1739-45) привели к обвинению в янсенизме, с автора которого был снят вердикт Бенедикта XIV., и / кардинал Норрис / (1631-1704), долгое время профессор церковной истории в Университете Падуи, против книг которого, / *Historia Pelagiana* / и / *Vindiciae Augustanae* /, запрет был наложен испанской инквизицией, но отменен после обращения к Бенедикту XIV.

Бесконечные споры, вызванные янсенизмом, подорвали репутацию Сорбонны. Величайшим представителем этого центра богословского образования того периода был /Оноре Турнели/, непоколебимый противник янсенизма, чья / *Praelectiones Theologicae*/ (1738-40) считалась одним из важнейших произведений того времени. В защиту Святого Престола от нападок Феврония величайшими писателями были / Заккария/ (1714-1895), который много писал по теологии, церковной истории и каноническому праву; / Альфонсо Муццарелли/ (1749-1813), доминиканец, /кардинал Орси/ (1693-1761) и / кардинал Гердил/ (1718-1802), которого избрали папой после смерти Пия VI. на это было наложено вето императором. / *Theologia Wirceburgensis*/, опубликованная иезуитами Вюрцбурга (1766-71), содержала полное и мастерское изложение всего богословского курса.

Хотя Биллюарт и многие его современники, следуя по стопам святого Фомы, занимались как догматическим, так и моральным богословием, тенденция рассматривать последнее как отдельный раздел и уделять больше внимания тому, что можно назвать казуистической стороной морального богословия, стала более заметной. В определенной степени, по крайней мере в руководствах, предназначенных для использования духовенством, такой метод стал необходимым из-за частого и более всеобъемлющего характера исповедей. Тем не менее, это дало некоторое очевидное оправдание нападкам янсенистов, которые думали, что они обнаружили в новом методе деградацию теологии, разрыв между религией и казуистикой и возврат к нечестивому расщеплению волос фарисеев.

Тесно связанным с оппозицией новому методу, принятому теологами-моралистами, был спор о вероятности, разделявший школы на протяжении большей части семнадцатого и восемнадцатого веков. При практическом решении сомнительных обязательств вероятностный подход применялся веками, но только к концу шестнадцатого века доминиканец Де Медина сформулировал этот принцип определенно. Она была немедленно принята значительной частью иезуитов, а также почти всеми авторами по моральному богословию. Янсенисты, однако, в своем стремлении нанести ущерб репутации своих оппонентов-иезуитов обвинили их

в том, что они внедрили эту новую и расплывчатую систему морали с целью удовлетворения порочных вкусов своих дегенеративных клиентов, и это обвинение, изложенное их оппонентами в популярном и красноречивом стиле, произвело явно неблагоприятное впечатление на общество. Осуждение вероятностного подхода Лувенским университетом (1655) и протест, поднятый против него партией ригористов, побудили большинство религиозных орденов и светское духовенство отказаться от этой системы. Два инцидента, произошедших вскоре после этого, помогли укрепить антипробабилистскую партию. Одним из них было осуждение Святым Престолом некоторых весьма слабых принципов, выдвинутых некоторыми теологами, называвшими себя вероятностниками (1679), а другим было решение, принятое Иннокентием XI.[3] в деле о защите вероятностного подхода, написанном Тирсусом Гонсалесом (1624-1705), впоследствии генералом ордена иезуитов. Его начальство отказало ему в разрешении опубликовать свою работу, и после обращения к папе Римскому этот запрет был снят (1680). Но хотя папа, безусловно, одобрял вероятностный подход, не ясно, давало ли его решение какое-либо практическое подтверждение этому мнению. Ригоризму был нанесен серьезный удар осуждением, вынесенным Александром VIII (1690), и, в конце концов, влияние и труды св. Альфонс положил конец обеим крайностям.

Среди великих богословов того времени были иезуит / Лакруа / (1652-1714), / Поль Габриэль Антуан, С.Дж. / (1679-1743), профессор иезуитского колледжа Понт-а-Муссон, / Биллуарт / (1685-1757), /Евсевий Аморт / (1692-1775) и / Салмантикенсес/, иезуитские авторы серии книг по моральному богословию, начатой в Саламанке в 1665 году. Но, безусловно, самым замечательным писателем по моральному богословию XVIII века был святой Альфонс де Лигуори[4] (1697-1787), основатель редемптористов. Святой, ученый и миссионер-практик, обладающий долгим и разнообразным опытом попечения о душах, он лучше большинства своих современников понимал, как справедливо балансировать на весах между распущенностью и ригоризмом. Хотя в его время его взгляды подвергались достаточно суровым нападкам, они нашли одобрение у большого числа богословов, а одобрение, оказанное им Церковью, помогло положить конец ригористическим взглядам, которые оставались даже после того, как их янсенистское происхождение было забыто.

Распространение индифферентистских или рационалистических теорий не могло не ослабить почтения, которое прививали ранние реформаторы к Библии как единственному источнику Божьего откровения людям. Действуя в соответствии с принципом Лютера о личном суждении, другие, независимо от их вдохновения и непогрешимости, взялись подчинить Священные Писания авторитету человеческого разума. Фауст Социнус (1539-1604), один из основателей секты социнянцев, настаивал на том, что все в Священных Писаниях, что кажется противоречащим разуму, не могло исходить от Бога и должно быть устранено. В течение некоторого времени, пока религиозный пыл был на пике, и лютеране, и кальвинисты твердо придерживались своих религиозных формул и отказывались принимать библейские взгляды Социна. Но как только догматическая религия подверглась нападкам новой философско-рационалистической школы в Англии, Германии и Франции, был подготовлен путь для принятия более либеральных взглядов. С одной стороны, многие крайние противники христианства стремились указать на ошибки Библии как на доказательство того, что она не могла исходить от Бога, в то время как, с другой стороны, многие протестантские ученые, которые все еще придерживались божественного христианского откровения, пытались исключить из нее сверхъестественное, не отвергая открыто авторитет Священных Писаний.

Именно с этой целью Якоб Семлер (1725-1791) сформулировал Теорию приспособления, согласно которой Христос и Его апостолы приспособляли свои действия и свой язык к ошибочным представлениям, распространенным среди евреев в то время, и по этой причине все, что граничило с таинственным, следует рассматривать просто как капитуляцию перед современными суевериями. Другой метод прийти к подобному выводу был взят на вооружение Кантом, который утверждал, что Библия была написана только для того, чтобы прививать мораль и укреплять нравственное чувство человека, и что все, что в ней записано, должно быть истолковано разумом в свете цели, которую имели в виду ее авторы.

С такими либеральными теориями об авторитете и богодухновенности Священных Писаний, витавшими в воздухе, было почти невозможно, чтобы католические экзегеты смогли избежать заражения. Один из самых способных католических писателей того времени, французский оратор Ричард Симон (1638-1712), был обвинен современниками в том, что в своих теориях Священного Писания он слишком близко подошел к рационалистической системе. Он был человеком, хорошо разбиравшимся в восточных языках и вполне способным оценить литературные и исторические трудности, которые могли быть выдвинуты против богодухновенности и непогрешимости Ветхого Завета. Он утверждал, что Библия - это литературное произведение и что как таковое ее следует интерпретировать в соответствии с идеями и методами составления, распространенными в стране или в то время, когда были написаны различные книги. Его взгляды были изложены в его / Историческая критика Старого завета / (1678) и его / Историческая критика текста Нового завета / (1689), оба из которых, хотя и были несомненно хорошими работами, которые с тех пор значительно повлияли на изучение Священных Писаний среди католиков, подверглись суровой критике и были осуждены Конгрегацией Индекса.

Другой французский оратор того периода, / Бернар Лами/ (1640-1715), рассматривал введение в Священное Писание в своих двух книгах / Apparatus ad Bibliia Sacra/ (1687) и / Apparatus Biblicus/ (1696). Будучи профессором философии, Лами уже вызвал сильную оппозицию из-за своей очевидной склонности к картезианству, и он не был менее несчастлив в своих исследованиях Священного Писания. Он поставил под сомнение исторический характер повествований, содержащихся в книгах Товии и Юдифи, и утверждал, что, несмотря на постановления Тридентского собора, второканоническим книгам Библии следует приписывать меньший авторитет, чем протоканоническим.

Среди ведущих комментаторов Священного Писания были / Ле Местр де Сачи / (ум. в 1684 г.), янсенист, опубликовавший переводы Ветхого и Нового Заветов, последний из которых был внесен в Указатель; / Пиконио / (Анри Бернардин де Пиквиньи, 1633-1709) капуцин, чье / Подробное изложение в Священном Писании Д.Н. Иисуса Христа Евангелия/ (1726) не превзойдено до наших дней; / Луи де Карьер / (1622-1717), чья / La Sainte Bible en Francais avec un commentaire litteral/, основанная на переводе Де Сачи, была признана одним из самых простых и лучших комментариев к Священному Писанию; / Шарль Франсуа Хубиган/ (1686-1783), также оратор, опубликовавший издание еврейской Библии и греческий текст второканонических книг вместе с Прологоменами, и / Дом Кальмет / (1672-1757), бенедиктинец, опубликовавший в двадцати трех томах комментариев к Священному Писанию. Ветхий и Новый Завет, сопровождаемый введением к различным книгам (1707 - 1716).

Ни в одной области богословской науки в семнадцатом и восемнадцатом веках не было достигнуто большего прогресса, чем в области церковной истории и исторического богословия. Это произошло во многом благодаря трудам и примеру бенедиктинцев Сент-Мора. Мужчинам нравятся /Люк д'Ашери/ (1609-1685), /Стефан Балюз/ (1630-1718), /Жан Мабилон/ (1632-1704), /Эдмон Мартене/ (1654-1739), /Рюинар/ (1657- 1709), /Муратори/ (1672-1750), /Буке/ (1685-1754), /Жан Хардуэн, С.Дж./ (1646-1729), /Доменико Манси/ (1692-1769), а востоковеды Джозеф / Симеон Ассемани / (1687-1768) и его брат / Джозеф Алоизиус / (1710-82) заложили основы современных исторических исследований, опубликовав правильные издания писателей раннего и среднего возраста и декретов различных генеральных, национальных и провинциальных советов, а также подав пример в своих собственных научных диссертациях о том, как следует использовать исторические материалы. В дополнение к публикации сборников оригинальных источников, такие работы, как "Галлия Христиана", начатая в 1715 году бенедиктинцами Сен-Мора и продолжавшаяся ими до революции, "Храм Испании", начатый августинцем Энрике Флоресом в 1747 году, и "Священная Италия" (1643-1662) Фердинанда Угелли, содержали настоящий кладезь информации для будущих историков. Из исторических писателей этого периода наиболее способными были /Луи Себастьян Ленен де Тиллемон/ (1637-1689), автор / "История шести императорских династий" и / "Мемуары на службу истории" eccl. des six premiers siecles / (1693); / Клод Флери / (1640-1725), чей великий труд "Церковная история" (посвященный периоду от Вознесения до Констанцкого собора 1414 г.) омрачен только галликанскими тенденциями его автора, и / Наталис Александр / (Ноэль Александр, 1639-1724), французский доминиканец, опубликовавший чрезвычайно ценную церковную историю под названием "Selecta Historiae Eccl. Capital / и т.д., Но который был осужден Иннокентием XI (1684) из-за заметного галликанского уклона, под которым он был составлен.

Среди наиболее известных авторитетов в области канонического права XVII и XVIII веков были / Бенедикт XIV./ (1675-1758), многие из трактатов которого считаются стандартными трудами до наших дней; / Пирхинг/ (1606-1679), иезуит, профессор Диллингена и Ингольштадта, хорошо известный как теолог и канонист; / Райффенштуэль/ (1641-1703), баварский францисканец, некоторое время профессор во Фрайзинге, автор нескольких теологических работ и непревзойденный специалист в области права. Канонист в свое время; / Ван Эспен / (1649-1728) профессор в Лувене, убежденный сторонник галликанизма и янсенизма, чей великий труд / Jus Canonicum Universum / омрачен прогалликанскими наклонностями его автора; / Шмальцгрубер / (1663-1735), баварский иезуит, профессор канонического права в Диллингене и Ингольштадте, который в дополнение к трактатам на такие темы, как судебные процессы, бракосочетания, супружество, а также регулярные и светские Духовенство, опубликовавшее труд, охватывающий все Каноническое право (/Jus Eccl. Universum/), и итальянец / Люциус Феррарис/ (ум. в 1763 г.), чья /Prompta Bibliotheca Canonica/ выдержала несколько изданий при жизни автора и неоднократно переиздавалась после его смерти (последнее издание 1899 г.).

В области священного ораторского искусства пальма первенства, несомненно, должна быть присуждена Французской церкви. /Жак-Бенинь Боссюэ/[5] (1627- 1704), во многих смыслах величайший из французских проповедников, был сыном юриста из Дижона. Даже в ранней юности он отличался знанием Библии и классических авторов. Он учился в Парижском университете и, пробыв два года под духовным образованием святого Винсента де Поля, в 1662 году был рукоположен в сан священника. Он вернулся в Мец, в соборе которого он был каноником и где его способности проповедника и полемиста вскоре привлекли внимание. Он был назначен наставником дофина Франции, должность, которую он занимал с 1670 по 1681

год, когда был рукоположен в епископа Мо. В качестве епископа он принимал участие в Собрании французского духовенства (1681-82), и, хотя сам не был таким крайним защитником галликанизма, как многие его современники, в целом ему приписывают авторство знаменитой Декларации духовенства, известной как Статьи Галликанской церкви. По приглашению Людовика XIV. он написал трактат в защиту этих статей /*Defensio Declarationis*/ и др., опубликованный после его смерти (1730). Как оратор Боссюэ намного опередил проповедников своего времени, а как писатель и полемист ему было мало равных. О его неутомимой энергии и способностях свидетельствует количество талантливых работ, вышедших из-под его пера. Из них наиболее поучительными и наиболее известными являются / *Discours sur l'histoire Universelle*/ (1681) и / *Histoire des Variations des Eglises Protestantes*/ (1688-89). Однако его недостаток твердости в отношениях с двором, побудивший его проявить сочувствие, которого он не мог испытывать в своем сердце к галликанизму, его неспособность и пальцем пошевелить, чтобы остановить разрушительное воздействие янсенизма, его недостаток рвения к духовной опеке над своей епархией, резко контрастирующий с энергией, которую он проявил, стремясь одержать личную победу над Фенелоном и другими менее известными противниками, не могут быть забыты ни одним человеком, желающим беспристрастно оценить характер Боссюэ.

/Фенелон/[6] (1651-1715), великий современник и соперник Боссюэ, в юности был отправлен для получения образования в университеты Каора и Парижа. Позже он вернулся в семинарию Сен-Сюльпис, которой тогда руководил м. Тронсон, настоятель Сульпициев, мудрым и рассудительным советам которого будущий архиепископ Камбре был глубоко обязан. После отмены Нантского эдикта его послали проповедовать гугенотам, на которых его доброта и смирение произвели гораздо более сильное впечатление, чем насилие, к которому прибегли некоторые чиновники Людовика XIV. Позже он был назначен наставником герцога Бургундского, внука Людовика XIV., для воспитания которого он сочинил "Басни, Телемак" и др., А по завершении своей работы в качестве наставника он был назначен архиепископом Камбре (1695). Едва он удостоился этой чести, как был вовлечен в спор о квиетизме, который стоил ему дружбы Боссюэ и покровительства Людовика XIV, который изгнал его из французского двора. Но Фенелон нашел в Камбре многое, что утешило его в том, чего он лишился в Париже. Во всех смыслах этого слова он проявил себя образцовым епископом, регулярно посещая свои приходы, проповедуя в своем соборе и по всей своей епархии и всегда приветливый к тем, кто вступал с ним в контакт, будь они богаты или бедны. В отличие от Боссюэ, он никогда не боялся смело выступать против янсенизма и галликанизма. Как проповедник и мастер французского литературного стиля он уступал Боссюэ, но как человек и как епископ он был несравненно выше его. В дополнение к своим работам по литературным и политическим вопросам он много писал по теологии, философии и духовной жизни.

Оппозиция схоластике, проявившаяся в трудах и преподавании стольких гуманистов, все больше усиливалась в университетах, особенно после того, как создание духовных семинарий привело к уходу из университетов значительной части студентов-священнослужителей. На протяжении веков философия и теология шли рука об руку: первая обеспечивала рациональную основу для принятия откровения, вторая обеспечивала необходимое ограничение капризов человеческой мысли. Принцип индивидуального суждения, провозглашенный ранними реформаторами и с таким энтузиазмом принятый их последователями, имел своим логическим следствием преувеличение возможностей человеческого разума в ущерб авторитету, в результате чего скептицизм, атеизм и материализм нашли одобрение в ученых кругах.

Перед лицом таких очевидных доказательств ограниченности человеческого разума и с целью сохранения тем или иным способом христианского откровения, как среди протестантских, так и среди католических ученых возникла реакция против предполагаемой непогрешимости разума. Католические философы были склонны полностью не доверять разуму и полагаться исключительно на божественный авторитет как гарантию истины. Другими словами, они приняли традиционализм, в то время как протестанты, столь же подозрительно относившиеся к разуму, провозгласили, что при оценке ценности откровения необходимо учитывать человеческую волю и чувства, а также интеллект, то есть они приняли сентиментализм.

Попытка заменить схоластику какой-либо новой философской системой породила различные школы мысли, большинство из которых в конечном счете восходят к Бэкону и Декарту, причем первый был сторонником индуктивного, а второй - дедуктивного метода. / Рене Декарт/[7] (1596-1649) родился в Турени и получил раннее образование у иезуитов. В своем желании увидеть мир своими глазами он поступил на службу солдатом в армию принца Мориса Нассауского, а позже в армию курфюрста Баварского. Он отошел от активной жизни, чтобы посвятить себя изучению математики и философии. Сначала он нашел тихое пристанище в Голландии, откуда переехал в Стокгольм по приглашению королевы Кристины. Здесь он прожил несколько месяцев и умер. На протяжении всей своей жизни Декарт оставался искренним и практичным католиком. Отложив в сторону Откровение, с которым он, по его словам, не имел дела, Декарт, применив свой принцип методического сомнения, пришел к выводу, что основа всякой достоверности лежит в предложении / *Cogito ergo sum* / (Я мыслю, следовательно, я существую). Проанализировав свои собственные представления о наиболее совершенном существе, он пришел к выводу, что Бог существует, а исходя из существования доброго и мудрого высшего Существа, которое дало людям разум, чувства и восприятие для приобретения знаний, он утверждал, что эти способности не могут ввести людей в заблуждение, и что, следовательно, истинность Бога была конечной основой уверенности.

Теории Декарта были доведены до их логического завершения теми, кто пришел ему на смену. / Блез Паскаль/[8] (1623-1662) находился под большим влиянием ложного мистицизма средневековья. Он не доверял разуму и превозносил веру как единственное средство решения проблем, которые чистый интеллектуализм решить не мог. / Арнольд Гейлинкс / (1625-1669) сначала католик, а затем кальвинист, аргументируя предположение Декарта о существовании антитезы между разумом и материей, утверждал, что, поскольку материя инертна, она не может вызывать ощущения и волевые действия, которые испытывают люди, и что, следовательно, они должны быть вызваны Богом. Другими словами, он выдвинул теорию окказионализма. Эта доктрина окказионализма как средства объяснения ощущений была расширена Мальбраншем[9] (1638-1715), студентом Сорбонны, чтобы объяснить происхождение человеческих идей. Они, утверждал он, не могли прийти извне, потому что не может быть контакта между разумом и материей; они не могли исходить от самого разума, потому что творение является атрибутом только бесконечного существа, и поэтому они должны исходить от Бога. Следовательно, согласно ему, именно в Боге или в божественной сущности мы видим все вещи (онтологизм). Если вся деятельность и все знание исходят непосредственно от Бога, то было бы вполне естественно прийти к выводу, как это сделал / Спиноза/ (1632-77), что существует только одна субстанция, наделенная двумя атрибутами мышления и протяженности (монизм, пантеизм).[10]

Из этого краткого очерка видно, что отказ от схоластической системы и разделение теологии и философии привели к догматическому хаосу и, в конечном счете, к отказу от божественного откровения. Своими нападками на старые доказательства существования Бога и мотивы доверия, акцентом, который он придавал методическому сомнению как единственному безопасному пути к уверенности, и подозрениями, высказанными им против надежности человеческого разума, Декарт невольно проложил путь скептицизму и атеизму. Хотя его система была осуждена Римом и неоднократно запрещалась Людовиком XIV. ее подхватили ораторианцы и большинство ведущих ученых Франции.

Дух восемнадцатого века был явно неблагоприятен для религиозных орденов. Рационалисты, масоны и друзья абсолютизма объединили свои усилия в противодействии созданию новых учреждений и в обеспечении подавления уже основанных домов. В Австрии, Неаполе, Испании и Франции велась ожесточенная кампания, направленная на роспуск нескольких религиозных орденов и конгрегаций или, по крайней мере, на такое изменение их правил и конституций, чтобы они оказались оторванными от Рима и подчинились власти светских правителей. Во время кампании было подавлено множество домов в Австрии и на других территориях империи, но, безусловно, величайшей победой, которой могли похвастаться ее авторы, было подавление Общества Иисуса.

Однако, несмотря на врагов Церкви, религиозные ордена удержали свои позиции, и мужи-апостолы восстали, чтобы заложить основы новых организаций, которым было суждено принять славное участие в религиозном возрождении девятнадцатого века. Одним из самых замечательных из них был святой Альфонс Мария де Лигуори^[11] (1696-1787). Он родился недалеко от Неаполя, сначала выбрал профессию юриста, но вскоре оставил адвокатуру, чтобы полностью посвятить себя Богу, и в 1726 году был рукоположен в священники. В 1732 году он заложил фундамент нового религиозного общества, Конгрегации Пресвятого Исккупителя, которое было одобрено Бенедиктом XIV в 1749 году. После отказа от различных почестей он был вынужден принять епископство Святой Агаты (1762), из которого он ушел в отставку в 1775 году, чтобы посвятить себя молитве и составлению тех духовных трактатов, которые отвели ему такое ведущее место не только как нравственному богослову, но и как мастеру аскетической жизни. В 1744 году он опубликовал свои Заметки о моральной теологии Бузенбаума, которые легли в основу его книги "Theologia Moralis", опубликованной в 1753-55 годах и выдержавшей девять изданий при его жизни. Он был объявлен преподобным (1796), канонизирован (1839) и признан Доктором Церкви (1871).

Конгрегация Пресвятого Исккупителя (редемптористы) была основана святым Альфонсом в Скала, недалеко от Амальфи, в Неаполитанском королевстве (1732) и утверждена в 1749 году. Целью его членов было подражать добродетелям и примеру Иисуса Христа, нашего Исккупителя, посвятив себя, в частности, проповеди слова Божьего бедным. Оппозиция неаполитанского премьер-министра Тануччи была источником больших неприятностей для святого основателя. После падения Тануччи святой Альфонс подумал, что представилась благоприятная возможность заручиться одобрением правительства, но его друзья предали его, вынудив принять изменение конституции / *Regolamento*/ (1779-80), которое привело к разделению между редемптористскими домами в Неаполе и домами, расположенными в Папской области. Однако в 1793 году спор был урегулирован. Общество быстро распространилось в Италии, в Германии, где его интересы защищал отец Хофбауэр, и в течение девятнадцатого века дома были открыты во всех странах Европы, Америки и Австралии.

Пассионисты[12] (Конгрегация обещанных священнослужителей Пресвятого Креста и Страстей Господних Нашего Иисуса Христа) были основаны святым Павлом Креста (1694-1775). Последний родился в Оваде близ Генуи, был рукоположен папой Бенедиктом XIII (1727), который в то же время одобрил правила, разработанные для нового общества, основал свой первый дом в Арджентаро и тем самым положил начало Конгрегации пассионистов. Новое общество получило официальную санкцию и одобрение Климента XIV (1769) и Пия VI (1775). До смерти основателя в Италии было основано несколько домов, все из которых были подавлены во время беспорядков, последовавших за Французской революцией. Конгрегация, однако, была воссоздана Пием VII (1814) и быстро распространилась в Европе, Соединенных Штатах и Южной Америке. Первый дом пассионистов в Англии был основан знаменитым отцом Домиником в Астон-Холле в Стаффордшире (1842), а первый дом в Ирландии был открыт в Маунт-Аргусе в 1856 году. -----

[1] /Сумма С. Thomas hodiernis Academiarum moribus accomodata/.

[2] Новое издание, 10 т., 1902-5.

[3] Дензингер, указ. соч., № 1219.

[4] Берта-Касл, /Житие святого Альфонса де Лигуори/, 1905.

[5] Bausset, /Histoire de Bossuet/, 4 vols., 1814. Jovy, /Etudes et recherches sur Jacques-Benigne Bossuet/, etc., 1903.

[6] Bausset, /Histoire de Fenelon/, 1809. De Broglie, /Episcopat de Фенелон/, 1884.

[7] Bouillier, /Histoire de la philosophie cartesienne/, 2 vols., 1868. Холдейн, / Декарт, Его жизнь и времена /, 1906.

[8] Giraud, /Pascal, l'homme, l'oeuvre, l'influence/, 1905. Janssens, /La philosophie et l'apologetique de Pascal/, 1896.

[9] Andre, /Vie du R. P. Malebranche/, 1886. Olle-Laprune, /La philosophie de Malebranche/, 2 vols., 1870.

[10] Ferriere, /La doctrine de Spinoza exposee et commentee/, 1899.

[11] Берта-Касл, /Житие святого Альфонса де Лигуори/, 2 тома., 1905.

[12] Святой Пий, / Жизнь святого Павла Креста/, 1868.